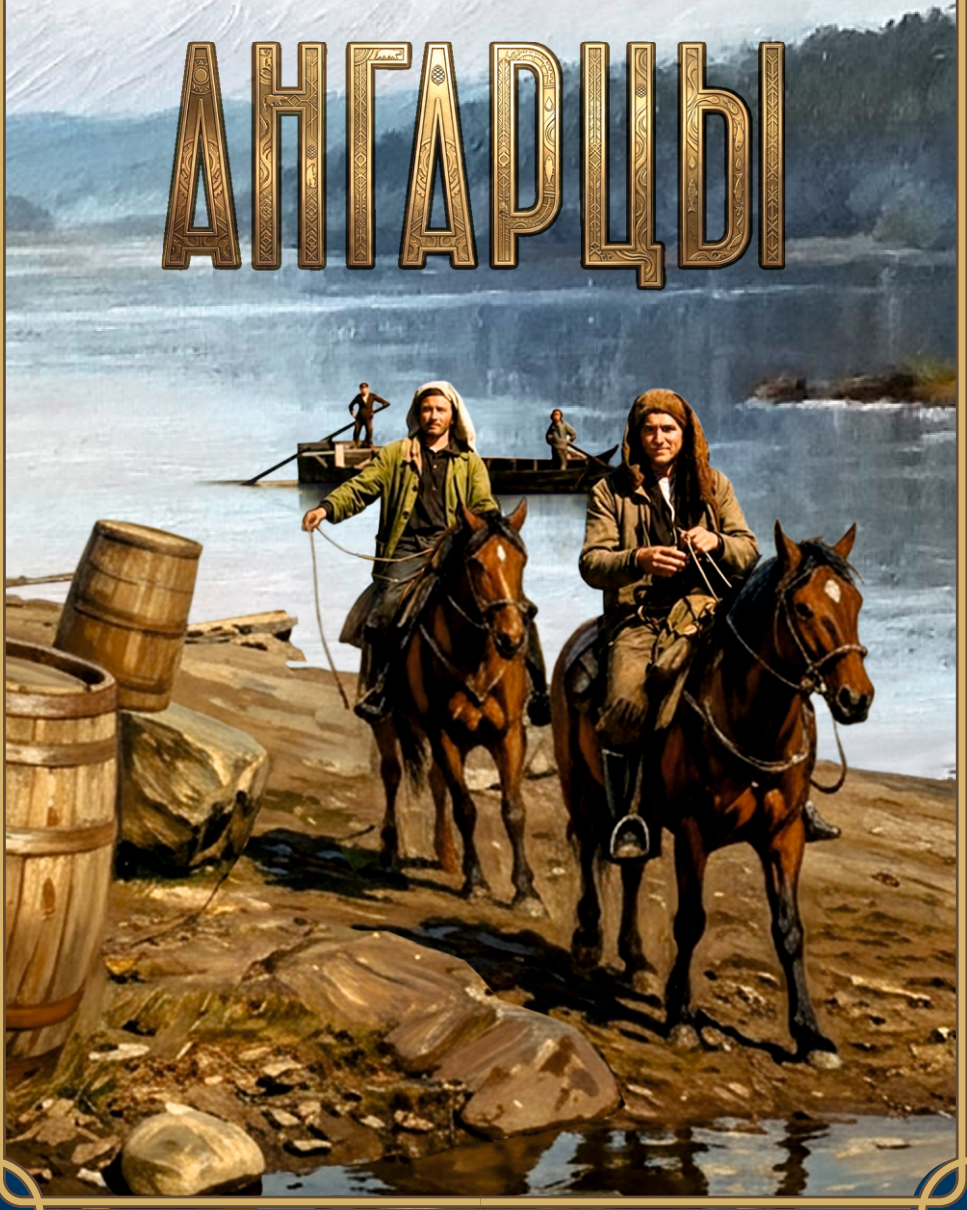
ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ

БРАТСКИЙ ГОРОДСКОЙ ОБЪЕДИНЁННЫЙ МУЗЕЙ

АНГАРЦЫ

МБУК «БРАТСКИЙ ГОРОДСКОЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ
ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ АНГАРЫ»

АНГАРЦЫ

Ответственный редактор
М.А. Глушенко

Рецензенты:
Г.В. Медведева
Р.Ю. Федоров
Е.Ф. Фурсова

Авторы:
М.Л. Агапитова
М.Ю. Белоусов
М.А. Глушенко
И.Н. Горев
Е.О. Горшков
А.С. Ендовицкий
П.Н. Овраменко
О.В. Фельде
С.В. Целищева

УДК 39
ББК 63.5

Рецензенты:
Г.В. Медведева – доктор филологических наук, доцент;
Р.Ю. Федоров – доктор исторических наук;
Е.Ф. Фурсова – доктор исторических наук, доцент

Ответственный редактор
М.А. Глушенко – кандидат исторических наук

Ангарцы / отв. ред. М.А. Глушенко. – Братск, Иркутск: «Репроцентр+», 2026. – 576 с.

Выпуск монографии осуществлен при поддержке
Президентского фонда культурных инициатив
Проект № ПФКИ-25-1-007252 «Люди большой реки»

Монография представляет собой краткий обзор традиционной культуры русских старожилов Ангары. В ней анализируется их этнокультурная идентичность и подробно описываются материальная и духовная культура, старинные технологии и диалектные особенности. Собранные сведения станут отличным началом для знакомства практически со всеми аспектами традиционной жизни ангарских старожилов и помогут сделать первые шаги к её возрождению. Издание будет ценным ресурсом для этнографов, фольклористов, музейных специалистов, архитекторов, лингвистов, реставраторов, мастеров народных промыслов и всех, кто неравнодушен к сохранению наследия уходящей традиционной культуры ангарских старожилов.

В оформлении обложки использована фотография перетаскивания плоскодонки бичевой на конях по р. Ангаре, д. Банщиково Нижнеилимского района. 1959 г. МАЭ И 1830-465.

ISBN 978-5-907831-76-6

© Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары
© Научный архив Института этнологии и антропологии
© Красноярский краевой краеведческий музей
© Государственный центральный музей современной истории России
© Музей антропологии и этнографии
© Российский этнографический музей

Дорогие читатели!

Вы держите в руках книгу, в которой собраны удивительные сведения о культуре русских старожилов Ангары. Эта обзорная работа написана на богатом этнографическом материале, накопленном за полтора столетия исследований.

Когда мы только приступали к этой теме, то были уверены, что ангарцы, в отличие от других этнокультурных групп русского населения, изучены слабо. Но оказалось, что количеству, разнообразию и глубине научных работ по этой теме могут позавидовать многие сибирские соседи. Мы постарались охватить весь тот колоссальный объем литературы и экспедиционных материалов, что накопился за всё время, а также самостоятельно прошли всю Ангару этнографическими экспедициями Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары.

И теперь готовы рассказать в одной книге, кто такие ангарцы, чем они отличаются от остальных, как одевались, говорили, пели, трудились, отдыхали, воспитывали детей, как создавали всю ту культуру, которая теперь вызывает восхищение. В книге вас ждёт путешествие в удивительный мир традиции русского старожила.

Совсем иначе воспринимается знакомая с детства земля, когда узнаёшь, что происходило тут до тебя. Другими глазами смотришь на горы, тайгу, реки, старинные дома, предметы быта. Все они становятся понятнее и роднее.

В российском обществе назрел явный запрос на возрождение русской культуры и поиск своих самобытных корней. По поручению Президента Российской Федерации Владимира Путина от 19 декабря 2025 г. разрабатывается программа научных исследований, связанная с всесторонним междисциплинарным этнографическим изучением государствообразующего русского народа. Последний раз такие масштабные проекты по исследованию русского этноса реализовывались в 1950-х годах в РСФСР знаменитой Комплексной русской экспедицией Института этнографии и антропологии АН СССР. Тогда исследования сводились больше к сравнению традиционного уклада и достижений

социалистического строя. Сегодня взгляд сместился в сторону изучения самосознания и идентичности русских.

Русский народ расселился на огромном пространстве с разнообразным ландшафтом и климатом, его культура обогатилась и выразилась во множестве этнолокальных вариантов. Каждый уголок России выделялся своей самобытностью. Но, ввиду отхода от традиционного образа жизни, а затем и насаждения западного глобализма, произошёл культурный разрыв поколений, местные традиции остались в прошлом.

Деревенская улица на Русском секторе.
АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2020 г.

Сейчас, когда всё большей популярностью пользуются русские праздники, одежда, стилизованная под русский костюм, заметна тенденция унификации и обеднения общерусской культуры ввиду утраты локальных традиций. Поэтому в каждом регионе должен быть свой научный и культурный центр возрождения местной традиции. На Ангаре таковым за последние несколько лет стал Архитектурно-этнографический музей «Ангарская деревня им. О. Леонова» в городе Братске Иркутской области. Братск территориально находится в центре Ангары, а основная цель музея в сохранении, изучении и популяризации культуры местного русского старожильческого населения. Благодаря

достоверному воссозданию в музее типичной ангарской деревни и промыслово-хозяйственных комплексов, из подлинных объектов народного деревянного зодчества и музейных предметов удалось создать среду для возрождения культуры ангарских старожилов. Все постройки расположены между собой на тех же расстояниях и пропорциях, как в старинных селениях Ангары. На территории музея отсутствуют заметные объекты, которых не существовало в воссоздаваемый исторический период. Даже подходы к музею преднамеренно не имеют техногенных коммуникаций в виде асфальта и настраивают посетителей на погружение в прошлое. А сочетание архитектурной составляющей с рельефом местности, похожим на берег затопленной Ангары, и природным окружением заставляет посетителя усомниться, что он попал в искусственный музей, а не в настоящую ангарскую деревню.

На базе АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова» удалось создать сильный коллектив научных сотрудников, которые сделали ряд открытий по изучению старинных технологий русских старожилов и сейчас регистрируют их как объекты нематериального культурного наследия в региональном и федеральном

Кузница и огороды на Русском секторе.
АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2024 г.

Церковь Михаила Архангела на Русском секторе.
АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2024 г.

реестрах. Музей консолидировал ученых, краеведов и деятелей культуры, в том числе из других городов Восточной Сибири, занимающихся темой ангарских старожилов. А с 2023 г. ежегодно проводит фестиваль «День ангарской культуры», на котором сотрудники музея и волонтёры демонстрируют более 25 старинных ремёсел, занятий и игр, бытовавших на Ангаре. Со сцены звучат протяжные ангарские песни от красноярского фольклорного ансамбля «Живая старина», а также рассказы и стихи от ангарских старожилов на местном диалекте о затопленных деревнях. Посетители пробуют разнообразные блюда и напитки ангарской кухни. Фестиваль приобретает размах и привлекает к теме возрождения ангарской культуры всё больше мастеров, фольклорных коллективов, шеф-поваров и т.д.

Ткачество из конского волоса на фестивале День ангарской культуры. АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2025 г.

Топление березки на Троицу.
АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2025 г.

С 2025 г. удалось добавить в традиционные русские праздники, масштабно отмечаемые в нашем музее, элементы ангарской обрядности, которые местные жители восприняли с энтузиазмом, понимая, что в этом и есть колорит братчан, имеющих теперь свои родные традиции.

А теперь, как венец реализации проекта «Люди большой реки» Президентского фонда культурных инициатив, мы дарим книгу, которая поможет возвратить в настоящее красоту традиционной культуры ангарцев.

Считаем необходимым отметить всех, кто помогал в работе над проектом по созданию монографии.

В первую очередь благодарим директора Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары Елену Геннадьевну Маржинян за создание сильной музейной команды и содействие в реализации столь амбициозного для муниципального музея проекта.

Выражаем благодарность Институту этнологии и антропологии РАН за возможность поработать в научном архиве с материалами Ангарской экспедиции 1957-1962 гг. и разместить в нашей монографии множество иллюстраций.

Также благодарим Красноярский краевой краеведческий музей, Государственный центральный музей современной истории России (г. Москва) и Усть-Удинский районный краеведческий музей за возможность безвозмездно опубликовать изображения из фондов.

Выражаем признательность кандидату исторических наук, научному сотруднику Омского филиала ИАЭТ СО РАН Ларисе Вениаминовне Татауровой за предоставление подборки материалов по этнографии ангарцев и проректору Сибирского федерального университета (г. Красноярск) Дмитрию Николаевичу Деревянных за передачу электронной версии его редких сборников.

Отдельно выражаем благодарность нашим рецензентам: доктору филологических наук, директору Регионального центра русского языка, фольклора и этнографии Галине Витальевне Афанасьевой-Медведевой; доктору исторических наук, главному научному сотруднику ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) Елене Федоровне Фурсовой; доктору исторических наук, научному сотруднику Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН Роману Юрьевичу Федорову. А также народному мастеру Иркутской области Светлане Владимировне Ереминой, этнографу Анастасии Анатольевне Рублевой (г. Москва) и руководителю общества «Кежемское землячество» (г. Красноярск) Любови Леонидовне Карнауховой за ценные замечания и методическую помощь.

Благодарим за участие в проекте наших соавторов из Красноярска – научного сотрудника Красноярского краевого краеведческого музея Александра Сергеевича Ендовицкого; доктора филологических наук, профессора Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета Ольгу Викторовну Фельде и руководителя фольклорного ансамбля «Живая ста́рина» (г. Красноярск) Игоря Николаевича Горева.

Мы очень благодарны ООО «Красноярская геоархеология» в лице Данила Николаевича Лысенко за плодотворное

сотрудничество и совместную экспедицию в Кежемский и Богучанский районы в 2017 г.; депутату Законодательного собрания Иркутской области Олегу Николаевичу Попову за помощь в экспедиции в Кежемский район в 2024 г., а также волонтёру Ивану Владимировичу Колеснику за его энтузиазм и активное участие в экспедициях и мероприятиях музея.

Благодарим ресторан «Лес и степь» в лице Екатерины Полетаевой и Дмитрия Зана за помощь в проекте и за сотрудничество по воссозданию старинных кулинарных рецептов ангарских старожилов.

За помощь и сотрудничество в датировке старинных построек выражаем благодарность сотрудникам Сибирской дендрохронологической лаборатории СФУ.

От всей души благодарим Кежемский историко-этнографический музей, Богучанский краеведческий музей, Усть-Илимский краеведческий музей и музей с. Олонки за гостеприимство и помощь в работе со старожилами.

Выражаем глубокую признательность сотрудникам сельских поселений Братского, Боханского, Усть-Удинского, Усть-

И.С. Московских 1934 г.р. читает свои стихи
на фестивале День ангарской культуры.
АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2023 г.

Илимского, Кежемского, Богучанского и Мотыгинского районов за помощь нашей экспедиции в размещении и поиске старожилов.

Слова благодарности выражаем всем ангарцам за то, что доверили нам ценные знания о своей богатой культуре. Особенно хочется отметить Иннокентия Степановича Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района, который для нашего музея на протяжении уже многих лет является настоящим проводником в мир традиционной культуры Ангары.

Коллектив АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова»

Введение

Ангарцы – это русское старожильческое население реки Ангары, потомки первых поселенцев XVII в. и тех, кто приходил сюда вплоть до начала XX в., вливаясь в сложившуюся местную старожильческую культуру.

Ангара – это единственная река, вытекающая из озера Байкал. Уже в своём истоке она несёт большой поток воды и затем только укрупняется за счет многочисленных притоков вплоть до слияния с рекой Енисей. Надо заметить, что в месте слияния по объему воды Ангара превышает Енисей, но исторически сложилось, что Ангара впадает в Енисей, а не наоборот. И, тем не менее, от Байкала до Енисея Ангара протянулась на 1779 км. В среднем течении река проходит через гористый рельеф, из-за чего образовалось множество опасных порогов и шивер, особенно в районе Братска. В низовьях Ангары водных препятствий гораздо меньше. Несмотря на это для местного населения Ангара долгое время оставалась единственной транспортной артерией.

Среднегодовая температура в районе Братска до затопления искусственными водохранилищами равнялась -3 градуса по Цельсию, а после них потеплела до -1,5 градуса. Зимний максимум сейчас доходит до -45 градусов, в то время как до затопления составлял -55 градусов. Лето короткое и тёплое, но раньше типичными были августовские заморозки, уничтожающие посевы злаковых.

Географически Ангара делится на три отрезка. Верхняя Ангара – от истока до устья реки Оки, где начинались пороги. Средняя Ангара – от устья Оки до устья реки Илим, в котором находилась важная развилка путей сообщения на реку Лена. И Нижняя Ангара – от устья Илима до устья Ангары. Административно территория Ангары сейчас входит в Иркутский, Ангарский, Усольский, Черемховский, Аларский, Осинский, Нукутский, Балаганский, Усть-Удинский, Братский, Усть-Илимский районы Иркутской области. И Кежемский, Богучанский и Мотыгинский районы в Красноярском крае.

Понятие Приангарье намного более широкое, в него входит не только Ангара со своими притоками, но и сопредельные

территории, включая даже верховья реки Лены. Часто под Приангарьем понимают всю Иркутскую область.

В нашем исследовании рассматривается территория по берегам Ангары и нижнему течению её притоков, в том числе таких крупных рек как Ока, Вихорева, Илим, Кова, Чадобец, Мура, Иркинеева. Хотя в определенный момент жители этих притоков не считали себя территориально ангарцами, но по совокупности культурных особенностей они почти не имели отличий от своих родственников по берегам Ангары. До прихода русских и вплоть до 1930-х годов по всей Ангаре кочевали племена эвенков. Буряты предпочитали жить в лесостепных притоках верхнего течения Ангары, и только в Усть-Удинском районе на небольшом отрезке реки они издавна живут компактно вместе с русскими старожилами.

Большая часть верхнего течения Ангары входит в лесостепную зону, а с севера Усть-Удинского района и вплоть до Енисея пролегает таежная зона, почти полностью покрытая лесом. Эта разница лесостепной и таёжной Ангары оказала сильное влияние на культуру местного населения из-за различных природных ресурсов.

Освоение Восточной Сибири русскими началось после строительства в 1618 г. Енисейского острога. Множество отрядов русских промышленников и служилых людей проникало сюда ради добычи мягкой рухляди, приискания ясачного населения и новых земель. В 1628 г. Петр Бекетов заложил Рыбинский острог в низовьях Ангары, а уже в 1631 г. Максим Перфильев основал Братский острог неподалёку от устья Оки. На этой территории русские впервые столкнулись с бурятами, которых называли «братские люди», отсюда и название острога. Еще один «братский» острог (Балаганский острог) был построен Дмитрием Фирсовым в 1654 г. в верхнем течении Ангары для сбора ясака с прибайкальских бурят. Надо заметить, что на Верхней Ангаре было построено еще много острогов и зимовий (Удинский, Илгинский, Каменский, Иркутский), что было связано с периодическим сопротивлением бурят, которое стихло в середине XVII в. В низовьях Ангары некоторое сопротивление было связано с племенами осевших по берегам Ангары эвенков, остальная же часть эвенков

мирно встретила приход русского населения. В целом отношения между русскими, эвенками и бурятами со второй половины XVII в. носили исключительно мирный характер. А в 1696 г. пашенные крестьяне совместно с бурятами свергли приказчика Братского острога Кафтырева до передачи власти новому приказчику.

Окончательное закрепление Ангары за русским государством произошло, когда в 1640-х годах сюда стали переселяться русские крестьяне. Удачные опыты по возделыванию земли привели к возникновению десятков деревень по всей Ангаре, которые стали основой для снабжения хлебом и дальнейшей экспансии на восток. Уже в 1675 г. предводитель русского посольства в Китай Николай Спафарий отметил в своих заметках о существовании на Ангаре более 70 населенных пунктов [Спафарий, 1882, с. 30-193].

В целом основная часть русских переселенцев, будь то служилые люди, промышленники или крестьяне, приходила с Русского Севера, преимущественно из Великого Устюга, который по праву называют «Отцом Сибири». Надо заметить и то, что казаками в Сибири в XVII в. называли вовсе не южнорусских представителей особого привилегированного сословия, а вчерашних крестьян, которые из-за перенаселения Русского Севера приходили оттуда на службу в Сибирь попытать счастья. Но демографические ресурсы Русского Севера почти истощились к середине XVII в., и как раз на этапе крестьянского освоения земель Братского острога государство стало привлекать ссыльных и сажать их на пашню [Нефедьева, Тихонов, 2023, с. 75], причем по сословной принадлежности часто это были не крестьяне. Тем не менее подавляющее большинство русского населения Ангары оставалось за выходцами с Русского Севера, что оказало решающую роль на формирование местной старожильческой культуры.

В XVIII в. остроги в Приангарье окончательно потеряли свою оборонительную функцию и превратились лишь в административные центры для сбора ясака, хлеба и транспортного обеспечения («ямской гоньбы»). К 1768 г. был построен Московский тракт, проложенный в стороне от Ангары [Нефедьева, Тихонов, 2023, с. 139]. Из-за частых кораблекрушений на порожистой реке основное сообщение осуществлялось теперь по сухопутному тракту, и Ангара попала в полуизоляцию. Здесь начало

накапливаться небольшое отставание в культурно-бытовом отношении, что стало особенно заметно в первой половине XX в.

Постепенно русское население Ангары росло, и к XIX в. стали активно заселяться некоторые относительно небольшие притоки. Так, многие заимки по реке Вихорева превратились в полноценные деревни. То же происходило и по рекам Кова, Мура.

За этот период Ангару продолжали осваивать в промышленном отношении. Уже в XVII в. на притоках Ангары варили соль: река Манзя в Богучанском районе, Усолье в Усольском районе. Тогда же начала набирать обороты винокуренная промышленность, особенно на Верхней Ангаре в поселке Тельма. В 1874 г. ближе к истоку Ангары был основан Тальцинский стекольный завод. В Братской волости в середине XIX в. начал работу Николаевский, а к концу в. и Лучихинский железоделательные заводы. В 1840-х годах в низовьях Ангары нашли золото, с тех пор часть ангарцев стала отдавать предпочтение работе на приисках, нежели пашне. Надо заметить, что всё же основной рабочей силой для развития промышленности стали ссыльнокаторжные поселенцы, особенно на заводах, куда ангарцы работать не шли. В конце XIX в. Ангару пытались сделать судоходной, но пароходство долго не просуществовало. Из-за больших сложностей прохождения ангарских порогов оно не выдержало конкуренции с Транссибирской железнодорожной магистралью. В XX в. на Ангаре приобрел масштаб лесосплав деловой древесины.

С 1902 г. во многие районы Приангарья начинают массово поступать переселенцы с западных губерний Российской империи. Они образовывали новые улицы в старожильческих деревнях и основали множество новых деревень, при этом еще долго придерживались своей «расейской» культуры, взяв у старожилов только некоторые навыки, необходимые для выживания в суровом крае. Старожилы и переселенцы вплоть до Великой Отечественной войны почти не вступали в браки [Федоров, Глушенко, 2019, с. 78-80]. Но непосредственно до берегов Ангары, где вся пахотная земля была давно занята, переселенцы не дошли. Самые ближайшие к Ангаре переселенцы селились лишь в трёх местах: на юге нынешнего Братского района по реке Ие, между Верхней

Ангарой и Московским трактом, а также к югу от Богучанского района.

В середине XX в. на Ангаре началось активное промышленное освоение, строился целый каскад ГЭС, новые города, про-

Спускание венков в память о затопленных деревенях на фестивале День ангарской культуры в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2024 г.

мышленные комплексы. В 1956 г. началось наполнение Иркутского водохранилища, в 1962 г. Братского и в 1974 г. Усть-Илимского. Далее следовала Богучанская ГЭС, строительство которой было завершено после долгой остановки. Наполнение водохранилища началось лишь в 2012 г. Всего в зоны затопления попало в районе 500 населенных пунктов [Рябов, 2021, с. 71; Богучанская ГЭС…, 2007, с. 26-27], среди которых не менее половины были основаны в период XVII-XIX вв.

Населённые пункты по берегам Ангары подлежали затоплению, жителей переселяли в новые города и поселки. Дома в основном сжигали, только часть перевозили на новые места. Причем с каждым последующим водохранилищем это разрешалось делать в меньшем объеме, так как старались обеспечить переселяемых новым жильём. Ввиду изменения климата, регулирования уровня реки и промышленных загрязнений, последствия в

Укладывание венков перед спуском на воду в память о затопленных деревенях на фестивале День ангарской культуры в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2025 г.

виде исчезновения ценной рыбы и зарастания берегов реки проявились и на оставшемся незатопленным участке Нижней Ангары. Вместе с затоплением в Приангарье почти исчезла мошка, в водохранилищах расплодилась такая рыба как окунь, щука, сорога, лещ, карась. Исчез привычный ангарцу кормящий ландшафт. Ввиду такой модернизации в прошлое окончательно ушёл традиционный уклад жизни. И теперь только старинные дома,

предметы быта в музеях и ныне живущие старожилы 1920-1940-х годов рождения помнят, каким он был.

На рубеже XX-XXI вв. у ангарских старожилов городов Братска, Кодинска и Красноярска (переселённых из Кежемского района) усилилось самосознание, они начали объединяться в краеведческие общества, собирать и публиковать материалы по своей родословной, родовым прозвищам, фотографии и воспоминания о затопленных деревнях, диалектные слова, писать стихи и рассказы. А также устанавливать памятные знаки в районе затопленных деревень. Осознавая утрату целого культурного пласта, появилась необходимость увековечить его для будущих поколений.

Но внимание к ангарцам как к этнографической группе появилось еще в последней четверти XIX в. и связано с политическими ссыльными, отбывавшими наказание в Енисейской губернии и, в частности, на Нижней Ангаре. Среди них огромный вклад внесли А.А. Макаренко, В.А. Арефьев, А.А. Савельев, А.П. Ермолаев, оставившие множество знаковых трудов, по своему значению не имеющих на тот момент равных в сибирской этнографии. Исследователи досконально проанализировали сибирский народный календарь, свадебную обрядность, промысел красной рыбы, народную медицину, записали множество фольклорных текстов и массу сведений по быту ангарцев.

Со стороны Иркутской области в 1920-х годах работала школа Г.С. Виноградова. Главным образом исследования были сосредоточены на близлежащей к Иркутску территории и вдоль Московского тракта, то есть на периферии Ангары. Впрочем, Г.А. Леонов провел ряд экспедиций по изучению народного зодчества на реке Илим и, таким образом, первый собрал богатейший материал по этой теме в Приангарье. К сожалению, в 30-х годах XX в. все работы по этнографическому изучению русских в стране были свёрнуты, и школа Г.С. Виноградова прекратила существование в регионе. В 2009 г. доктор филологических наук Т.Г. Леонова, дочь Г.А. Леонова, систематизировала и опубликовала ценный архив отца.

Богатейший материал был собран экспедициями Ангарского отряда Института этнографии АН СССР в 1957-1962 гг. В 1957 г. одновременно работало два отряда. Первый, возглавляемый Г.С.

Масловой, прошёл Верхнюю Ангару вплоть до села Братск. А второй под руководством Л.М. Сабуровой – от села Братск и ниже по течению. В последующие 1958-1962 гг. Л.М. Сабурова неоднократно обследует территорию среднего и нижнего течения Ангары и её крупных притоков. Поводом к столь масштабному изучению послужила подготовка к затоплению Братским водохранилищем обширных пространств Ангары и её притоков, где находилось около 300 населенных пунктов [Рябов, 2021, с. 71]. В составе отрядов, а также параллельно им работало более двух десятков специалистов смежных специальностей: антропологи, музыковеды, диалектологи, архитекторы и т.д. Результатом стали отдельные работы по костюму Г.С. Масловой, Н.И. Лебедевой, Л.М. Сабуровой, монография по культуре и быту таежной части Ангары Л.М. Сабуровой и сборник статей, посвященный этнографии Приангарья.

С началом подготовки к созданию музеев под открытым небом «Тальцы» в Иркутске и «Ангарская деревня» в Братске, в 1970-х годах на базе этих городов проводятся экспедиции по Ангаре с целью вывозки объектов народного деревянного зодчества, музейных предметов и сбора сведений о традиционной культуре. Результатом становятся монографии А.В. Ополовникова и А.Я. Ковалева по архитектуре региона, О.В. Бычкова по охотничьему промыслу и множество статей в научно-популярном журнале «Тальцы» (1996-2011 гг.), а также «Известиях Архитектурно-этнографического музея "Тальцы"» (с 2002 г.).

Последствием этого импульса стал ряд работ по изучению с 1980-х годов Л.А. Мухамедшиной песенного фольклора Ангары. Со стороны Красноярского края одновременно эту тему подробно в своих публикациях изучала Н.А Новоселова. Позже руководитель ансамбля «Живая старина» И.Н. Горев на своём материале, собираемом с 1990-х годов в Кежемском и Богучанском районах, издаст нотированные сборники протяжных и вечерочных песен.

Историография диалектологических исследований Ангары рассмотрена в главе 6, отметим здесь лишь двух исследователей.

Г.В. Афанасьевой-Медведевой с 2007 г. регулярно публикуется Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири,

Беседа с Э.А. Рожковой 1937 г.р.,
с. Рыбное Мотыгинского района. 2025 г.

охватывающий всю Восточную Сибирь. На текущий момент издано 32 тома. По совокупности информации он далеко превосходит как таковой словарь и содержит массу сведений по этнографии русских, запечатленных в рассказах. Для изучения русского старожильческого населения региона словарь стал неотъемлемым источником.

Этнолингвистические исследования публикуются О.В. Фельде по материалам диалектологических экспедиций с 2010 г. на Нижней Ангаре.

Проводятся эпизодические исследования архитектуры ангарских старожилов В.Д. Колгушиным, А.Ю. Майничевой. В.В. Царевым сделана серия публикаций и в 2017 г. защищена кандидатская диссертация по архитектуре селений Нижнего Приангарья.

Существенный толчок для осмысления строительной культуры Приангарья дала массовая дендрохронологическая датировка объектов народного деревянного зодчества. Работа в регионе ведется с 2008 г. В.С. Мыгланом, З.Ю. Жарниковым и М.А. Глушенко.

Экспедиция БГОМ. с. Дубынино Братского района. 2023 г.

С 2013 г. проводятся этнографические экспедиции Братского городского объединенного музея освоения Ангары, в которых делается особый уклон на сбор сведений для воссоздания старинных технологий в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». В серии публикаций отражены результаты работ по теме плотницких технологий, ткачества, кухни, строительства лодок и т.д. В течение 2023-2025 гг. экспедициями были изучены почти все административные районы от истока до устья Ангары с целью локализации культурных отличий ангарцев. Опрошено более 300 старожилов, изучены и отобраны образцы для дендрохронологической датировки с 200 объектов народного деревянного зодчества.

Д.Н. Деревянных с 2020 г. переиздает редкие публикации начала XX в. и полевые материалы исследователей по этнографии таежной части Ангары (преимущественно нижнего течения). На текущий момент издано уже десять сборников.

В последние годы появляются отдельные работы по изучению костюма русского населения Ангары от Е.В. Горевой (2022 г.) и С.В. Ереминой (2025 г.).

Монография подготовлена авторским коллективом сотрудников Архитектурно-этнографического музея «Ангарская деревня им. О. Леонова» (филиал Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары). К работе над отдельными главами дополнительно были привлечены специалисты по лингвистике, фольклору и этнологии.

Ссылки на литературу и архивные материалы приведены в тексте в квадратных скобках. В цитатах старожилов, чьи данные (ФИО, год рождения, населенный пункт и административный район) приведены, но не имеют ссылки в квадратных скобках, подразумеваются материалы экспедиции БГОМ 2013-2026 гг. Также и фотографии, не имеющие указание источника, относятся к экспедициям БГОМ. Во всех цитатах сохранена орфография оригинала и речевые особенности респондентов.

Указанные административные районы населенных пунктов подразумеваются в современных границах. Исключение составляют данные на начало XX в., где указаны ссылки на работы тех лет.

Глава 1 по идентичности подготовлена А.С. Ендовицким. Разделы 3.1-3.2 по архитектуре и плотницким технологиям, а также введение и заключение – М.А. Глушенко. Разделы 2.3 и 2.12 по крестьянской росписи и хозяйственной утвари – П.Н. Овраменко. Разделы 2.4, 2.7 и 3.5 по одежде, водному транспорту и охоте подготовлены М.Л. Агапитовой. Разделы 2.5, глава 4, 5.1-5.3 по ткачеству, духовной культуре, свадьбе, играм, семье и воспитанию – С.В. Целищевой. Разделы 2.6, 2.9, 2.10, 2.11, 3.2 и 3.4 по кухне, смолокурению, витью веревок, хозяйственной утвари, огородничеству и рыболовству – Е.О. Горшковым. Разделы 2.8, 2.11, 3.1, 3.3 по гужевому транспорту, выделке кожи, земледелию и животноводству – М.Ю. Белоусовым. Глава 6 по говорам подготовлена О.В. Фельде. Раздел 7.2 подготовлен И.Н. Горевым.

Глава 1
Ангарцы как этнокультурная общность

1.1. Общая характеристика русских старожилов Ангары

Созерцаніе этой природы, гордой недоступностью своей для человѣка, однако, вчужъ сжимаетъ сердце за населеніе, избравшее для себя столь непривѣтливую и малоудобную мѣстность.
А.А. Макаренко

Данная глава является своеобразным прологом к дальнейшему повествованию об особенностях культуры русских старожилов Ангары – ангарцев. Здесь мы постараемся ответить на вопрос, кто, собственно, такие ангарцы. Насколько уникальна их культура и правомерно ли вообще выделять их как особую этнокультурную группу.

На первый взгляд всё довольно просто, ангарцы – это потомки русского старожильческого населения долины Ангары, которое начало сельскохозяйственное освоение этого региона в XVII-XVIII вв.

Постепенно, по мере адаптации первопоселенцев к новым условиям, а также посредством контактов с коренными народами Сибири, в рамках русского этноса формируется особая культура сибирских старожилов, коим принято противопоставлять переселенцев из центральных областей России в конце XIX-XX вв. (строители Транссиба, столыпинские переселенцы, экономическое освоение и ссылка советского периода). Ангарцы выделяются среди прочих старожильческих групп самобытной культурой, которая, ввиду труднодоступности региона, развивалась изолированно и была отчасти законсервирована вплоть до начала гидроэнергетического освоения Ангары в XX в. Однако за этим простым выводом стоит огромный труд нескольких поколений этнографов, которые начали изучать этот регион ещё в начале прошлого столетия.

Пассионарный ли толчок, жажда наживы или природная тяга европейского человека к освоению новых земель направили самых активных представителей русского этноса на Восток. Спустя полстолетия после похода Ермака, отряд служилых людей под руководством Ивана Москвитина в 1639 г. вышел к берегам Тихого океана. А за одиннадцать лет до этого, в 1628 г., сотник Петр Бекетов с отрядом енисейских служилых людей построил Рыбинский острог, который располагался на северном берегу Верхней Тунгуски (Ангары), в 90 верстах от её устья. Так началось военно-административное освоение Приангарья, которое было продолжено Максимом Перфильевым, отряд которого заложил первый Братский острог (1631 г.), а закончено Яковом Похабовым, который окончательно закрепил верховья Ангары за Русским государством, основав в 1661 г. Иркутский острог [Царев, 2016, с. 45].

Служилые люди шли «встреч солнцу» в погоне за соболем и серебром, но, как совершенно верно заметил В.Н. Шерстобоев: «не поиски пушнины, не разведки серебряных жил и золотых россыпей, не промысловая, торговая или промышленная колонизация Сибири, а сельскохозяйственное освоение её является стержнем экономического развития Сибири» [Шерстобоев, 1949, с. 3]. Уже к концу XVII в. Сибирь стала областью с преобладанием крестьянского населения, подавляющую часть которого составляли выходцы из Русского Севера и Поморья [Бунак, 1973, с. 22-26].

Основу сельскохозяйственного освоения Приангарья также составляли русские крестьяне, добровольно переселявшиеся из центральных и особенно северных губерний Европейской России [Тагызов, 2023, с. 391]. Также стоит заметить, что на протяжении XVIII в. состав переселенцев из Европейской России в Сибирь усложняется. При сохранении доминирующего потока северорусских переселенцев значительно увеличилась доля ссыльных, которые в основной массе происходили из центральных губерний России [Бунак, 1973, с. 49]. Поток поселенцев из Центральной России в Приангарье также был связан с заселением зоны Московского тракта, в которую входило Верхнее Приангарье, что отразилось на культуре региона. Русские поселения на среднем и нижнем течении Ангары, ввиду малодоступности региона, сохранили многие элементы традиционной культуры первопоселенцев

практически вплоть до начала гидроэнергетического освоения Ангары в XX в. [Майничева, 2014, с. 216].

Сам же термин «ангарцы» для обозначения русского населения долины Ангары, судя по всему, впервые употребляется этнографом А.А. Макаренко в самом начале XX в. [Макаренко, 1902, с. 6]. Алексей Алексеевич вообще был одним из первопроходцев в деле систематического изучения русских старожилов Сибири, а ангарцы стали главным объектом его исследования: «Русские, таким образом, составляют главную часть населения Ангарской долины (по среднему и нижнему течению Ангары). Благодаря расовой устойчивости, унаследованной склонности к оседлой жизни, а также в силу покровительства русских законов, они получили в этом крае, как и во всей Сибири, господствующее положение» [Макаренко, 1913, с. 8]. Он отмечал своеобразие культуры ангарцев, которая вобрала в себя некоторые элементы культуры коренных народов (тунгусов), а также определённое преобладание региональной идентичности: «для “ангарца”, как и для любого сибиряка, в конце концов, стала милее Сибирь, как родина; дикая и суровая природа её сделалась для него более понятной и любимой» [Макаренко, 1913, с. 9], подчёркивая при этом их русское происхождение: «При всём том, находясь с половины XVII в. при многих неблагоприятных условиях и, подвергаясь туземному влиянию в частности, русское население Ангарского края в основных чертах своего духовного и материального быта осталось однако “руссаками”, как иногда называют сами себя ангарцы» [Макаренко, 1913, с. 11].

Следующей значимой вехой в ангарской этнографии можно назвать комплексную экспедицию АН СССР под руководством Г.С. Масловой и Л.М. Сабуровой, по материалам которой был создан целый ряд научных работ, в частности, монография Л.М. Сабуровой «Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX-XX вв.)». Людмила Михайловна пришла к выводу, что русское население Приангарья представляет собой компактную и однородную группу старожильческого населения, связанного общностью исторических судеб и условий формирования и развития местного бытового уклада [Сабурова, 1967, с. 3]. «Русское население Приангарья представляет собой одну из локальных групп с

общими чертами культуры и специфической направленностью в её развитии. Традиционная культура русского населения Приангарья впитала в себя многие северовеликорусские и средневеликорусские элементы… быстрый прогресс сочетался в Приангарье с существованием ряда архаических черт в культуре, многие из которых уходят корнями в глубокую древность… В то же время в самом Приангарье выделялись и более дробные группы русского населения, имеющие отличия в культуре и в характере производственной деятельности» [Сабурова, 1967, с. 273-276]. Также Людмила Михайловна отмечает существенное изменение быта ангарских крестьян (слово «ангарцы» употребляется в работе лишь единожды) с приходом советской власти, а также кардинальное влияние на него гидроэнергетического освоения Ангары.

На сегодняшний день исследованием культуры ангарцев занимаются музеи, в частности, Архитектурно-этнографический музей «Ангарская деревня им. О. Леонова» и Кежемский историко-этнографический музей им. Ю. С. Кулаковой, также старожильческие общества («Кежемское землячество», общество краеведов «Ангарские старожилы»).

Большой вклад в выделение ангарцев как особой этнокультурной группы внесло сообщество ангарских старожилов «Кежемское землячество». Результатом их деятельности является проведение различных тематических мероприятий: фестиваль старожильческих народов Красноярского края (с 2015 г.), День благодарения Малой Родины (с 2016 г.), «Русские старожилы Сибири» (с 2017 г.), «Ангарская вечёрка» (с 2023 г.) и др.

Сотрудники АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова» с 2013 г. проводят регулярные этнографические экспедиции в различные районы Приангарья, воссоздают старинные технологии и проводят фестиваль «День Ангарской культуры» (с 2023 г.) с целью популяризации местной этнографической традиции русских старожилов как основной темы музея.

В городе Кодинске для сохранения ангарских традиций проводится фестиваль «День ангарского пирога» (с 2015 г.). А в Усть-Илимске с этой целью отмечается свой тематический праздник «Ангарская глубинка» (с 2022 г.).

Таким образом, на сегодняшний день термин «ангарцы» маркирует не просто жителей определённой территории, но и носителей специфического культурного комплекса.

Несмотря на некоторые заимствования русскими поселенцами элементов культуры коренных народов (промысловая одежда, названия предметов), в целом культурное влияние инородцев было незначительным, в отличие от обратного влияния собственно русской культуры на быт коренного населения.

Даже первичный анализ полученных данных позволяет выделить и локализовать специфический культурный комплекс, который выделяет ангарцев среди прочих этнокультурных групп. В первую очередь, определяющим фактором была сама Ангара, которая являлась частью кормящего ландшафта. Один из основных столпов ангарской культуры – рыболовство, а конкретно – лов красной рыбы (осетра, стерляди), которая зачастую являлась основой благосостояния ангарцев [Макаренко, 1902, с. 7]. Ангара – река бурная, своенравная. В её нижнем и среднем течении сосредоточено множество порогов и шивер, преодоление которых сопряжено с огромным риском. Соответственно, рыболовный промысел, а также перевозка различных грузов по реке являлись занятиями довольно опасными, и порой Ангара собирала дань за свои дары человеческими жизнями. Ангарцы сами приносили символическую жертву Ангаре, кидая в воду хлеб во время ледохода. И сам ледоход является неким объединяющим для ангарцев явлением, поскольку с его началом многие бросали свои занятия и шли на берег, смотреть на это воплощение природной мощи, символ начала весны и новой жизни. Особую специфику ангарской культуры придаёт такой промысел как провод грузовых судов через пороги местными «лоцманами». Сложность такой задачи сопоставима с искусством мореходов, пусть и в пределах небольшого, но опасного участка реки.

Кухня также является областью проявления своеобразия культуры ангарцев. Характерным блюдом, маркирующим настоящих ангарцев, является рыба «с душком» («душна рыба»): «*Анга́рцы, – говорела, – любят кашу мушну́ да рыбу душну́!*» (Валентина Ивановна Тримарёва, 1941 г.р., с. Кежма, Кежемский район) [Афанасьева-Медведева, 2007б, с. 320]. Также выделяется

бурдук (род киселя), икряник (пирог с икрой), рыбные пироги и рыбный холодец.

В архитектуре особенностью ангарцев является приверженность к более архаичным конструкциями и ассиметричная расстановка окон на торцевом фасаде [Глушенко, 2024]. В песенной культуре – особая «протяжная» манера пения, исполнение песен на похоронах [Горев, 2017, с. 5].

Также следует обратить внимание на деление региона на Нижнее, Среднее и Верхнее Приангарье. Деление это обусловлено как сугубо географическими и экономическими, так и культурными факторами. Дело в том, что русское население по верхнему течению Ангары (примерно от южной границы Братского района до Иркутска) существенно отличается культурно от русских Средней и Нижней Ангары, ввиду особенностей заселения этого региона и влияния Московского тракта, а также ввиду различий ландшафта: тайга на севере и лесостепь на юге [Ендовицкий, 2025, с. 67]. Поэтому не случайно Алексей Алексеевич Макаренко и последующие исследователи, говоря об ангарцах, имеют в виду русское старожильческое население именно по среднему и нижнему течению Ангары. Как раз на этой части реки у ангарцев существенно задержалось льноводство, когда в сопредельных регионах от него уже не осталось и следа. Хорошо были развиты рыболовство на красную рыбу и охота, чего из-за ограниченности ресурсов почти не проявлялось на Верхней Ангаре. Да и в целом именно в таежной части Ангары наблюдалось больше различных архаизмов.

Таким образом, можно выделить культурный комплекс, маркирующий ангарцев. Он имеет географическую локализацию: ограничиваясь с одной стороны Богучанским районом (до устья Ангары), с другой – югом Братского и севером Усть-Удинского района. Причём границы довольно условные, и по мере продвижения на север мы можем наблюдать увеличение «ангарскости». Также это увеличение будет наблюдаться при движении вверх по течению от устья Ангары, а точкой максимального превалирования ангарского культурного комплекса являлся Кежемский район, где жили в некотором смысле «эталонные» ангарцы – кежмари. На сегодняшний день эту неравномерность

распределения ангарского культурного комплекса можно объяснить не только удалением от крупных старинных городов (Иркутск, Енисейск) и транспортных магистралей в исторической ретроспективе. Это объясняется и разницей во времени затопления/уничтожения ареала бытования культуры. Братское водохранилище начали заполнять, а значит, уже переселили местных жителей, в 1962 г., а Богучанское только в 2012 г. Соответственно, ангарский культурный комплекс в низовьях Ангары сохранялся гораздо дольше и воспроизводился у кежмарей, пока существовал кормящий ландшафт. С этой точки зрения, современные жители Богучанского района (на Ангаре развито рыболовство, усадьбы стоят на своих родных местах) в большей степени ведут традиционный образ жизни, чем все остальные жители Ангары. Немного иная традиция была у ангарцев Верхней Ангары, где ввиду иного ландшафта имеется много культурных отличий. А отсутствие массовых переселений других русскоязычных групп не подтолкнуло к формированию самосознания, как это произошло в среднем и нижнем течении.

Отдельно стоит остановиться на антропологической характеристике русского старожильческого населения Приангарья, так как существует расхожий миф о существенной монголоидной примеси, ввиду смешения с коренными народами. Русские старожилы Средней Ангары были изучены в ходе экспедиционных исследований 1960-1964 гг. На основе полученных материалов в 1973 г. был издан историко-антропологический очерк под авторством В.В. Бунака и И.М. Золотарёвой.

При преобладании северорусского типа у старожилов Ангары была выявлена небольшая примесь местного тунгусского элемента [Бунак, 1973, с. 72], следствием чего, возможно, стало увеличение размеров лица, скулового и челюстного диаметров, в сравнении с сибирскими старообрядцами, которые практически не имели местной примеси [Бунак, 1973, с. 98-99]. Сравнивая сибирские группы с русскими Европейской России, исследователи делают следующие выводы: 1) все сибирские группы, в том числе и ангарцы, характеризуются большей высотой носа; 2) старожилы бассейнов Енисея и Ангары имеют сравнительно тёмные волосы, но в женских группах эта разница заметна меньше; 3)

цвет глаз у мужчин такой же или чуть светлее, а у женщин, наоборот, значительно темнее; 4) старожилы Ангары характеризуются высоким процентом вогнутых спинок носа, что также характерно для севернорусских групп; 5) частоты факторов крови в южной енисейской группе, которую рассматривают вместе с ангарской, указывают на возможность незначительной примеси коренного населения (примерно 7%) [Бунак, 1973, с. 100-116].

Среди старожилов Сибири присутствуют специфические группы, представляющие собой результат примерно равнозначной метисации с коренным населением: «В зоне расселения охотничьих и рыболовных племён Севера, различие хозяйства и культуры препятствовало возникновению между ними и русскими постоянных брачных связей, но не исключало возникновения небольших метисных групп. На южной лесостепной окраине Западной Сибири татарские селения, окруженные русскими деревнями, частично денационализировались и вливались в русскую этническую среду. В Якутии и на северо-востоке Сибири среди малочисленных групп русских поселенцев, оторванных от крупных русских поселений, происходил обратный процесс – слияние потомков русских поселенцев с якутами и эвенками. В Забайкалье русские колонисты, появившиеся во второй половине XVII в. по большей части без семей, образовали популяции смешанного происхождения разных градаций. В забайкальских русских популяциях смешанного происхождения доля бурятской крови составляет более 40%, в Якутии и затундренной зоне русские популяции почти полностью имеют смешанное происхождение, доля крови местного населения значительно выше, чем в Забайкалье» [Бунак, 1973, с. 173-174]. Ангарцы же не относятся к метисным группам, являясь органичной частью русского антропологического комплекса, с абсолютно незначительным влиянием коренного населения.

Также характерной чертой ангарцев является специфический «ангарский» говор (говоры) и устная культура.

Ольга Викторовна Фельде, исследуя устный ангарский нарратив, пришла к выводу, что отличительным признаком ангарского нарратива является пассеистичность, то есть любование прошлым при отрицательном отношении к событиям

настоящего, что связано с утратой малой родины ввиду строительства Богучанской ГЭС [Фельде, 2014, с. 191]. При этом Ольга Викторовна рассматривает ангарцев с точки зрения лингвистики как органичную часть русского старожильческого сообщества: «Устные тексты о малой родине обладают высокой степенью лингвокультурологической информативности, так как они отражают ценностную картину мира и эксплицируют образы сознания, свойственные менталитету русских старожилов Сибири» [Фельде, 2014, с. 196]. Особенности ангарского говора сформировались на основе севернорусских, включая отдельные слова из языков аборигенного населения. Таким образом, «ангарские» говоры являются разновидностью говоров русских старожилов Сибири, которые сохранили некоторые архаичные элементы в условиях консервации культуры.

Галина Витальевна Афанасьева-Медведева проделала колоссальную работу по изучению говоров старожилов Байкальской Сибири, итогом которой стал уникальный многотомный словарь, снабжённый фрагментами интервью из этнографических экспедиций, проводившихся в период с 1980-х по 2025 гг. Это поистине бесценный материал, который совершенно отчётливо демонстрирует осознание ангарцами своей культурной общности, которое выражено в соответствующем самоназвании.

Таким образом, помимо объективных признаков культурной общности, у ангарцев присутствует и субъективное осознание единства. Для наглядности приведём несколько примеров. В первом томе дано два определения слова «ангарец»: 1) человек, спускающий лодки в порожистых местах Ангары, так называемый лоцман; 2) коренной житель селения, расположенного на реке Ангаре. Второе определение также подтверждается многочисленными цитатами из интервью: «*И вот этого нашего деда боялися. Он закоренённый был ангáрец. С характером. Он обман не терпел, воровство*» (Анна Михайловна Зарубина, 1930 г.р., село Кеуль, Усть-Илимский район) [Афанасьева-Медведева, 2007, т. 1, с. 342]. «*Дедушка Петровáн, Пётра Николаевич Зарубин, был природный ангáрец. Всю жись на Ангаре жил. С Бадáрмы он. Всё говорел «мáча»* (Анна Михайловна Зарубина, 1930 г.р., село Кеуль, Усть-Илимский район) [Афанасьева-Медведева, 2007а, с.

343]. «*Бродни надену, шаровары надену, подпояшусь красной опояской – настояшший ангарец*» (Мария Иннокентьевна Сибирякова, 1908 г.р., поселок Невон, Усть-Илимский район) [Афанасьева-Медведева, 2007б, с. 140]. «*Ангарцы любят же рыбу с душком. С душком, когда немножко она, но не так что уж сильно, а чуть-чуть. Но чуть-чуть надо тоже уметь, как только не чуть-чуть – уже не надо. Вот чуть-чуть. А чуть-чуть они все могли угадывать, ангарцы угадывали*» (Евгения Александровна Брюханова, 1923 г.р., поселок Мотыгино, Мотыгинский район) [Афанасьева-Медведева, 2014в, с. 214]. «*Видите, они всё, ангарцы, всё торопились, и было такое слово: ездой бежать… Чтоб не обробеть и вовремя сбегать. Вот такие были у ангарцев слова… Ангарцы все ездой бегали*» (Евгения Александровна Брюханова, 1923 г.р., поселок Мотыгино, Мотыгинский район) [Афанасьева-Медведева, 2014в, с. 320].

На самом деле на Ангаре бытовали различные коллективные прозвища: кежмари, мокчёны, бурундуки, челдоны, бардушники (барда – гуща, остающаяся после перегонки сусла при производстве хлебных спиртных напитков, отбросы винокурения и пивоварения) и пр., а также ангарцы делили себя на «низовских» и «верховских» [Афанасьева-Медведева, 2024, т. 30, с. 159; Афанасьева-Медведева, 2018, т. 20, с. 138; Смирнов, 2018, с. 372-373]. Но ключевым, связующим самоназванием является именно «ангарцы». Преобладание этого самоназвания мы видим в Мотыгинском, Кежемском, Богучанском, Усть-Илимском и Братском районах. Причём, судя по всему, самоназвание «ангарцы» – явление довольно позднее, связанное с гидроэнергетическим освоением Ангары. До этого превалировали именно вышеперечисленные коллективные прозвища, которые также появились относительно недавно. И если самоназвание «ангарцы» связано с последствиями грандиозных строек и затоплением селений, то появление некоторых прозвищ связано с началом и основным этапом этих строек.

Многие коллективные прозвища возникают там, где происходит столкновение этнолокальных групп. Так по всей Сибири за некоторыми русскими старожилами закрепилось название «челдоны», и только за теми, где рядом селились переселенцы с

западных окраин Российской империи. Они-то и присваивали старожилам такое обидное поначалу прозвище, а спустя время старожилы, осознавая свою идентичность, использовали прозвище в качестве самоназвания. То же самое произошло на юге Братского района, где по притокам Ангары селились переселенцы, и частично в Богучанском районе, там переселенцы селились южнее. Такая закономерность прослеживается и в более позднее время.

Прозвища на других отрезках Ангары давали старожилам приезжие на эти стройки люди, так называемые «вербованные», «экспедишники», а затем сами ангарцы начали использовать эти прозвища, подмечая культурное своеобразие различных селений на Ангаре. Например, в Братском районе (в ангарской акватории) приезжие строители Братской ГЭС в середине XX в. назвали местных старожилов «бурундуками» за их хозяйственность и запасливость. Позже эти же строители переехали строить Усть-Илимскую ГЭС, и теперь, спустя время, многие старожилы в этих двух районах с гордостью называют себя «бурундуками», чтобы подчеркнуть принадлежность к местной традиции.

В Кежемский район примерно в это же время прибывает много людей на строительство Богучанской ГЭС. За их пристрастие употреблять в пищу пескарей, которых старожилы не считали за рыбу, последние, ради шутки, прозвали приезжих «мокчонами» (пескарь, на местном). А те в ответ стали так называть старожилов, что так же, как и когда-то «челдон» в другой местности и «бурундук», было обидным. Но теперь в населенных пунктах Кежемского района можно встретить немало жителей, которые уже не видят в этом названии обидного подтекста.

В старинном посёлке Пинчуга Богучанского района в 1970-х годах строился крупномасштабный в СССР лесхоз. Приехавшие на работу дали местным старожилам имя «сёгоды» за их особенность диалекта, в котором это слово означало «сего года, нынче».

А что касается наиболее архаичного самоназвания, или самоопределения, то на этот вопрос ответил Алексей Алексеевич Макаренко. Этот ответ был дан выше, но процитируем ещё раз: «*При всём том, находясь с половины XVII в. при многих неблагоприятных условиях и подвергаясь туземному влиянию, в частности,*

русское население Ангарского края в основных чертах своего духовного и материального быта осталось, однако, "руссаками", как иногда называют сами себя ангарцы» [Макаренко, 1913, с. 11].

Таким образом, до возникновения реальной угрозы уничтожения малой родины, ангарцы прежде всего обращали внимание на различия внутри себя, что говорит об определённой внутренней неоднородности ангарской культуры. Возникновение слова «ангарцы» в качестве коллективного самоназвания – реакция на сожжение и затопление родных деревень, выраженное в осознании схожести культуры и исторической судьбы. Не стоит, однако, сбрасывать со счетов версию о более архаичном происхождении слова «ангарцы» в качестве коллективного самоопределения. Тот же Алексей Алексеевич Макаренко мог взять этот термин из полевых исследований и работы с информантами, но прямого указания на это в своих работах он не даёт.

По ангарцам индустриализация ударила особенно сильно. Формирующий ангарский субэтнос ландшафт был буквально уничтожен каскадом ангарских ГЭС. Многие потомки ангарцев перебрались в Красноярск, Братск, Кодинск, Иркутск и другие города. Кое-где организовались старожильческие сообщества, которые ведут активную работу по изучению, сохранению и популяризации ангарской культуры, но они, как не прискорбно это признавать, являются последним поколением, причастным к традиционной культуре ангарцев. Очень ёмко этот факт выразила при личном общении Любовь Леонидовна Карнаухова – руководитель общества «Кежемское землячество»: «*Думаю, понятие "ангарец" для тех, кто будет жить в наших местах после затопления, неуместно, ведь Ангары нет. Это будут, например, жители Кежемского района, кежмари. Даже название «кежмари» (казалось бы, естественное: происходит же от названия района) будет не совсем корректным с точки зрения коренных ангарцев, поскольку для нас понятия «кежмарь» и «ангарец» – это одно и то же. Пока мы, коренные ангарцы, есть, мы воспринимаем эти слова так».*

Таким образом, мы можем подвести определённые итоги. Антропологически ангарцы представляют собой типичных русских,

с незначительной монголоидной примесью. С точки зрения лингвистики ангарцы являются органичной частью сообщества русских старожилов Сибири. Культура ангарцев представляет собой уникальный кластер, состоящий из общерусских культурных элементов, с незначительным влиянием культуры коренных народов (эвенков), в центре которого находится Ангара как основа кормящего ландшафта. В целом культура ангарцев не является однородной на всём протяжении Ангары. Эта неоднородность выражена в коллективных прозвищах, которые подчёркивали региональные культурные особенности. Также уникальность этой культуры заключена в её продолжительной изоляции, которая обеспечила сохранение наиболее архаичных элементов традиционной русской культуры, что во многом и обеспечило пристальное внимание к ангарцам со стороны исследователей. И, наконец, само слово «ангарцы» в качестве общего самоназвания для носителей этой культуры появляется в эпоху её упадка и уничтожения.

Да, на сегодняшний день ангарцы как носители традиционной культуры русских старожилов Ангары практически исчезли. Однако память о них и их культуре сохраняется. Более того, благодаря музеям и старожильческим сообществам, ангарская культура популяризируется. Она стала брендом региона, и это замечательно.

1.2. Ангарцы с точки зрения этнологии и теории этноса

Далее мы поговорим о некоторых теоретических аспектах этнологической науки и возможности их применения в отношении ангарцев. Для профессиональных исследователей этот раздел вряд ли откроет что-то принципиально новое, но, надеемся, обозначит ряд интересных вопросов. Итак, вопрос о выделении ангарцев как особой этнокультурной группы носит характер дискуссионный. Дело в том, что, говоря о характере тех или иных национальных, этнических, этнорегиональных и т.п. групп, мы неизбежно приходим к двум во многом противоположным подходам к их определению и изучению: примордиальному и конструктивистскому.

Первый подход для большинства отечественных читателей будет восприниматься как нечто само собой разумеющееся, так как именно он являлся основой классической русской и советской этнографии. Суть его состоит в том, что этнос, как объект исследования этнографии, есть примордиальное, то есть изначальное (от лат. Primordialis – первоначальный) явление, которое существует объективно. Наиболее последовательно примордиальную позицию выразил Л.Н. Гумилёв: «*Этническая система – объективная реальность, существующая вне нас и помимо нас*» [Гумилев, 2002, с. 17]. Вообще Лев Николаевич для отечественной этнографии/этнологии являлся настоящим новатором, фигурой очень яркой и в определённой степени одиозной. Его теоретические построения подвергались жесткой критике со стороны современников, и по сей день его теория «пассионарности» является скорее маргинальной, как, кстати, и сам примордиальный подход.

На сегодняшний день главенствующим теоретическим течением в науке об этносах и в других гуманитарных дисциплинах является т.н. конструктивизм. Идея этничности как социального конструкта возникает в западной общественной мысли во второй половине XX в. Суть конструктивизма заключена, собственно, в его названии – те или иные человеческие общности не возникли как результат объективной потребности людей в объединении в группы, а являются продуктами социального конструирования

представителями политической элиты и/или национальной интеллигенции [Согомонян, 2023, с. 114]. Таким образом, скажем, этническая идентичность индивида не является некой изначальной данностью, фатумом, а навязывается ему извне и может быть в любой момент изменена в зависимости от личных предпочтений или социальной конъюнктуры.

Пожалуй, одним из самых известных примеров такого подхода является расхожая история: «Однажды на придворном балу император Николай I спросил французского маркиза Астольфа де Кюстина, гостившего в ту пору в России:

- Маркиз, как вы думаете, много ли русских в этом зале?
- Все, кроме меня и иностранных послов, ваше величество!
- Вы ошибаетесь. Вот этот мой приближенный – поляк, вот немец. Вон стоят два генерала – они грузины. Этот придворный – татарин, вот финн, а там крещеный еврей.
- Тогда где же русские? – спросил Кюстин.
- А вот все вместе они и есть русские...».

Это, конечно, байка, но байка показательная. Русские в данном случае рассматриваются не как отдельный этнос, а как некая идентичность по принципу преданности главе государства, практически аналог современной гражданской нации. Приведённый выше пример демонстрирует реалии российской политической элиты, которая всегда отличалась некоторой полиэтничностью, тогда как большинство населения страны было представлено этнически русским крестьянством, но от этого пример конструктивистского подхода к этносу и этничности не становится менее показательным, а скорее наоборот. Русским, в таком случае, может стать кто угодно, вне зависимости от этнического происхождения. Только конструктивизм последовательно развивает эти идеи, применяя их к любым этносам: кто угодно может стать кем угодно, было бы желание или воля политической элиты, которая навяжет электорату выгодную им идентичность.

Пожалуй, самым заметным конструктивистом в отечественной науке является В.А. Тишков – автор фундаментального исследования «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии» [Тишков, 2003]. В этой работе автор наиболее последовательно отстаивает идеи конструктивизма

применительно к феномену этничности. Некоторые критики даже обвиняли его в чрезмерном радикализме и сведении этничности до явления индивидуального сознания, которым можно манипулировать как угодно [Семенов, 2006, с. 100]. Однако подробно разбирать теоретические построения у нас нет возможности. С ними, как и с их критикой, читатель может ознакомиться самостоятельно.

На сегодняшний день конструктивизм как описательная модель в западной и отечественной науке занимает доминирующую позицию, что продиктовано, скорее, политической конъюнктурой [Согомонян, 2023, с. 115]. На наш взгляд, подобная точка зрения относительно русского и других народов-этносов является не просто теоретически бессмысленной, но и напрямую деструктивной. Мы не можем рассматривать этническую культуру отдельно от особенностей её носителей, которые сами по себе являются элементами этой культуры. Например, русские – это восточноевропейский народ, являющийся самым крупным этносом России и Европы. Русский язык входит в славянскую языковую группу индоевропейской языковой семьи. С точки зрения антропологии, современные русские или великороссы являются однородным, выраженно европеоидным народом, занимающим центральное положение среди других европейских популяций [Бунак, 1965, с.138]. Русские отличаются в первую очередь светлой пигментацией глаз и волос. Незначительная монголоидная примесь есть только у небольших групп в Вятско-Камском регионе и в Сибири. Современные исследования в области генетики показывают, что русские делятся на два генетических кластера: жители Южной и Центральной России ближе к другим народам, говорящим на славянских языках, а северные русские – к финно-уграм. Доля же восточно-евразийской (монголоидной) примеси в генофонде русского народа ничтожно мала [Balanovsky, O., 2008].

Таким образом, сформирован некий фенотипический стереотип, который сам по себе является частью русской этнической культуры: русский – это белый европеец, и, скажем, азиат или субсахарный африканец не может быть русским по определению, что противоречит конструктивизму. Отрывая культуру от её носителей, рассматривая её как вещь в себе, мы неминуемо

ограничиваем, урезаем эту культуру, а в перспективе низводим её до некоего фантома, чего-то незначительного и необязательного. Однако в конструктивизме, на наш взгляд, есть здравое зерно. Например, во многом благодаря конструктивизму, мы можем разграничить такие вещи как этнос и нация, понимая последнюю через институт гражданства. Таким образом, к определённой нации может принадлежать человек любого этнического происхождения, имея паспорт того или иного национального государства. Так, наряду с русским этносом существует российская политическая нация – россияне, к которой принадлежат отнюдь не только русские, но и представители других коренных народов России, а также выходцы из стран СНГ и любых других государств, имеющие паспорт гражданина Российской Федерации. Или, наоборот: этнический русский может жить за пределами РФ и иметь гражданство другой страны, скажем, Казахстана. В таком случае он не станет этническим казахом, но будет принадлежать к казахстанской политической нации, являясь, соответственно, казахстанцем. Таким образом, нация является настоящим политическим конструктом, имеющим к этносу весьма опосредованное отношение.

Итак, кратко охарактеризовав примордиализм и конструктивизм, мы можем пару слов сказать о сущности этноса. На самом деле, вопрос о том, что такое этнос, является самым дискуссионным вопросом этнологии. Проблеме определения этноса посвящены десятки теоретических работ, и самих определений можно насобирать несколько десятков, в зависимости от той или иной научной традиции. А поскольку наша работа не посвящена теоретическому осмыслению сущности этноса, мы вольны выбрать одно из определений, наиболее подходящее по контексту. В нашем случае наиболее подходящее определение этноса было дано кандидатом исторических наук А.А. Кульшановой: «Этнос – исторически сложившаяся на определённой территории устойчивая и динамическая общность, основанная на общем генетическом родстве, определяющем расово-антропологические признаки, и общекультурной модели, включающей специфические материальную и духовную культуры, язык, традиции и обычаи и пр., на общности психологического склада, сознания своего

единства и отличия от других подобных образований (самосознании), фиксируемых в самоназвании – этнониме, а также на определённых формах социально-территориальной и социально-политической организации» [Кульшанова, 2013, с. 191]. Определение довольно широкое и в некоторых моментах спорное, но для нас здесь важны две главные составляющие этноса – генетическое и культурное родство. Первое – явление, можно сказать, само собой разумеющееся (хотя многие исследователи и публицисты либо не заостряют на этом внимание, либо полностью отрицают [Власова, 2013, с. 31]), поскольку необходимым свойством этноса, разграничивающим один этнос от другого, является эндогамия (заключение браков внутри одной социальной или этнической группы), которая влечёт за собой появление сопряженной с этносом популяции или группы популяций [Ю.В. Бромлей, 1988, с. 17; Балановская 2007, с. 315-316]. А второе является для нас наиболее важным, поскольку основная задача этнографии – это изучение взаимосвязей между элементами культуры, причём культуры традиционной, т.е. бесписьменной [Белков, 2009, с. 63-64].

Таким образом, современные русские, как и их предки в XVII в., являются единым этносом, члены которого связаны друг с другом культурно и генетически, а ангарцы выделяются в рамках этого этноса специфическими особенностями культуры, которая долгое время сохраняла наиболее архаичные черты традиционной русской культуры.

Основываясь на анализе полученных в ходе исследований ангарцев данных, мы можем включить их в ту или иную классификацию в рамках этнографии. И, как обычно, всё будет зависеть от теории, которой мы пользуемся. Идя по стезе социального конструктивизма, мы сможем говорить об ангарцах только как об одном из вариантов идентичности (региональной). В рамках отечественной (примордиальной) научной традиции существует несколько таксономических классификаций этноса. Наиболее известными из них являются две: классификация Л.Н. Гумилёва и классификация Ю.В. Бромлея.

Таксономический ряд, предложенный Л.Н. Гумилёвым, выглядит следующим образом: консорция (конвиксия) – субэтнос –

этнос – суперэтнос. Лев Николаевич поясняет: «Консорциями мы называем группы людей, объединенных одной исторической судьбой. В этот разряд входят «кружки», артели, секты, банды и тому подобные нестойкие объединения. Чаще всего они распадаются, но иногда сохраняются на срок в несколько поколений. Тогда они становятся конвиксиями, то есть группами людей с однохарактерным бытом и семейными связями» [Гумилев, 1989, с. 122]. Таким образом, консорции и конвиксии, по Гумилёву, являются минимальными единицами этнической таксономии, а последние имеют потенциал превращения в субэтнос. Собственно, сам термин «субэтнос» в рамках отечественной науки об этносе ввёл именно Лев Николаевич, подразумевая под ними некие структурные элементы этноса, то есть группы людей в рамках этноса, имеющие особенности культуры и специфический стереотип поведения. В качестве примера Л.Н. Гумилёв приводит казаков, поморов, а также сибиряков (чалдонов) [Гумилев, 1989, с. 120]. Таким образом, получается вполне стройная картина: в рамках русского этноса существует субэтнос сибиряков (чалдонов), который состоит из нескольких конвиксий, в число которых можно включить русских старожилов Ангары – ангарцев. Также в пользу этой схемы выступает тот факт, что в устной речи жителей Северного Приангарья слова «ангарец» и «чалдон» иногда выступают в качестве синонимов [Смирнов, 2018, с. 372].

Рассмотрим классификацию Ю.В. Бромлея, который по многим вопросам был ярым оппонентом Гумилёва. Выглядит она следующим образом: микроэтническая единица (этнофор) – субэтнос – этнос – суперэтнос. Этнофор – индивид, носитель этничности. «Промежуточное положение между микроэтническими единицами и этносами занимают «субэтносы». Обычно их существование связано с осознанием групповых особенностей тех или иных компонентов культуры» [Бромлей, 2008, с. 83]. Наряду с субэтносами Бромлей выделяет также «этнографические группы», которые отличаются от этносов и субэтносов отсутствием осознания своего единства, выраженного в самоназвании. «И, следовательно, поморы и различные группы казаков, обладающие самосознанием, будут представлять собой субэтносы русского народа, а северные и южные русские – его

этнографические группы» [Бромлей, 2008, с. 85]. Исходя из этого, мы вполне можем рассматривать ангарцев как субэтнос, в рамках данной классификации.

Однако все классификации во многом оторваны от исторического контекста, и на сегодняшний день, безусловно, устарели. В.Н. Курилов верно отмечал, что с переходом к индустриальной эпохе субэтносы теряют «пространственную определённость и модифицируются в мозаично и дисперсно размещающиеся на этнической (для данного этапа, скорее, национальной) территории общности социокультурного характера» [Курилов, 2002, с. 43]. Субэтносы (как, во многом, и этносы) – атрибут традиционного (доиндустриального) общества. Города, а в особенности города индустриальные, переваривают в себе различные этнические группы, и вместе с индустриализацией на первый план выходит идентичность классовая и национальная. Этносы и субэтносы являются органичным результатом самоорганизации людей на основе кровного и культурного родства. Нации – продукт государственного конструирования, в основе которого может находиться культура определённого этноса, однако эта культура будет унифицированной, усреднённой. То же касается и «литературного» языка, который является общенациональным и предполагает прескриптивную (предписанную, установленную словарём) норму, заменяя множество этнических и субэтнических диалектов.

Сказанное выше вовсе не означает, что на современном этапе развития общества этносы и этническая идентичность потеряли свою значимость и исчезли под напором государственного нациестроительства. Сам факт появления обществ ангарских старожилов, развития АЭМ «Ангарская деревня» и их успехов в деле популяризации традиционной культуры ангарцев говорит о наличии запроса в обществе на традиционную, а, следовательно, этническую культуру. И, учитывая массовую урбанизацию и миграционные тенденции, которые ведут к столкновению этнических культур в условиях современного города, мы уже сейчас можем наблюдать настоящий этноренессанс, расцвет которого нас только ждёт в будущем.

Всё это может показаться слишком громоздким и запутанным, но в этом суть: ангарцы и ангарская культура, как

органичная часть русской культуры, – явление сложное, а русский этнос и русская культура – явление неизмеримо более сложное, чем ангарцы. Изучая ангарскую культуру, мы начинаем чуть лучше понимать культуру русскую. Таким образом, через свою локальную идентичность мы причащаемся к идентичности этнической. Всё это – элементы традиционной культуры, которую мы обязаны изучать и адаптировать к современности, чтобы не скатиться в мультикультурную/бескультурную выгребную яму. Ангарцы, как носители традиционной культуры, исчезли, но их потомки живы. Они сохраняют память об этой культуре, стараются адаптировать её к современности и передать потомкам, внося свой вклад в сохранение и развитие русского народа, который живёт и здравствует по сей день, благодаря культурной и генетической памяти.

Глава 2
Материальная культура

2.1. Особенности архитектуры

Архитектура лучше всего передаёт своеобразие культуры народа, причём у одного и того же этноса на разных территориях это проявляется по-своему. Вот и на Ангаре за три столетия жизни русских старожилов успела сложиться своя неповторимая строительная культура. При этом нельзя назвать её простой адаптацией русского деревянного зодчества к новым условиям на Ангаре. Когда в начале XX в. рядом с ангарскими поселениями образовались переселенческие деревни выходцев с западных губерний Российской империи, их архитектурный облик разительно отличался от ангарского, хоть и был приспособлен под эти же природно-климатические особенности.

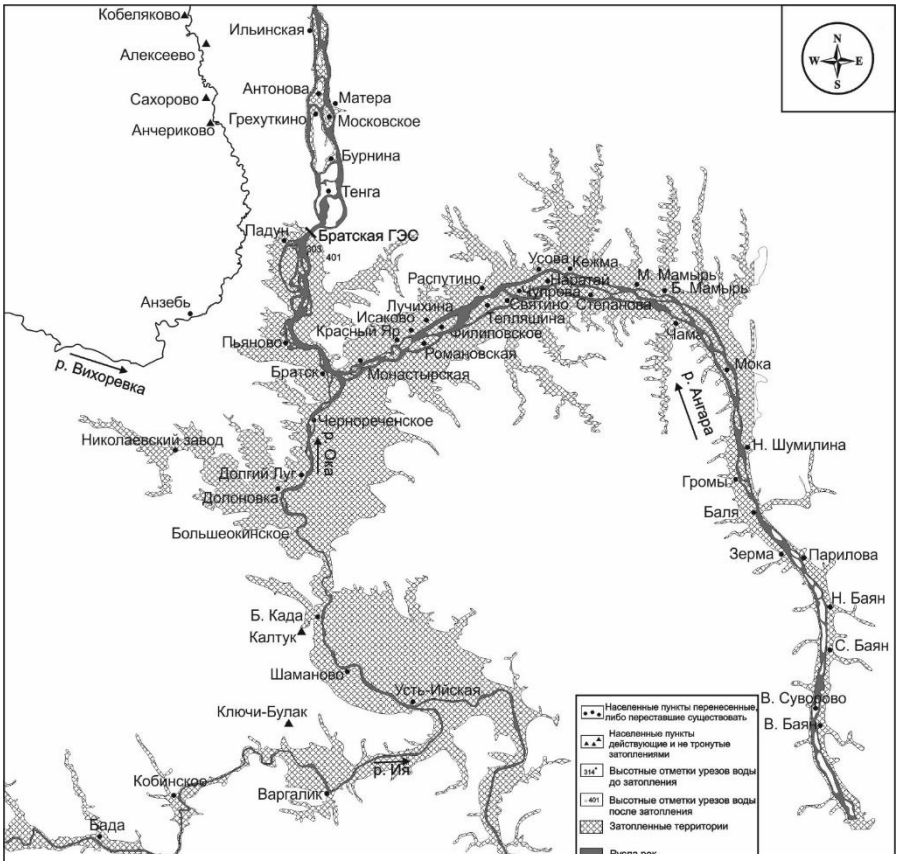
Ангарское деревянное зодчество развивалось на иной культурной базе, это были северорусские строительные традиции. Но не встретить на Ангаре больших отдельно стоящих домов-дворов, внутри которых собраны все жилые и хозяйственные помещения, как это делали на Русском Севере. Ведь первоначальное ядро первых поселенцев на Ангару вышло с северных земель России еще в XVII в., когда и там такие дома-дворы только зарождались и архитектурный облик был иным. На Русском Севере «таких домов не было до конца XVII в. и даже сто лет спустя было еще очень мало» [Шенников, 1966, с. 19]. В этом смысле ангарские зодчие продолжатели более древней северной традиции, которую как раз и адаптировали на берегах Ангары.

Почти все ангарские деревни были основаны в XVII – начале XVIII вв. и долгое время насчитывали по одному или нескольким дворам. Почему только что прибывшие русские крестьяне не держались вместе на пока еще не спокойной территории, а селились в 20 км и даже 50 км друг от друга? Причина кроется в системе земледелия, именно она диктовала плотность населения у оседлых народов. На момент начала освоения Ангары в XVII в. в европейской части России бытовала прогрессивная трехпольная

система, при которой одновременно пашут два поля, а третье отдыхает «под паром» и удобряется навозом. Но для столь интенсивной эксплуатации земли необходимо развитое скотоводство, чтобы было чем восстанавливать плодородие. Поэтому в Приангарье даже в начале XX в. ангарцы использовали двухполье, в котором одновременно задействована только половина пашни [Сабурова, 1967, с. 27]. А на дальних полях и вовсе сохранялась архаичная переложная система земледелия, в которой расчищенный участок давал урожай лишь несколько лет, а потом надолго забрасывался для восстановления плодородия. То же самое происходило и в XVII в. [Шерстобоев, 1949, с. 322], когда скотоводство было еще менее развитым. Крестьяне нуждались в перспективных просторах вокруг деревни, на которых можно будет много раз сменить пашню, пока не восстановится плодородие предыдущей, потому и селились друг от друга подальше.

Таким образом уже на первоначальном этапе освоения Ангары были заняты самые плодородные земли, а вплотную к ним примыкали малодворные деревни, чтобы не ходить пахать слишком далеко. Но по мере роста населения дальние поля (заимки) всё же появлялись, и тогда на их месте возникали новые деревни. Так постепенно были заселены некоторые небольшие притоки Ангары: Вихорева, Кова, Чадобец, Мура. На Ангаре встречалось несколько деревень с говорящим названием Заимка, намекающим на развитие из простой сельскохозяйственной заимки.

Важной особенностью именно ангарских селений являлось то, что их часто располагали на островах [Царев, 2017, с. 67]. Почти на всём протяжении Ангары протянулась длинная цепочка островов, отделяемых друг от друга протоками. Только в нижнем течении реки, где она более полноводна, острова встречаются одиночками. Размеры некоторых островов позволяли поместиться не одной, а двум деревням. Так на противоположных концах острова Бурнин были деревни Бурнино и Грихуткино (Братский район), а на острове Тургенева стояли Заимка и Алёшкино (Кежемский район). Острова были богаты строевым лесом, плодородной землёй. Многие были пойменные, то есть низкими и покрытыми высокой травой, на них предпочитали держать скот или заготавливать сено.

Карта-схема дореволюционных селений Братского района

Островные деревни не ощущали себя изолированными, ведь дорогой с внешним миром служила только Ангара. Порой, было так много идущих друг за другом островных деревень, что если среди них оказывалось поселение на материке, то его так и называли – МатерА (Братский район).

Но были случаи, когда деревни переезжали с острова на материк. Так произошло с деревней Мока Братского района, когда в той уже было 60 дворов. Причиной стало перенаселение небольшого острова, где уже не было места для пашни. Пахать приходилось лишь на материке, куда надо было постоянно переправляться на лодках. Поэтому, чтобы не тратить время на эти

трудности, деревня переехала [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 428. Л. 189-253].

Строить новую деревню предпочитали на самом высоком берегу Ангары, что был поблизости от пашни. На хорошо обдуваемой возвышенности меньше собиралось мошки, которая досаждала людям и домашним животным. Но самое главное, чем выше место, тем меньше шансов пострадать от весеннего паводка и ледохода. Обычное дело, когда ледоход по высокой воде периодически срезал все бани и хозпостройки, расположенные по береговому склону, возвращая его природную чистоту. И если деревня стояла на невысоком месте, то эта же участь ожидала усадебную застройку. Так, на памяти старожилов, произошло с деревней Сыромолотово Кежемского района в 1920-х годах. После разрушительного потопа она переехала с низкого 5-метрового берега вглубь материка на высокую 11-метровую террасу. До реки ходить стало дальше на 150 м, но память о наводнении не дала вернуться назад.

Иначе произошло с деревней Заимка Богучанского района, которой, по местному преданию, пришлось перекочевать несколько раз. После наводнения деревню перенесли с низкого 6-метрового берега подальше от Ангары. Однако жизнь там продолжалась недолго, хоть и располагалась деревня на надежной 15-метровой террасе. Но находиться в 400 м от Ангары, с которой

Деревня на берегу Ангары, д. Фролово Кежемского района. 1987 г. [Ополовников, Ополовникова, 2004, с. 333]

была связана большая часть жизни, было трудно. Спустя время Заимка вернулась на прежнее место.

Поэтому самым подходящим местом на Ангаре оказался крутой 10-15-метровый берег, где не достанут паводки и разрушительные ледоходы, а доступ к воде ближайший.

Наиболее древняя планировка здесь однорядная. Улица вытягивалась вдоль Ангары, повторяя её изгиб, и лица изб, то есть самые нарядные фасады, смотрели на реку. Если берег в этом месте

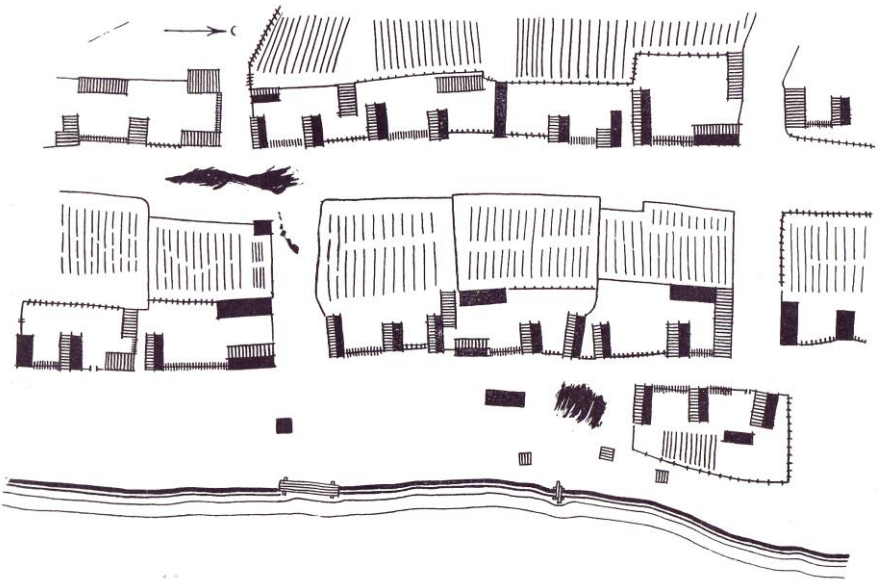

Схема планировки с. Верхнее Суворово Братского района. [Маковецкий, 1971, ил. 12]

был пологим, то огороды выносили на его плодородный склон, а не устраивали позади усадеб. Таким образом, дорога перед домами превращалась в границу между усадьбами и огородами. Так было удобно, но для небольшого количества жителей. С ростом населения улицы делали двухрядными, чтобы при одной и той же длине вместить больше усадеб. И когда длина такой улицы простиралась слишком далеко, позади неё возникала следующая и так далее.

Через каждые 4-6 усадеб устраивались проулки для жителей более верхних улиц, иначе бы им на пути к воде приходилось обходить всю километровую улицу.

А ходить приходилось часто, поскольку воду брали только с реки. Колодцы, чьи силуэты привычно украшают деревни на других реках, для ангарских селений не характерны. Причина этому в высоком качестве воды в Ангаре. В редкой деревне можно было встретить колодцы, их копали только на дальних от реки улицах. Но колодезную воду использовали лишь в технических целях, питьевую продолжали возить с реки.

Забор воды из проруби на р. Ангаре. Енисейский уезд. 1911 г. КККМ в/ф 7930/2. Красноярский краевой краеведческий музей

«*Мы с колодца не пили воду, мы всегда таскали с Ангары. Два коромысла было, два ведра, вот так вот. Сколько я перетаскала этой воды! И вот ходили туда, девчонками соберёмся двоетрое: "Пойдем по воду?". Пошли. Набрали там чистой воды, принесли, и вот этой водой мы питались. Пили только Ангару. С колодцев поливать только, стирать*. – Она хуже была в колодце? – *Конечно, хуже, жестче была*», – рассказывала Светлана

Гавриловна Мокрецова (Колесова), 1939 г.р., из деревни Черновщина Усть-Удинского района.

Зимой воду брали с прорубей, которые размещали по три в ряд: верхняя прорубь служила для питьевой воды, средняя называлась скотской или конной. Для безопасности животных её делали длинной и узкой с «бровками», а в нижней проруби полоскали бельё. «*Проруби делали. Ну не на всю деревню, например, вот 5-6-7 домов, проулок, туда к Ангаре специально проулок. Ну не специально, тут один огород и второй огород, а между ними оставляли, такой проулок называется. Вот там, вот в этом проулке, несколько домов делали одну. А там дальше в деревне несколько домов собирались, там у них своя прорубь была*», – вспоминала Светлана Гавриловна Мокрецова (Колесова), 1939 г.р., из деревни Черновщина Усть-Удинского района. Для ангарцев прорубь была не просто источником воды, но и местом деревенской коммуникации, где происходили встречи и обмен новостями.

Еще одна особенность – это полное отсутствие деревьев и кустарников на территории поселения. Мода сажать деревья перед домом и устраивать палисадники появилась лишь в XX в. и то не везде. А до этого в свободных пространствах деревни невозможно было встретить растительность выше травинки. И даже стена тайги отстояла от деревни как минимум на сотни метров. Считается, что это делали преднамеренно, чтобы уменьшить количество гнуса, который как раз обитает в густых зарослях. Да и продуваемость территории без деревьев выше, что также убавляло надоедливую мошку.

Вполне возможно, что и сами ангарцы, вынужденные с рождения отвоёвывать пашню у наступающей тайги, не желали видеть деревья на своей окультуренной территории.

Усадьбу на Ангаре называли «поселье» [Сабурова, 1971, с. 59]. По планировке она относится к открытой сверху и замкнутой в плане, то есть постройки здесь расположены вплотную друг к другу по периметру усадьбы. Редкие промежутки между ними замыкают заплоты – это мощные заборы из брёвен или толстых плах, горизонтально уложенных в пазы толстых столбов. Архитекторы верно подметили, что ангарские усадьбы из-за этого

Дом С.А. Чубыкина, с. Большеокинское Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Институт этнологии и антропологии

напоминают крепости в миниатюре, словно унаследовали архитектуру острогов со времён освоения Сибири [Ополовников, 1983, с. 112-113]. Избы на высоких подклетах и окна со ставнями, хозяйственные постройки с глухими стенами, мощные ворота и заплоты создают впечатление, что жители усадьбы всегда помнили о безопасности. Связано ли это только с защитой от морозных ветров или так крестьяне оберегали себя от беглых каторжников? О проблемах с такими людьми на Ангаре сохранилось не мало преданий. И даже их местное название «варнак», «поселюга» отражает пренебрежение у ангарцев [Макаренко, 1913. с. 186].

Старожилы вспоминают, что и в послевоенное время сохранялась опасность встречи с беглыми. «*Иногда один плывешь, шпонку срезаешь на винту, вот это. В первое время обращаешь внимание не на зверя, не на чего, а чтобы только рядом не было человека. Вот было такое, да*», – вспоминал Виктор Федорович Ступин, 1948 г.р., из деревни Воробьёво Усть-Илимского района.

Но эти «маленькие остроги» редко стояли отдельно. Усадьбы строили вплотную одна к другой, и создавалась вытянутая вдоль

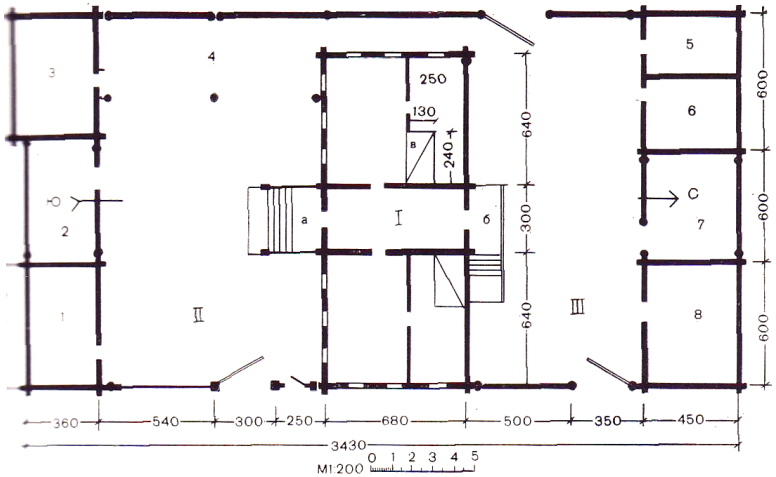

Схема двухдворной усадьбы Г.И. Банщикова, д. Закурдаева Братского района. I – изба: а, б – крыльца; в – глинобитные печи. II – чистый двор: 1, 2 – двухэтажные амбары; 3 – завозня; 4 – навес. III – скотный двор: 5, 6, 8 – хлевы; 7 – стайка. Обмер 1970 г. [Ковалев, 1970, с. 275]

берега приветливая композиция из перемежающихся домов, амбаров и стаек.

Внутреннее пространство усадьбы делилось на дворы, чистый и скотный. Это позволяло держать в чистоте часть усадьбы, где находились амбары, завозня, зимовьё. На скотном дворе в распоряжении домашних животных были только специальные постройки – стайки, хлева, навесы и отдельные ворота, через которые скот гоняли на улицу. В зависимости от расположения дворов можно выделить два варианта планировки усадеб. В первом – скотный двор располагали позади чистого, так любили строить на Илиме, где из-за горной местности не хватало ровных участков. На Ангаре же преобладал вариант с расположением дворов по бокам. В этом случае жилище находилось посередине, а в сенях было два выхода – на чистый и на скотный двор. Такая планировка требовала больше пространства, однако оказалась удобна для работы по хозяйству, тем более что не приходилось гонять скот через чистый двор.

На основе двухдворовой усадьбы с боковым расположением дворов в нижнем течении Ангары (Кежемский и Богучанский

Усадьба с крытым двором, с. Богучанское Енисейского уезда. 1911 г. КККМ в/ф 7930/2. Красноярский краевой краеведческий музей

районы) сложился крытый двор. Но в самом простом понимании. Крытым двором принято называть усадьбы, в которых по пути из избы до хлева не приходится выходить на улицу. На Ангаре это достигалось за счет возведения навеса на обычном скотном дворе, который соединял избу и помещения для скота. Считается, что такой вариант был первым этапом развития крытого двора, начавшегося на Русском Севере в XVII в. [Шенников, 2004, с. 41-42].

В начале XX в. на Ангаре сложилось всё то разнообразие жилищ, которое до сих пор можно наблюдать в сельской местности. Дома пятистенки с капитальной или неполной внутренней стеной, крестовые дома и даже двухэтажные крестьянские жилища, все эти типы распространяются лишь на рубеже XIX-XX вв. и по количеству всё же уступают более простому типу. Ведь долгое время для Ангары характерной была обычная изба с четырьмя стенами. Но она редко стояла одиночкой. Спустя 5-15 лет после возведения к ней пристраивали еще одну такую же, только с длинными выпусками бревен, которые закрывали пространство между двух изб и образовывали сени. Такое трёхчастное жилище на Ангаре называли «дом на связи».

д. Верхнее Суворово Братского района. 1956 г. Рисунок С.А. Тимофеева. Музей истории архитектуры Сибири имени С.Н. Баландина

Именно вытянутые связевые дома задавали архитектурный ритм ангарской деревни. Протяженность постройки дополнительно подчеркивал большой вынос конькового бревна на крыше, украшенного конской головой. Не задранной вверх, как на Русском Севере, а устремлённой вперёд, как у коня, впряженного в тяжелый плуг. По бокам располагались низкие хозяйственные постройки. Они также вытягивались друг за другом под одну длинную крышу, словно подражали избам. Поэтому со стороны реки усадьбы напоминали лошадей, что пришли со своими жеребятами посмотреть на Ангару и застыли, превратившись в крестьянское жилище.

Интересно, что пристраивание избы к избе не преследовало цели расширить жилищное пространство. Потому как даже неразделенные семьи, которые в среднем насчитывали 15 человек, жили только в одной половине, называемой зимней избой. Как раз в ней по этой причине устраивали полати над входом, где спали не только дети, но и взрослые. Вторая половина,

Изба-связь 1890-х годов, д. Климино Кежемского района. 2023 г.

«горница», использовалась летом, когда нужно было продолжать топить русскую печь для выпечки, что мешало потом спать в жаркую погоду.

Сени, вход в горницу, избу и кладовые в доме И.З. Молокова, д. Дальняя Муя Усть-Удинского района. 1957 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Институт этнологии и антропологии

Старинная клеть, д. Дальняя Муя Усть-Удинского района. 1957 г.
НА ИЭА РАН 52833. Институт этнологии и антропологии

«Зачем в летней избе русская печь? *Но как, там стряпались. Зимой-то там не стряпались, а летом тут стряпались. Там если зимой-то стряпаться да все-то там находимся, дак жара будит. Кушали там, покушам, там кровати стояли две. На печé надо, на печé заляжешь*», – рассказывала Людмила Семеновна Колпакова (Брюханова), 1945 г.р., из деревни Гольтявино Богучанского района.

Эта рациональная традиция, позволяющая экономить дрова, берёт начало еще с XVII в. Тогда к избе через сени пристраивали не такую же избу, а клеть – неотапливаемое жилище, в котором не было печи. Причём в летнее время там было комфортней жить не только из-за жары. До середины XIX в. крестьянские избы топились по-чёрному, дым из печи поступал в помещение и

выходил через специальное отверстие под потолком. Дымовая завеса в момент топки печи иногда занимала две трети верхнего объёма, и приходилось к этому подстраиваться. Чистая клеть без кухонных нечистот, да еще со светлым потолком и стенами без копоти была более привлекательным жилищем в теплое летнее время.

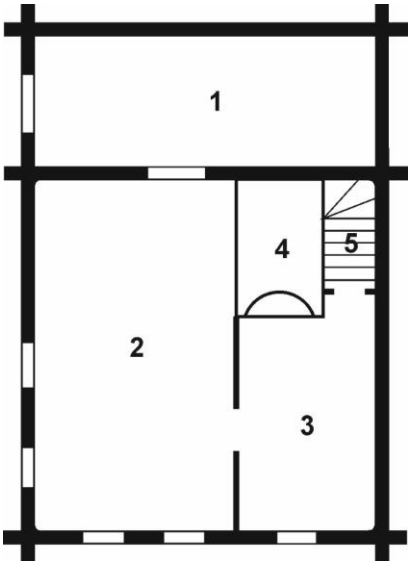

Старинная клеть, с. Богучанское Енисейского уезда. 1911 г. ККМ в/ф 7930/2. Красноярский краевой краеведческий музей

Когда в таком летнем жилище стали делать печи, обязательно с трубой, получилась горница. Использовалась она как помещение для гостей и в качестве вышеупомянутой летней избы. Как раз в них красиво расписывали деревянные «заборки» (перегородки).

В таком виде связевые дома дошли до нашего времени. Но редко полными комплексами. Дело в том, что в первой половине XX в., когда на Ангаре происходил распад неразделённой семьи, братья делили избу-связь на две половины. Иногда ограничивались установкой перегородки в сенях, чтобы каждый мог входить в дом со своего крыльца. Но чаще одну из половин увозили и создавали новую усадьбу.

В ангарской избе, как и в целом в Сибири, планировка была северорусской. В углу у входа стояла печь и своим «целом» (проёмом для топки) смотрела на переднюю стену, то есть противоположную от входа. Это было не очень удобно. Кухня находилась в противоположном конце избы возле печного цела и носить дрова, воду, пищевые отходы приходилось через всё

План-схема типичной ангарской избы: 1 – сени; 2 – «изба»; 3 – «куть»; 4 – печь; 5 – голбец

пространство жилища. Зато это позволяло более равномерно прогревать помещение. Входная зона нагревалась от близко стоящей печи, а вторую половину жилища помогало прогреть тепловое излучение от огня из цела печи. Именно суровый климат Сибири диктовал планировку. Даже переселенцы с западных окраин Российской империи, пришедшие в начале XX в. на юг Братского района, изменили планировку с удобной западнорусской (когда цело печи было повернуто ближе к входу) на местную, северорусскую. Но это давало еще одно преимущество, кухня или, вернее, «куть» становилась потаённым местом, где женщины могли прятаться от мужчин. Вполне вероятно, что и для женской гигиены. А входной угол, наоборот, был мужским местом.

В ангарской избе еще устраивали «гобчик», «гобец» – это надстройка между боковой стеной избы и печью, за дверью которой вниз спускалась лестница. Он служил удобным входом в подполье – яму под избой, где хранились продукты в зимнее время. Хотя и занимал часть полезной площади, которой в стандартной избе было мало, обычно 30-40 кв. м. Но в то время лишняя квадратура не имела ценности как сегодня, ведь большую часть времени проводили вне избы. Мужчины на дальних промыслах, женщины на дворе. Даже в большой семье оставшегося места вполне хватало и более не требовалось. К тому же есть еще одно преимущество голбца. Через него в подполье поступало тепло от боковой стенки печи, что помогало сберечь овощи от замерзания в морозы. Позже, когда в XX в. в деревнях усилилась городская мода, ради экономии площади «гобец» заменили на «западню» – люк в полу перед печью. Возможно, именно в домах с «западнёй» в

морозные дни для предотвращения замерзания овощей приходилось спускать в подполье чугунок с горящими углями из печи, о чём часто вспоминают старожилы Средней и Нижней Ангары.

Глинобитная печь с голбцом, д. Заимка Богучанского района. 2017 г.

Глинобитная печь размерами 1,2-1,5х1,8-2,5 м занимала не мало места, но всё же была поменьше русских печей европейской части России. По диагонали от неё располагался «цветной» (красный) угол, где была божница с иконой. Это наиболее светлое в избе место, так как здесь сходятся две стены с окнами. Остальные две, что у печи и входа, окон не имели. Вообще в крестьянском доме именно расположение печи диктует, с какой стороны будут прорубаться окна, устанавливаться перегородки, ставиться стол. Более того, даже расположение надворных построек зависит от печи.

Как определить, где нужно поставить печь?

Вне зависимости от ориентации избы по сторонам света, её делили на две части повдоль. Оставалось лишь понять, какая сторона от входа лучше годится для печи, слева или справа. Более

северная половина, где будет холоднее, и становилась местом для печи. Противоположная сторона оказывалась ближе к югу, и именно на этом боковом фасаде вырубали пару окон, где солнце даёт больше света и тепла. Напротив боковых окон ставили амбары, где за ними можно было приглядывать, там же получался чистый двор. Скотный двор располагался за глухой боковой стеной, в которой не было окон. А вход в стайки и хлева на этом дворе соответственно располагался ближе с южной стороны этих построек, что также давало дополнительный свет и тепло в помещениях для скота. Такой была общая планировочная структура на Ангаре, выработанная поколениями, доведённая до совершенства.

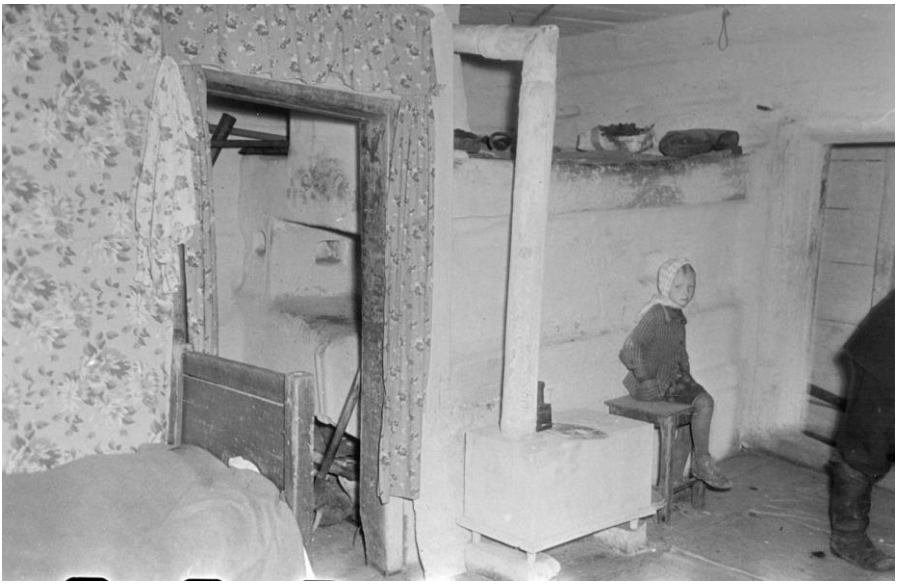

Изба 1867 г., с. Ключи-Булак Братского района. 2014 г.

Напротив «цела» печи получалась «куть», которая отделялась от остальной избы перегородкой. В лексиконе ангарцев так и говорилось, «изба да куть», то есть перегородка делила жилище на куть и избу. Попробуем следовать этой терминологии, чтобы объяснить еще одну интересную особенность ангарских изб. А именно, асимметричную расстановку окон на торцевом фасаде,

который смотрит на улицу. Для Ангары в целом характерен именно трехоконный фасад. Но окно, что освещает куть, немного отодвинуто от двух остальных, расположенных в избе. Снаружи это выглядит довольно асимметрично. А внутри наоборот, в «избе» два окна расположены почти равномерно от стен. Что будет, если не отодвигать кутное окно от других, мы видим в редких избах, где окна симметричны. Перегородка там почти врезается в левый косяк среднего окна, и свет от него распространяется неровно [Глушенко, 2024, с. 169-179].

Считается, что дощатые перегородки появляются в ангарских домах с середины XIX в. До этого использовался тканый полог, который можно было закрывать и открывать. Изготавливали его из «портянины» – ткани из конопли, не самой грубой из распространённых тогда. Нельзя ни в коем случае расценивать тканый полог как что-то присущее беднякам, ведь ткань в то время обходилась гораздо дороже деревянных досок. Возможно, это связано всё с той же проблемой обогрева жилища после отхода от печей без труб. Ведь во время топки можно откинуть полог, и излучение

Глинобитная и железная печи. Иркутская область. 1957 г.
НА ИЭА РАН 52635. Институт этнологии и антропологии

из цела печи будет прогревать красный угол, а после вернуть полог на место.

Во второй половине XIX в. у ангарских крестьян появляются чугунные печи. Их ставили в «избе» на пол и трубу выводили в общий стояк глинобитной печи.

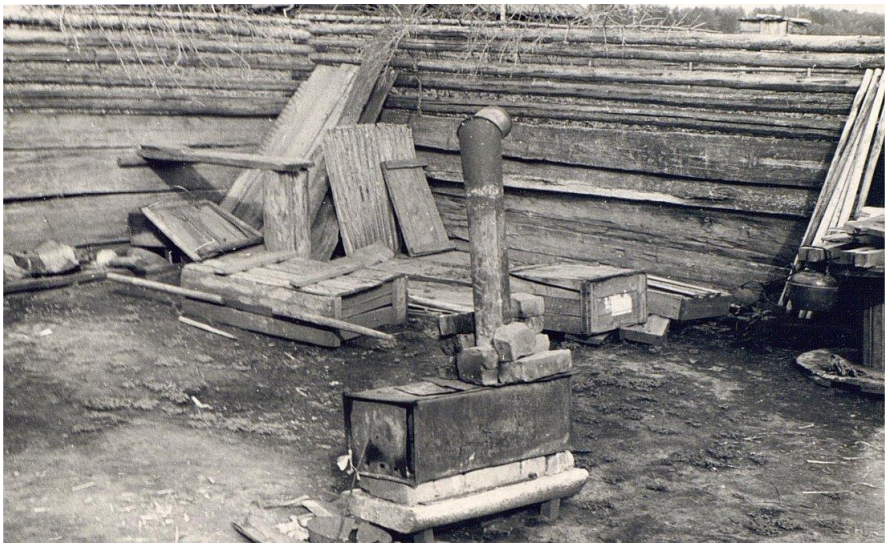

Очаг во дворе. Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 52817. Институт этнологии и антропологии

Сохранился интересный рассказ Екатерины Таусневой, записанный в 1923 г., про то, как ангарцы воспринимали железные печи в первые годы появления, который хочется привести полностью.

«Про печку говорят, что она у нас на Ангаре, в особенности в Пинчугской волости, появилась сравнительно недавно, лет с полсотни с небольшим. А в иных местах и меньше. Раньше печек не было, да и русские печи были не такие, а топились они так, что весь дым шёл сначала в дом, а там на стене была прорублена дыра, которая называлась трубой. Конечно, появление железной печки им было в диковинку.

Рассказывал мне про это мой дедушка. Купил он железную печку, привёз домой. Купец ему рассказал и показал, как надо ставить печку и как с ней надо обходиться. Приехав домой, он тотчас первым делом стал устраивать и устанавливать печку.

Железная печь на дворе, д. Парилово Братского района. 1958 г.
НА ИЭА РАН 12484. Институт этнологии и антропологии

Установил, затопил, пошло от неё сразу тепло. Все дивуются и радуются, вот до чего Господь велел дожить, что с роду не слыхано! Тепло и дыма нет. Ай да старик, вот спасибо тебе да Филиппу Васильевичу дай Бог здоровья! Позаботился он о нас, грешных. Так звали купца.

Тотчас тут же случилось и несчастье. Оказывается, что печка-то кусается, старуха сожгла юбку и руки обожгла. Ну и давай после того печку ругать:

- Батюшка, это какая-то нечистая сила.

А дедонька говорит:

- Да ты, старая дура, не подходи к ней близко-то, а то и сгореть можешь! Ведь ты сама виновата.

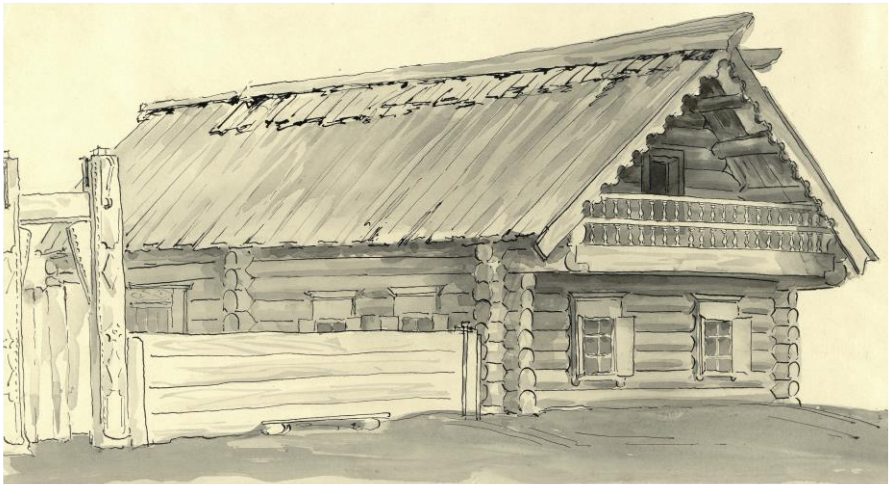
- Пошто, старик, мы такую-то печь затопили, дак тоже подходим, да ведь не сжёмся?

- Ах ты, старая дура! Да ведь такая-то не прокаливается сильно-то, она толстая, а ето тонкая, да и железная.

Убедил кое-как старуху.

Приходит к ним на другой день кума в гости. Печка топится. Было дело перед Рождеством, морозы стояли страшные. У печки даже труба красная. Кума намёрзлась, подходит к печке и

говорит: «Ай, батюшки! Какая благодать!» А сама за трубу руками-то и схватилась. Дело понятное – обожгла обе ладони себе, ну и завопила на весь дом, что привезли какую-то оказию, подойти нельзя, обжигает.

Дом с двухоконным фасадом, с. Казачье Боханского района. 1957 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 11. Институт этнологии и антропологии

Пошла с той поры про печку весть, с одной стороны хорошая, а с другой – самая плохая: греет-то она хорошо, да кусается. Скоро поняли они свою ошибку и стали все заводить железные печки. Вот всё то, что я слышала от своего дедушки про печку» [Ангарские сказки, 2022, с. 200-201].

Старожилы рассказывают, что топили железные печки зимой по три-четыре раза в сутки, чаще, чем русскую печь. «*Там у нас скамеечка вот тута у двери была, не знаю уж, сёгоды не была, наверно, уж выбросили. Печка стоит и скамеечка. Вот под неё два беремя хороших приташишь дров. И до утра. И печку истопим и тяпло. Печки были с задвижкой... Раз на жар садится, ну прикроешь её, чтоб из этой из трубы-то там холод не шёл*», – вспоминала Колпакова (Брюханова) Людмила Семеновна, 1945 г.р., из деревни Гольтявино Богучанского района. Но и до появления железных печей в сильные морозы не обходились одним теплом больших глинобитных печей. В деревне Пашино Мотыгинского района упоминается, что в угол избы насыпали песок и

Изба продольной ориентации, с. Чадобец Кежемского района. 2017 г.

клали туда раскаленные камни [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 473. Л. 1-530].

Видимо, только с железными печками и стали возможны стационарные перегородки из дерева, которые даже в соседних с Ангарой регионах по-разному повлияли на расположение окон на торцевом фасаде жилища. Например, на реке Илим, вокруг Байкала и у семейских Забайкалья предпочитали просто делать два окна на фасаде. А на Чуне и Муре, где преобладал трехоконный симметричный фасад, просто мирились с тем, что среднее окно внутри располагалось в углу избы. На Ангаре асимметрия ярко выражена на 1400 км отрезке от севера Боханского района до Богучанского включительно и показывает некое культурное единство ангарцев.

Впрочем, на Нижней Ангаре встречается один устойчивый вариант старинной избы с трехоконным фасадом без асимметрии. Это избы с прямоугольным планом, вытянутые вдоль улицы так, что фактически уличным фасадом является боковая стена здания. При этом вход также расположен с обратной стороны и в целом

вся планировка такая же традиционная для Ангары, как описана выше. Но за счет того, что изба в плане довольно широкая, простора для трёх окон вполне хватало, чтобы располагать их как угодно. И при этом внутри жилища среднее окно не смыкалось с перегородкой. Быть может, такие вытянутые вдоль улицы старинные избы появились как решение всё той же проблемы совмещения трехоконного фасада и деревянной перегородки.

Дом на двух хозяев. Построен предположительно в 1933 г. с. Московское Братского района. Фото сер. XX в.

Повсеместное распространение чугунных печей привело к изменению традиционной северорусской планировки. На городской манер в жилищах появляется уже несколько перегородок, образующих гостиную, дополнительные комнаты, а печь перемещается ближе к центру здания. Такие жилища ангарцы стали называть домами, подразумевая, что изба – это небольшое жилище с традиционной планировкой. Но на первых порах изменений появлялось множество вариантов, в которых чувствуется тяга к сохранению северорусской традиционной планировки.

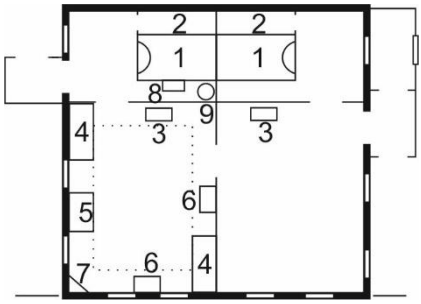

Схема дома И.С. Московских, с. Московское Братского района: 1 – глинобитная печь; 2 – голбец; 3 – чугунная печь; 4 – кровать; 5 – стол; 6 – сундук; 7 – стол «косячок»; 8 – приступок; 9 – кадка. Точками отмечен контур подпольной ямы

В селе Московское Братского района в 1920-х годах распадались неразделенные семьи,

но братья не всегда могли позволить себе строительство личного дома, поэтому появились дома на двух братьев. Это были большие дома с дощатой или филенчатой перегородкой в центре. В каждой половине отдельно кипела обособленная жизнь со своей русской печью, перегородкой, подпольной ямой для овощей и т.д. Планировка половины дома напоминала традиционную, только вход в жилище располагался со стороны кухни. А так, печь с голбцом в углу и перегородка, отделяющая куть от остального пространства, четко совпадали. Вторая половина имела зеркальную планировку, глинобитные печи стояли задом друг к другу. Иногда в общей перегородке устраивали дверь между комнатами, чтобы ходить друг к другу в гости, но отношения между семьями больше зависели от дружелюбности невесток, поэтому порой двери были заколочены. Над голбцом перегородку старались не продолжать и через этот проём обменивались горящими углями, чтобы экономить спички или угощали друг друга только что приготовленной едой. «*Между кухнями на высоте 60 см от потолка проходил брус, от него заборка, а выше, над подпольем (над голбцом), не забиралось. Вот Савватей Васильевич кричит: "Тётя*

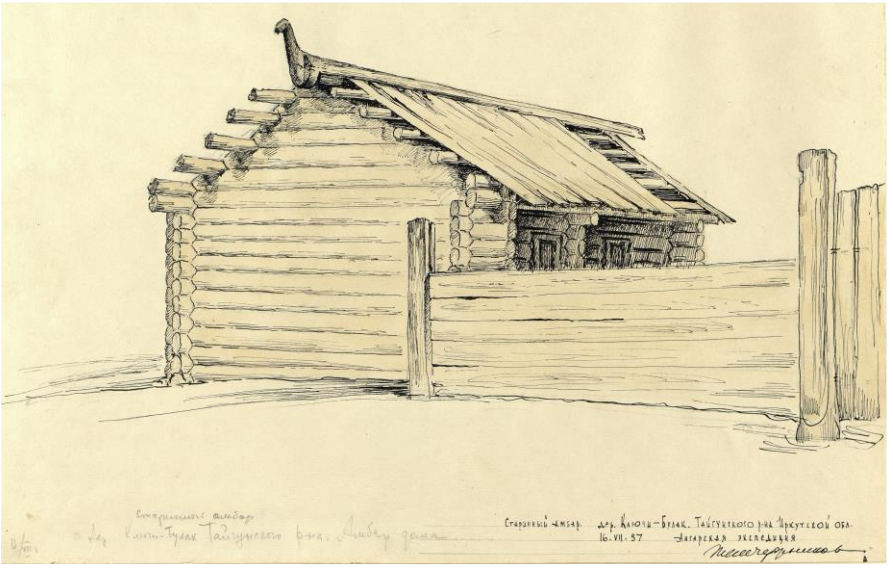
Двухэтажный дом 1910-х годов, д. Гольтявино Богучанского района. 2017 г.

Дом в д. Заимка Богучанского района. 2017 г.

Саня, ты картошку у себя сварила?" А любил картошку горяченькую. Сварилась, раз – ему туда подаст», – вспоминал Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское, Братского района [Глушенко, 2021б, с. 60-62].

В Богучанском и Кежемском районах появились дома с четырьмя окнами на торцевом фасаде, планировка осталась прежней, лишь значительно увеличился размер жилища. Там же в конце XIX в. начали возводить двухэтажные дома. Первый этаж имел переруб (перегородку из брёвен). Он отделял «зимовьё», фактически это небольшая изба с глинобитной печью, от подполья, куда можно попасть как из «зимовья», так и «западни» второго этажа. На втором этаже перегородка была легкой, из доски или филёнок. Скорее всего там стояла уже кирпичная печь, сообщающаяся с трубой глинобитной печи «зимовья». Между зимовьём и вторым этажом устроен двойной пол с утеплителем из земли. По всей видимости, зимовьё зимой не всегда топили, а летом использовали как летнюю кухню. Такие дома бытовали как минимум на отрезке Ангары между деревнями Селенгино [Сабурова, 1971, с. 64] и Гольтявино.

Старинный амбар, предположительно 1847 г., д. Ключи-Булак Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Институт этнологии и антропологии

В дальнейшем появилось множество других планировочных схем жилища. Кажется даже, что многие из них существовали в единичном варианте. Общим правилом было лишь то, что рядом с глинобитной печью, где бы она ни была, устраивалась основная перегородка и по другую её сторону стояла чугунная печь, без которой невозможно было протопить дом.

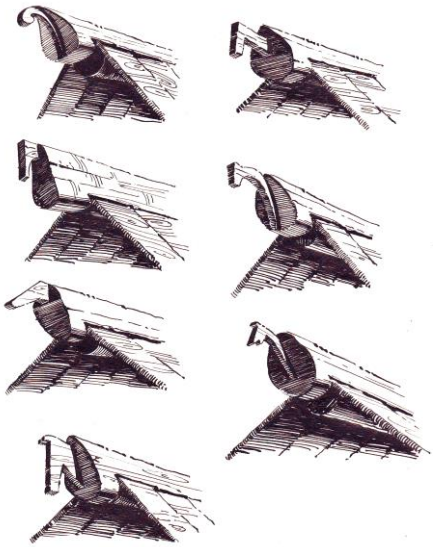

Резной повал с датой 1859 г. на избе А.В. Куприяновой, д. Бурдушная Усть-Удинского района. НА ИЭА РАН 52823. Институт этнологии и антропологии

В деревянном зодчестве ангарских крестьян резьбы по дереву было немного. Красота построек передавалась больше через сочетание массивных деталей конструкции, особенно выпирающих коньков, слег и повалов. Строители ценили больше очарование бревенчатой постройки, нежели кудрявого кружева из назойливой пропильной резьбы. Последняя на

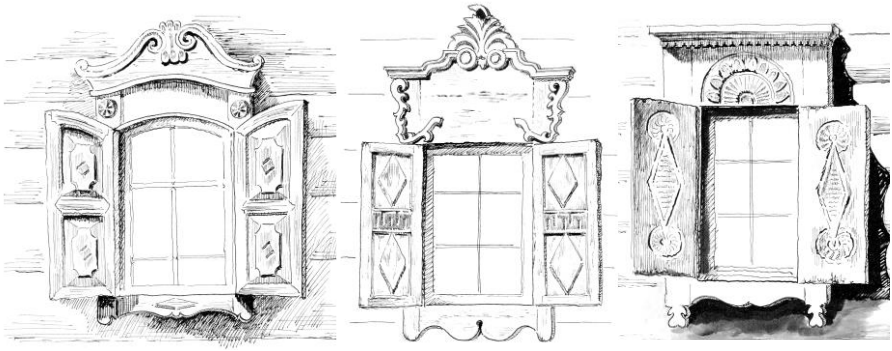
Изба 1870-х годов, д. Гольтявино Кежемского района. 1959 г. МАЭ И 1830-1197. Музей антропологии и этнографии

Ангаре тоже использовалась, но только для поздних построек. Однако некоторые старинные украшения всё же имелись.

Резные коньки Братского района. 1956 г. Музей истории архитектуры Сибири имени С.Н. Баландина

Повсеместно было принято декорировать повалы – длинные зауголки бревен сруба на верхних венцах, что поддерживали большие выносы крыши. Два или три венца уплощали протёской с двух сторон и придавали им резной профиль. Чаще всего это были гроздья валиков или мелкие зубцы, но в некоторых местах встречался профиль конской головы. В Забайкалье и на Русском Севере на повалах было принято вырезать дату строительства. На Ангаре

Наличники Боханского района: дер. Евсеево (слева), Верхнее Серёдкино (посередине и справа). 1957 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 16, 19-20

известны лишь два таких случая, в Усть-Удинском районе на повалах старинных домов вырезаны дата 1859 г. (деревня Бурдушная) и 1864 г.

Важным элементом, который невозможно было не украсить, являлся конёк. Минимальная его обработка воплощалась в приострении конца конькового бревна, но чаще ему старались придать какую-либо фигурную торцовку. Иногда конёк

Верхняя часть наличника д. Калтук Братского района. 2016 г.

орнаментировали зубчатой резьбой. В Богучанском районе и в верховских деревнях Братского района была распространена традиция – украшать конёк таким же приёмом, как повалы. Конец

Наличник на избе, д. Гольтявино Богучанского района. 2023 г.

конька уплощался до толщины доски, которую профилировали в виде согнутой конской головы, будто запечатлели рабочую лошадь во время тяжелой пахоты. Совсем редко украшения присутствовали даже на таких сугубо утилитарных элементах безгвоздевой крыши как потоки и курицы. Еще одним украшением крыши был имитированный балкончик на фронтоне изб. Встречалось это редко, и балкон, само собой, был не функционален, чаще делался из нескольких жердей и только стилистически напоминал этим городские веяния.

Окна на Ангаре всегда имели резные наличники и ставни, их делали даже для небольших усадебных зимовий. Морозными ночами ставни помогали сберегать тепло, а в летний зной прохладу.

Дом Ф.А. Митюкова. Построен предположительно в 1870-х годах. Иркутская область. НА ИЭА РАН 52642. Институт этнологии и антропологии

Типы наличников встречаются самые разные. От простых горизонтальных сандриков, украшенных профилированным карнизом, до наличников барочного типа, такие особенно любимы в деревнях от Иркутска до устья реки Илим. Местами на них встречаются довольно сложные детали со скульптурной резьбой, которая подвластна только хорошему резчику, а не обычному столяру. В деревнях Нижней Ангары наличники проще, зато здесь в начале XX в. на наличниках и ставнях можно было встретить крестьянскую роспись.

Крыльцо дома, заимка Донская Боханского района. 1957 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 22. Институт этнологии и антропологии

На Ангаре сохранился вариант крылец, «напоминающих древние притворы северных церквей и часовен» [Маковецкий, 1971, с. 140]. Это крыльца на столбах или на

срубе, имеющие небольшие полуаркадные окна, а также перила, забранные «в косяк», в точности, как на сказочных церквях периода расцвета культового зодчества России. Позже появились и глухие крыльца, также предваряющие вход в холодные сени. Но если сеней не было и путь из крыльца вел сразу в отапливаемое помещение, то крыльцо делали внушительных размеров (15-20 кв. м.), чтобы сочетать в себе обе функции. Получался хороший тепловой тамбур. И место хранения продуктов «под рукой» в зимний период, и спальня в жаркое время года.

Амбар, крытый корой листенницы. д. Дальняя Муя Усть-Удинского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 52441. Институт этнологии и антропологии

Среди хозяйственных построек первое место для крестьянина занимает амбар. Ведь в нём хранили самое главное – хлеб. Главенствующую роль подчеркивает то, что его размещали на переднем фасаде усадьбы и напротив боковых окон избы на чистом дворе. Типичный амбар на всём протяжении реки Ангары можно признать одноэтажный двухчастный. Внутри капитальная перегородка делит его на два неравных помещения. В каждое из них ведёт своя дверь, но перед ними находится так называемое «предамбарье». Это большой свес крыши, поддерживаемый резными столбами. Со стороны улицы «предамбарье» закрывается защитными «щеками» – это длинные выпуски бревен. Таким образом,

«предамбарье» предотвращает попадание осадков в амбар с хлебом при сильном ветре. Хлеб хранили в большой половине. Для этого по бокам устраивали «засеки» (сусеки) из массивных плах, врубленных в стены амбара так, что последние становились и стенами ящиков для хранения зерна. По этой причине венцы амбара не прокладывали мхом, а плотность соединения между продольными пазами и бревнами была идеальной. Не было ни одной щелочки, где могло бы застрять зерно.

Меньшая часть амбара называлась лапотным амбаром, от

Амбар 1865 г. с малой кладовой-спальней,
с. Ключи-Булак Братского района. 2021 г.

слова «лапотина» (одежда), и служила кладовой-спальней. В зимний период там хранили одежду и различную утварь, а летом спали. Как сказано выше, в годы бытования черных изб, которые отапливали беструбными печами, в летний период предпочитали жить в холодных клетях, пристроенных к избе через сени. Эволюция крестьянской усадьбы в XIX в. привела к тому, что от клетей стали отказываться, а их функцию взяли на себя лапотные амбары. По воспоминаниям старожилов, в амбары переселялись в мае и жили в них до сентября. Но эту стройную картину нарушают два двухчастных амбара 1847 г. и 1865 г. в деревне Ключи-

Деревянный замок на амбаре, с.Ключи-Булак Братского района. 2018 г.

Булак Братского района. Ширина лапотных помещений в них не превышает 1,5 м, сверху устроен низкий потолок, и даже двери значительно меньшего размера, чем в зерновой половине амбара. Складывается впечатление, что в них жили не только летом, но и приличную часть весны и осени. Ведь небольшой объем, да еще и с потолком, позволял прогревать помещение своим теплом, а заниженные двери помогали его сберечь.

Дело в том, что супружеские пары в составе большой неразделенной семьи зимой жили вместе в одной избе, но в летний период расселялись по амбарам. То есть у каждой невестки был свой амбар. По всей видимости, в некоторых деревнях период отдельного проживания малой семьи старались продлить как можно больше. Интересно, что исследователь А.А. Шенников, изучая древнерусскую народную архитектуру по письменным источникам, считал, что в средневековой Руси в избах жили только дети, старики и больные. Взрослая часть населения круглый год проживала только в неотапливаемых кладовых-спальнях [Шенников, 2004, с. 55-56].

На дверях некоторых амбаров устанавливали деревянные замки с таким же механизмом и ключом. Это был объемный корпус из березы, внутри которого по пазам под действием силы тяжести опускались бегунки и не давали вытащить запирающий двери засов. Ключом с зубчиками, сделанными в определенном количестве и расстоянии между собой, поднимали эти бегунки, чтобы освободить засов [Глушенко, 2021, с. 56-60]. Также применяли и более простые засовы с зубцами, расположенные изнутри помещения. Их можно было открыть только железным шарнирным ключом через отверстие сверху. Хитрость была в том, что у

Двухэтажный амбар, д. Гольтявино Богучанского района. 2017 г.

всех ключей длина второй части была своя и подобрать её было затруднительно.

Когда возникала необходимость увеличить число амбаров, не всегда строили целый амбар. Вместо этого к существующему

Двухэтажный амбар, д. Кобляково Братского района. 1957 г.
НА ИЭА РАН 50549. Институт этнологии и антропологии

амбару добавляли три стены, образуя пристройку, которую называли «амбарушкой».

На Ангаре распространены и двухэтажные амбары. «Предамбарье» на втором ярусе превращалось в высокую галерею и для безопасности её обрамляли перилами. В этом проявлялось кредо мастера, ведь каждый хозяин по-своему оформлял балясины. В Нижней Ангаре встречаются двухэтажные амбары без перил, где первый ярус не имеет предамбарника и по полезной площади он больше второго этажа. Под такими амбарами устраивали ледники.

Двухэтажный амбар из корабельного леса,
с. Стрелка Мотыгинского района. 2025 г.

Почти в каждом районе Ангары их предпочитали называть по-своему: «ямка», «ледник», «кобрик», «дуплё», «погреб», «подвал». Устройство их было одинаково. Это яма глубиной до 3 м со вставленным в неё срубом, перекрытым сверху плахами, которые засыпали землей для теплоизоляции. Входили туда через «западню» (люк) в перекрытии. Внизу ямы делали короб размерами 1х1 м, который в начале весны набивали льдом. «*Весной завозили всегда, вот когда лед таял, где-то в марте месяце на лошадях привозили лёд и туда докладывали лёд*», – вспоминала Мария Ивановна Чупина (Московских), 1949 г.р., из села Московское Братского района.

Лёд сохранялся почти до осени, поэтому в ледниках всё лето хранили скоропортящиеся продукты. Их устраивали не только под специфическими двухэтажными амбарами, но и любыми другими. Даже в хлебных амбарах, размещая западню между сусеками. В Мотыгинском районе дополнительно копали еще и «огородную яму», в ней хранили овощи всю зиму, чтобы использовать их с весны.

Если чистый двор замыкался амбарами, то скотный двор – стайками с поветью. Так называли постройки для домашнего скота. Они также имели перегородки и делились на стайки и хлев. Стайки были более холодными, так как там держали лошадей, стены рубили без паза, либо не прокладывали мох. Хлев утепляли получше, там держали коров, овец, свиней. Второй ярус, называемый поветью, служил сеновалом, который одновременно утеплял потолок над первым этажом и был удобным хранилищем для их корма.

На старых стайках обращают на себя внимание маленькие дверные проёмы. Кажется, что через них невозможно было пролезть крупной корове. Но это и не требовалось, ведь, по сведениям очевидцев 1960-х годов, крупный рогатый скот был небольшого размера [Воротников, 1902б, с. 2].

Стайка с поветью, д. Нижняя Шаманка Усть-Илимского района. Фото 1970-х годов [Оположников, 1983, с. 124]

Любопытно и то, что такая сугубо утилитарная постройка как стайка с поветью в каждом «кусте» деревень строилась по-своему. В деревне Ёдарма Усть-Илимского района рубленые углы сочетали со столбами, причем в довольно хаотичном порядке. В

деревне Пашенная Кежемского района первый ярус был рубленым, но поветь была на столбах, которые крепились на срубе через глубокие пазы, похожие на расщепы брёвен. А в деревнях по реке Вихорева Братского района все углы были обязательно рублеными, и проём в поветь закруглен сверху. Однажды возникнув в период больших расстояний между соседними деревнями, эти локальные отличия поддерживались тем, что крестьянин, которому нужно было построить стайку с поветью, попросту копировал то, что уже было построено в его деревне.

При наличии большого количества скота помещения для них пристраивались друг к другу вдоль всего скотного двора. В одной из усадеб деревни Гольтявино Богучанского района общая длина стаек с поветью даже достигала 30 м.

Иногда на территории усадеб дополнительно размещали специфические отапливаемые постройки, называемые зимовья. Это было универсальное строение, служившее мастерской или помещением для приготовления еды, особенно в летнее время. Также это могла быть и первая постройка на усадьбе, в которой жили первое время, особенно если хозяйство было бедняцким. Напоминало оно маленький однокамерный амбар с входом на

Усадьба бедного хозяйства в Приангарье. 1911 г. ККМ в/ф 7930/2. Красноярский краевой краеведческий музей

торцевой стене и небольшим окном сбоку. Бывало, что в качестве зимовья использовалась старая изба.

Обязательным усадебным строением была завозня. Фактически это навес с тремя забранными стенами. Под ним хранили телеги, сани и сельскохозяйственные орудия. Прочие навесы часто называли «крышкой». Размещали их и на скотных дворах, там они служили прохладным укрытием для скота в летнее время.

Навес в усадьбе, д. Гольтявино Богучанского района. 2017 г.

Ворота и калитки в ангарской усадьбе размещали в каждом дворе. Для скотного двора они были довольно простые, но уличные ворота чистого двора старались украсить хотя бы орнаментированной перемычкой над воротами. Чаще всего ворота делали с двускатной крышей, украшением служил фигурный конёк или пропильной фриз под кровелькой. Полотна дверей оббивали тесом «в ёлочку» или ромбом. В некоторых деревнях получили распространение вытянутые ворота, когда между жилищем и амбаром ворота и забор венчала одна длинная двускатная кровля. Причем забор имитировали под воротный проём или калитку так тщательно, что со стороны было не понятно, куда входить. В мощные воротные столбы вбивали железные кольца для привязи

коней. Эти кованые коновязи до сих пор можно найти на старинных воротах как напоминание об эпохе конной тяги.

Усадьба с плетенной изгородью. Иркутская область 1957 г.
НА ИЭА РАН 50785. Институт этнологии и антропологии

Промежутки между постройками по периметру усадьбы заполняли не только заплотом. Со стороны скотного двора или огорода повсеместно на Ангаре, но не на всех усадьбах, встречается плетневое ограждение, называемое «тыном», где прутья

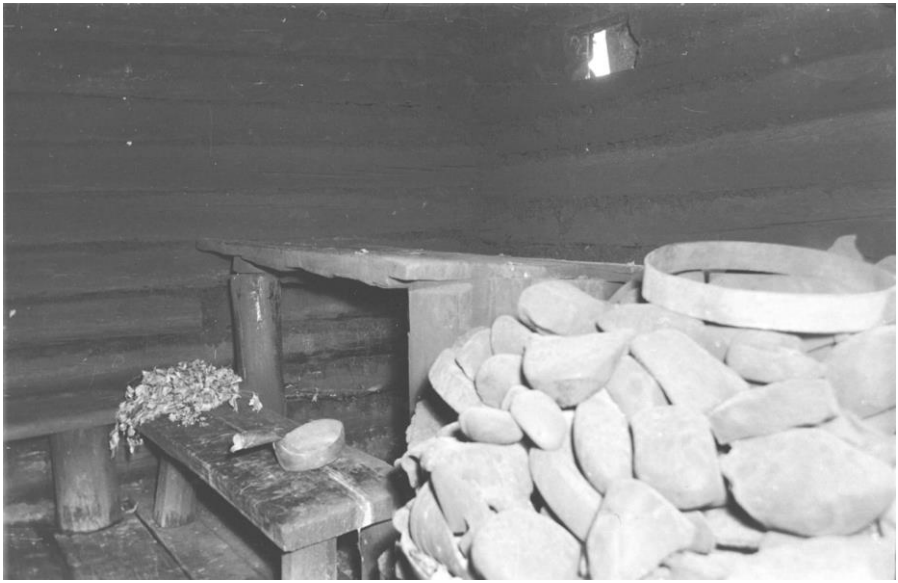

Ворота, д. Кобляково Братского района. 2018 г.

поставлены вертикально между трех жердей, которые крепятся к столбам на разной высоте. Этот забор было проще возводить, чем заплот, а частые тальниковые прутья создавали преграду для кур.

Как мог заметить внимательный читатель, уже представивший свою жизнь в подобной усадьбе, совсем не упомянут туалет. Но это не из-за пренебрежения к столь малым архитектурным формам. Туалетов до середины XX в. на Ангаре не строили. Вместо них использовали хлева и стайки, что было самым подходящим местом из всех перечисленных усадебных построек. Тем более там под рукой была и «туалетная бумага» того времени – сено.

Компактная усадебная застройка занимала лишь половину поселения, вторая её часть – это отдельно стоящие хозяйственные постройки, без которых трудно представить уклад крестьянской жизни.

Внутренний вид бани, д. Громы Братского района. 1957 г.
НА ИЭА РАН 50796. Институт этнологии и антропологии

На берегу вдоль Ангары располагались бани, которые обязательно топили по-черному. Своим видом они напоминали маленькие зимовья, обращенные входом к Ангаре. Топили бани печами-каменками. Нижняя часть печи состояла из короба,

набитого землёй, а выше из крупных окатанных валунов складывалась сама топка. Камней над сводом использовали много, чтобы они долго могли держать жар. Для выхода дыма под потолком делали «боковушку» в виде волокового окна, а во время топки немного приоткрывали дверь для тяги. Печь располагали во входном углу, слева или справа, «устьем» ориентировали ко входу, то есть планировка в ангарских банях была западнорусской. Это было удобно, чтобы не входить в низкое задымленное помещение, подкидывать дрова можно было находясь в дверях.

Баня, д. Кобляково Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 50564. Институт этнологии и антропологии

Многие исследователи на Ангаре изредка отмечают, что не у всех бань имелась крыша. На фотографиях даже видно, как на потолке, засыпанном землей, во всю растет трава. Надо признать, что пропускающий воду потолок не мог быть помехой в том, чтобы мыться в бане. Крыша нужна была лишь для долговечности постройки и, как видим, иногда этой долговечностью жертвовали. В этом можно усмотреть некий архаизм. Дело в том, что в деловой переписи приказных изб Сибири XVII в. часто упоминаются срубные жилища и хозяйственные постройки, которые буквально уже через 10-20 лет после строительства становились

«ветхими» и «разваливались». Такое возможно было лишь в одном случае, их не крыли кровлей должным образом.

На берегу бани располагали не только из-за удобства, связанного с близостью к воде. И даже не потому, что топить баню по-чёрному само по себе пожароопасно. Раньше в банях сушили лён, коноплю для изготовления текстиля, длилось это неделю, и вероятность того, что в подсохшие растения отлетит уголёк и сожжёт баню, была высока. «*Тогда коноплю сушили, а вдруг банька сгорит, дак она там (на берегу) сгорела одна, всё, больше ничё. А тут (в усадьбе) всё сгорит*», – говорил Мальков Павел Васильевич, 1931 г.р., из деревни Кобляково Братского района.

По соотношению усадеб и бань можно сделать вывод, что одна баня приходилась на двух-трёх хозяев, вероятно, ближайших родственников. На Ангаре не было практики мыться в русских печах в доме, так как в нашем лесном краю вполне хватало дров и для бани, и для отопления. Поэтому русские печи ангарцев меньше по размеру, чем в европейской части России. Хотя старожилы рассказывают, что иногда взрослые залезали в теплую печь, чтобы прогреться для профилактики от простуды.

Самоловники, д. Каменка Богучанского района. 2024 г.

Самоловник, с. Чадобец Кежемского района. 2017 г.

Рядом с банями изредка строили помещения для хранения рыболовных снастей, называемые самоловники. О ранних самоловниках на Ангаре почти ничего не известно, зато в селе Чадобец в середине XX в. они получили развитие, ввиду того что местных колхоз запретил домохозяевам хранить ГСМ на территории усадеб. Местные жители начали строить маленькие (2х3 м) сооружения, в которых хранили не только топливо, но и лодочные моторы, и рыболовные снасти. Несмотря на поздний возраст, выполнены они в народной традиции. Построены из бревна, чаще всего с самцовой бревенчатой крышей, без потолков и полов. Продольных пазов в срубе не делали, мох не прокладывали, часто крепили бревна между собой просто на гвозди. Самоловники в летнее время размещали прямо в пойме Ангары, рядом с водой, а чтобы по весне их не унесло водой, перевозили тракторами на высокий берег. Похожие самоловники сохранились в деревне Каменка Богучанского района.

На Средней Ангаре на берегу размещали поварни, которые служили простыми летними кухнями. Располагали их там из-за пожароопасности. Это были простейшие закрытые навесы, удобные для варки пива в больших деревянных чанах.

На противоположном краю селения, то есть позади него, находились гумна, без которых невозможно было обойтись крепкому ангарскому хозяйству. Это были довольно большие по площади сооружения, так как состояли из помещений, каждое из которых имело своё определенное назначение. В них входили: огневая снопосушильня для сушки снопов; само гумно или ток, где обмолачивали снопы; колосник для хранения обмолоченного колоса; навес для мякины; навес для соломы; зачастую стайки и крытые дворы для коров и лошадей [Сабурова, 1967, с. 36].

Самой сложной составной частью была огневая снопосушильня. До середины XIX в. это были ямные овины, затем более совершенные «рыги» (риги) [там же]. Ямный овин был двухэтажным, первый этаж был полностью заглублен в землю, там разводили огонь. В перекрытии имелись настил из досок и деревянные «колосники» с отверстиями, через которые дым и газ сушили

Гумно. Нижняя Ангара. 1911 г. КККМ НЕГ 5316.
Красноярский краевой краеведческий музей

снопы, стоящие колосьями вниз, а затем уходили в специальные проемы вверху.

Рыги использовались крестьянами почти до середины XX в. Они были похожи на бани. Сруб из бревен имел потолок, утепленный землей и закрытый крышей. Внизу прямо на земле стояла печь-каменка, а сбоку, повыше – деревянные решетки (колосники), на которых чаще всего вверх колосьями сажали снопы. Чуть ниже, чтобы зерно не просыпалось на землю, устраивали деревянный настил. В рыге было несколько проемов, чтобы сажать и разгружать снопы, подкидывать дрова в печь и для выхода дыма. Последний располагался также в боковой стене и значительно ниже уровня потолка, чтобы дымовые газы сперва поднимались вверх, затем опускались до уровня колосников и потом только выходили из постройки наружу. Колосники располагались не над каменкой, поэтому рыги считались более пожаробезопасными, чем овины [Шенников, 2004, с. 92-97].

Огромные комплексы гумен со временем уходили в прошлое, и к середине XX в. в колхозное время их состав существенно

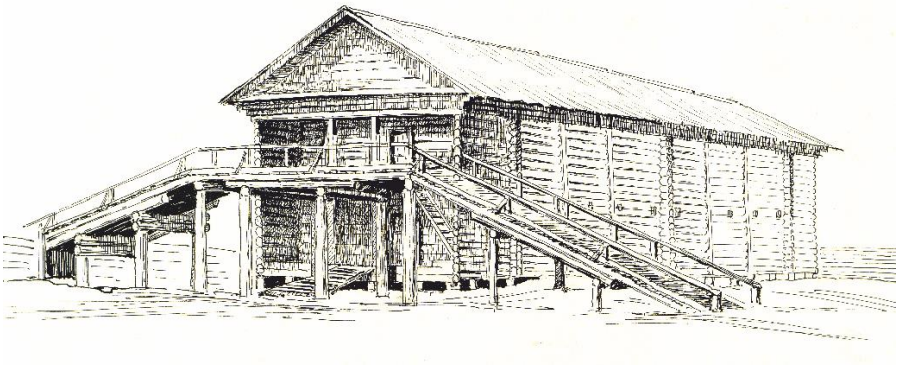
Риги. Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 50733. Институт этнологии и антропологии

уменьшился до небольшой квадратной площадки, где по углам стояли рыги, а между ними гумно в виде навеса.

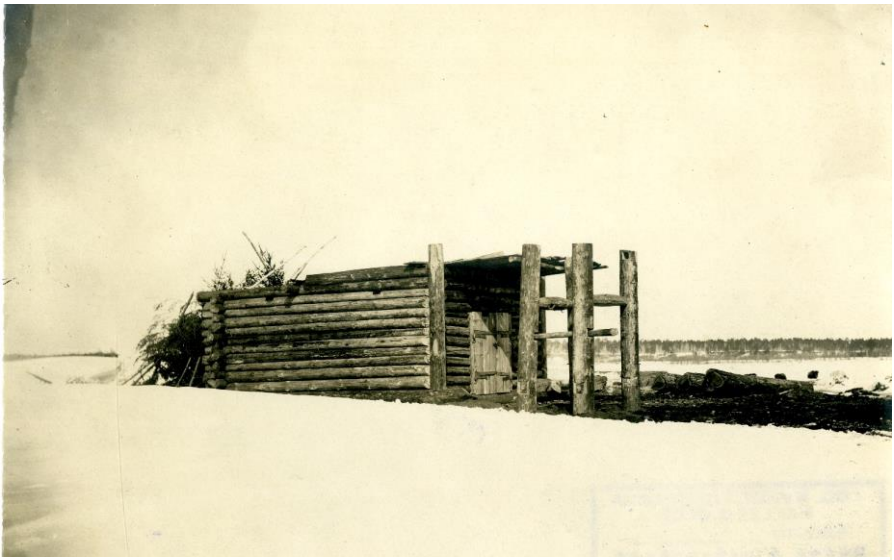
Мангазея 1850-х годов в с. Большеокинск Братского района. 2022 г.

Другой периферийной постройкой в деревне являлась мангазея. В ней хранили резервный запас зерна, поэтому размещали подальше от селения, на пожаробезопасном удалении. Зерно, хранимое в мангазее, являлось государственным и выдавалось под проценты. Поэтому на Ангаре мангазея по своему облику была унифицированной постройкой и имела больше отношение к казенной архитектуре, нежели народной. Это был в основном одноэтажный амбар, крытый двускатной крышей, обязательно с двумя широкими двустворчатыми выходами по торцам здания. Перед выходами устраивалась галерея с резными столбами и перилами. Варьировали в мангазеях только строительные технологии и размеры. Для сравнения, в деревне Сыромолотово Кежемского района мангазея 1870-х годов имеет размеры 8х8 м, а в селе Большеокинск Братского района обнаружили самую крупную мангазею 1850-х годов размерами 31х11 м.

Мангазея для хранения хлеба. Предположительно 1870-80 годы, с. Новая Уда Усть-Удинского района. 1957 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 46. Институт этнологии и антропологии

Строили даже двухэтажные мангазеи: «*Мастеровые-то они раньше, старики-то, были все. Там вон мангазейский амбар отгрохали какой! Заезжали даже на лошадях. Наверх вот два этажа, и вот такой мост, и сзади мост – зерно возили*», – вспоминала Валентина Николаевна Макарова, 1939 г.р., из деревни Ирба Кежемского района [Афанасьева-Медведева, 2023а, с. 80-81].

Кузница и станок для подковки, Енисейский уезд. 1904 г. РЭМ 773-31. Российский этнографический музей

По бокам со стороны дверей в мангазее устраивали сусеки из плах для хранения зерна. Но не всегда их врубали в стены здания. Так как были случаи воровства, когда снаружи коловоротом просверливали отверстия в бревнах стены и ссыпали через них зерно.

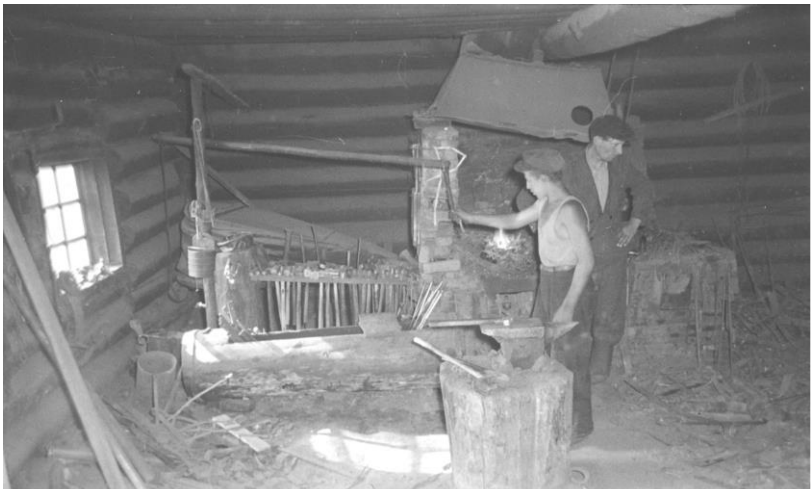
Нельзя не сказать несколько слов о том, как именно выдавалось зерно. Для этого использовалась деревянная счетная бирка, называемая здесь «рубежом». По количеству выданного зерна наносились зарубки, например, четверть отмечалась как X, а четверик как I. Затем рубеж расщеплялся повдоль, и у каждого оставалась половина с половинчатыми зарубками. После возвращения долга зарубки срезались на обеих половинках, но, ввиду уникальной текстуры дерева и расщепа, невозможно было подделать договор, то есть добавить лишние отметки или убрать существующие.

Кузницы на Ангаре старались размещать поближе к берегу, чтобы окунаться в реке во время работы в летнюю жару. Это были относительно просторные, но внешне приземистые

Кузнец возле кузницы, с. Кежма Енисейского уезда. 1904 г.
РЭМ 773-120. Российский этнографический музей

постройки с широкими двухстворчатыми дверями. Внутри у передней стены располагали деревянный короб, утрамбованный землей. На нем разжигали горн, приводимый в действие мощными мехами. Перед кузницей обязательно сооружали станок для подковки лошадей, состоящий из четырех столбов и перекладин. Он позволял фиксировать лошадь, привязывая её к перекладинам, что упрощало замену подков. Иногда эти станки покрывали двускатной кровлей.

В кузнице, д. Харюзовка Балаганского района. НА ИЭА РАН 52473. Институт этнологии и антропологии

В среднем течении Ангары на берегу иногда строили псарни, это многокамерные срубы, где каждый отсек равен небольшой будке. Эти строения служили для разведения охотничьих собак.

Культовое зодчество на Ангаре развивалось одновременно с гражданским, а вернее даже оборонным. Первая часовня в Братском остроге была построена уже в 1640-х годах, а церковь – до конца 1950-х годов [Павлов, 2015, с. 32-34]. Из-за малонаселенности региона до XVIII в. церкви строили лишь в волостных центрах, и только к началу XX в. церковь можно было встретить через каждые три-пять населенных пункта. Архитектура церквей и часовен XVII-XVIII вв. содержала обычные для того времени элементы: высокие шатры, бочки, луковичные главки, повалы и т.д. К сожалению, из всего многообразия культового зодчества той

Часовня в д. Верхняя Кежма Кежемского района. 1962 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 230. Институт этнологии и антропологии

эпохи в Приангарье сохранилась лишь Казанская церковь Илимского острога 1679 г., а от других храмов редки даже изображения.

С XIX в., как и во всей России, в культовом зодчестве исчезли все вышеперечисленные народные элементы. Разрешалось строить церкви только по стандартным проектам, в которых даже бревна перестали быть выразительным средством. Храмы обшивали тесом и красили в белый цвет под камень. Преобладали завершения в виде низкой двух- и четырехскатной крыши, а вместо деревянного лемеха главки крыли железом. К XX в. именно такого облика церкви стали преобладать на Ангаре. Ведь именно в XIX в. многие деревни смогли позволить себе строительство церквей.

Зато часовни и молитвенные дома были в каждом населенном пункте. И что удивляет, некоторые из них по своей архитектуре выстроены как церкви, то есть имеют все необходимые для этого

Надмогильное сооружение захоронения 1924 г., д. Кобляково Братского района. 2015 г.

составляющие: храм, алтарь, притвор, даже колокольню в одной связи со зданием, как, например, в деревне Мозговая Кежемского района [Дзюба и др., 2026, с. 424-436]. При этом такие «церкви» имели статус не больше часовни. Вряд ли причина этому была путаница в ведомостях епархий, скорее, статус церкви долго не присваивали из-за нехватки кадров или бедности такого нового прихода. Но алтарь возводили, будучи уверенными, что в скором времени часовня приобретет статус церкви, как, например, произошло в случае с церковью Михаила Архангела из села Нижнекарелино в Киренском районе [Глушенко и др., 2025, с. 169-176].

Вокруг каждой ангарской деревни возводили жердяной забор, называемый здесь «поско́тиной». Название пошло от его назначения – не пускать скот на близлежащие пашни. Несмотря на простоту сооружения, ангарцы использовали разные конструкции таких легких ограждений.

Самый распространённый вид – это два кола, вбитых в землю почти вплотную друг к другу, между ними горизонтально укладывали три-четыре жерди на разной высоте. Для крепления их подвязывали прутьями тальника к кольям. Следующий вариант позволяет обходиться без прутьев, но требует больше кольев.

Поскотина, с. Кежемское Енисейского уезда. 1911 г. КККМ НЕГ 9604. Красноярский краевой краеведческий музей

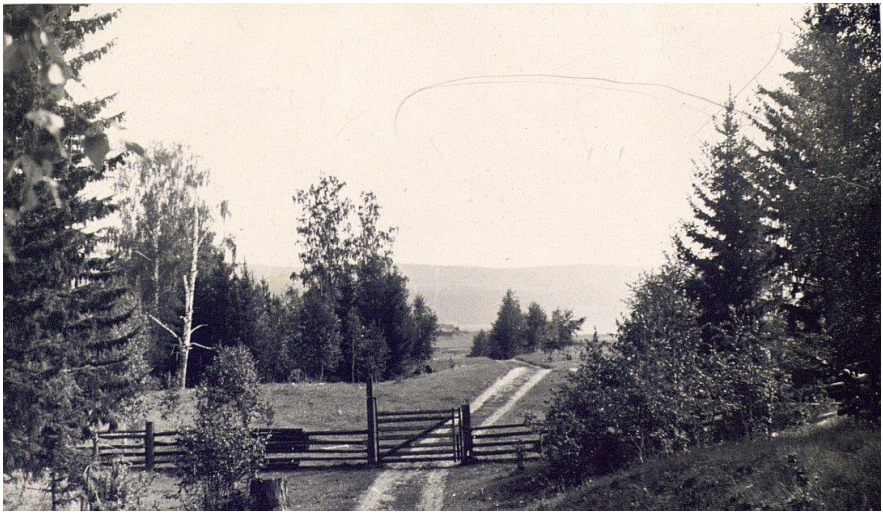
Последние вбивали в землю наискосок друг к другу и на место перекрестья укладывали горизонтальную жердь. Чтобы сделать изгородь из трёх таких жердей, вбивали три пары таких кольев разной длины. Существовал и более простой способ, который требовал меньше затрат, хоть и не выглядел столь ритмичным, как предыдущие. Для этого на горизонтальных жердях оставляют длинные ветки, а закрепляют жерди одной парой косых кольев. Таким образом, требовалось меньше кольев и жердей.

Огороды опоясывали первым вариантом изгородей, но чаще использовали более капитальный способ. Жерди накладывали в припазованные вкопанные столбы и, чтобы сэкономить на жердях, между ними вкладывали бакулки длиной 15-25 см. От заплота такая ограда отличалась лишь ажурностью благодаря этим бакулкам. Углы изгородей обходились без столбов, жерди просто попеременно накладывались друг на друга, как углы сруба, но без глубоких выемок и с большими щелями.

Поскотина близ выселок д. Сизой Енисейского уезда. 1911 г.
КККМ НЕГ 9605. Красноярский краевой краеведческий музей

Для прохода людей в поскотине возводили высокие ворота, чтобы можно было проехать на телеге, загруженной сеном. Весь периметр ограждений был поделён деревенской общиной по числу жителей, и каждая семья обязана была поддерживать свой

Поскотина с воротами, д. Владимировка Братского района. 1958 г.
МАЭ И 1753-253. Музей антропологии и этнографии

участок поскотины в надлежащем состоянии. Как правило, часть поскотины уходила в Ангару, чтобы скотина не могла обойти ограждение по мелководью. Этот сегмент называли водянИк. Поскотина позволяла ангарцам обходиться без пастухов.

Мельница «мутовка» близ д. Ярки Енисейского уезда. 1911 г. ККМ О/Ф 10426/444. Н 3889. Красноярский краевой краеведческий музей

На Ангаре, богатой на притоки с быстрым течением, мельницы строили водяные. Упоминания о ветряных крайне редки. Размещать мельницы предпочитали на незамерзающих ручьях или полноводных речках, чтобы иметь возможность молоть муку зимой. Иногда подходящие речки находились прямо в деревне, но в основном мельницы стояли дальше по Ангаре. Причем размещали их каскадом на одном притоке, чтобы отработанная вода с одной мельницы уходила по желобам на нижерасположенную и так на следующую.

Самыми распространенными мельницами были «мутовки». Их устройство было наиболее простым. На вертикально расположенной «бабе» (деревянной оси) вверху закреплялся жернов, а

Колесчатая мельница, д. Закурдаево Братского района. 1958 г. НА ИЭА РАН 12833. Институт этнологии и антропологии

под ним лежал нижний, который прижимали к верхнему подбиванием деревянных клиньев. В нижней части оси были вставлены «перья» (деревянные лопасти). Вода по желобу попадала под сруб мельницы и била в перья, что заставляло крутиться ось с верхним жерновом. Он терся о неподвижный нижний жернов и молол муку. Для автоматизации над жерновами размещали короб, соединенный с верхним жерновом небольшой палочкой. Через неё передавалась вибрация на короб, из которого дозированно просыпалось зерно. Мельнику лишь оставалось насыпать зерно в короб и завязывать мешки под муку, да регулировать подачу воды. Осматривая такую мельницу на реке Чадобец в 1910 г., А.П. Ермолаев отметил, что она имела две двери. Большая дверь вела в «постав» (помещение с жерновами), а маленькая – в «теплушку», где из камней устроен очаг, в котором постоянно горел огонь, чтобы в желобе и механизме мельницы зимой не обмерзала вода.

Производительность мутовчатых мельниц была низкой. Упомянутая мутовка на реке Чадобец в сутки перемалывала два-три мешка зимой и в два раза больше летом [Ермолаев, 1911, с. 39]. Более эффективными были колёсчатые мельницы. Чтобы

представить её устройство, нужно к механизму мутовчатой мельницы вместо лопастей добавить передаточное с вертикальной оси на горизонтальный вал, на котором со стороны передаточного закреплено сухое колесо для сцепления, а в противоположной части – водяное. Вода крутила водяное колесо, а вместе с ним и сухое, которое при помощи передаточного передавало вращение на вертикальную ось. В деревне Ёдарма упоминается о существовании редкой мельницы с двумя жерновами, работающими от одного водяного колеса. «*И вот этот вал один, колесо одно, а на этом на валу жёрнов, и тут жёрнов крутился. И сухое колесо одно, в два этажа, это я помню*». Записано со слов Сизых Ефросиньи Ивановны, 1932 г.р., из деревни Ёдарма Усть-Илимского района [Мукомольный...]. Но было и наоборот, в деревне Яковлевой Мотыгинского района упоминается двухприводная мельница с одной парой жерновов и двумя водяными колесами [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 473. Л. 1-530].

Чаще всего предпочитали мельницы наливные, когда вода по желобу падала на колесо сверху, так как это было более производительно. Они мололи 30-45 мешков в сутки. Мельницы подливного боя только 10-15 мешков [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед.

Колесчатая мельница с плотиной, с. Большая Мамырь Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 50441. Институт этнологии и антропологии

хр. 473. Л. 1-530]. На относительно крупных реках для колёсчатых мельниц сооружали плотины, чтобы, во-первых, увеличить перепад воды, а во-вторых, создать условия для работы зимой.

Но у полноводных речек была и отрицательная сторона.

Мельница надуйских крестьян на реке Муре. 1908 г. КККМ НЕГ 9613. Красноярский краевой краеведческий музей

Каждую весну плотину смывало паводком и нужно было сооружать её заново. «*Вот весна закончилась, вода упадёт, все туды: и старый, и малый, все, кто на лодках, кто бродит, возили камни, песок, гравий, такой хороший, всё засыпят*», – вспоминал Павел Васильевич Мальков, 1931 г.р., из деревни Кобляково Братского района.

Встречался на Ангаре и экзотический вариант установки мельниц прямо на лёд реки, где было быстрое течение. Некий купец Емельян в Невоне (Усть-Илимский район) на проруби на быстром месте ставил «турбину» [Подскочина, 1985, с. 21]. Привод у таких мельниц был колёсчатым, они работали как подливные. Внутри всё время топили печь, чтобы вода на месте

мельницы не промерзала глубоко [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 1-93].

«*Ну, зимой лёд встанет, везут туда сразу сруб, делают потом большое колесо с лопастями. Эти лопастя и все деревянные шестерни были. Ну, таки вьюшки были деревянные сделаны. Он их врашшал, там был вал, насаженный жёрнов. Вот этот жёрнов врашшался. Это ледянка, она токо зимой молола. Весной сразу её, как лёд ненадёжный стал, разливы, так её опять разбирают, всё это складывают, слаживают в амбар весь механизм. Амбар мельничный был. Это колесо-то было метров пять, наверно. И лопасти у него, он врашшался, а там шесть лопастей*», – вспоминал Владимир Гурьянович Коногорских, 1929 г.р., из села Ключи-Булак Братского района [Афанасьева-Медведева, 2021б, с. 160].

Жернова изготавливали из камня, обычно крепкого песчаника, хотя встречался и кварцит, и даже бетон в послевоенное время. Размер жерновов зависел от мощности мельницы и варьировал от 60 до 120 см. Для хорошего помола на жерновах по радиусу делали насечку, которую приходилось часто подновлять. Гораздо сильнее зерна насечку стирал помол черемухи, поэтому последнюю мололи в последнюю очередь, перед очередным

Промысловое зимовье близ с. Богучанское Енисейского уезда. 1911 г. КККМ НЕГ 4541. Красноярский краевой краеведческий музей

ремонтом жерновов [Афанасьева-Медведева, 2014в, с. 167]. На этих же жерновах мололи и крупу. Толчеи, где крупа мололась огромными пестами на водяном приводе, как в европейской части России, на Ангаре не упоминались. Некоторые старинные мельницы проработали до 1960-х годов на водяной тяге и местами до 1990-х годов, но уже на дизельной и электрической тяге.

Дальше всего от деревни располагались охотничьи постройки, и они же являлись границами того мира, в котором жил ангарский старожил. В поисках лучшего участка, богатого зверем, ангарцы уходили далеко. Порой за три «днища» [Сабурова, 1967, с. 42]. Так называли расстояние, которое можно пройти за один день по тайге, равное 20-30 км. Мужчины даже одной семьи предпочитали охотиться порознь, поэтому у каждого был свой охотничий стан, расположенный на большом незанятом пространстве. В каком-то смысле охотничий стан – это аванпост, на котором культура ангарца сталкивалась с миром тайги и оттого изменялась, откатываясь на много веков назад, словно только на таких условиях и была допустима жизнь охотника наедине с дикой природой.

Зимовьё 1900 г. на р. Калтыкан Усть-Илимского района. 2020 г.

Печь-очаг зимовья в Приангарье. 1911 г. КККМ НЕГ 5949. Красноярский краевой краеведческий музей

Охотничьи избушки, или, вернее, зимовья своим видом и бытом напоминали древние жилища славян. Приземистые срубы, рубленные «в притёску» (без паза), только на мох, имели площадь

Зимовьё 1964 г. на р. Зёда Братского района. 2021 г.

внутри 6-9 кв. м. Зимовья порой рубили за неделю прямо в начале осенней охоты, поэтому даже кору не всегда снимали, только местами стёсывали. Крыши всегда низкие. Отапливались по-чёрному печами-каменками, стоявшими, как и в бане, на входе. Высота от пола до потолка не достигала и двух метров. Дверной проём маленький, 60х100 см, по сути, было даже меньше стандартного окна в избе конца XIX в. Не всегда в дверном проёме использовалась окосячка, и закрывался он на дверь с деревянными пятами. Мебель, если её можно так назвать, была приземистой: нары высотой 10 см от пола, лавочка 20 см, столик не выше 30 см. По-другому было нельзя, ведь во время топки печи дымовая завеса занимала верхние две трети от высоты помещения. Окно для освещения зимовья не всегда делали, но когда изготавливали, то только волоковое. При открывании задвижки из него сквозило холодом. К зимовью пристраивали небольшие сени, причем иногда это были просто колотые плахи, прислоненные к свесам крыши над входом.

Исследователи русского деревянного зодчества замечали, что охотничьи постройки больше всех сохраняли в себе архаичную

Зимовьё 1900 г. и лабаз с двускатной крышей нач. XX в. с р. Калтыкан Усть-Илимского района в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2021 г.

архитектуру. Но оно и не было чем-то противоестественным, ведь охотникам некогда было отдыхать в зимовье. Они ходили на охоту только как на промысел. Важно было, как можно больше времени уделять самой охоте. И в каком-то смысле тяжелые бытовые условия помогали не засиживаться лишний раз в зимовье.

По постановке печи в помещении планировка временного

Реставрация глинобитной печи в зимовье 1900 г. с р. Калтыкан Усть-илимского района. АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2021 г.

жилища охотников западнорусская, в точности, как в бане. Внешне кажется, что зимовьё – это и есть баня, но всё же в последней при строительстве использовали более передовые технологии, двери были больше. А в бревнах стен выбирали продольные пазы, чтобы баня была теплее. Но иногда, когда в окрестностях зимовья не было подходящего камня, в нём изготавливали русскую глинобитную печь размерами с каменку (1х1м), само собой, без трубы. Теоретически в такой печи можно было даже хлеб печь, но охотники этим не занимались. Некогда им было возиться в тайге с квашнёй и долго натапливать печь. Ещё одним из

интересных атрибутов охотничьего зимовья являлось устройство божницы по диагонали от печи. В помещении хоть и было много копоти, но жизнь вдали от людей была невозможна без иконы. Вот и получается, что обнаружить такое зимовьё фактически с хлебопекарной печью и красным углом – это всё равно что попасть в рядовое русское жилище времён древнерусского государства.

Возле каждого зимовья раньше непременно строили охотничий лабаз – это маленький амбар на высоких столбах для хранения продуктов и пушнины. На Ангаре предпочитали устраивать его на одном столбе, в сущности, высоком (до 3 м) лиственничном пне. Из лиственницы же и рубили сам «домик». Бревна расщепляли в одном направлении на драньё толщиной 3-6 см и

Лабаз у д. Подъеланка Усть-Илимского района. Фото 1970-х годов. [Ополовников, 1983, с. 228]

складывали из него сруб (1х1 м) с аналогичной кровлей. Почти всегда лабазы были односкатными, но есть редкие и удивительные примеры с двумя скатами. Хоть это и лишняя работа, которая выполнена, скорее, для красоты, чем для необходимости. И полюбоваться ею, в десятках и сотнях километрах от ближайшей деревни, мог только сам охотник и его сын. Лабаз на высоком столбе, да еще и с двускатной крышей обладает высокой художественной ценностью. На фоне дремучей тайги он выглядит так, словно сошел со страниц сказки.

А.В. Ополовников и лабаз на р. Ката. Иркутская область. Фото 1970-х годов [Ополовников, 1983, с. 240]

Высокий столб нужен был, чтобы звери не могли забраться в лабаз. Охотник же использовал для этого приставную лестницу. Но встречались и лабазы на низких столбах не выше 1,5 м. Тогда в середине столба вырубалось резкое сужение, образующее ступеньку, которую было сложно преодолеть грызунам. Дверцы в стене так же, как и в зимовье, устраивали на деревянных пятах. Хотя на лабазе с реки Ката трапециевидная дверца с заострёнными кромками вкладывалась в глубокую четверть аналогичного проёма и за счёт этого держалась.

Удивительно просто и надёжно связывается сруб лабаза со столбом. Первый способ – вкладывание бруса в глубокий паз столба. На концах бруса прочно крепятся еще два параллельных бруса, а сверху настил, на который ставили сруб лабаза. Второй вариант – это установка на шип столба крестовины из двух полубревен, на их концы четырехугольником уложены палки, а поверх них настил для сруба. Встречается и комбинированный вариант, а вернее, улучшенный второй. По концам крестовины в полубревна перпендикулярно врублен брус, который между собой по концам связан врубками, что значительно усиливает всю конструкцию.

Промысловый лабаз в тайге близ с. Богучанского Енисейского уезда. 1911 г. КККМ в/ф 7930/2. Красноярский краевой краеведческий музей

Зимовье и юрта, д. Банщиково Нижнеилимского района. 1959 г.
НА ИЭА РАН 12864. Институт этнологии и антропологии

Такими были охотничьи станы вплоть до 1960-х годов, пока вместе со строительством ГЭС на Ангаре не началась модернизация промыслового быта. Печи-каменки в зимовьях стали активно менять на железные печи с трубой, окна увеличивали и вставляли в них стекла. А вместо лабазов-амбарчиков продукты стали прятать в железных бочках и теперь словом лабаз называют лишь шалаши на деревьях для охоты на копытных.

Последняя группа ангарской архитектуры относится к не менее интересным, чем всё остальное, сельскохозяйственным заимкам. На Ангаре пахотная земля встречалась небольшими клочками, разбросанными на километры, и когда крестьянину приходилось слишком много времени тратить на дорогу от деревни до пашни, он предпочитал жить на поле до окончания работ. А для этого нужно было строить жилище и другие хозяйственные постройки.

Самые простые сооружения строили на пашне, расположенной близко к деревне, либо на сенокосных угодьях, на которых, в силу простоты скоротечности работ, не приходилось долго задерживаться. Для укрытия от дождя или ночевки на несколько дней

строили вытянутые шалаши, покрытые травой. Более вместительные шалаши, покрытые корой лиственницы, называли «балаганы» [Сабурова, 1967, с. 120]. Внутри обязательно устраивали очаг, отверстие для дыма. Чуть более капитальные шалаши покрывали драньём. Любопытным было, что ангарцы часто в качестве временного жилища возводили эвенкийские чумы, но при этом именовали их юртами. Конструкция такой юрты полностью повторяла эвенкийское жилище. На остов из жердей укладывалась кора лиственницы и прижималась такими же жердями, в центре был устроен очаг, и дым уходил через верхнее отверстие.

На пашнях, где приходилось задерживаться подольше, рубили небольшое жилище из бревен, покрывали кровлей из дранья. Со стороны оно выглядело как охотничье зимовьё, но при этом в нём отсутствовали деревянные полы и потолок. А вместо печи ограничивались очагом, хоть и разжигали его на такой же основе, как у печи-каменки – деревянной корзине, набитой землёй. Окна там тоже не прорубали. Такие жилища использовались лишь в летнюю пору, на тех заимках, где не было обмолота зерна, так как транспортная доступность позволяла легко вывозить снопы в деревню.

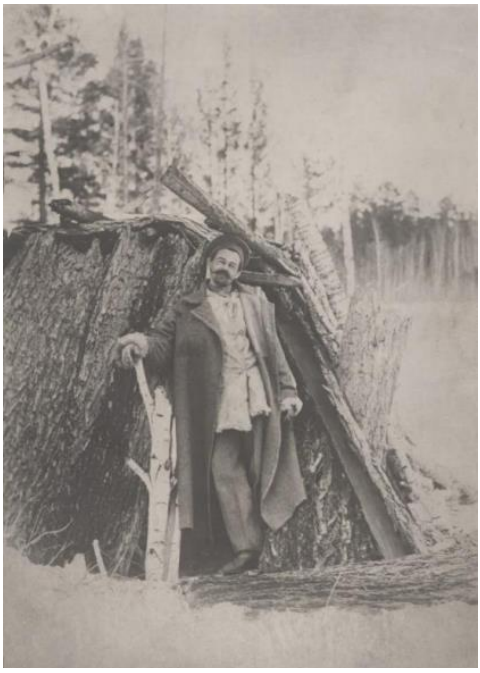
Совсем иная картина была на заимках, что были расположены далеко от деревни (до 30 км), и особенно когда по пути надо

Шалаш косцов. Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 52857. Институт этнологии и антропологии

было пересекать Ангару. На таких заимках жили долго и не только в летнее время, поэтому строили более капитальные жилища и даже хозяйственные постройки, такие как конюшня, протяженный открытый двор для лошадей, закрытый навес для сельскохозяйственного инвентаря, амбар, гумно с рыгой. Фактически это была та же усадьба, что и в деревне, но в упрощенном виде. Часто на таких заимках земли хватало на много семей, и у каждой был свой набор построек, которые образовывали вторую деревню. Либо использовали один заимочный комплекс сразу несколько семей.

Жить там приходилось долго. Переезжали вместе с лощадями в марте, а более рисковые – в апреле по последнему тонкому льду. Затем ждали, когда можно начать пахоту, и только после сева возвращались в деревню. В течение лета нужно было жить на заимке, когда поля пропалывали от сорняков, пахали пары. А в некоторых местах на Ангаре предпочитали жить на заимке всё лето, туда перегоняли скот. А осенью после жатвы, чтобы не возить снопы в деревню, проводили всю обработку по сушке, обмолоту и провеиванию зерна прямо на заимке вплоть до зимы. В амбаре хранили в основном посевной хлеб, а также продукты питания.

Ссыльный большевик В.В. Рябиков у шалаша, с. Братск. 1911-1914 годы. БГОМ ВС-1618/5. Братский городской объединенный музей

Жилище на такой заимке было нечто средним между охотничьим зимовьём и деревенской избой. «*Ну, такие небольшие, как зимовьё, только побóле, ну как изба бывать, сделают печь русскую, там всё, такая избушечка*», – вспоминала Анна Алексеевна Усольцева, 1925

г.р., из села Паново Кежемского района [Афанасьева-Медведева, 2007б, с. 309]. Размеры его от 6х4 м до 6х6 м. Сени у таких избушек делали полностью рубленными, то есть из бревен. Потолок утепляли землёй, полы были деревянные, даже били иногда печь из глины, хоть и чуть меньше, чем в деревенской избе. Топились они по-черному, дым уходил в окошко под потолком. «*Там дом был, большой дом. И такие небольши́ дома стояли, и стряпали та́ма-ко, всё, печки ру́сски были*», – рассказывала Матрёна Алексеевна Банщикова, 1930 г.р., из села Кеуль Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2010а, с. 91]. Хотя к середине XX в. местами печи были уже с трубой. Окна делали волоковые, но ими не ограничивались и часто прорубали полноценные колодные окна.

Хозяйственные постройки, подобно жилищу, были упрощенными версиями деревенских образцов. Хотя скот и держали здесь только летом, но навесы для них строили со стенами, чтобы звери не утащили скот [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1262. Л. 54]. Ввиду удаленности таких заимок от постоянных селений и отсутствия того очарования, что присуще охотничьим постройкам, сохранилось очень мало информации об архитектуре заимочных комплексов. Из того, что русские старожилы строили на Ангаре, заимки исследованы меньше, и пока продолжают оставаться загадкой.

Таковы главные особенности ангарской архитектуры. Обилие видов построек, их планировки, конструкций и многообразие функционального назначения демонстрируют высокую степень адаптации русского старожила к сложным условиям ангарского края. Благодаря развитой строительной культуре, ангарец сумел создать наиболее подходящее архитектурное окружение для своего крестьянского и охотничье-промыслового образа жизни. В целом архитектура на Ангаре менялась сообразно тому, как это происходило по всей России. Отход от клетей, переход на отопление по-белому, исчезновение изб-связей происходило почти одновременно по всей стране. Но к концу XIX в. на Ангаре стало заметно отставание, новшества входили в обиход с опозданием. Однако проявлялось это, прежде всего, в технологии строительства, о чем стоит рассказать отдельно.

2.2. Строительные технологии

Как только речь заходит о старинных плотницких технологиях, часто приходится слышать, что раньше «деды умели строить, знали секреты», но теперь всё забыто, и не узнать их. Конечно, современное строительство из бревна имеет мало общего с традиционным домостроением. Но есть еще место, где архитекторы и этнографы целенаправленно занимаются изучением и сохранением плотницкого ремесла. Это музеи деревянного зодчества.

По одной только Ангаре собрано столько материала, что вполне хватает для реконструкции операционной цепочки всех этапов традиционного строительства. От заготовки материалов до новоселья в готовом доме. И результаты могут немало удивить читателя, так как в нём развеиваются многие мифы.

Вообще, именно в плотницком ремесле скопилось самое большое количество мифов и заблуждений. Истории про морёную в болоте лиственницу, из которой строили избы, или волшебную древесину, от которой отскакивает топор, потому что «деды знали секрет», рассказывают повсеместно. На деле же ангарские крестьяне выработали очень рациональную строительную культуру, в которой не было места для мифотворчества. Одна лишь система заготовки древесины приводит в восторг и возникает лишь один вопрос – почему так не делали везде? Ведь это лучший подход, который можно было придумать.

Богатство Ангары строевой древесиной предопределило развитое деревянное зодчество. Лесные ресурсы до сих пор являются достоянием Приангарья. Так, во всём мире известен бренд «ангарская сосна» и «сибирская лиственница». Как говорили предки, лес тут «стрелочный», то есть высокий и при этом не сбежистый, перепад толщины в основном 5 мм на 1 м. Суровый климат не даёт возможности слишком быстрого расти древесине, из-за чего она довольно мелкослойная, легче поддаётся обработке. Но и среди, казалось бы, вполне отличной для строительства сосны старожилы выделяли два вида. «Кондовый» лес с более красной и толстой корой и «мендашный» с более белой и «слабой» корой [Леонов, Леонова, 2009, с. 163]. Вероятно,

«кондовой» называли более мелкослойную сосну внушительных размеров и без сучков. В этом смысле любопытно, что даже в 1920-х годах на Верхнем Илиме в деревне Кочерга Нижнеилимского района старожилы уже говорили, что «нынче лес слабительный» [Леонов, Леонова, 2009, с. 165]. Видимо, проживая в окружении лесного изобилия, мастера привыкли работать только с самой лучшей древесиной.

В начале XX в. на Ангаре и даже по её притокам уже произошло выделение плотницкого ремесла как отдельной профессии. Артели плотников, а часто даже мастера-одиночки ездили по деревням и нанимались для строительства или только отделки. Конечно, большую часть построек продолжали рубить сами крестьяне, но более зажиточная их часть имела возможность нанимать профессионалов. Как раз последние и распространяли по всему региону новые формы и технологии. Благодаря им на рубеже XIX-XX вв. на Ангару проникли элементы городской архитектуры.

Проще всего поведать о плотничьем ремесле на Ангаре через строительство одной избы. Итак, представим, что мы живём еще в то время, когда жилищный вопрос решался исключительно своими руками. Первое, с чего начиналось строительство, – заготовка строевого материала. В крестьянском укладе любой работе было посвящено строго определенное время в году. Заготовка строевого леса, как и дров происходила весной в марте и апреле. Это было самое подходящее время, потому как сезон сельскохозяйственной работы еще не начался, а в тайге образовывался твердый наст, по которому можно ходить, не проваливаясь. И, самое главное, древесина не была заморожена, легко рубилась топором, а кора по той же причине легко счищалась. Самый лучший лес рос на песчаной почве, про такой говорили «*лес как коноплё*» (Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., село Московское Братского района).

Для удобства кору сначала снимали скобелем еще со стоячего дерева, насколько хватало высоты рук, затем только валили и заканчивали «шкурить». До появления поперечных пил (вторая половина XIX в.) даже толстые деревья валили топором. И точно так же дерево «рассутунивали» (раскряжевывали) на брёвна,

сперва вырубали топором почти до половины с одной стороны, затем переворачивали и рубили с обратной. Оставшиеся 5-10 см либо прорубали топором поперёк, либо даже отламывали, передвигая бревно вагой (деревянной жердью). В результате один край бревна в этом месте получался с прямой торцовкой, как от пилы, а второй – приостренный. Бревна с такими приостренными торцами часто можно встретить в старинных постройках, но в большинстве случаев их обрубали после завершения строительства сруба.

Вернёмся к заготовке. Очищенные от коры, разделанные бревна закатывали на «подмостки» и оставляли сушиться. Норма валки деревьев топором и полной окорки бревен впечатляет. За один день она составляла от 10 до 20 деревьев [Леонов, Леонова, 2009, с. 165], а «Даниил Семёнович (д. Проспихино Кежемского района) мог за один день топором 40 брёвен срубить, сейчас та-

Изба крытая драньём, д. Анчирикова Братского района. 2015 г.

кого пилой “Дружбой” не сделать» [Подскочина, 1985, с. 11].

Сушка брёвен в лесу продолжалась до декабря. К этому времени материал подсыхал, и его было легче вывозить. К тому же вывозить к месту строительства на волокушах с начала зимы и до Рождества было проще, так как снег в это время еще не глубокий [Глушенко, 2025а, с. 167]. Временем для начала строительства был март. Бревна хоть и были подсохшие, но не пересушенные и

без особых проблем поддавались топору. То есть русские старожилы Ангары рубили срубы, когда влажность бревен достигала золотой середины. С одной стороны, подсушенные бревна были легче для того, чтобы их поднимать. А с другой – они не были пересушены, и всё ещё поддавались обработке топором. К слову, частые истории о том, как кто-то рубил или пилил старинный дом на дрова, и от бревен летели искры, а инструмент быстро тупился, связан не с волшебными свойствами брёвен, которые заготовили особым образом. Так ведёт себя пересохшая древесина.

Весной можно было сразу рубить избу на своём месте, используя заранее заготовленный мох. Для этого с осени уже рубили «оклад» (нижние венцы). В обратном случае весной рубили только сруб без мха, а затем перекладывали будущую избу в теплое время года на постоянное место и тогда уже мшили.

Но перед тем как начать строить, необходимо было заготовить пиломатериал. В январе, с Крещения, начинали готовить плахи (полубревна и доски толще 5 см), ведь в сильный мороз недавно привезенные из леса подсушенные бревна легче

Вид на драничную кровлю из чердака в бане,
д. Кобляково Братского района. 2015 г.

Вбивание крюка колотушкой в четвертину. Фестиваль День ангарской культуры. 2024 г. АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова»

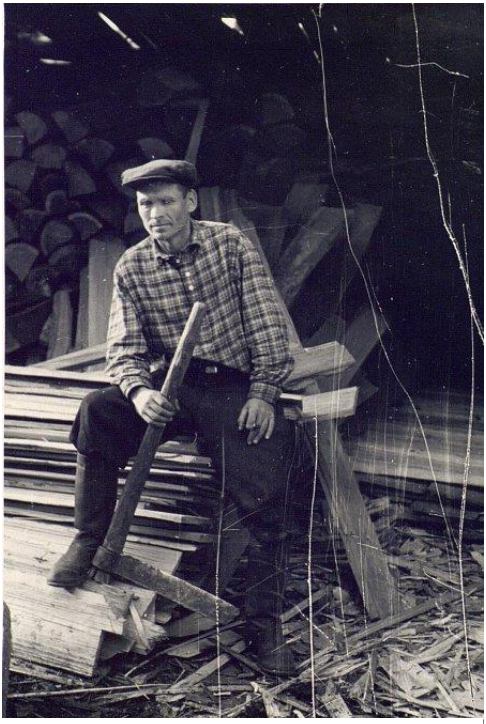
кололись. Отбирали прямослойные бревна, размечали прямые линии отбивкой, для чего к торцам крепили натянутый шнур, затем обмазывали его сосновой головёшкой (подгоревшей) и отпускали. На бревне отпечатывалась прямая сажистая линия, по ней клиньями бревно раскалывали и топором вытесывали ровную

Расщепление четвертины на драньё. Фестиваль День ангарской культуры. 2024 г. АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова»

поверхность. Точно также раньше изготавливали тёс, то есть обыкновенные доски.

Как ни удивительно, но топором продолжали изготавливать пиломатериал даже в первой половине XX в. Хотя продольная пила для распиловки брёвен повсеместно распространилась еще во второй половине XIX в. Причина в том, что технология изготовления тёса при помощи топора была настолько развита, что по выработке мало отличалась от ручного пиления продольной пилой. В среднем за день работы один человек топором тесал 50 аршин (35,5 м) теса. «Спец 80 (57 м) жарит в день» (дер. Чурилово, Нижнеилимский район) [Леонов, Леонова, 2009, с. 166]. А продольной пилой два человека за день пилили 120 аршин (85,3 м) теса [Подскочина, 1985, с. 11]. Разница была в том, что при теске топором большая часть древесины уходила в отходы, но при изобилии леса на Ангаре это не было большой проблемой.

Заготовка дранья для покрытия крыши, с. Дубынино Братского района. 1958 г. НА ИЭА РАН 12944. Институт этнологии и антропологии

Впрочем, тесовая кровля до распространения пилы появлялась на крышах крестьянских домов редко. Основным кровельным материалом тогда служило драньё – это тонкие доски, полученные только методом расщепления. Его старались заготавливать по весне из сосны, реже лиственницы и ели. Выбирать нужно было только прямослойную древесину, в которой волокна легче отделялись друг от друга, поэтому перед валкой подходящего дерева проводили проверку. Счищали часть коры, зарубали топором, и если волокна легко

отделялись и не закручивались, то дерево валили и раскряжевывали по длине нужного дранья, обычно в пределах 2,5-6 м.

Технология изготовления происходила следующим образом. Толстое бревно без сучков расщепляли деревянными клиньями на полубревна, затем на «четвертины». После этого использовали железный крюк, представляющий собой толстую полосу металла, заточенную с одной стороны и насаженную на деревянную рукоятку. Крюк вбивали деревянной колотушкой в четвертину в тангенциальном направлении. Затем его поворачивали вверх, происходило расщепление, второй человек вкладывал туда толстый клин и затем опять подтягивали крюк и поворачивали вверх, так продолжалось, пока тонкая драница полностью не отделялась. До XX в. вместо железных крюков использовали деревянные. Это были стволы лиственничных или березовых деревьев [Глушенко, 2025б, с. 86-88] с оставленными корневищами, которые немного приостряли. Таким инструментом было сложнее работать из-за хрупкости дерева, поэтому расщепление начиналось деревянными клиньями, и уже только в готовый расщеп вкладывался деревянный крюк [Глушенко, 2022, с. 119-128]. Заготовленное драньё укладывалось в стопу с тремя углами «трехугольником», придавливалось порубочными остатками, чтобы избежать искривления, и сушилось от месяца и больше.

Железный и деревянный (реконструкция) крюки. 2021 г. АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова»

Технология заготовки дранья уходит своими корнями в глубокое прошлое человечества, во времена каменных топоров с

ограниченными возможностями. Значит, расцвет этой технологии, как ни странно, пришелся на XX век, когда при помощи железного крюка можно было за один день вдвоём, с учётом валки деревьев, надрать 400 драниц (Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., село Московское Братского района). Поэтому такие кровли были самыми распространёнными на Ангаре. Также старожилы отмечают, что драньё было крепче тёса и служило в два раза больше, до 60 лет.

Деревянный крюк из д. Анчирикова Братского района. 2024 г.

Расщепление бревна клиньями для изготовления драньа на лабаз. 2021 г. АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова»

Интересен рассказ Григория Николаевича Чупина, 1933 г. р., из деревни Грихуткино Братского района о том, как не просто было овладеть этой технологией. «*Пришел драть первый раз, не могу, ну с братом младшим, один* (ствол) *разрезал, второй разрезал, косяки такие наколол, не идет никак и все. Ну как теперь и делать? Прихожу* (домой)*, пообедали, а бабка была, ну отцова мать, ей 88 лет было, я говорю:*

– Бабка, я не буду драть.

А драньё надо.

- Чё, говорит, такое?

- Сколько разрезали и ничё.

А она говорит:

- Возьми топор и ковырни, если сверху, не протесывай ничё, никого не делай, а ковырни, если она отдираться будет, хоть столько, тогда раскалывай, и она будет колоться, ну драться.

Ну, я пришел, ковырнул – и как попало, вот так и отошло. Мы с братом разрезали толсто бревно так вот, раскололи моментом, до этого мучились полдня, а тут за каких-то за два часа мы столько надрали».

Когда материалы готовы, можно приступать к рубке сруба. Тогда такая трудоёмкая работа велась помочью, то есть сообща, большим кругом родственников, либо приходилось нанимать «поугольщиков», где хозяин играл роль «установщика». Фундаменты в то время делали редко, да и то ограничивались лишь «стульями» в виде неглубоких чурок, которые закапывали под углы. Чаще всего в земле копали «канавку» и помещали в неё бревна первого венца. Причем еще в XIX в. окладной венец могли делать из сосны. В целом роль лиственницы переоценена в стереотипах о сибирском деревянном зодчестве. Лиственница дерево довольно тяжелое и хуже поддаётся обработке, а зимой промерзает сильнее сосны, поэтому его поначалу вовсе никак не использовали для строительства. Лишь в XX в. стали брать лиственницу «для исподних видов» [Леонов, Леонова, 2009, с. 164, 230], то есть на столбы и нижние венцы, лиственница «две-три сосны передюжит» [Сабурова, 1971, с. 61]. Кедр использовался только для отделки [Леонов, Леонова, 2009, с. 230].

Диаметр используемых бревен вовсе не был таким неимоверно толстым, как его представляют многие любители славянских древностей. Наоборот, чем древнее, тем он был меньше. Пожалуй, наибольший калибр характерен для изб XIX в., изредка он достигал 50 см, но это лишь единичные случаи, замеренные в комле. Если на этих же домах замерять вершины, то средний диаметр составляет 29 см. Для хозяйственных построек толщина бревен уменьшалась, иногда даже до 14 см.

Виды угловых соединений на деталях разобранных построек начала XX в. из дер. Едарма Усть-Илимского района: «в угол» (слева); «в лапу» (посередине); «в крюк (справа)»

Если четырехугольный сруб дома возводили четыре-пять человек, то дневная норма рубки составляла два венца [Подскочина, 1985, с. 11]. Сопоставляя это с практикой современного строительства из брёвен, но с применением бензо- и электроинструмента, а также подъемного крана, получается примерно такая же скорость. Нижний венец, как и самый верхний, для прочности старались соединять «в охряпку», когда в бревнах обоюдно вырубались прямоугольные выемки и оставался «зауголок». Основную часть раньше рубили «в угол», так называли здесь рубку «в чашу» или «в обло». В таком соединении также оставался «зауголок», препятствующий промерзанию. Но в конце XIX в. в моду входит рубка «в лапу», при которой нет «зауголка», зато происходит небольшая экономия бревен. Для предотвращения выдавливания бревен при такой рубке в углу устраивался шип трапециевидной формы. Но если рубили «в косой угол» (в косую лапу), то надобности в зубе не было, так как при плотной рубке бревно прочно фиксировалось от смещений. Такие углы считались более холодными, но было еще одно преимущество, при перевозке дома не отваливаются «зауголки», потому что их нет. А это была частая проблема для кочующих домов.

«*Я уж не помню, когда он строился, этот домик. Дедушка Даромин был здеся, умер он уж. А вишь, каки брёвна?! Холодный уж, моя, стал. У него счас зауголки все там, вон туды, дак все уж отпали. Дак мы под зону затопления попали, Богучанская ГЭС-то эта, она всё здеся потопит. Моя избёночка-то потопится*», – сокрушалась Прасковья Гавриловна Зарубина, 1929 г.р., Фролово Кежемского района [Афанасьева-Медведева, 2015, с. 338].

В это же время в обиход на Ангаре входит рубка «в крюк». Она такая же, как рубка «в угол», но имеет внутренний крюк. Скорее всего, её появление связано не с желанием дополнительно укрепить или утеплить соединение, а только с эстетикой того времени. Дело в том, что исконно в избах использовали протеску бревен от лавок до высоты человеческого роста, примерно на пять венцов. При этом углы закругляли. Но на городской манер появилось стремление делать строго прямоугольные углы по всей высоте помещения, и в тех случаях, когда совмещали сплошную протеску с рубкой «в угол», в углах проявлялись фрагменты с поперечными срезами, которые напоминали крупные вставки нерадивого плотника. При рубке «в крюк» таких особенностей не было. Внутрь угла заходила часть протесанного бревна, а снаружи оставались такие же круглые «зауголки», как при рубке «в угол».

Основную работу, как уже стало понятно, плотники выполняли топором. Им даже вырубали продольные пазы-канавки вдоль брёвен. Для этого, причертив бревно плотницкой чертой, проецирующей линии со всеми изгибами с нижнего на верхнее бревна, сперва делали глубокие надрубы пяткой топора по всей длине выбираемого паза. Затем выносили основной объём, работая носком топора, и получался почти треугольный в сечении паз. Вопреки мнению современных плотников, для этого не использовали тесло. Как ни странно, тесло использовали вообще не для плотницкой работы. Им выдалбливали лодки-долбленки, корыта, посуду. А плотники брали его в руки только раз, чтобы поднутрить глубокий паз конька. Чаще для выборки четвертей и прямоугольных пазов на столбах применяли пазник – это тесло с прямым, а не вогнутым лезвием.

От ширины продольного паза-канавки зависело насколько жилище будет теплым. На Ангаре старались приблизить ширину к 13 см. Это мало по современным нормативам, но гораздо больше, например, чем делали переселенцы в начале XX в. на юге Братского района. Там иногда его вообще не было [Глушенко, Федоров, 2025, с. 202].

Еще одно веяние городской архитектуры того времени – это рубка «под черту», так называли приём оцилиндровывания бревен, когда массивные комлистые части уменьшали в диаметре при помощи топора и скобеля. Такой прием был важен для возведения крупных срубов длиной по десять и более метров, так как разница комля и вершины в углах была ощутимой и неэстетичной по меркам того времени. Кроме того, видимые части бревен тщательно выскабливали до древесины, убирая малейшие признаки луба, отчего получались дома однородного цвета. На более старых избах луб оставляли и только десятилетия, проведенные под солнцем и ветром создавали однородный цвет дерева.

Дом 1925 г. рубленный «под черту», д. Анчирикова Братского района. 2015 г.

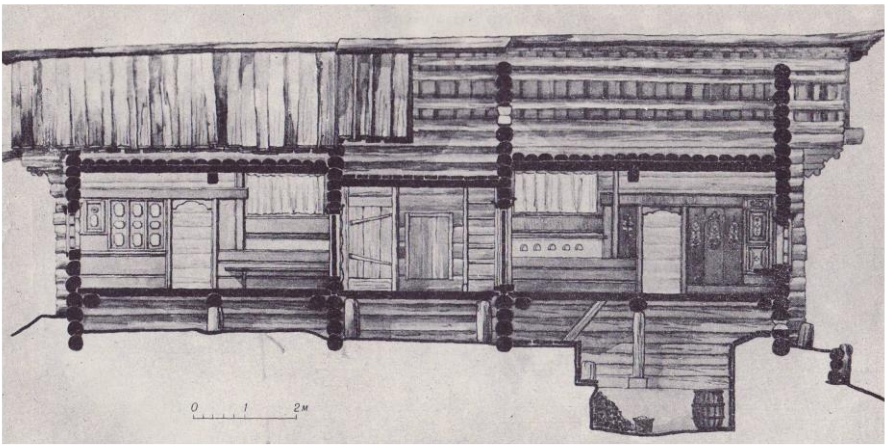
В то время венцы укладывали на мох, пакля для этого не применялась. Такой межвенцовый утеплитель до сих пор считается лучшим. В среде современных плотников есть мнение, что можно использовать только два вида мха: кукушкин лён и сфагнум. Но в старинных постройках на Ангаре встречается довольно много разных видов мха, причем вперемешку. И это не удивительно, ведь чаще всего использовался боровой мох, который произрастает смешанно. Кукушкиного льна среди них, конечно, нет, а сфагнум встречается, но редко. Единого мнения у старожилов не было. Кто-то считал, что «самый лучший мох – сфагнум – болотный, где багульник растет» (дер. Кондратьево Тайшетского района) [Подскочина, 1986, с. 37], а кто-то наоборот, что «белый – толстый, не годится, твердый, сохнет скоро» (дер. Кочерга Нижнеилимского района) [Леонов, Леонова, 2009, с. 166]. Главный критерий отбора мха – это «прядистость» [Глушенко, 2025а, с. 167].

Полы и потолки в старинных избах врубали прямо в стены, для этого в последних выбирали четверти и вкладывали туда перекрытия, которые чаще делали из полубревен. Сверху нарубали еще один венец и получались перекрытия, которые невозможно было вынуть, не разобрав стен. Делалось это ввиду экономии гвоздей. Вообще плотницкое искусство развилось именно из-за того, что крепежные металлические изделия раньше ковались вручную и стоили дорого. Поэтому все конструкции должны были сами по себе крепко соединяться. От того и избыточная прочность старинных построек и миф о том, что раньше специально строили на века. На самом деле всегда строили как проще. Просто, ввиду слабого развития промышленности (металлообработки), раньше проще было то, что теперь кажется слишком трудоемким – из больших бревен создавать прочные конструкции.

«Матка» (потолочная балка) в ангарской избе была только одна. Она была излишне массивная, врубалась поперек оси здания и поддерживала длинные полубревна потолка. В дальнейшем с появлением больших домов на городской манер стали врубать несколько припазованных потолочных балок и вставлять в них потолочины. Так балки переставали визуально давить, и потолок становился менее рельефным. Ну а под полом балки, называемые

тут «переводинами», врубали в большем количестве ввиду высокой нагрузки. Ведь даже большая русская печь стояла на полу без собственного фундамента.

Количество венцов в постройках всегда зависело от необходимой высоты. Между полом и потолком старались держать 2-3 м, но и от уровня земли до пола порой было 2 м. Еще в XIX в. на Ангаре значительная часть изб строилась на высоком подклете, это отголоски предыдущей эпохи, когда подклеты были полноценными хозяйственными помещениями и даже иногда служили хлевами для скота. Но главное, что так было теплее из-за большой высоты между землей и полом, ведь, как известно, холодный воздух стремится вниз, а теплый вверх. Надо заметить, что эту разницу увеличивало обязательное наличие подполья под избой, даже если это вторая изба на усадьбе.

Дом Е.С. Дубровина в разрезе, с. Падун Братского района [Маковецкий, 1971, ил. 16]

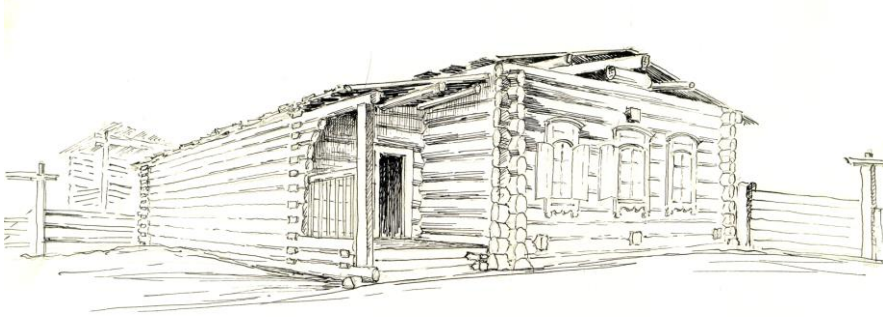
И, наконец, главное. Подклет имел подогрев через голбец.

Боковая стена печи отепляла его, тепло, постепенно остывая, спускалось вниз и затем держалось под полом. Нельзя, конечно, сказать, что пол был теплым, тем более в морозные дни, но температуры хватало, чтобы не изготавливать черновые полы. Последние в нашем регионе были не приняты. Исключение представляют только двухэтажные дома на Нижней Ангаре, в которых черновой пол присутствует между одной из половин («зимовьё»)

и вторым этажом. Но вполне вероятно, что это сделано не для сохранения тепла, а наоборот, чтобы летом тепло от печи зимовья не уходило на жилой этаж.

Над потолком нарубали еще несколько венцов и утепляли его обыкновенной землей на толщину 10-20 см. Землей называли плодородную гумусированную прослойку почвы. Хотя лучшим утеплителем считался суглинок, но его на берегах Ангары почти не было, а песок был тяжелым и плохим утеплителем. Чтобы земля не сыпалась в стыках, потолочины, как и половицы, соединялись между собой «в четверть», дополнительно стыки конопатились мхом и прокладывались пучками соломы. Земля не только утепляла, но и своей тяжестью способствовала усадке здания, щели между венцами, которые перед этим пружинили из-за обилия мха, закрывались под таким давлением.

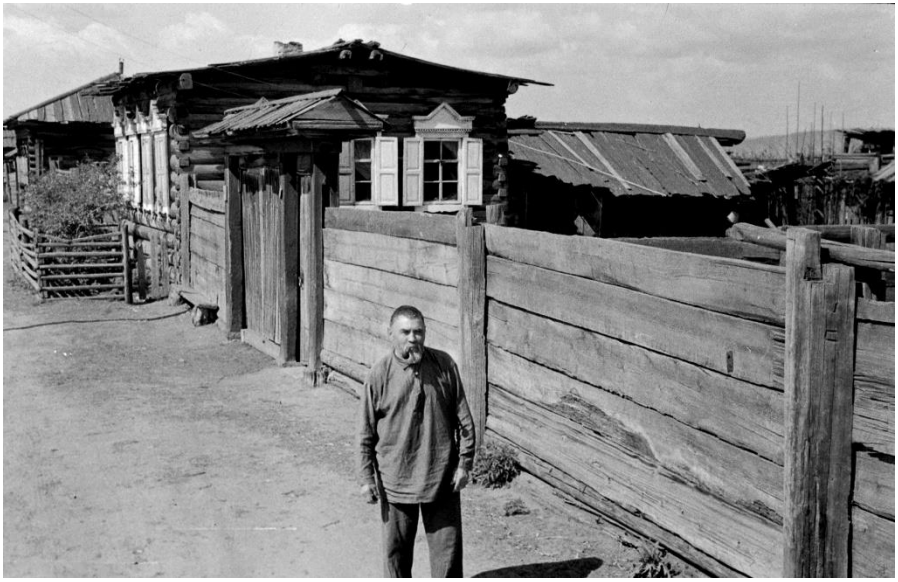
Интерес представляет и то, как поднимали землю на потолок, ведь её объем и высота особенно для двухэтажных домов заставляли придумывать различные инженерные решения. Самый простой способ для низких домов – это простое ведро с верёвкой, которое поднимает человек, находящийся наверху. Чуть более эффективным был способ затаскивания длинного долбленого корыта, наполненного землей, по покатам подобно тому, как затаскивали веревками бревна на сруб. Но самым эффективным способом было строительство рядом подъемного сооружения, напоминающего колодец-журавль. Высокий столб, с привязанной вверху перекладиной, к которой с одного конца крепился противовес, а к другому – корзина для земли. Поднять даже большую

Дом с временной крышей, д. Толкичи Усть-Удинского района. 1957 г.
НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 62.
Институт этнологии и антропологии

корзину с землей, притягивая к себе противовес человеку снизу, не отнимало так много сил, как предыдущие два варианта.

Многие подумают, что из-за земли мог сгнить потолок. И это происходило, но не из-за самой по себе земли, а по причине протечки кровли. Если кровля бежит, то даже отсутствие земли не спасёт дом от гниения. В музеях России можно встретить деревянные постройки, которым свыше 500 лет и даже жилища возрастом более 350 лет. Но они сохранились не из-за каких-то особенных свойств дерева, а только потому, что вовремя меняли кровлю.

Дом с временной крышей, д. Харюзовка Балаганского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 52491. Институт этнологии и антропологии

Самая простая конструкция крыши, которая встречалась на домах, напоминала крышу охотничьего зимовья или бани. Над центром здания закреплялось слегка приподнятое бревно, образующее конек, и в два ската настилалась дощатая кровля. Такая крыша носила временный характер, но порой приживалась надолго, особенно это заметно по материалам 1957 г. на домах Усть-Удинского района, построенных еще на рубеже XIX-XX вв.

Но типичной до конца XIX в. была самцово-слежная конструкция крыши. Торцевые стены дома поднимаются и

Изба 1860-х годов, д. Бедоба Богучанского района. 2017 г.

превращаются во фронтоны, а между бревнами фронтона врубаются слеги. У более старых изб угол крыши чуть меньше и слеги врублены через каждое бревно, у поздних, наоборот – и крыша выше, и слеги через два или даже три бревна. По количеству слег бытовали разные названия таких крыш: «крыши семериком, в старину больше девятерик, теперь пятерик, а больше стропила» – село Абакшино Нижнеилимского района [Леонов, Леонова, 2009. с. 191]. Но для устойчивости брёвна фронтона, если их не связывала слега, крепили клиньями. Они заменяли поперечные брёвна, но изготавливались из обрезка плахи, который врубали в нижнее бревно в трапециевидный паз, а сверху над ним выбирали чашу для вышележащего бревна. Получалась довольно устойчивая конструкция, позволяющая экономить брёвна.

Слеги в старых избах врубали через каждый венец не по причине одного лишь изобилия. В то время широко использовался такой кровельный материал как береста и кора лиственницы [Ермолаев, 1911, с. 29], их снимали цельным пластом в июне, когда

Клинья на фронтоне избы, д. Климино Кежемского района. 2017 г.

кора легко отделялась от древесины. При этом деревья не обязательно для этого валили, снимали лишь на высоту человеческого роста и, чтобы увеличить размер, верхнюю линию вырубали топором зигзагообразно. Такие следы-зигзаги иногда попадаются на бревнах в старых постройках. Кора деревьев довольно гибкая и требует частой обрешетки крыши, поэтому слеги раньше врубали часто. Поверх коры на крышу стелили драньё или тёс. Считается, что драньё лучше отводило дождевую воду из-за колотой поверхности, словно имеющей множество дорожек-

Клин в бревне фронтона разобранного амбара, д. Кобляково Братского района. 2015 г.

водотечников. Но из-за неплотной стыковки немного кривого материала, под драньё зимой надувало снег. С тёсом было всё наоборот, поэтому по краям тесин рубанком-галтелью выбирали полукруглые дорожки.

Но как раньше крепили кровлю без гвоздей?

«Курица», д. Гольтявино Кежемского района. 1959 г.
НА ИЭА РАН 12953. Институт этнологии и антропологии

Для этого повсеместно устраивали крышу «в курицу», это то, что в этнографической терминологии называют на потоках и курицах. Правда, на Ангаре детали называли «крючья» и «жёлоба». Из елки, реже лиственницы, выкопанной с корнем под прямым углом, изготавливали курицы, их крепили при помощи трапециевидных вырубок в слегах и клиньев для надежности. На курицы укладывали потоки – это желоба, вырубленные из бревен. В потоки вставляли тёс или драньё, укладывая их в два слоя внахлёст, чтобы избежать протечек. Верхнюю часть кровли прижимали «выхлопнем» – тяжелым коньком с глубоким пазом, чтобы доски не сдувало ветром. Так получалась прочная конструкция, от которой на Ангаре ушли только в 1920-х годах. Надо заметить, что потоки тут не играли роли водотечников, это был побочный эффект, главное было удерживать кровлю в нижней части. Поэтому не всегда даже использовали желоб в виде лотка, иногда он был уголком. Изредка на такие крыши надевали рамку из одного

венца, типа гнёта, он дополнительно удерживал кровлю. Иной раз просто накидывали дополнительные плахи или жерди на крышу, могли даже привязать их лозой к слегам.

Еще один способ сэкономить на гвоздях не требовал городить столь сложные конструкции, но вынуждал больше тратить древесины. Для этого использовалась кровля, называемая «желобник». Бревно расщепляли на две половины и каждую из них поднутряли топором, вырубая треугольный паз по всей длине. Получались желоба, которые укладывались подобно черепице. На гвозди их не прибивали, так как угол крыши делали маленьким, а тяжесть желобов не позволяла им сползать. Впрочем, по такому же принципу часто устраивали кровлю в охотничьих зимовьях, драньё кололи излишне массивным, и оно держалось за счет своего веса. Все эти способы указывают на развитую культуру безгвоздевого строительства.

Когда доступность гвоздей позволила отказаться от трудоемкой безгвоздевой работы с лишними деталями, крестьяне всё равно придумали, как немного, но экономить гвозди. Конёк стали

Изба с припазованным коньком, д. Ярки Богучанского района. 2017 г.

Амбар со стропильной крышей 1920-х годов из с. Падун Братского района. 2013 г. пос. Чекановский Братского района

припазовывать с двух сторон, выбирать там прямоугольные пазы и вставлять в них кровлю. Вверху кровлю держал паз конька, а внизу прибивали гвозди, это было характерно для всей Восточной Сибири [Ащепков, 1953, с. 124-125].

Стропильные крыши активно распространялись на Ангаре с 1890-х годов и за 30 лет полностью вытеснили все остальные варианты. Преимущество было в том, что для их возведения требовалось меньше древесины, но больше тёса, потому как вместо бревенчатого фронтона их зашивали доской. Вообще применение стропил встречалось и ранее. Их возводили посередине избы между бревенчатыми фронтонами в тех случаях, когда она была длинной, чтобы подпереть провисающие слеги. При этом сами стропильные ноги иногда крепили сразу к верхнему венцу, обходясь без затяжек – горизонтальных балок под стропильными ногами. Но с конца XIX в. городская мода привнесла в ангарскую деревню полностью стропильные конструкции крыш с горизонтальными затяжками и с подшитыми карнизами, украшенными пропильной резьбой. Фронтоны двускатных стропильных крыш иногда для красоты зашивали «ёлочкой» и также делали на них карнизы. Надо заметить, что распространению стропильных

крыш способствовало активное внедрение продольной пилы, позволяющей получать больше тёса.

Наряду с двускатными стропильными крышами в деревнях стали возводить и четырехскатные, называемые тут «круглыми». Как правило, «круглой» называли только крышу над большими, почти четырехугольными в плане домами. Для их устройства по углам устанавливали выступающие за пределы сруба затяжки, на которые также через шип и паз ставили стропила. При этом крыша всё равно была слегка вытянута, ведь сверху был хоть и короткий, но конёк. Совсем вытянутые четырехскатные крыши возводили над избами-связами, которые строили вплоть до 1910-х годов.

Конструкция крыши дома 1925 г. из д. Анчирикова Братского района. АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2022 г.

Иван Михайлович Московских, 1930 г.р., из села Московское Братского района так вспоминал появление домов с круглой крышей в своём селе: «*Вся деревня была из двух домов (избы связью), потом после германской войны, после четырнадцатого года,*

мужики пришли, там, видимо, в России нагляделись и стали строить круглые дома».

Многие могут подумать, что ангарцев научили возводить стропильные крыши переселенцы с западных окраин Российской империи. У них действительно подавляющее количество построек с первых лет переселения возводилось со стропильными крышами. Но конструкция существенно отличалась, так как стропила переселенцев крепились к верхнему венцу сруба и имели выпуски. Это пережитки с мест выдворения переселенцев, где крыши крыли соломой или камышом, поэтому нужен был жесткий каркас крыши за пределами сруба [Глушенко, Федоров, 2025, с. 200]. К тому же в Приангарье активное переселение началось не ранее 1902 г. [Глушенко и др., 2022, с. 200-208], поэтому заимствования стропильных конструкций от переселенцев не было. По конструкции всех этих технологических новшеств можно понять, что ангарцы заимствовали их из городской деревянной архитектуры Сибири.

Зарубки для окна на доме в дер. Калтук Братского района. 2016 г.

Окна и двери вырубали только после завершения рубки сруба, так было проще. Но немного облегчали работу тем, что

еще во время рубки сруба подрубали верхнее бревно будущего проема. Для укрепления в них вставляли усадочные коробки из двух стояков, вершины/притолоки и подушки/порога. Хотя порог или подушку могли вырубать прямо в нижнем бревне. Для утепления под них подкладывали паклю, а некоторые бересту для гидроизоляции [Леонов, Леонова, 2009, с. 173]. До середины XIX в. их делали излишне массивными и с соединением «на ус». В это же время исчезают волоковые окна. Но с ростом оконного проема визуально массивность косяков уменьшилась, хотя на самом деле по толщине они стали больше. К окнам стали прибивать наличники и закрывать их ставнями, так как оконные рамы тогда были одинарными и нужно было дополнительно сберегать тепло зимой в ночное время. В дальнейшем вплоть до начала XX в. происходило постепенное увеличение размера окон. В 1860-х годах в среднем внутреннее оконное пространство составляло 70х40 см, а через 50 лет уже 100х70 см.

Рост окон происходил за счет распространения стекла, но некоторые еще продолжали использовать архаичные материалы. Конечно, начиная с XVII в., на Ангаре активно использовали слюду, но большие окна из неё были довольно дороги. Самым доступным материалом для крестьян были бычий пузырь и брюшина. Первый изготавливался из мочевого пузыря крупного рогатого скота и, ввиду небольшого размера, годился лишь на миниатюрные окна. Брюшину изготавливали из желудка скотины, а именно из отдела под названием сетка. Её вырезали, вымывали, затем деревянной щепкой, чтобы не порвать, счищали внутренний темный слой. Далее

Оконная рама с фрагментом брюшины с избы 1870-х годов, д. Гольтявино Богучанского района. 2023 г.

прополаскивали и натягивали на оконную рамку. В деревне Гольтявино одна цельная брюшина закрывала раму размерами 66х44 см.

Эти материалы животного происхождения не были прозрачными, но пропускали часть света, а чтобы видеть, кто идёт по улице, прокалывали иголкой в одном месте несколько дырочек и смотрели через них в упор [Глушенко, Белоусов, 2025, с. 60-65]. Преимущество по отношению к стеклу заключалось в упругости этого материала. Зимой при каждом хлопке входной двери брюшина колыхалась и с неё осыпалась изморозь, на стекле же она замерзала толстым слоем и оставалась вплоть до оттепели [Лыхин, 2015, с. 181]. Поэтому часто стеклянные рамы убирали на зиму и ставили в окна брюшины. На Ангаре она вышла из обихода уже к началу XX в., но в деревне Гольтявино и соседней Заимке Богучанского района технология по каким-то причинам воспроизводилась вплоть до середины XX в.

Очистка брюшины. Реконструкция
в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова» 2024 г.

Кроме этого, в начале XX в. в рамы вставляли «оклеянку», «серянку». Это тряпка от старой рубашки, натёртая еловой серой. В более старое время зимой могли вставить в маленькое окошко пластину льда [Глушенко, Белоусов, 2025, с. 60-61].

Двери часто крепили не на железных петлях, а на деревянных «стягах». В дверном полотне сверху и снизу оставлялась «пята»,

которая вставлялась в отверстия в притолоке и пороге [Леонов, Леонова, 2009, с. 173, 206]. Следы применения таких дверей

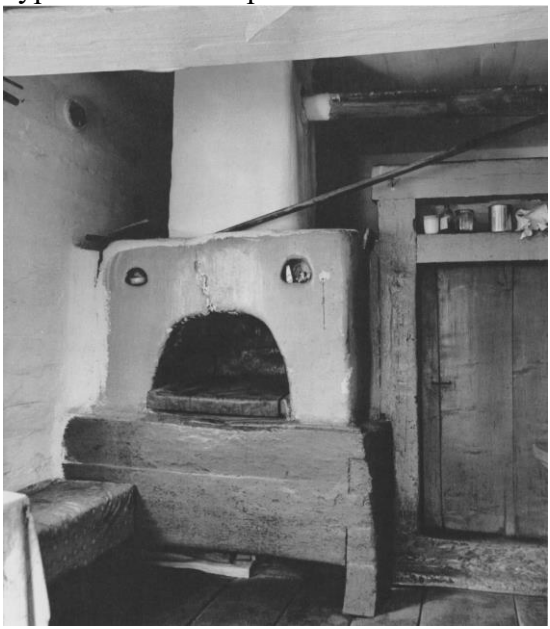

Двери на деревянных пятах зимовья 1900 г. с р. Калтыкан Усть-Илимского района. 2021 г. АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова»

встречаются даже на постройках середины XX в., но уже только хозяйственного назначения. Для утепления дверей в отапливаемые помещения к ним прикрепляли пучки скрученной соломы по периметру дверного полотна.

Небольшие прорезные проёмы устраивали на чердаке во фронтонах в качестве слуховых окон и такие же прорубали под полом и назывались они «отдушины». Последние служили лишь для проветривания подполья в летнее время. Но вот в Кежемском районе их приспособили для освещения подполья в зимнее время упоминаемым выше способом. «*Это окошечко замораживали льдиной, брали из речки льдину, тонкую, а она тоже свет пропускала, и замазывали или коровьим говном, или водой со снегом, укрепляли, чтобы она щелей не имела. И она всю зиму так держалась... Чтобы в подполе свет попадал через окошечко. Ну,*

чтобы свечку не зажигать лишний раз, не ходить со светом... Чтобы видно было, картошку брать, что там лежит», – вспоминал Валентин Иванович Брюханов, 1954 г.р., из поселка Недокура Кежемского района.

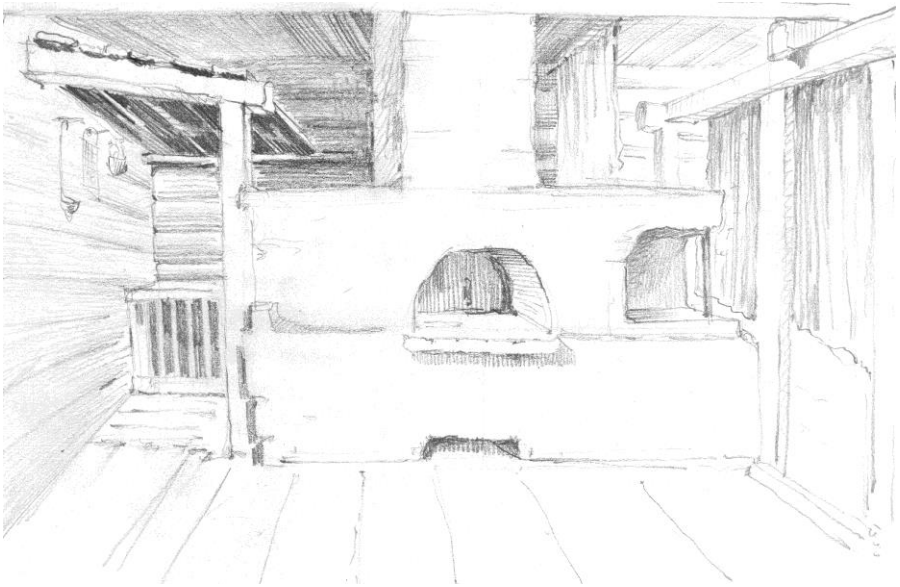

Глинобитная печь в доме, д. Подъеланка Усть-Илимского района. Фото 1970-х годов [Ополовников, 1983, с. 118]

Печь всегда была главным элементом внутреннего обустройства русского жилища. На Ангаре они были довольно простые, с таким антропоморфным типичным обликом, как их рисуют в иллюстрациях к русским сказкам. Устье печи напоминало разинутый рот, а у печурки по бокам маленькие глаза, позади вытянуто длинное туловище. Лишь немного отличались печи Усть-Удинского и Мотыгинского районов. Со стороны центра жилища была как будто вынута часть угла, там устраивался «камин», где жгли лучину, а дым от неё уходил в печную трубу. «Камины» для освещения избы, в которых жгли лучину и даже поленья, бытовали и на Средней Ангаре. Но это были поздние железные приспособления, которые монтировались в середину трубы над железной печью.

Вплоть до середины XX в. продолжали изготавливать глинобитные русские печи, хотя кирпичные русские печи уже были распространены. Работу эту можно было сделать лишь за один день, пока не успевала подсохнуть глина, поэтому над строительством печи работали «помочью». Кто-то копал и возил глину, кто-то вбивал её в тело печи, а управлял всем, как правило, самый

опытный пожилой мастер [Глушенко, Дроздова, 2024, с. 288-293].

Печь с «камином» в доме К.Г. Иванова, д. Толкичи Усть-Удинского района. 1957 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 62. Институт этнологии и антропологии

Прежде чем позвать родственников на печебитие, заранее сооружали корзину печи, представляющую собой ящик из толстых плах. Он либо рубился «в лапу», либо был забран в столбы, но третьей стены не имел, потому что печь смыкалась задней стенкой со стеной. Впрочем, в домах с нетрадиционной планировкой она могла стоять чуть ли не в центре дома. Там, где заканчивалась корзина по высоте, получался «под» печи.

«*Под делается, чтобы ровно с окошками или чуть выше было. А то окна запотевают, если ниже будет, вот эта старинная примета узаконена... Если цело, то есть под, будет ниже этого, то будут окна отпачивать. Вот делали это на уровне, где-то 80, ну у кого 80, 90 сантиметров до окна*», – вспоминал Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района.

Битьё печи в доме 1925 г. из д. Анчирикова Братского района. 2022 г. АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова»

Также хозяин предусмотрительно готовил верхнюю обвязку, тоже деревянную. Затем временную опалубку, и внутреннюю и наружную, и биты, которыми трамбовали глину.

В каждой деревне было своё место, где брали глину для печи. Особенно ценилось сырьё, где пропорция глины и песка естественным образом была ближе к среднему суглинку. Это не давало печи трескаться при дальнейшей сушке и эксплуатации, но таких месторождений было мало, поэтому ангарцы предпочитали брать то, что рядом, и потом регулярно замазывать щели, нежели далеко ездить за глиной или мешать её с песком.

Важнее было другое.

Нужно было соблюдать необходимую влажность, иначе глина не сбивалась в один большой и прочный кирпич, чем фактически и являлась готовая печь.

Влажность определяли следующим образом. Зажимали глину в кулак, если она не образовывала комочка, то из-за низкой влажности печебитие усложнялось. Приходилось постоянно взбрызгивать глину водой, набранной в рот. В идеале комочек этот должен был рассыпаться при слабом нажатии, если он не

разваливался, влажность была слишком высокой, тогда при сушке печь давала много трещин, такую глину не использовали.

Сам процесс битья заключался в том, что в опалубку высыпали слой рыхлой глины толщиной около 10 см и утрамбовывали его битами, выбивая из неё воздух. В результате глина вновь становилась плотной, какой была перед тем, как её выкопали, а толщина такого слоя равнялась 6,5 см, как в современном печном кирпиче. Но важно было не «перебить» глину, если при ударе бита переставала делать четкие отпечатки, а глина вокруг начинала подыматься, получалась некачественная работа, и сцепление с нижележащим слоем было плохим. Для страховки в таких случаясь после завершения битья каждого слоя поверх него большой деревянной киянкой с заостренным концом делали глубокие ямки. Старожилы говорят, что переставать бить надо тогда, когда появлялся «пот» на глине, то есть, когда она становилась немного влажной.

После битья до уровня пода, на него ставили внутреннюю опалубку: «свинку» и «зонт». «Свинкой» называли полуцилиндр из доски, который образовывал топку русской печи, а «зонт» создавал дымосбор под трубой, его ставили на будущий шесток печи. «Цело» – это окно между топочной и дымосборной камерами. А наружное окно, то есть в дымосборную камеру над шестком так и называли «окно». Эти проёмы предпочитали вырезать после завершения печебития, но, чтобы не тратить силы на трамбовку в них глины, которую всё равно потом вырежут, туда закладывали деревянные бакулки. Слой глины, который завершал перекрытие будущего свода, то есть покрывал верх «свинки», делали намного толще, до 20 см в рыхлом виде. Иначе он будет слишком тонкий в средней части и начнёт крошиться.

Трубу били также во временной опалубке, а отверстие делали коротким (до 1 м) бревном с поперечной ручкой. Его вставляли в центр бревна, и также уплотняли слой глины, пользуясь длинными жердями. После каждого слоя необходимо было прокрутить бревно по своей оси и вынуть его, иначе потом это сделать было невозможно.

Из беседы с Иннокентием Степановичем Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района: «*Ещё не сказал, не*

Глинобитная труба в безгвоздевой опалубке на чердаке дома 1925 г., д. Анчирикова Братского района. 2015 г.

помню. До верха дойдут, потом там тоже расширение, вот где столбик-то начинает, пойдёт. Здесь-то он идёт большим корытом, это где пламя-то идёт, а там вверху вот такое 25 примерно сантиметров строганое бревно, на нём прибитая верёвочка, чтобы за верёвку поднимать. Побили-побили, вытягивают. Так вы делали?» – «А мы без трубы били, мы чёрную (печь в музее) били пока». – «*Эт чё?»* – «По-чёрному, по-чёрному били пока». – *«Ну, по-чёрному, а как топить-то?»* – «А в помещение уходит дым». – «*А, вон чё».* – «Это в остроге Братском. А бревно-то это не застревает в трубе?» – *«*А *его бьют и помаленьку вытаскивают».* – «Сразу, да?» – *«Помаленьку, вытаскивают сразу*».

В трубе еще под потолком монтировали вьюшку. Это лист чугуна с отверстием с бортиками, которое для плотности закрывалось двумя крышками: внутренней и наружной. Таким способом перекрывали трубу после топки печи, до того как распространились современные печные задвижки. Сбоку трубы, чуть выше потолка, делали квадратное отверстие, закрываемое простой деревянной доской, и, когда надо было затопить печь, доску убирали, вытаскивали крышки, ставили назад деревяшку и топили. После

Устройство вьюшки в избе 1870-х годов: вьюшка и крышка (слева); закрытое окошко в трубе. д. Гольтявино Богучанского района. 2017 г.

топки крышки ставили назад. До XIX в. такие вьюшки изготавливали из глины. Но встречались варианты вообще без задвижек. Трубы тогда не всегда выходили за пределы «подызбицы» (чердака), дым попадал прямо туда, а удалялся через деревянную трубу в кровле. То есть чердак будто отапливался по-черному. Поэтому некоторые после топки просто закрывали глиняную трубу каменной плиткой и присыпали песком, для чего, вероятно, каждый раз отправляли на чердак детишек.

После битья печи с неё снимали временную опалубку, вырезали окно и ждали не более недели либо даже один день. После производили первый выжиг, от чего сгорали остатки опалубки, которые не удавалось полностью разобрать и вынуть.

Со временем в печи, сбитой из тяжелого суглинка, появлялись глубокие трещины, их регулярно замазывали. Как правило, трещины проходили по осям печи в двух направлениях, она как бы стремилась распасться на четыре части. Поэтому конструкция опечка дополнялась верхней обвязкой, которая как каркас сдерживала печь от распада. Русские глинобитные печи можно назвать вечными, они служили столько же, сколько жилище поддерживалось в нормальном состоянии, то есть свыше ста лет. Но регулярно подмазывать приходилось и «под», причем в любой глинобитной печи, ведь из-за перепада температуры он выкрашивался. Состояние его определялось по отпечатку на хлебе. Если нижняя часть хлебов была неровной, пора было подмазать печь, для чего туда порой отправляли детей из-за их малого размера. В

доме 1925 г. в деревне Анчирикова Братского района «под» глинобитной печи был выложен кирпичом через прослойку из гальки и песка. Видимо, чтобы не подмазывать регулярно «под», а лишь изредка менять кирпичи [Глушенко, Дроздова, 2024, с. 288-293].

Мода белить печи и в целом дома изнутри появилась не сразу, вероятно, в XIX в. Причем первое время использовали не известь, а белую глину [Царев, Царев, 2015, с. 66].

После завершения печи можно было устанавливать заборку, полати, голбец, врубать в стены лавки и справлять новоселье. Зачастую плотники изготавливали и различную мебель: кровати, шкафчики, столы с курятником, буфеты, деревянные диваны. Таким был долгим путь строительства жилища у ангарских крестьян. Занимал он от заготовки и до новоселья минимум полтора года, а то и больше. Как сказал Д. Верхотуров, 1912 г.р., из деревни Проспихино Кежемского района: «*Дом за два года не построить, если начинать с рубки леса и до постройки*» [Подскочина, 1985, с. 11].

Утеплитель из соломенных жгутов на двери избы, д. Сыромолотово Кежемского района. 2017 г.

Со временем нижние венцы из-за соприкосновения с землёй подгнивали, и дом начинал заваливаться. Но это не было большой проблемой, потому что «оклад» меняли. Ангарцы умели поднимать дома задолго до появления промышленных домкратов. Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района рассказал, как это делали при помощи «ваги». Так называли бревно длиной 6 м и толщиной «*с амбарное бревно*» (20-24 см), его использовали в качестве рычага. Вырубали

часть сгнившего венца, подводили туда «вагу», под неё клали короткое бревно, а к другому концу привязывали короб. Короба тогда делали из ветвей тальника до одного кубометра вместимостью, его наполняли мокрой землёй, пока дом не приподнимется на высоту двух венцов. Причем дом даже не облегчали для этого. С потолка не ссыпали землю и, само собой, не уничтожали глинобитную печь, только на всякий случай вынимали оконные рамы с дорогим по тем временам стеклом.

Если одного кубометра не хватало для противовеса, то вокруг короба надставляли доски, скрепляли их, и над коробом получались нарощенные борта, куда досыпали землю. Как вспоминал Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района: «*Потом мужики поднимут, садятся, выпить надо, дом подняли. Хотя только-только приподняли, никого там не подняли, он болтается в воздухе*». Затем венцы меняли и опускали дом на место, так делали с каждой стеной отдельно. Поднимали таким способом не только небольшие избы размерами 6х6 м, но и большие дома с длиной стен до 12 м (с сенями). На памяти старожила так делали еще в 1940-х годах. Мужчины тогда выполняли всю работу вшестером, для чего созывали помочь и управлялись за несколько дней.

Бревенчатый дом хоть и был капитальным сооружением, но не всегда оставался на одном и том же месте. Известно много историй о том, как кочевал один и тот же дом, путешествуя по деревням. Да и в пределах одной деревни дома часто переезжали на новые места. Конструкция позволяла разобрать его и перевезти на новое место. Для этого разбирали крышу, ссыпали землю, разбивали глинобитную печь, засыпали её остатками подполье и разбирали все остальное. Чтобы не перепутать детали, их «пятнали», то есть маркировали зарубками топора. Постройки и поныне сохраняют эти метки, по ним можно проследить эволюцию системы счисления у плотников того времени. Самые старые дома маркированы простыми палочками «I», каждый венец имел на одну палочку больше, рядышком отмечали и стену, чтобы не перепутать, но не всегда, видимо, возили каждую стену отдельно. Постройки

Маркировка вертикальными палочками на амбаре,
с. Ключи-Булак Братского райна. 2016 г.

чуть моложе «пятнали» римскими цифрами, в которых использованы «V» и далее множество «I». Редко где применяли «X». С середины XX в. перевозимые дома маркировали краской арабскими или римскими цифрами, отмечая стены буквами.

Надо заметить, что технологические инновации в строительной культуре ангарцев распространялись неравномерно. Ряд домов на Нижней Ангаре с элементами городской архитектуры, такими как стропильные крыши и выскобленные «под черту» бревна, датируются 1890-ми годами. В то время как для Средней Ангары такие элементы характерны не ранее 1910-х годов. Вполне вероятно, что это связано с тем, что в конце XIX в. Ангара на короткое время вновь стала одним из главных путей сообщений, когда активно развивалось судоходство. Но Средняя Ангара слишком изобиловала труднопроходимыми порогами, поэтому более оживленной частью был путь от Енисея по Нижней Ангаре и далее на Илим. Вероятно, поэтому новые технологии на этом участке реки распространились быстрее в крестьянской среде.

Маркировка косыми и вертикальными палочками на амбаре 1865 г., с. Ключи-Булак Братского района. 2016 г.

Тем не менее, если сравнивать Ангару с сопредельными территориями, особенно с селениями вдоль Московского тракта, становится заметна долгая приверженность ангарцев архаичным конструкциям и древним плотницким приёмам.

2.3. Крестьянская роспись

Крестьянские росписи на Ангаре очень давние, но и сегодня могут заинтересовать искушенного зрителя. Незамысловатые, порой по-детски наивные они вызывают добрые чувства и навевают тёплые воспоминания чего-то родного, давно забытого. До нас дошли подлинные расписные предметы крестьянского обихода и элементы домовой росписи конца XIX – начала XX вв., собранные исследователями. В период с 1913 по 1924 гг. перестали расписывать деревенские дома. Это время Первой мировой войны, суровых испытаний в годы революции, гражданской войны и становления советской власти [Леонов, 2009, с. 378, 380, 381].

Можно предположить, что за этот короткий срок в Приангарье не успела полностью сложиться своя уникальная, отличная от других манера росписи. Поэтому можем говорить о влияниях различных «школ» росписи, привнесённых на Ангару, и об их адаптации к местным условиям.

Больше всего крестьянская роспись проявилась именно на заборках. Заборки – это деревянные перегородки в избе, которые отделяли «куть» от чистой большей части крестьянского жилища. Перегородки чаще делали дощатыми, но встречаются и филёнчатые. На них было много свободного для художника пространства. Иногда получалось полотно картин в три яруса: верхний, средний и нижний.

Крестьяне называли мастеров, которые ходили от деревни к деревне и расписывали дома, «красылшиками» [Леонов, 2009, с. 359]. Часто ими являлись ссыльные, которые были приписаны в ангарских деревнях на поселение. Они могли расписывать деревенские усадьбы за плату. Это явление было широко распространено в конце XIX и начале XX вв. [Сабурова, 1971, с. 32]. Иногда росписи выполняли так называемые «богомазы», или иконописцы, расписывающие не только дома, но и церкви [Леонов, 2009, с. 381].

Секция заборки из дома И.М. Московских из с. Московское Братского района. 2026 г.

Не стоит сравнивать городских профессиональных художников и «красылшиков». У них были совершенно разные задачи. Городские художники служили так называемому «чистому» искусству, а крестьянские мастера создавали красоту просто так, чтоб «глаз радовала» [Щекотов, 1923, с. 3-5]. Отсюда и подходы к решению задач разные.

Крестьяне и те, кто выполнял домовые росписи на заказ, старались украсить интерьер избы позатейливее. Если они и не владели в совершенстве техникой рисования, то старались выиграть за счёт яркости и убористости орнамента, многообразия и пестроты, покрывая всю поверхность сплошными узорами. Так возник декоративный «ковровый» орнамент [Маковецкий, 1971, с. 143]. Исследователь этнографии Нижней Ангары А.П. Ермолаев писал, что преобладающими мотивами домовой росписи являлись «гирлянды цветов, цветущие растения в горшках с сидящими на веточках птицами», но «очень редко изображались другие животные, ещё реже люди» [Ермолаев, 1911, с. 35].

Мастера готовили поверхность под покраску, грунтовали её, сами изготавливали кисти из щетины и пигменты, в основном из местных цветных глин, сами делали олифу на льняном или конопляном масле. «Преобладали темно-синие и темно-зеленые, а также охристые цвета для фона, а всевозможные разводы, фантастические растения и не менее фантастические животные,

украшающие «переборку»… составлены из ярких комбинаций красного, зеленого, белого и синего» [Ермолаев, 1911, с. 34].

Белый фон в ангарских деревнях не использовали вообще, иногда также использовали серый, зеленовато-голубой, жёлто-коричневый. Также встречался и темно-синий и чёрный фон.

Горшечные кусты с виноградными гроздьями в избе 1870-х годов, д. Гольтявино Богучанского района. 2017 г.

Цвета для основной росписи старались использовать чистые, добиваясь их гармоничного сочетания. Росписи отличаются яркостью, разнообразием, пестротой рисунка. Мастерам нужно было добиться выразительности изображения при недостаточно хорошем освещении, так как в избе, хоть и была заборка освещена светом из окон, но большую часть зимнего времени света было мало. Цветная роспись как бы компенсировала этот недостаток, создавая особую радостную атмосферу благодаря ярким чистым краскам и весёлым рисункам.

Чаще всего на Ангаре встречается урало-сибирская роспись. На кисть наносили основной цвет с одной стороны и белый с другой и рисовали, как бы поворачивая кисть на месте. Образовывался круглый цветок с белым краем, что создало иллюзию

Горшечные кусты в избе с дополнительной перегородкой, д. Гольтявино Богучанского района. 2023 г.

Горшечные кусты в урало-сибирском стиле, д. Бедоба Богучанского района. 2024 г.

объёма. Иногда белым цветом дорисовывывали детали после нанесения основных цветов. Эти так называемые «белильные оживки» являлись одной из основных особенностей урало-сибирской росписи. Другим отличием является стилизация цветов и

стеблей растений, листьев и ягод. Выработались традиционные стилизованные формы изображения крупных круглых цветов, например, «розанов», поменьше и более овальной вытянутой формы цветов «купавок». Листочки имеют свою форму, выполненную тоже двухцветным мазком. Ягодки и стебель дополняются черными штрихами, которые добавляют выразительности. Эти чёрные графические элементы сейчас называют «травки» или «приписки».

Все эти элементы очень легко найти в росписях ангарских деревень. Крестьянская роспись отличается простотой, использованием элементарных приёмов, яркостью, декоративностью. При этом она касается сердца своей искренностью, наивностью, часто большой экспрессией. При некоторой примитивности, несоответствии пропорций, например, неточности рисунка, художнику всё же удаётся вызвать яркое эмоциональное переживание у зрителя.

Например, типичны заборки, где на вертикальных верхних и

Заборка с белыми цветами в вазонах в избе Е.С. Дубровина, с. Падун Братского района [Маковецкий, 1971, ил. 24]

нижних филёнках на сером фоне стилизованно изображены тёмно-красные цветы в виде больших крупных шаров, дополненные белыми «оживками» и чёрными «приписками»,

изображающими листья и стебли, а на небольших горизонтальных средних филёнках те же цветы поменьше собраны в венки и гирлянды. Вся заборка представляет собой цельное живописное цветочное панно, с помощью которого удаётся создать праздничное настроение и украсить помещение. Растительные элементы могут быть очень условно написаны, главную роль играет цвет, основные цветовые пятна, их чередование, то есть ритм, и композиционное размещение на плоскости. Растения могут быть самые разнообразные, фантазийные, редкие, увиденные в других местах, если их рисовали ссыльные. Таёжные растения характерны для местных авторов. Но иногда появлялись в рисунках такие цветы, которые не встречались в местных условиях. Например, розы. Розы рисовали ссыльные, а жарки, васильки и колокольчики – сами крестьяне [Леонов, 2009, с. 211]. Также рисовали яблоки, виноград.

Популярны были и горшечные цветы. Возможно, это предполагало сочетание трёх составляющих – корня со стеблем, цветов и плодов. Иногда такая композиция трактуется как дерево рода, соединение трёх поколений: старшего, среднего и младшего. А возможно, влияние городской моды, когда было принято украшать помещение цветами в вазонах на окнах. Но если в городе можно было выращивать комнатные цветы, то в деревне легче было их нарисовать.

Горшечные цветы чаще всего были нарисованы упрощенно: и сам вазон, и куст в вазоне. Всегда рисунок располагается на

Роспись избы А.В. Пинигиной, с. Верхнее Суворово Братского района. 1956 г. Музей истории архитектуры Сибири имени С.Н. Баландина

вертикальной плоскости доски, симметрично по центру филёнки с симметричными листьями, расходящимися в разные стороны от стебля. Заметно отличаются росписи горшечных растений с «перьями вместо листьев», которые, возможно, представляют иголочки хвойных деревьев. Иногда завершается такая ветка цветком.

Растительные горшечные растения иногда изображаются более профессионально, с детальной прорисовкой цветов в традициях урало-сибирской росписи. Например, не очень крупные стилизованные цветы «розаны» с белыми «оживками» и черными «травками». А самые «правдоподобные» горшечные растения имеют ещё и светотеневую моделировку, что придаёт им объём.

Розы в росписи избы А.В. Пинигиной, с. Верхнее Суворово Братского района. 1956 г. Музей истории архитектуры Сибири имени С.Н. Баландина

На заборке И.М. Московских из села Московское Братского района нарисованы горшечные цветы, цветочные композиции. Преобладают яркие красные, жёлтые цвета на зелёном фоне, что делает рисунки очень выразительными. Удивительным кажется применение автором светотени в изображении некоторых горшечных цветов, что придаёт объём если не цветам, которые довольно стилизованы, то уж, во всяком случае, вазону.

Так же иногда используют для растительных композиций темно-синий и чёрный фон, а

Цветы в гирляндах, с. Дубынино Братского района. 2015 г.

изображение цветов выполняют красным контуром, как в деревне Ершово Усть-Илимского района.

А в деревне Верхнее Суворово Братского района вся изба – стены, простенки между окнами, дверь заборки – красиво расписана в нескольких различных техниках. Рисунки на стенах представляют собой имитацию обоев и нанесены даже на внешние стены избы, а не только на перегородку. Как по трафарету нанесен краской рисунок стилизованного красного цветка, многократно повторяющегося.

Это уже представляется новым явлением в деревне, появившимся под влиянием городской моды. В этой же избе ещё одно новшество – стена раскрашена «под «кирпич». В крестьянской эстетике было красиво то, что было редкостью. Вот и украшение в этой избе с «кирпичами» и «обоями», с красными розами в вазонах в простенках между окнами, идёт еще дальше, на филёнках изображаются фантастические завитки и узоры в восточном стиле, совершенно не похожие на другие крестьянские росписи. Красные розы на темно-синем фоне напоминают нам о том, что это могло быть творчество не местных художников.

Огромное разнообразие и богатство росписей с мотивом растений достигает самых невероятных сочетаний. Так встречаются

Часы и цветочные орнаменты на заборке из Усть-Удинского района. 1903 г. УУКМ ОФ 320. 2025 г. Усть-Удинский районный краеведческий музей

росписи с тюльпанами и с часами, как, например, на заборке, расписанной в 1903 г. в музее поселка Усть-Уда. А часы с римским циферблатом, возможно, даже часы с боем, так как внизу висят кисти с колокольчиками. Кстати, на фрагменте росписи из деревни Антоново тоже есть кисти с колокольчиками, свисающими вниз по периметру высокого синего прямоугольника. Эти элементы совпадают, что позволяет судить о том, что, возможно, заборка из деревни Антоново тоже содержала мотив с часами. Во всяком случае, явно прослеживается нечто общее.

Вариации растительных орнаментов в сочетании с геометрическими элементами происходит из деревни Петропавловка Чунского района. Ромб изображен в виде раскинутого женского платка и внутри него нарисованы крупные красные и синие розы и мелкие зеленые листочки. Эта роспись занимает в избе довольно большую площадь. Углы квадрата и стороны ромба тоже орнаментированы линиями, цветочными элементами. Почти такой же мотив ромба в виде раскинутого платка, как бы накинутого на нижний ромб, был в доме А. Московской в селе Московское. Появляются дополнительные углы, что создаёт подобие 8-

Фрагмент заборки с кистями из д. Антоново Братского района. ОФ-1186. 2026 г. Братский городской объединенный музей

конечной рождественской звезды [Маковецкий, 1971, с. 143, ил. № 27].

Внутри этого ромба-звезды по центру изображен целый горшечный куст, симметрично расположенный на красном фоне, а с двух сторон – две птички. В таком ярком и разнообразном цветовом сочетании вся эта картина собирается в радостный образ. На двери от заборки – фигура нарядной девушки с веткой с ягодками в руках. Растительный орнамент дополняется не только геометрическими ромбами, но и фигурками птиц, людей. Если следовать крестьянской логике, то и две птички на цветущем кусте, как символ жениха и невесты, и образ девушки с веткой в руках – всё это пожелания счастливой супружеской жизни [Барадулин, 1982, с. 3,4].

Птички встречаются не так уж редко. Например, на голубом фоне заборки, вывезенной из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС, где прочитывается размашистая надпись «1912 год» с одной стороны и «Пётр Кудря» с другой. Мы видим наверху цветущего куста с красными розочками небольшую синюю птичку с гроздью винограда в клюве. При этом заметим, что виноград не растет в этих краях.

Кроме этого, в ангарских избах есть ещё один интересный мотив в

Ромб с цветами и листьями из д. Петропавловка Чунского района. 2026 г. ОФ 44726. Братский городской объединенный музей

росписи – пейзажи. Примером может служить заборка из деревни Кузнецовка Братского района.

Она вся сплошь состоит из различных пейзажей с водной стихией. На филенках изображены то укромные уголки с ручьями

Ромб с цветами и листьями на заборке избы А. Московской, с. Московское Братского района [Маковецкий, 1971, ил. 27]

Птичка с виноградной гроздью в клюве на горшечном кусте. Заборка из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС. 1912 г. Художник Пётр Кудря. ОФ-4472/2. 2026 г. Братский городской объединенный музей

между высокими деревьями, то дальние берега с крутыми вершинами. Мы видим: олень выбежал на крутой берег, а вдали плывет корабль, деревья отражаются в воде. Пейзажи были характеры для многих крестьянских росписей. И широкая Ангара, с высокими отвесными скалами и островами, тоже нашла своё отражение в творчестве народных мастеров. Так в деревне Заимка Кежемского района имелись заборки с тремя пейзажами, два из которых очень живо и точно воссоздают колорит могучей сибирской реки, а третий пейзаж посвящен тихой извилистой речушке и стройным деревьям на её берегах.

Сохранилось об одном известном в Братском районе «красыльшике» в автографах «Работал Чеснаков» и воспоминаниях старожилов. По преданию, это был ссыльный, который зарабатывал тем, что расписывал заборки в ангарских домах. Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района рассказал, что любимой темой Чеснакова была охота, животный мир: «*У дяди моего, дяди Вани, в деревне Бурнино, вот у них и заборки старинные эти, охотники с лягавыми собаками, краси-иво-о! А потом идёт мужчина…тоже с ружьём, так*

спускается, интересно, как будто… вот-вот …как живой… Заборки тоже вот эти, с кухни выходить и заходить, такая широкая сорока, как живая, нормальный рост такой. Взглянешь, так вздрогнешь, настолько здорово. Чеснаков рисовал. Он художник. Ездил по деревням рисовал. Тогда же красок таких-то не было. Он всё животных рисовал. Я чётко вспоминаю, у него всё охотники с собаками были. Ольга говорит, цветочки там. Вроде не его профиль. Осётр, это возможно. Он проезжал, он не местный. Чеснаков, это точно. Он подписывал. Я маленьким был. Чеснаков… я запомнил это. Он до войны ездил».

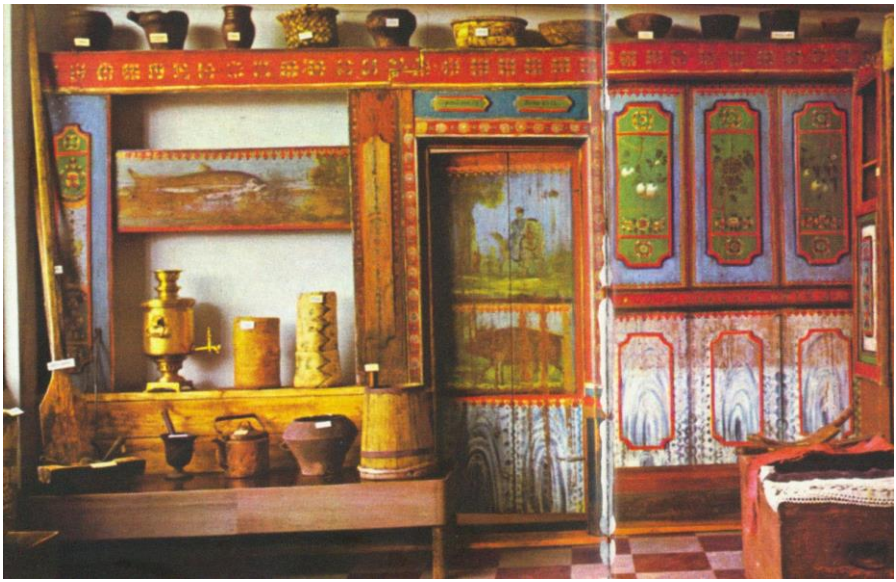
Пейзаж с оленем и кораблём, д. Кузнецовка Братского района. 2015 г.

Кстати, сорока на заборках дяди И.С. Московских из деревни Бурнино Братского района – это та самая сорока, которая есть в статье И.В. Маковецкого как фрагмент росписи в доме Бурниной в деревне Бурнино Братского района. Изображение сороки на ветке с ягодами рябины живописно и действительно очень реалистично.

Сорока в росписе дома Бурниной, д. Бурнино Братского района [Маковецкий, 1971, рис. 28].

Надпись «Работал Чеснаков» сохранилась на заборке братьев Дубыниных из села Дубынино Братского района. Здесь мастер предпочитал бытовые и сюжетные сценки с фигурками людей и животных. Замечательно изображен бравый всадник на коне, с

Всадник на коне, таймень и цветочные композиции на заборке из избы братьев Дубыниных, с. Дубынино Братского района.

таким живым чувством, с такой экспрессией, характерной для художника, что остаётся только восхищаться. Лошадь под ним словно гарцует на фоне пейзажа – на поляне с берёзкой. Всадник держит в руке нагайку, будто собирается пришпорить лошадь. Но самое интересное, что по рисунку можно угадать принадлежность казака к войску донскому. Так казак одет в синюю с красным верхом казачью шапку (папаху), синюю куртку и синие с красными лампасами шаровары. Такие цвета были характерны для традиционной формы донских казаков конца XIX – начала XX вв.

Этот фрагмент заборки состоит из целой панорамы интересных картин, которые можно объединить общей идеей жизнеутверждающего крестьянского оптимизма. Опять мы видим цветочные мотивы в сочетании с сюжетными сценками. На широкой доске изображена удивительная рыба, как часть пейзажа, возможно, таймень. Интересно, что автор подписывал не только свою фамилию, но и свои рисунки. Так рисунки имеют подписи

Стерлядь на заборке из дома И.М. Московских,
с. Московское Братского района. 2026 г.

Охотничья собака и заяц на заборке из дома И.М. Московских, с. Московское Братского района. 2026 г.

«казак» сверху над казаком на лошади; «кабан» посередине, где нарисован большой дикий кабан. На нижней картине не сохранилось подписи.

Все элементы общей композиции гармонично сочетаются между собой и как бы выражают идею согласованного

миропорядка: тут и растения, и звери, и рыбы, и люди, и всё полно радости, сочного цвета, какого-то задора и раскрепощения.

Ещё одна заборка из села Московское, которую хозяин Иван Михайлович Московских 1930 г.р. вывез из своего дома незадолго до затопления и бережно хранил. Интересно, что на этой заборке прослеживается стиль разных художников. Так цветочные композиции выполнены в одной технике, а пейзажи и сцены охоты совершенно в другой. Растительные орнаменты, скорее всего, принадлежат авторству Ивана Сизарова. Это ангарское прозвище Ивана Михайловича Московских. А вот изображения животных и людей по вышеупомянутому предположению И.С. Московских скорее всего выполнил Чеснаков. Отличается не только стиль, но и сохранность и качество красок.

Рыбки и животные нарисованы очень реалистично, ярко, сочно. Но особо захватывают внимание сюжетные картины. Вот именно эти изображения и характерны для стиля Чеснакова. Самобытные живописные сцены охоты, рыбалки выдают умелого художника. Несколько раз изображены на филенках охотник, охотничья собака, убегающие лесные звери на фоне леса. С одной филенки от охотника убегает черная рысь. На другой филенке нарисован белый заяц, будто скачущий в сторону и запутывающий следы. Интересно, что мастер создает так называемый «диптих» – полная картина предстает перед нами на двух филёнках, на одной – охотник с собакой, а на другой нарисован убегающий зверь. Фигурки охотника и зверей выполнены условно, но удивительно динамично передают настроение и азарт охоты. Кажется, вот-вот собака настигнет свою жертву.

Человек, рассматривающий роспись на заборке, как бы оказывается внутри сюжета, вовлечён в эту игру, настолько живо и образно передано состояние природы и всех персонажей. При этом мы видим и местные пейзажи, на фоне которых разыгрывается действие. То есть, за этими рисунками как бы раскрывается сама жизнь, а «заборки» в некоторой степени опережают появление кино и телевидения.

Краснопёрый окунь крупно изображен и маленькая рыбка, возможно, хариус. Можно предположить, что художник

посчитал окуня красивым, что радовало глаз само по себе. Ну а стерлядь считалась самой лучшей рыбой на Ангаре. Поэтому их с удовольствием помещали в общей галерее художественных образов в крестьянском жилище. Рыба могла быть и символом

Пейзажи на заборке из дома И.М. Московских, с. Московское Братского района. 2026 г.

достатка, и напоминанием о приятной рыбной ловле, и просто нарисована «для души».

Окунь и маленькая рыба на заборке из дома И.М. Московских, с. Московское Братского района. 2026 г.

Интересно, что на перегородках изображали и святых. Например, мы видим поясную женскую фигурку, в тёплой шали, с нимбом вокруг головы, одна рука поднята в благословляющем жесте, вторая опущена. Не исключено, что это святая Улита, так как в селе Московское, откуда, напомним, происходит заборка, была церковь святых мучеников Кирика и Улиты.

Многие расписные дома, к сожалению, не сохранились. Интересными воспоминаниями о своём доме с богатой росписью поделилась Фекисова (Бурнина) Людмила Никитична, 1940 г.р., из деревни Тенга Братского района. Она говорила, что роспись была выполнена очень реалистично и качественно.

«*Там ковры были. Так полотенце было такое, до нашего времени дошло, что умывались и подходили вытираться…Часы были нарисованы тоже... Вообще сильно разукрашенный дом был. Вот заходишь, допустим, сразу, какой-то промежуточек, тут одежда, раздевались, потом шла койка, на койке был ковер нарисованный, там лев лежал. А в головах петух сидел, красивый до нашей поры. Дальше шёл простенок между окон, ну от койки до этой. Там вообще была тайга дедушкина нарисована. Художник ходил в тайгу. И вот запечатлел где-то там дом. Потом окно было. После окна Падунский порог нарисованный был.*

Потом окно в углу там. Иисус Христос нарисованный. Потом Богородица, а там окно и простенок. Царь Николай, нарисованный в сапогах, всё, нормальный. Потом окно и там маленький

Икона на заборке из дома И.М. Московских,
с. Московское Братского района. 2026 г.

промежуточек. Там уже поверху шли переплетённые все эти веревки, а спускалась верёвка и котёнок играл от неё помпончиками. Потом шёл шкаф, верхний был в зале, а нижний на кухне. И тоже эти дверки были все лилиями разрисованы, полевыми цветами. Потом шел простенок, там стол стоял. На этом столе стояла бутылка вина, конфеты лежали и яблоки. А рисовал это, написано было «Чеснаков». Этот дом перевезли из Бурнино в Тенгу. Вот там тайга, избушка деда нарисована, дед там стреляет в оленя легко. Где тайга, в основном тона зелёные были, при нас вообще потемнело, но все равно различалось. А то тоже Падунский порог в основном как бы зелёный был. Рыбаки там с правой стороны рыбачили. Так что такое вот. Ну а тут Иисус Христос как икона настоящая. Так жалко было, сожгли».

А сколько ещё таких «детских» воспоминаний осталось с каждым жителем затопленных деревень? Сколько крестьянской росписи сгинуло вместе с разрушенными домами?

Подведем итоги по крестьянской росписи региона. На рассмотренных примерах мы видим большое разнообразие росписей, от растительных и упрощенных до сложных сюжетно-тематических композиций, экспрессивных, ярких, искренних. Рассматривая эти незатейливые рисунки, мы будто погружаемся в ту атмосферу крестьянской жизни, где человек жил в гармонии с природой, ощущал себя составной частью общего мироздания. Возможно, если бы не так быстро развивались исторические события и не повлияли бы коллизии первой половины XX в., то при более удачном сценарии роспись на Ангаре могла бы развиваться и сформировать свои уникальные, только ей присущие черты. Тогда бы мы говорили об ангарском стиле народно-изобразительного искусства. А так мы имеем очень интересное явление, отражающее более широкий пласт народной культуры.

Если первоначально расписывали дома для красоты, то сегодня нам интересна роспись как своеобразное послание из прошлого. Когда в наших экспедициях по Ангаре нам удаётся найти дом со старинными расписными заборками, то это воспринимается как некий знак качества, знак того, что это истинный ангарский дом.

И.В. Маковецкий писал: «Необыкновенная привязанность и любовь сибиряков к этим красочным рисункам в интерьере суровых и замкнутых по своему внешнему облику построек раскрыли перед нами богатый внутренний мир людей, наполненный теплом весенних цветов, ароматом спелых плодов, образами песен, былин, сказок, радугой ярких и сочных тонов окружающей их природы» [Маковецкий, 1971, 145].

2.4. Одежда

Традиционная одежда русских старожилов Ангары – ценный этнографический источник, отражающий многовековой опыт адаптации человека к суровым условиям Сибири. Она складывалась под влиянием севернорусских традиций, хозяйственных практик и межкультурного взаимодействия с коренными народами региона. В костюме ангарцев переплелись архаичные общерусские черты и веяния городской моды, продиктованные климатом, промыслами и бытовым укладом. В этой главе мы рассмотрим основные виды одежды ангарцев первой половины XX в., материалы изготовления, особенности кроя и функционального использования.

По особенностям кроя исследователи ещё полвека назад увидели в ангарском костюме самобытные черты и выделили его в отдельный «енисейско-приангарский комплекс» [Маслова, 1962, с. 17].

Прежде чем перейти к обзору одежды ангарцев, следует сказать, что ни одна семья здесь не обходилась без ткани собственного производства. Из конопли, льна и шерсти домашних животных женщины ткали, плели, вязали разнообразную одежду. Домашний будничный костюм женщины был очень простым, его шили из домотканины, так же как и рабочую одежду, а на праздничную чаще использовали лён и покупную ткань. Вплоть до середины XX в. во многих ещё крестьянских домах стояли ткацкие станки (кросна), на которых ткали холсты. Ну а в начале XX в. этим на Ангаре занимались повсеместно, в отличие от населения вдоль Московского тракта, которое давно перешло на покупную ткань [Ермолаев, 1911, с. 48].

Отметим, что изначально в русской традиционной культуре не существовало «горничной» одежды, которую можно было бы носить без рубахи. Рубаха – основа всего костюма, её иногда просто называли «рукава», когда женщины надевали верхнюю одежду, было видно только рукава. Скромность и достоинство её выражалось в закрытых формах и действительно прослеживалось сходство с великорусскими традициями. Рубахи были «скрозные» (цельнокроеные) и «составные», из стана с рукавами и

ластовицами – специальными вставками в подмышках, которые вшивали в старину и до начала XX в. Рукава у рубахи были обязательны, и длина их должна была закрывать на руках запястье, «косточку». Другой тип рубахи, с разрезом спереди, шили только для женщин, имеющих грудных детей. В случае отсутствия маленьких детей рубахи делали без разреза, блузкой – этот вид рубах был широко распространён. Ворот рубахи обшивался полоской ткани («голошейки»). Во время метания сена, подвижных игр или «куляний» (качаний на качелях вкруговую) подолы рубах застегивали булавками между ног [Маслова, 1971, с. 150].

У более поздних рубах с «пелеринкой», то есть на кокетке – из холста шили только станину (нижняя часть рубахи), верхняя часть рубахи с грудью и рукавами была изо льна, ситца или дабы – китайской бумажной ткани синего, красного кумачового и белого цветов. Отмечается, что в Братской волости длительное время сохранялся такой тип рубахи из льняной грудки или «лавочного» покупного материала и холщового, домотканого окрашенного стана. Позже, когда такие рубахи уже не шили, их донашивали старухи и замужние женщины. В конце XIX – начале XX в. рубаха становится нижней, бельевой частью одежды и шьётся большей частью с пелеринкой, реже туникообразной, с короткими рукавами, а позднее без рукавов, с выкатом – большим круглым вырезом [Сабурова, 1971, с. 152].

Поверх рубахи надевали сарафан, такой комплект одежды назывался «парочкой», его тоже шили из домашнего окрашенного полотна или дешёвого покупного, а на праздничные сарафаны употребляли дорогие материалы: сатин, шёлк и др. Подол сарафана должен был закрывать ноги до щиколоток. По форме они были разнообразные: прямые, с грудкой, выкроенные по фигуре или отрезные с лифом; сарафаны глухие с воротом или на лямках, пышные, со сбором. Линию с частой застёжкой по середине, почти сплошного ряда пуговиц, оторачивали ярким материалом [Сабурова, 1967, с. 141].

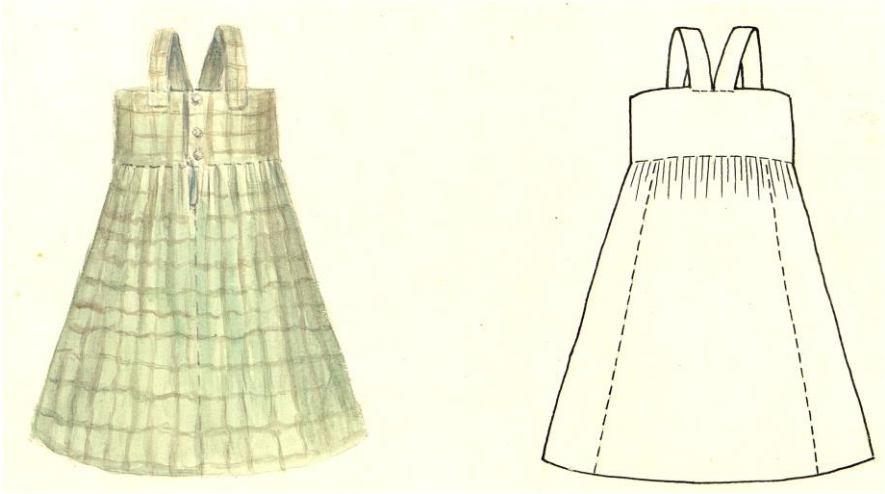
Считается, что на Ангаре сарафаны традиционных видов (распашной косоклинный и круглый) очень рано вышли из употребления. «Наши поиски наиболее старых типов косоклинного

или круглого сарафана не увенчались успехом. Можно считать, что они здесь не были распространены» [Маслова, 1971, с. 152].

«У нас сарафанов никогда не носили. Наша «баушка» – тётка не носила (ей сейчас было бы 76 лет), а другие носили. Остались старинная юбка и казачок из серого камлота. Наколки из голубой материи и из фиолетовой ее же… Одежда в талию, застёжка налево» – со слов Ефименко Дарьи Петровны, 55-лет, Заимка Воробьевка. 1957 г. [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1262. Л. 32].

Однако позже Л.М. Сабурова пишет: «В Приангарье, помимо сарафана с грудкой, встречались и прямые сарафаны. Более отчетливо помнят этот вид одежды в селениях по Илиму и на территории бывшего Братского района, в сёлах по Ангаре и её притокам…» [Сабурова, 1972, с. 103].

Сарафаны и рубахи уступают место юбкам в начале XIX в., по-видимому, из-за удобства ношения и не без влияния моды, донашивали их в основном старухи и девочки. Если раньше сарафан с верхней одеждой, сшитой из одной ткани, называли «парочкой», то теперь так стали называть юбку с кофтой. Фасоны юбок

Сарафан А.А. Купряковой, с. Новая Уда Усть-Удинского района. 1957 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Институт этнологии и антропологии

тоже менялись, и во второй половине XIX в. юбка становится основной составной частью женского костюма.

«Сарафан с лифом и юбкой носила, с сарафаном надевала коленкоровую вышитую рубашку с ластовками на плечах, с

Женский костюм. Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 52867. Институт этнологии и антропологии

манжетами, без низа. Шушунов не захватила, шила их из купленного материала. Домотканины и не на́шивала», разве на онучки да фартук на куте шила, для грязной работы» – со слов Е.М. Живильевой, 78 лет, село Верхняя Буреть [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1262. Л. 70].

По воспоминаниям лиц старшего поколения, в конце XIX в. пожилые женщины носили особый праздничный костюм, состоявший из рубахи, юбки белого цвета и фартука. Рубаху делали на кокетке, со сборками, стоячим воротом, с застежкой. Юбку шили из белого покупного материала («зонт»), в пять полотнищ (шириной более трёх метров), снизу отделывали (в два-три ряда) яркой тесьмой («прошвой») [Сабурова, 1972, с. 99].

Юбки для повседневной носки были холщовые, домотканые (лён или конопля), носили летом. Юбки из домашнего сукна (сукманки) шерстяные или полушерстяные красили в красный, жёлтый или синий цвета, носили зимой поверх рубах, преимущественно замужние женщины. Они были широкими, в четыре-шесть полотнищ (до трёх метров), сильно присборенные сзади у пояса. Завязывались спереди шнурком (гашником), но чаще всего они были на застёжке из крючков. «Гашник – шнурок, продёрнутый в верхней части юбки или штанов [Афанасьева-Медведева, 2012б, с. 298]. Сбоку в некоторых юбках имелся прорезной карман. Юбки шили и на подкладке, с отделкой внизу из ткани, с вышивкой или аппликацией. Девичий праздничный костюм делали с тремя и ещё большим количеством оборок, в то время как на женских юбках не должно быть более двух оборок. Праздничные юбки шили из покупного материала [Сабурова, 1971, с. 155].

А вот нижнее белье, включая штаны, не было принято носить, чтобы не нарушать вековые традиции. По этой причине во время метания сена, подвижных игр или «куляний» – качаний на качелях вкруговую, подолы рубах застегивали булавками между ног. Штаны женщины заимствовали у мужчин, надевали их только как промысловый костюм, выполняя мужскую работу [Фурсова, 2023, с. 57]. «*…И раньше же рубах мало, не носили, юбки-то висподки носили. Тётка Маруша послала посылку, и послала она нам комбинашку чёрную, висподку. А я почём знала, что она комбинашка, раз не видывала. Приду в клуб и её надену вместо*

сарафана: тут кофта, а тута-ка наместо сарафана, всё. А ешшо такая, я её подпоясою…Раз не понимали, никого не знали, что это комбинашка, всё думала, что сарафан такой, ты что! Вот и носила в клуб, по праздникам ешшо носила, ты чё» – вспоминала Анна Алексеевна Усольцева, 1935 г.р., из села Паново Кежемского района [Афанасьева-Медведева, 2012б, с. 86].

Русские крестьянки не носили мужских штанов**,** это были правила русских традиций, поэтому зимой приходилось надевать несколько юбок или обёртывать колени платками. Но другое дело, если женщины занимались мужским промыслом, например, «неводьбой» (рыбалкой). Л.С. Сабурова подчёркивала, что ловля рыбы сетями была почти исключительно женским занятием. Вот тогда они и пользовались мужской одеждой. Распространяется ношение штанов в начале XX в. главным образом для работы в лесу, для защиты от гнуса, в сильные холода. «Конечно, и в лесу не обходятся без штанов. При неводьбе, особенно когда приходится стоять в воде, бабы щеголяют в одних штанах, заправленных в бродни или навыпуск. Но зимой, какие бы морозы не были, хотя бы и в дальнюю дорогу, никогда не надевают чего-нибудь теплого под юбку» [Сабурова, 1971, с.47].

Женщины «любили фартуки до смерти», но «в смертном нет фартука и молиться в фартуке тоже грех» [Фурсова, 2015, с. 32]. Фартук – более позднее название. Такой важный элемент женского костюма как «запон» или «наподольник» выполнял разные функции, в основном надевался он хозяйками, чтобы управляться по дому, и являлся естественным и обязательным дополнением, так как закрывал передний разрез на юбке. Подвязывался вокруг талии и был с грудкой или без неё. «*Мама родила на поле прямо... Доро́гой родила. Родила, в запон завернула*», – рассказывала Александра Ивановна Хрушкова, 1936 г.р., из села Ключи-Булак Братского района [Афанасьева-Медведева, 2015, с. 240]. Выполнял запон и обрядовые функции: хозяйка должна была поймать в запон пирог при завершении строительства дома. Или, например, когда в него заворачивали «домового» при переезде в другой дом. Фартук предохранял юбку во время работы, а мог служить украшением костюма. «Девичьи фартуки отличались от женских, они были глухими, «как сарафаны», с застёжкой сзади или сбоку.

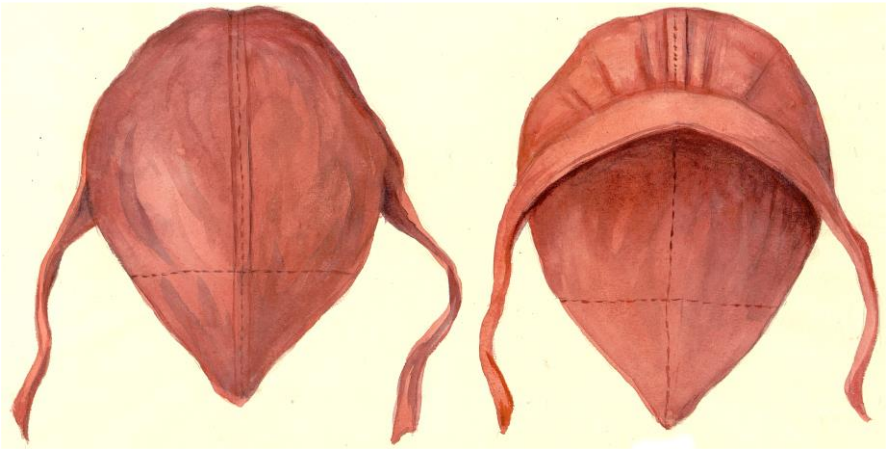
Вырез вокруг шеи и по линии плеч обшивали «уборками» – оборками. После революции такие фартуки стали носить и женщины. По фасону он похож на фартук советских школьниц [Сабурова, 1971, с. 155].

Практичность и разнообразие женских костюмов сочетались с повышенной бережливостью и стилем. Например, много комплектов костюмов, с характерной приталенностью юбок и появившихся в XIX в. платьев как «горничной» одежды и как подражание городской моде. Платья, как и юбки, были длиной до щиколоток, в талию, «бористые». Буфы, бурнусы, ротонды и т.п. ранее не встречались в деревнях. Юбки широкие, в пять-семь (более трёх метров) полотнищ ткани, присборенные на талии, сзади сборок традиционно больше, чем впереди. Они могли быть без воротника или иметь небольшой воротничок-стойку. Воротник, обшлага и кокетки платья делали из чёрного плиса или сатина как из покупного материала, так и из своего. Их носили не все, а только девушки и молодые женщины.

У Г.С. Масловой этот вид платья из-за сильной приталенности назван «платьями-принцесс» [Маслова, 1971, с. 182]. Значительное влияние на быт сибирской деревни оказывали приискатели. Близость к приискам населения по Енисею, Нижней Ангаре

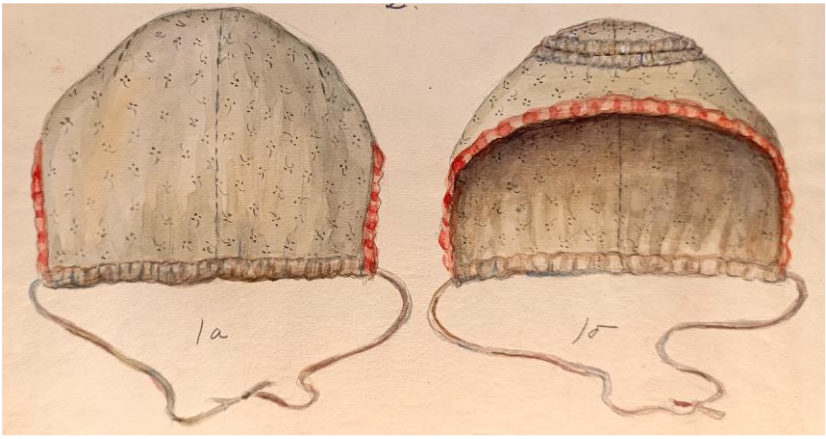
Повойник А.А. Лаврентьевой, с. Илир Тангуйского района. 1957 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Институт этнологии и антрополо-

Повойник, с. Большеокинское Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Институт этнологии и антропологии

сказалась ещё в первой половине XIX в. Они привозили модные одежды, а им подражала деревенская молодёжь [Традиционный костюм…, 2025, с. 24].

Особенно праздничным было платье со шлейфом, надевалось в особых случаях: «Невесте, смотря по состоянию, надевали ситцевое или шелковое платье, повойники были у свекрови, сверху надевали полушалок. Платье волочилось по земле, шлейф был. Шлейф носили те, кто хотел «форс показать», кто побогаче

Повойнк А.В. Кузнецовой, с. Большеокинское Тангуйского района. 1957 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Институт этнологии и антропологии

(среди купцов)» – со слов И.Ф. Белых, 77 лет, село Олонки [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1262. Л. 57].

Обязательными в женском гардеробе были платки, ходить простоволосой (с непокрытой головой), особенно для замужних женщин, считалось предосудительным. Причём девушки не

Старуха в рабочей одежде – балахоне конца XIX в.
Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 50635.
Институт этнологии и антропологии

могли повязывать платок как бабы сзади, а только под подбородком. Распространённым женским головным убором были ситцевые платки. Замужние бабы свои две косы обвивали вокруг головы и надевали платок сверху. Для поддержания причёски, иногда под платок повязывали валик из кудели или «накосник» – обруч из покупной ткани, в палец толщиной. Ходили до XIX в. и в повойниках – чепец со сборками из лёгкой «базарской» ткани (ситец, сатин и др.). Праздничные повойники расшивали бисером. Повойник из более дорогой ткани с бантом спереди называли в некоторых селениях «наколок» – шёлковая косынка яркого цвета, сложенная складочками и перевязанная ниткой посередине, её накладывали на затылок, а концы косынки завязывались спереди. Сверху надевали сложенный пополам платок, завязывая концы под подбородком. Носили их более состоятельные крестьянки, живущие близ городов и в крупных сёлах, до середины XIX в.

В начале XX в. наколок встречался лишь у пожилых крестьянок, у молодых в моду вошли кокетки – бумажные платки с отделкой бахромой или вышивкой. Модно было носить косынку или платок на шее или на плечах [Сабурова, 1971, 157]. «*Головной убор из женской свадебной одежды – это обруч из пеньки, обшитый ситцем. Его надевали с платком "кокеткой"*» – Нина Петровна Анучина, 1937 г.р., из поселка Невон Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2018, с. 335]. Дубынина (Фёдорова) Валентина Николаевна, 1933 г.р., из деревни Бурнино Братского района показывала нам, как повязывали так называемую «катетку». Платок, сложенный пополам по диагонали, перевивали сзади, а концы потом завязывали на лбу и заправляли за те же концы платка на лбу, чтобы они не торчали.

В одном платке зимой не походишь, надевали сверху шаль, полушалок или шерстяной платок. В основном покупные, реже самодельные, вязанные из заячьей шерсти. «Недорогая суконная или бумажная шаль, или «полушалок», зипун (суконная однорядка) для холодного времени года. Шуба или доха надевались, когда выезжали зимой в поле или в гости в окрестные деревни. Лоб завязывали сложенным в несколько раз платком от тянущего почти всегда по Ангаре «хивуза» [Ермолаев, 1911, с. 47].

Е.Ф. Фурсова, в своей работе ссылаясь на рукописи В.К. Мультинова 1926 г., пишет, что женщины не надевали шапок даже зимой. «Зимнюю шапку на Ангаре носят лишь мужики и дети. Женщины же надевают её очень редко, разве когда-нибудь в дороге» [Фурсова, 2019, с. 143].

Верхняя одежда у женщин отличалась разнообразием. На Верхней Ангаре Г.С. Маслова описывает «курму» – широкую женскую одежду, которая запахивалась налево, стежёная, без воротника.

«Курму женщины носили в период их молодости. Была мода на них. Курма – запахивающаяся, раскошенная книзу, на верблюжьей вате, стёганая одежда. Шили без воротника, потом стали шить с воротником. Верблюжья вата раньше везде продавалась… носят и сейчас в мороз, «надеют» сверх ватной одежды (мужчины и женщины). Курма Колосовой А.А. без воротника. Носит и сейчас. Суконная, подкладка бумажная, на вате. Курма невесты – с воротником» – информация от Колосовой А.А., 68 лет и Колосова Г.И., 71 год. Село Олонки Боханского района, 1957 г. [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1262. Л. 59].

Л.М. Сабурова пишет о курме, являющейся в большинстве районов по Ангаре рабочей одеждой всего взрослого населения. Вид халата из сукна с расклешёнными передними полами, как длинными, так и короткими. В некоторых местах курму носили только мужчины, надевая её на охоту. На Илиме и в низовьях Ангары курма – женская верхняя праздничная одежда общепринятого на Ангаре покроя, с прямой приталенной спинкой и клиньями. Покрывали покупным материалом: штофом, дабой, трико, бумазеей, на подкладку ставили мех из беличьих брюшков, подол, полы и обшлага оторачивали беличьим мехом (из спинок белок), воротник делали большим, из «выходной» (т. е. товарной) белки. Слово «курмушка» как синоним праздничной верхней женской одежды бытовало на Ангаре со второй половины XIX в. и вплоть до 1960-х годов. В то же время её относили к плюшевой жакетке. «Распашные, с цельной приталенной спинкой и с клиньями внизу, без воротника, ворот и полы оторочены материалом, запа́х налево. В начале XX в. жакетки стали шить с отрезной спинкой и борами, с застежкой на пуговицы, с нитяными

петлями. Жакетки такого типа встречались в основном у выходцев из зажиточных слоев населения: «богатые в жакетке с борами, а мы в курмушечке бежим» [Сабурова, 1972, с. 124].

Как и сегодня, так и в старые времена «весьма употребительна у женщин кофта, короткая верхняя одежда, без отложного воротника, обыкновенно на шерстяной подкладке, простого покроя, с длинными рукавами. В ней доили коров, выходили за водой, за дровами или к соседям» [Ермолаев, 1911, с. 47].

Кроме кофты здесь были распространены «шушуны» – та же кофта, но распашная, подбитая мехом и покрытая шёлком. Помните, Есенин в своих стихах, обращаясь к матери, пишет: «…что ты часто ходишь на дорогу в старомодном ветхом шушуне». Такой вид одежды в России в целом назывался шугаём, а в Восточной Сибири закрепилось название шушун (или сушун), здесь он шился с рукавами, зауженными книзу, и с большим отложным воротником, закрывающим плечи. Полы шушунов выкроены из прямых цельных полотнищ, дополненных косым клином по бокам. Спинка по центру имела две глубокие встречные складки, зашитые по верхнему краю, или несколько менее глубоких, но застроченных вертикальными швами по 5-8 см, вверху спинки могла быть узенькая кокетка. Проймы у всех сибирских шушунов обычные, рукава прямые, сужающиеся книзу. Шушуны могли быть полностью или частично дублированы ситцевой тканью, однотонной или с набивным рисунком, редко холстом. Шушуны не имели застежки, их носили распахнутыми, придерживая правую полу рукой. У кофты крой аналогичный шушунам, только с воротником-стойкой, используемые ткани такие же, как у шушунов. Основное принципиальное отличие от шушунов состоит в том, что этот вид одежды имеет застежку на пуговицы, что подразумевает возможность ношения без рубахи, как кофту, – только на нижнюю исподнюю рубашку [Традиционный костюм…, 2025, с. 18].

Добавим к женскому костюму ещё и «телогрею», только речь, конечно, не о стёганых рабочих телогрейках. Душегрея или телогрея ангарской женщины – старинный русский элемент наплечной одежды, бытовавший в несколько варьируемых формах по всей России. Принято считать, что в Восточную Сибирь он попал

с Русского Севера и сохранялся в одежде сибирячек вплоть до конца XIX в. В начале XX в. в Иркутской губернии душегрейки донашивали старухи в некоторых местах. Праздничные душегреи шили из дорогих шелковых тканей или хлопчатобумажного сатина ярких цветов, будничные могли быть из дешевой хлопковой дабы или ситца, иногда из окрашенного холста. Носили душегрейки с рубахами и юбками. Интересно, что такие жилеты подшивали не только беличьим мехом, но и перьями водяных птиц. Все эти вышедшие из моды вещи, но сшитые из хорошего материала и ещё крепкие, распарывались и перешивались на современный манер [Маслова, 1971, с. 154].

А.П. Ермолаев, описывая женскую одежду, характеризует телогрею как круглую накидку с прорезанными отверстиями для головы и рук, прикрывающую только верхнюю часть груди. Все эти телогреи, шушуны отходят в область преданий, пишет он, и только «лямочники» (корсетники) ещё сравнительно в большом употреблении. Лямочник похож на жилет, но у него остаются открыты не только плечи, но и вся верхняя часть груди и спины и только пара нешироких лямок не позволяют ему не сползать вниз. По верхнему и нижнему краю и по бортам он опушен беличьим мехом [Ермолаев, 1911, с.56].

Тепляк был на подкладке, длиной до бедер, расклешён от воротника («распашонка»), отделан беличьим мехом по подолу и рукавам. «Красота: белая рубаха, красный шушун, сверху тепляк». При этом Л.М. Сабурова отмечает, что «под таким названием бытовал и тёплый жилет».

Корсет – безрукавка, сшитая в талию, из яркой шерстяной или коленкоровой ткани на подкладке, иногда и подбитая шкурками водяных птиц – праздничная одежда, к концу XIX в. вышедшая из обихода. Корсет, тепляк и телогрейка… у всех у них общее утилитарное назначение – согревать хозяйку, но предполагался разный способ ношения. И тот, и другой вид корсета имели меховую опушку, часть из них подбиты мехом белки или простеганы на подкладке с ватой или другими растительными волокнами. Они имеют застежку на «вязочках», что обеспечивает плотное прилегание по фигуре и делает их почти безразмерными. [Маслова, 1971, с. 155].

По данным рукописи В.К. Мультинова, работавшего на Ангаре в 1926 г., вся эта безрукавная одежда была утепляющей и надевалась под шубу: «Существуют и женские теплые безрукавки, надеваемые под шубу, зипун (надевашки). Они застегивались спереди, как и кофты, специально сшитые для домашнего обихода и работ» [Фурсова, 2019, с. 141].

Не совсем понятно, как старожилы различали в быту по названиям все эти виды одежды. В качестве выходной женской одежды, например, здесь были известны и жакетки. Они были из чёрного плюша, на беличьем меху, старого покроя – распашные, с цельной приталенной спинкой и с клиньями внизу, без воротника, ворот и полы оторочены материалом, запáх налево. В начале XX в. жакетки стали шить с отрезной спинкой и борами, с застежкой на пуговицах, с нитяными петлями. Жакетки такого типа встречались в основном у выходцев из зажиточных слоев населения: «богатые в жакетке с борами, а мы в курмушечке бежим» [Сабурова, 1972, с. 114].

В качестве выходной зимней одежды здесь встречались «романовские» (порода овец) шубы и полушубки. Шубы чаще использовали для парадного выхода, полушубки – для работ во дворе. Предметом мечтаний каждой крестьянской невесты была «шубка белья хребтовая». «Шубы с матерчатым верхом (крышей) шили только зажиточные крестьяне. Повсюду вспоминают о женских шубах или шубейках на белке, крытых китайкой, а чаще шелком, с большим (до пояса) воротником из беличьих хвостов. Такие шубки имели богатые невесты» [Маслова, 1971, с. 173].

Праздничной одежде была характерна бóльшая комплектность и сочетание холста, а иногда таких дорогих материй как шёлк, штоф и т.п., а также простота покроя. Кроили одежду так, чтобы избежать расхода материала на обрезки. Отсюда обилие сборок на шушунах, кофтах, юбках. Праздничная одежда украшалась и бережно хранилась, так как надевалась в особых случаях. В зависимости от достатка, возраста и статуса, костюм выглядел по-разному: старушки донашивали свои шушуны и холщовые рубахи, пожилые надевали ещё лямочники, наколки, шёлковые платья и кофты. Те, кто победнее, носили перешитое из старинных костюмов.

Нельзя не сказать о свадебных нарядах, которые не надевали после венчания. Их не продавали, а старались сохранить до смерти, так как существовал обычай хоронить в подвенечном наряде: юбке и телогрее, или юбке и кофте и т.д.

Оригинальной принадлежностью старинного женского костюма был карман, в виде отдельного кошелька, который носили снаружи, спереди, подсунув под пояс или надев на него. Шили его из остатков ткани для праздничной одежды.

Свадебная кофта. Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 50476. Институт этнологии и антропологии

Как же без украшений? Здесь были широко распространены «пушки́» из утиного, частью гусиного и лебяжьего пуха, прикреплявшиеся к серьгам. Их делали из выре-

Серьга из утиного пушка А.Ф. Храмцовой, с. Большеокинское Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Институт этнологии и антропологии

занной кожи с пухом, дав пушку высохнуть, его обваливали в муке, отчего он становился пушистым и белым. Серьги медные, серебряные или золотые, в зависимости от состоятельности их хозяйки, делали в виде колечек или с подвеской – кружочком, украшенным стёклышками или бисером. Медные или серебряные кольца носили на указательном пальце. Массивные перстни с насечкой употреблялись в старину как обручальные. Повсеместно среди местных модниц были распространены ожерелья из разных,

большей частью стеклянных бус, «кора́льки» из янтаря. Девочки нанизывали коральки из ягод растения марьино коренье, ягод чапыжника (жёлтая акация), шиповника. Гайтан – шейные украшения в виде круглого жгута из разноцветного бисера [Сабурова, 1971, с. 161].

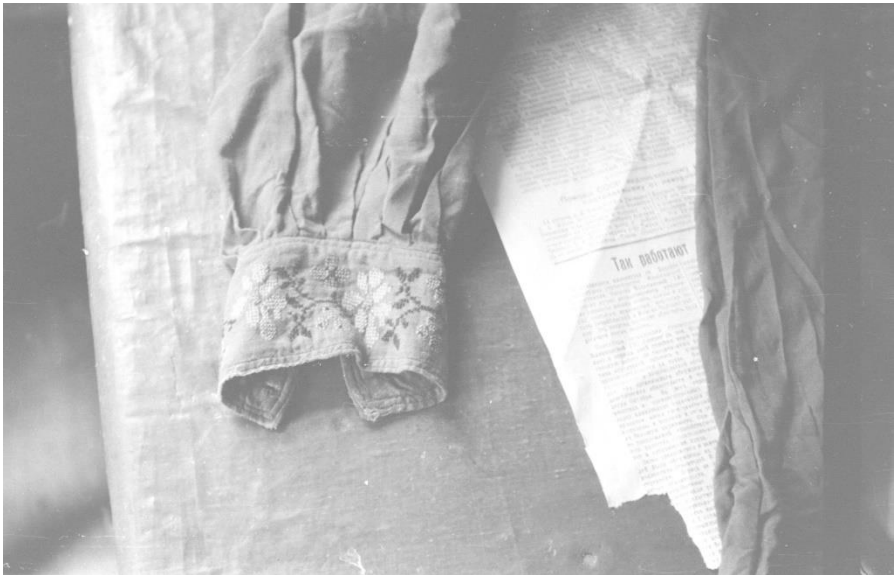

Мужская рубашка с пояском. Иркутская область. 1957 г.
НА ИЭА РАН 52869. Институт этнологии и антропологии

Как и женскую, мужскую повседневную одежду вплоть до начала XX в. шили в основном из домотканины и реже из покупного материала. Рубаха – основная часть костюма, холщовая широкая, прямого покроя, со вставками (ластовкой), с прямым или отложным воротником, прямым разрезом у ворота, с пелериной и борами, швы обшиты пунцовыми (красными) каёмками. Завязывалась на ленточки из ткани, пришитые к горловине, или застёгивалась на пуговицу. В конце XIX в. мода проникла и в мужскую одежду, широкое распространение получили рубахи на кокетке, со стоячим воротником. Шили их из ситца, дабы или из другого материала (смотря по достатку). Надевали поверх штанов, подпоясывали шерстяным поясом, который продёргивался в верхнюю часть штанов, позднее застёгивались на пуговицу. Заправляли рубаху в штаны – «зашароваривались» только во время работы. В

прошлом мальчики 15-18 лет ходили в одних рубахах, но рубахи тогда были долгие (длинные), ниже колен и носили их с самодельными или покупными (лавочными) гарусными, хлопчатобумажными, шёлковыми китайскими поясами. В первой половине XX в. крой традиционной мужской рубахи полностью меняется, она становится короче. Переднее и заднее полотнища кроятся цельными без кокетки с неглубокими проймами, по бокам, при необходимости, прикраиваются клинья, рукава сужаются к запястью. Рубахи становятся более удобными, приближенными к городской моде, при этом сохраняются значимые детали: высокий ворот, насыщенная цветовая гамма используемых тканей и способы отделки праздничных рубах [Маслова, 1971, с. 163].

Иногда на мужчинах была надета рубаха не домашнего производства, «крестьяне приобретали для собственных нужд и рубашки, представлявшие собой вид одежды заключённых [Сабурова, 1972, с. 116], которой снабжались за казенный счёт все ссыльные, отбывшие тюремное наказание. Они стремились эту одежду продать или обменять в селениях. «Когда арестантов

Вышитый рукав мужской рубашки. Иркутская область. 1957 г.
НА ИЭА РАН 50726. Институт этнологии и антропологии

выпускали на волю (Александровский централ в 15 км), то снабжали одеждой: давали полняк: рубаху, брюки суконные, шинельхалат, шапку, рукавицы, варежки вязаные, шубу овчинную дубленую, бродни – гамаши из мягкой бараньей кожи. Они продавали часто эти вещи. Крестьяне покупали». Записано со слов И.Ф. Белых, 77 лет, из села Олонки [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1262. Л. 57].

Холщовые из белого или окрашенного холста, или дабовые шили «штаны со вставкой, с нешироким шагом, с прорезным карманом справа и застёжкой на пуговицу». Штаны из кожи делали и без вставки, с поясом и застёжкой на пуговицах. Для промысловых целей шили штаны с широким шагом, с двойной вставкой [там же, с.121].

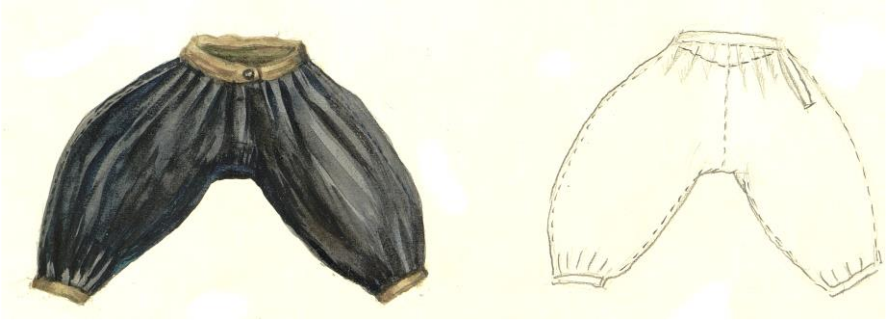
Мужские праздничные штаны называли шаровары, шили их из полусукна или сукна, из домашнего конопляного толстого чернёного холста, шерстяных и полушерстяных тканей, реже из покупного материала. «…шаровары суконные, плисовые, крашеные, холщовые (чтобы издали походили на базарные), из шевиотов (шерстяная ворсистая ткань), адреатинов. Излюбленного кубового (синего) цвета. Кроме того, окрашивали «дубом» – корой лиственницы в коричневый цвет» [Сабурова, 1972, с. 118].

В Среднем Приангарье мужские праздничные штаны назывались «шаровары», были такого же покроя, как повседневные. В середине XIX в. праздничная мужская одежда выглядела следующим образом: костюм состоял из рубахи – красной кумачовой, вышитой крестом, или белой холщовой, «коло» из кисеи, жилета и брюк чёрного «вервирета», сапог кунгурских или бродней русских», шаровар узких. Молодые мужики по праздникам надевали всё лучшее, в зависимости от зажиточности и степени важности случая: плисовый куртик – глухой жилет с рукавами (в старину с костюмом жениха). Более длинная, чем куртка, одежда называлась «капотка», её шили из сукна и отделывали плисом. Новая капотка была праздничной одеждой, когда становилась старой, её обшивали и носили на охоту (шойданек) [Сабурова, 1972, с. 121].

Мужская рубаха с замком-молнией на вороте,
д. Гольтявино Богучанского района. 2017 г.

Шили верхнюю одежду из сермяжного сукна, из коровьей шерсти, крашенины, кумача, на утеплённой подкладке или лёгкие. Ткань для шабура – старого обшитого тканью зипуна – окрашивали в чёрный цвет. Для праздничного шабура воротник отделывался бейкой, а углы пол украшались вышивкой. В некоторых селениях шабур называли балахоном, его носили с запа́хом

Шаровары плисовые праздничные П.Д. Попова, д. Долоново Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235.
Институт этнологии и антропологии

направо, у пояса застёгивали на крючок, подпоясывали поясом или ремнём, прямая спинка и полочки, между ними клинья, на подкладке или без нее, длина до колен или немного ниже [Маслова, 1971, с. 170].

Своеобразным видом мужской верхней одежды была «тальма» – длинная распашная накидка, но без рукавов, иногда с расшитыми полами. «Армяк» ямщицкий – длиннополая халатообразная одежда из сукна домашней выделки саржевого переплетения. Спинка из двух скошенных полотен с маленькими дополнительными клинышками по бокам, полы из одного полотна и большого клина от проймы, рукав широкий с выкроенной проймой, расширенный длинным узким клином. Воротник широкий, двойной, украшен выстроченным геометрическим орнаментом. Запахивается на левую сторону с застежкой на одну пуговицу. Армяк могли надевать поверх другой верхней одежды.

На повседневные головные уборы мужчин (шапки и кепки) часто использовали собачий мех. Шляпы и фуражки покупали для праздника и ношения дома. Самой же модной и самой дорогой покупной шапкой была бобровая или из лисьих лапок. «Празднишна» бобровая шапка имела матерчатый верх и высокий оклад из меха бобра. Ношение их считалось «настоящим форсом». Во второй половине XIX – начале XX в. их могли иметь лишь зажиточные

Женщина в верхней одежде. Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 50574. Институт этнологии и антропологии

крестьяне. «Ушанку», «папаху» носили парни, делали её на вате, околыши из мелкой овчины, дно шёлковое – из ткани» [Маслова, 1971, с. 166]. В это же время широко распространилась шапка-татарка – круглая шапка, которая шилась из четырех клиньев

Мужчина в шоданике. Иркутская область. 1957 г.
НА ИЭА РАН 50835. Институт этнологии и антропологии

сукна или другой ткани домашнего или фабричного производства и подбивалась изнутри овчиной.

Верхняя одежда всегда занимала значительное место в жизни сибиряков. Она должна была быть удобной и простой в хозяйстве, которую не жалко выбросить. При этом она должна легко надеваться и быть пригодной в любое время года. Поэтому мужчины и женщины, занимаясь хозяйством, повсеместно носили шабуры (из полушерстяной домотканины) и зипуны (из чистой шерсти), напоминающие распашные халаты [Фурсова, 2015, с. 38]. В ней вплоть до начала XX в. сохранялись архаичные черты. Многие виды верхней одежды надевали как мужчины, так и женщины. Особенностью в обращении с одеждой было то, что старые вещи ангарцы не выбрасывали, были очень бережливы, поэтому ветхая одежда получала вторую жизнь и другое название. Старый балахон, «шойданек», как и другую ветхую одежду, повсеместно покрывали сверху для крепости холстом и носили на работу. Старый шерстяной зипун обшивали холстом и употребляли как промысловую одежду, называя его «шабур».

В качестве верхней одежды чаще всего упоминается зипун, он был широко распространён и шился из «свойского» сукна или «базарной» ткани. Его покрой близок к покрою балахона. Чаще всего зипун был праздничной мужской одеждой, а балахон – будничной. Имелись и летние зипуны из холста. Зипуны и шабуры не имели пуговиц или крючков, традиционно полы подпоясывались «опояской».

Шабур, как самостоятельный вид одежды, очень сходен с «андарядкой» (однорядкой), которая шилась из одного ряда ткани (отсюда и название), то есть не имела подкладки. Отличались качеством материала, отделкой и длиной. Шабур шился в несколько слоёв ткани. Однорядка чаще была праздничной мужской одеждой, хотя в Братске, например, её носили и женщины. Шили её из домашнего сукна серого, синего, чёрного или коричневого цвета, «катали» и красили, в случае необходимости. Более состоятельные крестьяне шили однорядки из покупного «однорядочного» сукна. По покрою сходна с зипуном: с прямой спинкой и клиньями, длиной до колен или немного ниже, с запáхом налево. Чаще называли однорядкой одежду, сшитую из

покупного материала. «Зипун» – та же однорядка, только шилась из домашнего сукна, это было более старинное название одежды, а название однорядка – более новое [Сабурова, 1972, с. 122].

Камзолы – короткая верхняя одежда из полушерстяной домашней сукманины, на вид распашной куртки, которую надевали и

Женщина в шоданике. Иркутская область. 1957 г.
НА ИЭА РАН 50652. Институт этнологии и антропологии

мужчины и женщины. Ворот «голошейкой», то есть без воротника, рукав зауженный. Короткая одежда из сукна, частично на подкладке, по внешнему виду и покрою сходна с камзолом, называлась курткой (куртачок) – характеризуется как старинный крестьянский костюм, который носили и мужчины и женщины. Более длинная, чем куртка, «капотка» была праздничной, когда становилась старой, её обшивали холстом (шойданек или зипун) и носили на охоту [там же, с.124].

Молодые мужики надевали всё лучшее, в зависимости от зажиточности и степени важности случая: плисовые шаровары с

Мужчина в азяме. Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 52829. Институт этнологии и антропологии

бумазейной рубахой, подпоясанной кожаным или шёлковым поясом, с подвешенным к нему гребешком. Сверху надета однорядка (суконный «халат») или плисовый куртик, на голове шапка бобровая или из лисьих лапок. Ноги обуты в чулки и чирки, на руках плисовые рукавички. Праздничное одеяние пожилого крестьянина мало чем отличалось от повседневного. [Ермолаев, 1911, с. 46].

В конце XIX в. получил распространение «бешмет» – вид праздничной верхней одежды мужчин. Его шили из покупного материала, с отрезной спинкой и борами. По праздникам на

Мужчина в верхней одежде. Иркутская область 1957 г.
НА ИЭА РАН 52825 Институт этнологии и антропологии

рубашку надевалась поддёвка – верхняя одежда до колен, из плиса, с мелкими сборками сзади, с блестящими круглыми пуговицами и крючками [Сабурова, 1972, с.122].

В материалах экспедиции Г.С. Масловой можно прочитать следующее: «Бешмет из синего сукна на овчине (с акшуречьей

А.Г. Живоляпина в дохе и лохматках, д. Верхнее Середкино Боханского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 52464. Институт этнологии и антропологии

овцы) сшил портной. Праздничная нарядная мужская одежда. Подпоясывали кушаком, узким поясом с кителем подпоясывали рубашку. «Шибко форсить некогда было, ну и берегли», – вспоминали старожилы Колосова А. А., 68 лет, Колосов Г. И., 71 год, село Олонки.

Женщина в дохе. Иркутская область. 1957 г.
НА ИЭА РАН 50600. Институт этнологии и антропологии

«Бешмет» – мужская одежда в талию, внизу пошире. Были бешметы праздничные и будничные. Бешметы из ткани на верблюжьей шерсти были покупные. «Азямные бешметки» были, и азямы были шерстяные, как халат. Носили сверх пальто, «пинжака». Азямы привозили, они были из верблюжьей шерсти», –

Мужчина в дохе. Иркутская область. 1957 г.
НА ИЭА РАН 50422. Институт этнологии и антропологии

Старик в дохе из козули. Иркутская область. 1957 г
НА ИЭА РАН 52634. Институт этнологии и антропологии

рассказывала Беляева И.Ф., 77 лет, из села Олонки. 1957 г. [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1262. Л.59].

Зима в наших краях долгая и суровая, и меховая одежда была не прихотью, а необходимостью. Преобладание

полунатурального хозяйства ангарских крестьян, охотничий промысел предоставлял возможность шить тёплую одежду и обувь из шкур животных.

Крестьяне в зимней одежде, д. Яркино Енисейского уезда. 1911 г. КККМ НЕГ 4673. Красноярский краевой краеведческий музей

Е.Ф. Фурсова, рассматривая «шубные кафтаны» сибиряков, попадавшие сюда из европейской части России, отмечает, что натуральные меха и кожи без дополнительных украшений до начала XVIII в. не считались ни красивыми, ни престижными. Поэтому сверху их покрывали («перетягивали») разного рода тканями ярких расцветок. Наиболее распространенными были

Женщина в тулупе. Енисейский уезд. 1911 г. КККМ НЕГ 4670. Красноярский краевой краеведческий музей

«кафтаны бараньи». Их носили поверх зипуна или другой одежды [Фурсова, 2024, с. 210].

Шили шубы или полушубки из чёрной, белой или жёлтой овчины с цельной, немного приталенной спинкой, с клиньями – такой старинный покрой верхней одежды сохранялся и длительно использовался. Овчины и лосины «дымили» (по-видимому, было заимствовано у местного нерусского населения), чтобы придать им жёлтый цвет. Для этого в бочке разводили небольшой костёр и над ней постепенно передвигали кожу, чтобы продымить её. Овчины дымили также и в бане, которую топили овсяной смолой, насыпая на каменку снег, чтобы солома не горела, а дымила. Лосевую кожу выделывали специалисты на специальных мялках, приводимых в движение лошадьми. Выделка шкур, как и любая другая работа, была занятием не из лёгких: её необходимо было вымочить, выскоблить и высушить. Она долго воняла, вымачиваясь за печкой или в бане, в итоге её надо было обработать дёгтем, который тоже надо было выгнать.

Дохи были распространены здесь широко, как и тулупы. Их шили из собачьих, козьих шкур как в качестве рабочей, так и выходной одежды, вплоть до середины XX в. Высокие воротники в поднятом состоянии закрывали голову, защищая от ветра. Они не застёгивались, а запахивались на правую сторону. Под него могли надевать куртку из домотканины или зипун. Тулупы шили мехом внутрь, сверху были «крытые» – их обшивали тёмным сукном. При уходе за скотом надевали овчинные или ушканьи (заячьи) полушубки и шубёнки – короткую зимнюю одежду шубного покроя. Тулупы, сшитые из медвежьих шкур, встречались редко по причине непомерной тяжести. И тулуп, и доха шились длиной до пят с большим воротником, который поднимали и подвязывали около шеи гарусным (шерстяным) коротким шарфом. Дохи были рабочие и выходные, последние длиннее, а покрой тех и других одинаков. Доху надевали поверх верхней одежды.

Собачьи дохи считались наиболее тёплыми, без подклада их носить считалось неудобным. Наиболее красивыми и дорогими считались дохи, подбиравшиеся из одноцветных чёрных собак. Носили такую одежду мехом наружу.

Овчинные – дорогие, у крестьян, занимавшихся ямщиной (извозом на лошадях), верхней одеждой обычно служила козлиная доха. Козлиные шили без подклада, их шили реже, мех вылезал. «Беличьи шубы, покрытые тканью, носили те, кто побогаче. «Саксурчатые» шубы из мелкой белой овчины носили более богатые» – информация от Серёдкиной Т.Н., 73 г, из села Олонки [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1262. Л. 3.].

Ещё одна деталь и женского и мужского костюма – это пояс, который зачастую являлся единственным украшением костюма. Каждая умелица могла изготовить его домашним способом –

Узорные пояса, д. Гольтявино Богучанского района. 2017 г.

ткала на кроснах, браным узором: ёлочки, кони, копытца, палочки, лягушки и даже слова. Пояса были с длинной бахромой на концах из шерстяных или простых (суровых) ниток, окрашенных в различные цвета. «Переборные» пояса ткали на особом маленьком бёрдо, «кружешные» плели при помощи деревянных четырёхугольных дощечек или «кружков», да и просто руками круглые пояски «верёвочкой». По прочности изделий и сочетанию

красок можно было судить о вкусах и умении ангарских крестьянок. Повсеместно без пояса ходить было не принято, распоясками ходили только дети.

Кушаки, мужские пояса, в отличие от женских, были широкими, ткали их из льняной пряжи и шерсти. Шерстяные кушаки ткали полосами из яркоокрашенной пряжи контрастных цветов. Ширина пояса около 15 см, а на концах длинная бахрома. Вокруг бёдер всякую верхнюю одежду опоясывали «в два обмота» своеделным кушаком или покупным трёх метров длиной и четверть ширины, завязывая спереди и подтыкая концы около бёдер [Этнография, 1981, с. 172]. Интересно, что подвязывались поясами мужчины на любой стороне, в отличие от женщин, которые свои пояса завязывали только слева. Пояс у мужчин, так же, как и у женщин, часто был единственным украшением одежды.

Детские костюмы отличались от взрослых только размерами и простотой: «ситцевые или дабовые рубашки, платьица, холщовые или дабовые же штаны. На ногах – чирки или бродежки. Шойданик и шапка у мальчиков, кофта на шерстяной подкладке с ситцевым платком на голову для девочек – вот почти всё, если не считать пояса, рукавичек, чулок и других мелочей» [Ермолаев, 1911, с. 59].

Обувь ангарских женщин и мужчин тоже не имела больших отличий, кроме некоторых деталей. Плетёную обувь (лапти) здесь не носили. «Рассейские» приезжали в лаптях, тогда только лапти и видели. Здесь носили кожаные бродни выворотные», – рассказывала Беляева И.Ф., 77 лет, из села Олонки Боханского района.

Наиболее распространённым и универсальным видом обуви здесь были чирки из коровьей кожи, это вид «выворотных» туфель, закрывающих ступню. Их шили мужчины, выкраивая по «намету» – берестяной выкройке, специально сделанной и как бы «типовой» для мужских, женских и детских чирков. Верхняя часть с узкой «опушкой», в которую продевается оборка – шнурок, завязка для ног, такие носят женщины, и часто они бывают из цветной материи (всегда делаются «басче» – красивее, чем у мужчин). Чирки с широкими «опушнями» шириной до четырёх вершков (18 см), вроде короткого голенища из сукна, носят

Население д. Яркино Енисейского уезда. 1911 г. КККМ ОФ 10426/423. Н 3868. Красноярский краевой краеведческий музей

только мужчины, с особыми вязаными шерстяными чулками, в чёрно-белую полоску или шитые из домашнего сукна, иногда дополнительно обшитые холстом. Чирки с пришитыми к ним высокими голенищами на мягкой подошве без каблука – это ичиги.

Кожаную обувь носили на голую ногу, вместо стельки сено подкладывали или траву. В холода надевали чулки из ткани, закрывающие лишь голень (в виде рукава), носили как мужчины, так и женщины для защиты от мошки. Чулки также вязали из овечьей или собачьей шерсти, или суровых ниток длиной до колен – «нитяные», как одноцветные, так и разноцветные. Из холста шили или вязали «паголенки» – гольфы с перемычкой без носка и без пятки, прямого или косого покроя, которые также носили и мужчины и женщины.

Иван Николаевич Логинов (1958 г.р.) из деревни Бедоба Богучанского района рассказывал про «тараи» – обувь, шитую мехом внутрь, из лося и любой другой шкуры.

В холодное время года в ичиги клали стельки из сухой мягкой соломы, сена, осоки, козьей шкурки. «*Кожу-то, её смазывали дёгтем, чтоб она не промокала. И ешшо хорошо рыбьим жиром. И так чирки вот намажешь. Оне мяконьки будут, и вода, она пузырями по нему катится. Вода-то не промыкает, ничё. Голяшки тоже овчина така же, кожаная. Чулки навяжут, да и пошёл. Раньше вот скотину убьёшь, из шкуры сами кожи делали, а потом бурятам унесут, оне унты, ичиги шили… стелечку постелют, там солому, Господи, или сено, и пожалуйста, всю зиму*», – вспоминал Вениамин Иванович Карнаухов, 1930 г.р., село Невон Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2017, с. 197].

Кулемишки или лабуты – обувь из кожи лося с мягкой подошвой и голенищами ниже колен. «*И лабуты с лосины шили. Вот лося убьют и делают. Таку-то кожу на чирки-то делают – смолы ложат, дёгтя, чёрный жир. А раньше же авенки мяли кожу, оне же хорошо с кожи всё шили: и тапочки, и унты, и лабуты. Ой, всё красиво! Верхонки. Мягкие-мягкие! И вот в них ничё не добавляют – оне таки светлые, оне воды боятся. Чирки могут закаменеть, на улице мокро, а в этих ногам тёпло. И зимой лабуты носим*», – рассказывала Ефросинья Ивановна Сизых, 1932 г.р., деревня Ёдарма Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2021а, с. 373].

Часто носили обувь из камусов – шкура с голени оленя, козы или сохатого шерстью наружу – капуры или качутки. Их делали с разрезом сзади для мужчин, а для женщин – спереди, чтобы голенище плотнее облегало ногу, делали оборки – плетёные шнурки из шерсти или конского волоса. Из шкур шерстью внутрь шили обувь в виде чулка с мягкой подошвой – пупыри, их надевали зимой в обувь или носили в помещении (например, в зимовье), позже такие чулки или носки шили ватные или стёганые [Сабурова, 1972, с.133].

«Катанки» – валенки встречались редко. Среди рядового крестьянства были скорее, как праздничная обувь, в зависимости от достатка – их можно было приобрести у купцов. Интересно, что валенки и унты относились к обуви, которую носили только мужчины. По сведениям сторожилов, валенки (пимы) катали в Олонках Боханского района [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1262.

Л. 57]. А в среднем и нижнем течении Ангары войлоком не занимались.

Унты шили из оленьего камуса шерстью наружу, с лосиными или кожаными подошвами. Распространены они были в начале XX в. Простые унты и расшитые бисером чаще всего выменивали у эвенков. Русские шили унты из овечьих, собачьих, телячьих, козьих шкур. Все виды зимней обуви часто украшали аппликацией из меха и сукна. Шитьё бисером высоко ценилось крестьянами, даже тунгусские украшения предпочитали больше, чем свои.

Валенки Л.С. Колпаковой, д. Гольтявино Богучанского района. 2017 г.

Жизнь на Ангаре без промыслов была невозможна, поэтому в гардеробе охотника и рыбака была соответствующая одежда, но она не очень отличалась от повседневной, так как часто ею становилась изношенная, обшитая холстом (шойданек). Отразилось на покрое некоторых видов одежды и длительное соседство с эвенками и бурятами. В некоторых деревнях по Ангаре, находящихся поблизости с кочующими тунгусами, в большом употреблении были парки, унты, кокольды (рукавицы), пояса, иногда шапки и хорьки (панталоны).

«На промысел крестьянин идёт в шойданике, шапке с пришитым накухтарником, в арямужах и чирках; в некоторых местах арямужи заменены толстыми суконными шароварами. На руки промышленник надевает кокольды, некоторые носят и меховые нагрудки. В защиту от насекомых и всякого другого гнуса (пауты, слепни, мокрец) носят т.н. «комарницы» – вот такие замысловатые названия одежды описывает в своём отчёте о поездке в наш край в 1911 г. учёный-этнограф А.П. Ермолаев. «Арямужи» – возможно, заимствованные элементы одежды у тунгусов: узкие длинные штанины из чёрного сукна, как мешки, открытые с обоих концов, надевались поверх шаровар, обхватывая ноги близ чирка, защищая их от снега и холода. «Чирки» – самая распространённая кожаная обувь, как домашней выделки, так и покупные, на шнурке» [Ермолаев, 1911, с. 45].

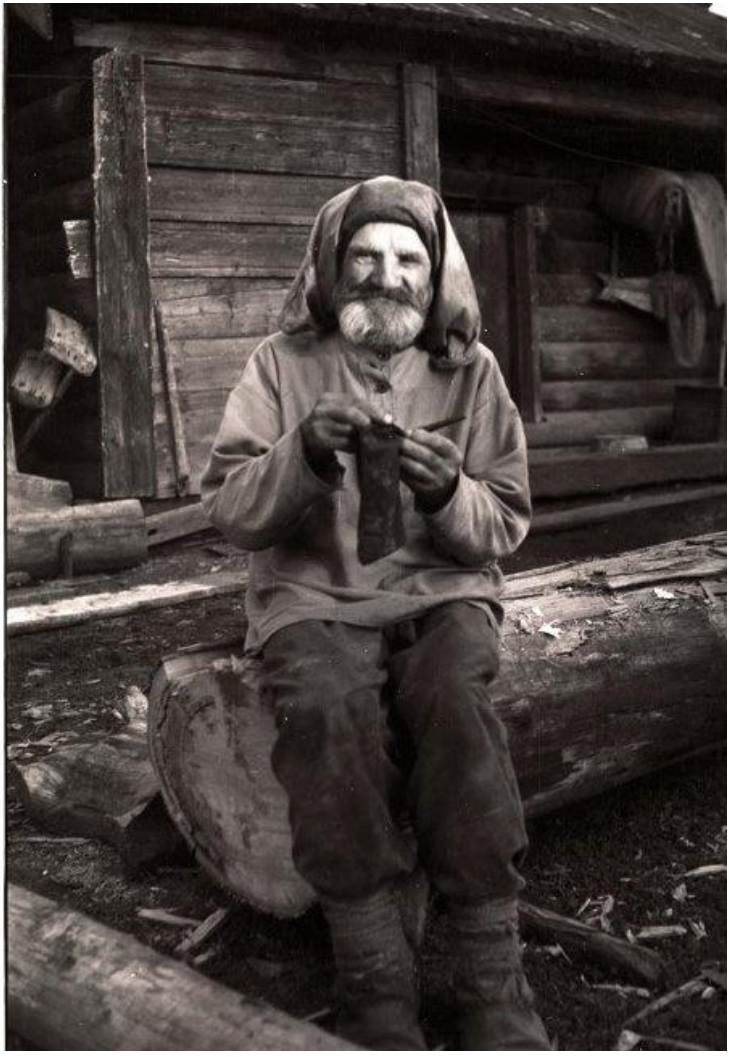
Таёжная шапка, д. Большая Мамырь Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Институт этнологии и антропологии

Штаны для промысловых целей шили с широким шагом, например, короткие охотничьи штаны из овчины, со вставкой или без неё, делали мехом внутрь, с двойной вставкой.

Штаны для охоты – из лосиной кожи или домашнего сукна, до колен, сверху надевали арямужи из ровдуги. Обязательно поверх штанов завязывали чулки из домашнего сукна, а на чулки надевали носки, сшитые из собачьих шкур или из конского волоса (они не промокали) [Сабурова, 1972, с. 120].

На промыслах старожилы носят «промышлёнку» – так называют более лёгкую косулью доху.

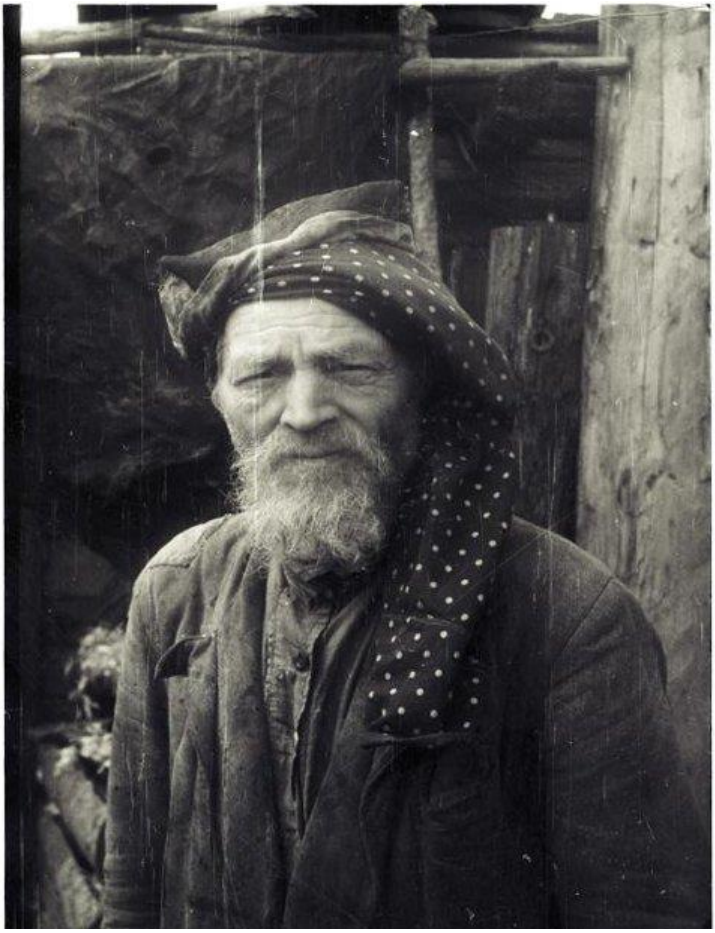
Шапки у охотников были в виде капора, из материи, на вате, с отделкой из собачьего меха. Завязывались они под подбородком [Сабурова 1972, с. 127]. Позднее покупались готовые, редко уже

Пожилой колхозник в рабочей одежде и накомарнике,
д. Бадарма Нижнеилимского района. 1959 г.
НА ИЭА РАН 12765. Институт этнологии и антропологии

шили из своего материала, чаще для промысла – лисьи, к задней части шапки пришивалась «китка», такой кусок холста, кожи или брезента, пришитый к задней части шапки, чтобы снег с дерева (кухта) или дождь не попадали за воротник охотнику – «накухтарник» [Афанасьева-Медведева, 2018, с. 202]. Данные уборы были более промысловыми, изготавливались из сукна, самокатанной шерсти, меха. Летом во время сенокоса мужчины повязывали головы платками или куском холста.

Особенным головным убором у ангарцев был накомарник – шлемовидный убор, закрывающий голову, лицо, шею и грудь от

Пожилой колхозник в рабочей одежде и накомарнике, д. Бадарма Нижнеилимского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 12767. Институт этнологии и антропологии

гнуса. С основанием из холста, плотно обтягивающим голову. Полы накомарника можно было подвязать шнурком, чтобы удобно было работать в наклон. Когда их приоткрывали, у ангарцев получался весьма колоритный вид. Будто люди пустыни в своих куфиях оказались на Ангаре. Место для лица оставалось

Способы ношения накомарника, с. Пинчуга Богучанского района. 2024 г.

Мальчик в накомарнике, д. Закурдаево Братского района. 1958 г.
НА ИЭА РАН 12325. Институт этнологии и антропологии

открытым, и на некотором расстоянии от него пришивали упругую сетку из конского волоса (личинку). Она защищала лицо от гнуса и предоставляла в то же время хороший обзор для глаз. Ткали их на ткацком станке-ниточке, аналогично тканью поясов «на ниточке» у русских центральных областей [Лебедева, 1971, с. 93].

Рукавицы были вязанные из ушканьей (заячьей) шерсти. «Суровый климат и мошка не позволяли ангарцу ходить даже летом с голыми руками. В.К. Мультинов писал: «Рукавицы домашней вязки, шерстяные с одним пальцем “варежки”. У пальца на ладони имеется прореха для высовывания указательного пальца при стрельбе. При работе на воздухе сверху рукавиц надевается вторая пара из лосиной кожи – “верхонки”. Иногда рукавицы для прочности обшиваются холстом. Встречаются и тунгусского происхождения “кокольды” – варежки из оленьей кожи с шерстью. Пользуются репутацией очень теплых рукавицы, связанные из ушканьей шерсти. Кстати, кокольдами нередко называют и вообще варежки, чаще с дырою для просовывания руки для удобств

Охотничьи рукавицы «мохнатки», д. Банщиково Нижнеилимского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 12461. Институт этнологии и антропологии

“промышленного”. Палец варежки называется напалок» [Фурсова, 2019, с.144].

«*С собачины шили кокольды. Или из оленя шили эти кокольды. Ну, когда в лес ходили, вот у него парка была. Вот эти кокольды у тяти и парка. Наденет её и – в лес. И вот эти кокольды. Он как наденет сюды… А когда он стрелят, он снимат. Тут така дыра, прорез у них, а она здесь висится, эта кокольда*», – вспоминала Анна Михайловна Зарубина, 1930 г.р., из села Кеуль Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2018, с. 337].

А вот рукавицы (водянки или «волосянки») вязали из конского волоса: «*А рыбачить ездили, водянки вязали из волос… их – раз! – вот так потрёс, с них вода стекла, и опять надеваешь*», – рассказывала Надежда Сидоровна Еманова, 1924 г.р., из поселка Невон Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2011а, с. 394].

Многие старожилы упоминали и про носки-«волосянки», надеваемые во время вытягивания бечевой лодок вверх по Ангаре.

Охотничий костюм Храмцова И.Г. Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 52676. Институт этнологии и антропологии

Охотники носили меховые безрукавки и нагрудники (закрывающие грудь) из собачьих, беличьих или ушканьих (заячьих) хвостов, шарфы-ошейники, сделанные из беличьих хвостов, нанизанных на верёвочку (нечто похожее на боа, вероятно, заимствованные у тунгусов), а также вязаные или сшитые из «своеделього» сукна шарфы.

Кроме тканого или плетёного пояса мужчины носили ременные. На поясе укреплялся нож в футляре, кожаный мешочек для огнива, кремня и трута и другие нужные предметы.

Архаика, новация и заимствование в костюмах ангарцев стали результатом трёхвековой переработки принесённых традиций в условиях полуизоляции от центра России: одежда старожилов Ангары развивалась на стыке нескольких векторов – консервативного, уходившего корнями в северорусскую традицию (что проявлялось в архаичности кроя и способах отделки), практичного, обеспечивавшего надёжность и теплоту повседневной и рабочей одежды, динамичного, отражавшего периодическое влияние городской моды, проникавшей в Сибирь, а также этнокультурного, обусловленного соседством с коренными народами, благодаря которому отдельные элементы костюма максимально адаптировались к местным промыслам; со временем в облик одежды интегрировались также новые социальные предпочтения и статусные показатели.

2.5. Ткачество

В структуре полунатурального хозяйства русского старожильческого населения Приангарья текстильное производство занимало позицию, обеспечивающую базовые потребности семьи в одежде и предметах домашнего обихода. Из-за удаленности края и сложности транспортных путей, регулярный товарообмен с центральными регионами отсутствовал, что делало необходимостью самостоятельное изготовление тканей. Покупные материалы, которые поступали в ограниченном количестве, шли главным образом на праздничную одежду и воспринимались как дополнение к тому, что производилось в собственном хозяйстве [Сабурова, 1967, с. 141]. Даже в конце XIX – начале XX вв. подавляющая часть продукции производилась и потреблялась внутри крестьянской семьи, а одежда из покупных тканей была характерна в основном для зажиточных крестьян.

В крестьянском хозяйстве Ангары лён и конопля занимали важное место. Из них изготавливали материал для одежды, предметов быта и хозяйственного инвентаря. На Средней и Нижней Ангаре, от Братского и до Мотыгинского районов, активно культивировали лён. Тогда как на Верхней Ангаре в рассматриваемый период льна не было. Впрочем, и в таежной части Ангары его выращивали не в каждой деревне, из-за требовательности льна к почвам и климату. Основой же текстильного производства в большинстве ангарских деревень служила конопля, менее прихотливая культура. Как объясняла Валентина Николаевна Дубынина, 1933 г.р., из деревни Бурнино Братского района: «*Лён-то нежнее, он ухода требует, а конопля сама растёт, лишь бы земля была. У нас больше коноплё сеяли, из её и пряли, и ткали, и верёвки вили*».

Лён сеяли весной на участках, которые считались наиболее пригодными, обычно на хороших покосах или на расчищенной из-под леса новине. Почву под лён обрабатывали иначе, чем под зерновые. Борону переворачивали зубьями вверх, втыкали в неё прутья и многократно проходили по полю, разбивая самые мелкие комья. Этот процесс местные крестьяне называли характерным словом «ело́зить» [Дяткин, 2022, с. 190].

Срок уборки льна был приурочен к церковному календарю. Он поспевал к Преображению (6 августа по ст. ст.). Лён не косили, а именно рвали руками, чтобы сохранить длину волокна. Вырванные растения не вязали в снопы сразу, а расстилали рядами на тех же покосах, где уже была убрана трава. Там они лежали под дождём и солнцем, пока волокно не начинало легче отделяться от стебля. Для этой же цели его вымачивали, снопы льна погружали в реку или озеро, придавливая их тяжелыми бревнами или камнями, и выдерживали в воде до двух-трех недель, тем самым начинала гнить костра, на Ангаре её называли «костига», и процесс обработки становился намного проще.

Здесь важно отметить, что в разных деревнях и даже в разных семьях технология могла немного отличаться, где-то лён мочили, где-то обходились без этого и сразу сушили. Валентина Николаевна Дубынина, 1933 г.р., из д. Бурнино Братского района описывала процесс так: «*Лен высаживали в мае, вот как нога держала тепло... Потом мы его дергали этот ленок и расстилали его, чтобы он высох. Высохнет этот ленок. А как высохнет – от*

Метницы. 1904 г. с. Кежма, Енисейского уезда.
РЭМ 773-119. Российский этнографический музей

погоды зависит. Там были такие колотушки и колотушками этими отбивали. А потом мяли его специальными мялками». По её словам, лён в их местности не мочили, а только сушили. А Елена Николаевна Аносова, 1930 г.р., из деревни Усть-Вихорево Братского района, говорила: «*В начале сентября рвали лён. 11-го сентября раскладывали, чтобы просох, а в начале октября мочили в реке, прижимали срубленным очищенным деревом. 10-го октября вытаскивали, в бане по-чёрному сушили, мяли, трепали, чесали. Чесали несколько раз: стрёпки шли на половики, счёски на рабочую одежду, а пачески — на праздничную одежду*».

В сентябре, после окончания жатвы, лён связывали в снопы и свозили в бани. Бани топили, снопы сушили, а затем обмолачивали деревянным валиком, чтобы собрать семя. Дальше начиналась механическая обработка.

Коноплю также сеяли весной. Различали два вида растений: собственно, коноплю, дававшую семена, и так называемую посконь – мужские бесплодные экземпляры. Посконь была ниже ростом и темнее, но волокно из неё получалось более крепким и частым [Дяткин, 2022, с. 190].

Убирали их в разное время. Посконь выбирали в сенокос, после Ильина дня (20 июля по ст. ст.). Её стелили на землю, а к концу сентября, перед снегом, связывали в снопы. Коноплю с семенами рвали позже, в конце августа, в «жнитво» (уборку хлеба). Делали это обычно в ненастье, когда хлеб убирать было нельзя. Вырванную коноплю ставили в кучи для просушки, а затем обмолачивали цепом и свозили во дворы [Дяткин, 2022, с. 190-191]. Исследователь Е.О. Дяткин описывал процесс мочения конопли следующим способом. С наступлением холодов снопы погружали в реку. К каждому привязывали шест, который вмерзал в лёд и надёжно удерживал снопы на месте всю зиму. Вынимали их только Великим постом. Как объясняли крестьяне, вода делала волокно мягче и облегчала дальнейшую обработку [Дяткин, 2023, с. 191]. Однако столь долгое вымачивание практиковалось не повсеместно, в иных деревнях коноплю мочили не дольше, чем лён. Валентина Николаевна Дубынина, 1933 г.р., из деревни Бурнино Братского района, подробно рассказывала о мочении конопли: «*Лен не вымачивали, коноплё мочили, она погрубее была, а лен-*

то помягче. Долговато мочили, налет на ей должен быть. Убирали в сентябре, и вот у нас была така курья, и вот в курье её замачивали».

Механическая обработка льна и конопли не отличалась. Первым делом стебли пропускали через специальные деревянные мялки. Эти несложные приспособления раздавливали хрупкую сердцевину стебля, так называемую «костигу», помогая отделить от неё прочные волокна. После мятья получалась спутанная масса, в которой ещё оставалось много древесных частиц [Дяткин, 2022, с. 190]. Затем наступала очередь трепала, широкого деревянного ножа. Им ритмично били по пучку, выбивая остатки раздробленной «костиги». Эту операцию проводили дважды. После первого прохода получались грубые, короткие остатки — стрепки. После второго – отрепья. Ни то, ни другое не выбрасывали: стрепки и отрепья шли на изготовление мешков или использовались в качестве утка при ткачестве грубых холстов [Дяткин, 2022, с. 190].

Оставшееся после трепания волокно ещё нельзя было назвать готовым. Оно оставалось спутанным. Чтобы привести его в порядок, его чесали специальной щёткой из жёсткой свиной щетины — «щетью». Причёсывание разделяло волокно на две части. Короткие, сбитые в комки волоконца называли «па́чесами». Их откладывали в сторону, они годились для более грубой пряжи. А длинное, ровное, очищенное волокно бережно собирали в горсти и связывали в небольшие пучки «десятки» [Дяткин, 2022, с. 190].

Именно это длинное, вычесанное, блестящее волокно и было той самой куделью, которую крестьянки привязывали к прялке. Весь процесс обработки льна был построен на безотходности: в дело шло всё – от грубых стрепок до мелких пачесов, потому что холст был крайне необходим в каждом крестьянском доме [Дяткин, 2022, с. 190].

Шерсть для одежды давали овцы, которых держали почти в каждом хозяйстве. Стригли овец три, а иногда и четыре раза в год. Лучшей считалась шерсть осенней стрижки, перед первым снегом, её называли «летнина». Особо ценилась первая стрижка с ягнят, «яритина». Она была мягче и тоньше остальной [Дяткин, 2022, с. 189]. Остриженную шерсть сразу сортировали, шерсть с

хребта и шеи откладывали отдельно, она считалась более хорошей. Шерсть с брюха шла в другую кучу, говорили, что она «полстится», то есть сваливается [Дяткин, 2022, с. 189]. После стрижки шерсть обязательно сушили. Её клали на доски, поставленные на печь, и выдерживали не меньше суток. Если сразу высушить не успевали, то перед следующим этапом, битьём, шерсть пересыпали мукой [Дяткин, 2022, с. 189].

Битье шерсти, д. Светлолобово Усть-Удинского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 52818. Институт этнологии и антропологии

Битьё – ключевой этап подготовки шерсти к прядению. Для этого к стене на высоте пояса прикрепляли решётку из 25-30 круглых или плоских палок длиной около метра, связанных верёвками в трёх местах. Получалась плоскость с продольными щелями. На решётку клали шерсть. Выше по стене привязывали лук, осиновую жердь длиной примерно два метра с натянутой струной из овечьей кишки. Струну подводили вплотную к шерсти. Затем брали деревянный биток, палочку длиной 15-17 см с зарубкой на конце и начинали ритмично бить по струне. Вибрация разбивала комки шерсти, и чистые волоски осыпались вниз, на землю [Дяткин, 2022, с. 189].

После битья шерсть сворачивали в кудели и пряли. Пряжа из шерсти шла на рукавицы, чулки, платки, а также на тканьё сукна и так называемой «пола́зины» (крыши) для овчинных одеял [Дяткин, 2022, с. 189].

Прядение на прялке, д. Корсаково Нижнеилимского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 12891. Институт этнологии и антропологии

Основным инструментом для прядения в Приангарье долгое время оставалась прялка. Конструкция прялки была простой и состояла из двух частей: вертикальной лопасти, к которой привязывали кудель, и горизонтального донца, на котором сидела пряха. Техника прядения была одинакова для всех видов сырья: льна, конопли и шерсти. Пряха левой рукой вытягивала из кудели пучок волокон, а правой приводила в движение веретено, заставляя его крутиться и скручивать волокна в нить. Готовая нить наматывалась на веретено, и процесс повторялся. Прядение было настолько повседневным занятием, что женщины использовали для него любую свободную минуту. Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района сообщил, что женщины жевали вываренную лиственничную серу, когда пряли, так как необходимо было смачивать пальцы слюной.

Прядение на самопрялке, д. Банщиково Нижнеилимского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 12762. Институт этнологии и антропологии

С конца XIX в. в обиход стали входить самопрялки с колесом. В отличие от простого веретена, самопрялка позволяла механизировать процесс: при вращении колеса нить одновременно скручивалась и наматывалась на катушку, что значительно ускоряло работу. Однако новшество приживалось постепенно, и долгое время самопрялки сосуществовали с традиционным прядением на веретене. Даже среди старожилок 1920-1940-х г.р. не каждая умела прясть на самопрялке. А для прядения «кострянских потрепков» (грубых остатков) продолжали использовать веретено. Особое мастерство требовалось для прядения тонкой и ровной нити. От качества пряжи напрямую зависело, какой получится холст, тонкий праздничный или грубый рабочий. Готовую пряжу перематывали на специальные приспособления, которые на Ангаре называли «мотовила» и «тюрики» [Сабурова, 1974, с. 58]. «Вороб» (или «воробы») представлял собой приспособление для разматывания пряжи. После прядения и сматывания нити в мотки на мотовиле требовалась перемотка для дальнейшего использования, для снования или для утка. С этой целью применяли

«вороб», на него надевали моток пряжи, после чего перематывали нить в клубки либо на тюрики (катушки).

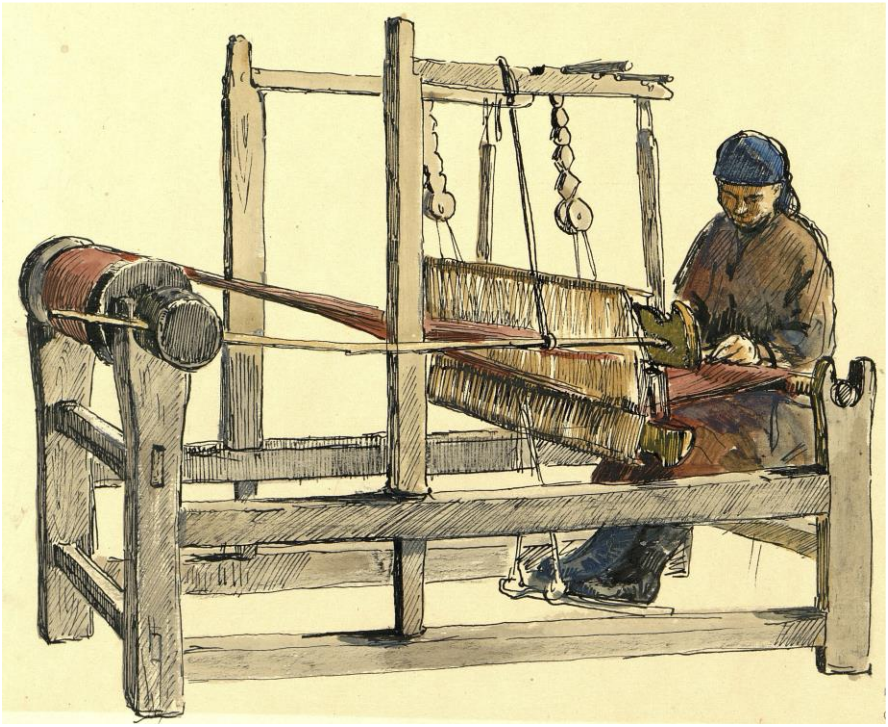
Прежде чем начать ткать, нити основы нужно было подготовить «насновать», то есть натянуть параллельно друг другу на нужную длину. От того, насколько ровно и с одинаковым натяжением будут уложены нити, зависело качество будущей ткани. На Ангаре практиковали два способа снования. Первый с использованием стен избы, в противоположные концы одной стены вбивали деревянные спицы и мотали нити между ними. Длину нити измеряли количеством пролётов, которые называли «стенами». Второй способ с помощью специальной сновальни, приспособления из длинных жердей с поперечными планками, на которые также вбивали спицы. Получалось примерно то же самое что на стенах. В 1957 г. 73-летняя Евдокия Ивановна Зубова из села Олонки Боханского района подробно описывала два типа новалок, старую «побегалку» (палку с граблями на концах) и более новую, вертящуюся круговую сновалку. Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района сообщил, что у них на «воробах» сновали только уточную нить.

Ткацкий стан в Приангарье называли «кросны». Это слово употреблялось во множественном числе, по аналогии со словами «сани» или «носилки». Стан был массивным сооружением из дерева. Как свидетельствовал Н.И. Витковский еще в 1882 г., «почти в каждой избе видны кросна» [Витковский, 2025, с. 138].

Основу стана составляли две параллельные деревянные рамы, которые называли станины (на Ангаре их называли «стамик»). К станинам крепились два навоя, набилки или набелки с бёрдом, ниченки (ниты) с подножками. Навои представляли собой деревянные валы для натяжения нитей. Один навой находился сзади, на него наматывали нити основы. Второй располагался спереди, на него по мере тканья наматывалось готовое полотно. Бёрдо выглядело как частый гребень для прибивания уточной нити. Его вкладывали в набелки и подвешивали к станинам сверху. Чтобы зафиксировать хорошее натяжение нитей основы, в вал вставляли «притужальник», так называли длинную жердь, которая одни концом лежала на полу.

Работали на кроснах следующим образом. Ткачиха нажимала на подножку, и «ниченки» попеременно опускались, образуя зев. В этот зев ткачиха продевала челнок с уточной нитью. Затем она нажимала вторую подножку, нити чередовались, и челнок шёл обратно. После каждого прохода уток прибивали бёрдом для плотности ткани. При работе на двух нитах (ремизках) получалось простое полотняное переплетение. Если использовали большее количество нитов, то получались узорные ткани. На обычных кроснах производили несколько видов тканей.

Холст – ткань полотняного переплетения из льняной или ко-

Ткачество на кроснах, с. Нижне-Суворово Братского района. 1957 г.
НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Институт этнологии и антропологии

нопляной пряжи. Это была самая распространённая ткань в крестьянском хозяйстве. Холст шёл на рубахи, штаны, онучи, мешки, полотенца и многие другие нужды. В зависимости от качества использованного сырья холст мог быть разной толщины: из чистого волокна получали тонкое полотно для праздничной

одежды, из отходов («стрепок», «отрепьев») – грубый холст для рабочих нужд [Дяткин, 2022, с. 190].

Сукно ткали из овечьей шерсти. Для получения плотного материала сукно после ткачества подвергали специальной обработке, валке («топтанию») [Дяткин, 2022, с. 190].

Полусукно – смесовая ткань, где основа была льняной или конопляной, а уток шерстяным. Такая ткань сочетала прочность растительных волокон с теплотой шерсти. Также Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района, рассказывал, что у них для шойдаников ткали материал, используя коровью шерсть на уток, а нитями основы являлось «коноплё». Благодаря коровьей шерсти одежда быстрее сохла.

Половики ткали из утилитарных соображений. В качестве утка использовали «дранку», узкие полоски, нарезанные из старой ветоши. Такие половики стелили на пол, зимой они служили дополнительным утеплением.

«*Зимой половики стелили в комнату. Полностью самотканые такие были половики. Большие они сшиты. Они были*

Дорожка, с. Большеокинское Братского района. 2022 г.

льняные. И были крашены в синие и красные полосы... И вот эти половики на лето снимали. Если они чистыми были, то их просто выхлапывали, вешали просушиваться. Но чаще всего стирали их, на Ангаре стирали», – вспоминала Мария Ивановна Чупина, 1949 г.р., из села Московское Братского района.

Вытканный холст или спряденную пряжу редко оставляли в исходном, сероватом или бежевом цвете. Для придания ткани нужного оттенка её красили. Для этого использовали исключительно природные красители, которые давала окружающая природа. Покупные красители стали проникать в деревню позже и долгое время сосуществовали с традиционными.

Красили холсты природными красителями вплоть до конца XIX в., а в удалённых деревнях эта традиция сохранялась и в первой половине XX в. Самым распространённым красителем в крестьянских хозяйствах Братского района была кора лиственницы. В народе её называли «дуб». Лукерья Петровна Федотова, 1921 г.р., из села Варгалик Братского района подробно описывала этот процесс: «*Лиственничную кору нарубали мелко, потом клали в чугуны, запаривали, носить было нечего, портянина только была. Эту портянину сошьют, рубаху ли, юбку и мужикам такие же рубахи, и в этот чугун кору запёхивали, и она окрасится вот в такой цвет, как вот эта, и долго носилась, такая вот своя краска была, эта всю жизнь помнится, эта краска*».

Если нужен был чёрный цвет, применяли несколько способов. Чаще всего использовали так называемую «железистую грязь», чёрную массу, которая оставалась в корытце с водой под точильным кругом после заточки инструментов. Эту грязь собирали, парили, кипятили и в полученном растворе красили ткань. Дора Николаевна Погодаева, 1940 г.р., из деревни Усть-Вихорево Братского района, подтверждала: «*Краски не было, рубили лиственную кору и красили, такая темноватая, коричневая такая. Когда пилы, топоры точили, и вот это на круге в воде оставалось, туды ложили, потом чернили*».

Аналогичный приём получения чёрного цвета описан и в других сёлах Приангарья. Так, по данным этнографа Г. С. Масловой, в сёлах Средняя и Дальняя Муя Усть-Удинского района для этого использовали листья шиповника «шипишника», которые

кипятили с добавлением отходов, оставшихся после точки металла. В Новой Уде Усть-Удинского района чёрную краску получали из квасцов или толокнянки, также с добавлением железных отходов. Такой тёмный цвет с коричневатым отливом в некоторых ангарских сёлах называли «черёмным» [Маслова, 1971, с.150].

Красили также ягодником, то есть листьями черники, получая чёрный цвет, луковой шелухой и ольховыми шишками для жёлтого оттенка, а ольхой с купоросом для алого. Красный цвет получали из корня марены. Его тщательно растирали в ступе до состояния порошка, заливали водой и погружали в этот раствор холст. Затем посуду с красителем и тканью ставили в жарко натопленную печь, доводили до кипения и выдерживали до тех пор, пока ткань не приобретала нужный оттенок. Зелёный цвет давала трава, которую местные жители называли «зеленицей». Её также толкли, заваривали кипятком и настаивали на печи трое суток, после чего в полученном настое окрашивали ткань [Савельев, 2022, с. 184]. Из покупных красителей наибольшим спросом пользовались сандал, синий купорос, фуксин и др.

Белый цвет тоже достигался специальной обработкой. Вытканный холст отбеливали на солнце и росе. Делали это весной и в начале лета. Процесс отбелки был длительным: холст «лелили» (отбеливали) в течение двух-трех недель в солнечные дни – весной на льду, летом на траве. После этого его парили в кадке со щелоком и раскаленными камнями, чтобы «всю сурость выедало» и он становился мягким [Сабурова, 1974, с. 58-59]. Однако в разных деревнях существовали и иные способы отбеливания. Федотова (Труфанова) Лукерья Петровна, 1921 г.р., из деревни Варгалик Братского района, рассказывала иной способ: «А как ткань отбеливали? *Кипятили в березовой золе. Наливали в котлы, чугуны и замачивали.* На сколько? *Да сразу. Это зимой делали. Замочили, выносили в огород и закапывали в снег. Там она лежала. Отбеливалась. Потом опять стирали. Шили рубахи, штаны. Все было портяное. Белое красивое получалось*». Другой вариант отбеливания, также связанный с использованием снега и природных условий: «*У нас, бывало, выткут, раньше никаких таких варваров не было, у нас была там речка быстрая-*

быстрая, в Бурнино, и вот помогают явю в иордани и расстилали на снег, чтоб отбеливался, и никто не хулиганил», – вспоминала Дубынина (Федорова) Валентина Николаевна, 1933 г.р., из села Дубынино Братского района. Крашение было домашним занятием. Красили обычно женщины, но в некоторых случаях, особенно когда требовалось получить чёрный цвет с использованием отходов от заточки инструментов, к процессу могли привлекаться и мужчины.

Наряду с гладким холстом, который шёл на повседневную одежду и хозяйственные нужды, ангарские мастерицы создавали и ткани с узорами. Такое ткачество называли «бранным» или «переборным». Оно требовало большего мастерства и использовалось для изготовления вещей, которые несли не только утилитарную, но и эстетическую функцию: поясов, оборок для обуви, подолов полотенец, праздничной одежды.

В Приангарье существовало два основных способа создания узорных вещей, которые отличались как применяемыми инструментами, так и приёмами работы. Первый метод заключался в тканье на маленьком ручном бёрдо – так называемом «бёрдечке», которое использовали для изготовления длинных узких изделий. Данное приспособление служило для техники «перебора», с помощью которой плели опояски и оборки [Ермолаев, 2020, с. 113]. Получаемые пояса именовались переборными. Суть процесса состояла в следующем: нити основы продевались в щели и отверстия бёрдечка. Путём поднятия или опускания бёрдо мастер формировал зев, через который прокладывалась уточная нить. Эта работа требовала предельной внимательности и сноровки, поскольку необходимо было следовать узору.

Второй способ – плетение с помощью деревянных дощечек. Их называли «кружками», а изделия «кружешными». Для него использовали небольшие четырёхугольные деревянные дощечки с отверстиями по углам [Ермолаев, 2020, с. 113]. Число дощечек отличалось в зависимости от желаемой ширины изделия. В 1957 г. 60-летняя старожилка Михеева из деревни Дальняя Муя Усть-Удинского района рассказывала, что видела, как одна из бабушек

«Кубельщик» за окраской холста, Богучанская Заимка Енисейского уезда. 1904 г. [Макаренко, 1913, рис. 21]

ткала кушак (широкий пояс) при помощи 50 дощечек. Для ткачества в каждое отверстие продевали нить. При плетении дощечки вращали параллельно вперед или назад, и нити переплетались, создавая замысловатый узор. Уток прокладывали вручную. Этим способом чаще всего ткали оборки «переборны» или «браны», узкие узорные тесёмки из разноцветной шерсти. Их длина достигала 1,5 м. Орнамент чаще всего напоминал «ёлочку». А также пояски, мужские пояса для рубах. Узорные полотенца («утирники»), их концы обязательно украшали. Для этого их «мережили» (делали ажурную строчку), опушали бахромой и «перебирали красной бумагой», то есть красными покупными нитками. Для узорного ткачества использовали в основном шерстяные нити. Они лучше держали форму и позволяли создавать чёткий рисунок. Нити красили в разные цвета: красный, синий, коричневый, оранжевый, малиновый. Красные нити часто были покупными, их называли «красной бумагой».

Ткачество из конского волоса в Приангарье, в отличие от других видов ткачества, имело исключительно утилитарное предназначение. Важным изделием, без которого невозможно было заниматься какой-либо работой за пределами усадьбы в летнее время, являлся накомарник. Его конструкция включала тканевую часть (для головы и шеи) и так называемую «личину» – сетку из конского волоса, прикрывавшую лицо. Конский волос обладал уникальными свойствами: упругостью, стойкостью к влаге, и он почти не гнил. Волос для работы брали из лошадиных хвостов, чаще всего использовали чёрный, так как он считался более крепким и в изделиях был лучше виден. Перед ткачеством конский волос вываривали или запаривали кипятком.

Для ткачества сеток «личинок» использовали специальный станок, который называли «ниточка». Н.И. Лебедева в своём исследовании хозяйственного быта Приангарья отмечала, что тканьё накомарников на станке-«ниточке» было характерно именно для сибиряков [Лебедева, 1971, с. 93].

Работа на станке для изготовления личинок из конского волоса, д. Корсаково Нижнеилимского района. 1959 г. МАЭ И 1830-248. Музей антропологии и этнографии

По своему устройству это был горизонтальный стан примитивной конструкции. Станок представлял собой два параллельных бруска, закреплённых на вертикальных опорах. Один из брусков был подвижным, предположительно, для регулировки натяжения волос. С одной стороны рамы имелось дощатое покрытие, на котором, судя по фотографии 1957 г., полусидя, работала ткачиха [Целищева, 2024, с. 317]. Волосы, собранные в пучки, закрепляли на параллельных брусках станка, создавая основу. Затем нити разделяли на чётные и нечётные. Чётные нити продевали в петли «нитченок». Когда нитченки опускали, образовывался зев, пространство между нитями основы, в которое прокладывали уточный волос. Уток прибивали к краю изделия специальным деревянным ножом с заострёнными концами и отверстием посередине [Целищева, 2024, с. 320]. Затем нитченки поднимали или использовали специальный нож для образования второго зева (контрзева), прокладывали следующий уток и снова прибивали. Цикл повторялся, постепенно формируя сетку полотняного переплетения.

Работа на станке для накомарников, д. Бада Тангуйского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 52655. Институт этнологии и антропологии

Работа на станке для накомарников, д. Бада Тангуйского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 52652. Институт этнологии и антропологии

В середине XX в. ткачество, как и многие другие этапы изготовления текстиля, вышли из обихода. Этот процесс протекал неравномерно: в одних селениях традиции держались дольше, в других исчезали быстрее, но общее направление было единым. В связи с модернизацией и проникновением товаров массового производства в самые отдалённые уголки, домашнее ткачество практически полностью исчезло из быта. Приспособления убирали в чуланы или разбирали на дрова. Навыки, которые веками передавались от матери к дочери, оказались невостребованными. И уже следующее поколение, которому не пришлось изготавливать самостоятельно текстиль, удивлялось тому, как это могли делать своими руками их родители. Валентина Егоровна Смирнова (Вяткина), 1950 г.р., из деревни Банщиково Усть-Илимского района: «*Как они все успевали, эти женщины, я не знаю, я всё время маму вспоминаю. Ага, как они успевали. Дело в том, что за месяц им ещё привозили коноплё, а его вытаскивали в баню, сушили, потом в мялке мяли, потом чесали его, там работы столько, это*

вообще. И потом вот это коноплё они сдавали совхозу... И вот они, значит, пока мужчины в лесу месяц находились, они должны хаты побелить. Ну, ткали, пряли там, навязать на всех надо, ага, эту рыбу наловить, и на работу, я не знаю. Вышивали, ткали, вязали, пряли… Мама даже, знаете, на машинке вот это выбивала, у меня даже есть под кровать, для кровати вот так одеваешь, вот это выбито всё. И это всё они, женщины, делали, вот. Я не знаю, когда они успевали, может, мы много тратим времени на телевизор».

2.6. Кухня

Традиционная кухня является одной из важнейших частей культуры любого региона нашей страны, отражает идентичность русского населения, проживающего в определенной местности. Кухня – консервативная черта культуры, которая, несмотря на любое влияние, изменяется достаточно медленно. Так и сформировавшаяся в суровых сибирских условиях традиционная ангарская кухня имеет отличия от кулинарных традиций других регионов. Даже внутри Ангары есть весомые отличия, так как река протекает в нескольких природных зонах: лесостепной и таёжной.

Несмотря на то, что в питании местного населения прослеживаются особенности, характерные для северовеликорусов, под влиянием местных условий выработались свои специфические черты. Этнограф А.П. Ермолаев, проводивший свою экспедицию в 1911 г., описывая питание ангарских крестьян в своём отчёте, писал: «Качественный и количественный состав пищи изменяется в зависимости от времени года, наличности постов, степени зажиточности и других условий. Питание ангарского крестьянина покоится главным образом на следующих основаниях: чай, хлеб, овощи, молоко и мясо. Причём первые два продукта играют важнейшие роли в питании. Затем следует поставить молоко и его производные. Потом пойдут овощи и в конце всего мясо, сначала рыб, потом млекопитающих и птиц. Разумеется, в отдельных случаях возможны изменения и исключения из этого порядка. Так, например, селения могут быть богаты, и круглый год обеспечены рыбою и, наоборот, бедны овощами и т. д. Чай кирпичный иногда и зелёный (редко) пьют утром и вечером, в обед и ужин. Сахар к чаю, хотя и полагается «вприкуску», но далеко не всегда» [Ермолаев, 2020, с. 115-116]. Л.М. Сабурова отмечала, что сахар покупался в ограниченных количествах – «одна-две головы на семью» [Сабурова, 1967, с. 158].

Готовили ангарские крестьяне пищу в русской печи, а сам процесс имел строгую последовательность. Сперва варили корм для скота, затем ставили в печь чугунки с едой для людей, потом

в противне пекли пироги, и уже после этого, когда жар спадал, сажали на под хлеб и мелкую выпечку, используя хлебную лопату. Перед посадкой хлебов в печь «клюкой» (кочергой) выгребали угли в загнетку (углубление в поду), а помелом, смоченным в воде, выметали золу и мыли под. Готовность хлеба проверяли особым образом: вынув булку, клали её на ладошку и сверху слегка ударяли второй рукой по локтю – если хлеб подлетал, значит, хорошо пропёкся.

Калачи. Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 52461. Институт этнологии и антропологии.

Центральное место в повседневном и праздничном меню на Ангаре занимали изделия из муки. Спектр мучных блюд здесь необычайно широк: от повседневного хлеба до сложной обрядовой выпечки, от больших закрытых пирогов до мелкого печенья к чаю. В Приангарье в основном была распространена ржаная мука, но в советское время её начала вытеснять пшеничная. Из ржаной муки готовили обыкновенный чёрный хлеб, который называется «аржаной» [Савельев, 2022, с.177], а также шаньги, пирожки и так называемые «солоники» – лепёшки, круто посыпанные солью. Из пшеничной муки стряпают огромное

количество различной выпечки: калачи, шаньги, пироги, «орехи», «финдирюхи», «хворосты», лепешки, оладьи и сушки на сале.

Шаньги со сметаной, д. Артюгино Богучанского района. 2024 г.

Шаньги, в зависимости от начинки, бывают сырные, с конопляными семенами (семенные), картофельные, наливные – с начинкой из сметаны. Пироги же мясные, картофельные, грибные – «рыжешные», «соковые» – с конопляным семенем, ягодные, капустные, морковные. Постное печенье делается чаще на конопляном масле или же совсем без него. «Орехи», оладьи, лепёшки, «хворост», «финдирюшки» играют роль мелкого печения к чаю и являются принадлежностью праздничного стола [Ермолаев, 2020, с.116-117].

Ржаной («аржаной») хлеб готовили на закваске, которая представляла собой специально сохраненный остаток теста с прошлого приготовления хлеба. Утром её клали в квашню и заливали двумя ковшами воды. Вечером закваску размешивали, добавляли заранее разваренный ломоть хлеба и густо замешивали мукой. Затем, постепенно вливая по ковшу, разводили теплой водой до тех пор, пока опара не начинала стекать с приподнятой мутовки. После этого засыпали мукой и ставили в теплое место.

Когда тесто начинало пениться и расслаиваться, в квашню подмешивали муку на один или два раза. Вначале тесто получалось негустым, «как на оладьи», поэтому ему давали подняться и затем подмешивали уже нагусто. Очень густое тесто готовить не рекомендовалось, так как при выпечке корки получались слишком толстыми [Гущина, 1928, с. 27-28].

Зимой испёкшийся хлеб сразу из печи выносили в сени или амбар и складывали на полку боком, чтобы не «потел». Перед употреблением в пищу его разогревали в натопленной печи, после чего он был как свежий.

Безовощной квасник, д. Буреть Боханского района. 2024 г.

Помимо хлеба из ржаной муки также выпекали «квасники» – специальные лепёшки, которые сначала запекали, а затем полностью высушивали, превращая в удобную заготовку для будущего кваса. Современному человеку сложно представить приготовление кваса без использования сахара, но ангарцы легко справлялись с его дефицитом. «Квасники» на Ангаре были двух типов: безовощные и овощные.

Безовощным «квасникам» сладость давала ржаная мука из зерна, которое попало под ранние заморозки. При подмораживании часть крахмала начинает переходить в более простые сахара,

поэтому тесто получается заметно «слаще» по природе. Такая мука была горклой, быстро портилась и не была пригодна для выпечки хлеба, но для приготовления «квасников» она подходила. Муку заваривали кипятком, формовали лепёшки и запекали в русской печи при низкой температуре, после чего разламывали, заливали кипятком и снова выпекали в печи. Этот цикл могли повторять несколько раз, называя это «соложением»: он не только доводил заготовку до полной сухости, но и усиливал сладковатый вкус.

Овощные квасники, д. Буреть Боханского района. 2024 г.

Овощные «квасники» делали похожим образом, но в тесто добавляли овощи, которые специально подмораживали, чтобы в них накопилось больше сахаров. Распространение такие «квасники» получили в верховьях Ангары. Для их приготовления чаще всего использовали брюкву, реже свёклу, а в некоторых районах – морковь и картофель. Ингредиенты тщательно перемешивались, после чего формировались лепешки, которые подвергались запеканию и сушке в русской печи. Аналогично безовощным вариантам, после первичной термической обработки лепешки разламывались, заливались кипятком и повторно высушивались в печи. В результате получалась стабильная, долго хранящаяся основа, которая при размачивании давала сусло с достаточной сладостью для брожения [Горшков, 2025, с. 88-94].

Овощные квасники 40-летней давности,
с. Большеокинское Братского района. 2022 г.

Приготовление кваса на основе «квасников» заключалось в их запаривании в кипятке. В качестве дополнительных вкусовых добавок использовались листья смородины. Для хорошего брожения могли добавить немного дрожжей или хмеля. Когда жидкость остывала, её процеживали и добавляли теплой воды, чтобы всё заквасилось. Ёмкость с заквашенной жидкостью оставляли на несколько суток. Чем дольше она стояла, тем кислее делалась. Готовый продукт убирали в подполье, в прохладу.

«Квасники» также запаривали, чтобы получить сладковатое сусло для приготовления кутьи. Это сусло смешивали с проваренным цельным зерном пшеницы, после чего добавляли ягоды черёмухи. Долгое время кутья была неотъемлемым атрибутом поминального стола, но уже к середине XX в. кутья утратила своё обрядовое значение и стала повседневным блюдом [Сабурова, 1967, с.157-158]. «И вот мы всегда удивляем кутьёй всех наших

гостей. Всем очень нравится, кто первый раз это пробует, всем нравится и с удовольствием все едят», -рассказывала Ольга Дмитриевна Логинова (1935 г.р., поселок Пинчуга Богучанского района).

Пшеничное тесто готовилось на опаре. Чтобы её приготовить, нужно было получить дрожжи, сейчас их принято называть закваской. В наше время модно хранить закваску отдельно и подкармливать мукой, чтобы часть использовать в качестве дрожжей. А раньше закваску смешивали с мукой и водой, получая опару, и спустя время снимали с неё пенку, которую убирали в холод. Она являлась закваской на следующий раз. А в оставшуюся часть добавляли муку и настаивали тесто. Для опары также использовали протертый картофель, его добавляли для усиления брожения. Еще использовали хмельные дрожжи. Для расстойки сформованных хлебов использовали специальные деревянные блюда.

Особым маркером русской старожильческой культуры Ангары является рыбный пирог, в котором «цельная» рыба или её звенья очищены от внутренностей, но запекаются вместе с головой в закрытом пироге. Для теста использовалась пшеничная мука, а тесто было то же самое, что и для выпекания хлеба, не сдобное. Рыба могла использоваться любая, за исключением ельца и сороги, так как рыба «слишком костлявая». Предпочтительней всего была красная рыба, щука, хариус либо налим. В селе Паново Кежемского района считали, что с чешуёй пирог вкуснее, так как «чешуя сок даёт». Её можно удалить (выгрести) из будничного пирога после того, как его вскрыли. В праздничный пирог кладут рыбу без чешуи. Рыбу обильно засыпали нарезанным полукольцами луком, так чтобы он полностью накрыл её.

Пирог закрывался целиком «крышкой», после подачи на стол верхнюю корочку отламывали или срезали, а рыбу вынимали и ели. «Крышку» порой не употребляли в пищу, например, в селе Дубынино Братского района отдавали собакам. Такой же обычай – отдавать собакам корки, в которых запекали рыбу, – существовал и на Чуне [Воробьёв, 2023, с. 462-463]. Ценилась в этом блюде запеченная сочная рыба, а не хлебная часть.

Стоит отметить, что ангарцы запекали гальянов («мандыш») в тесте или под взбитыми яйцами в русской печи. Такое блюдо называлось «мандышник» и было зафиксировано Г.В. Афанасьевой-Медведевой в селе Недокура Кежемского района, а также в поселке Невон Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2023а, с. 262-264]. «*Не чистили даже их (гальянов), да. И всё. И запекали. Мандышники называли. Вкусно! Я бы счас поел!*», – вспоминал Василий Перфильевич Москвин, 1928 г.р., из поселка Невон Усть-Илимского района.

Но не одним рыбным пирогом были сыты ангарцы. Излюбленным пирогом также был черёмуховый, для приготовления которого предварительно запаривали черёмуховую муку и выстилали её на тесто. После чего пирог смазывался сметаной и запекался в русской печи.

В рационе ангарцев также существовали овощные пироги. Корнеплоды, такие как брюква (бухта) и морковь, отваривали, рубили и добавляли в пироги. Пироги с рубленой капустой – «капусники», когда капусту рубили, добавляли к ней сметану, поджаривали и добавляли в пироги. Картофельные пироги с луком: с вареным яйцом; с творогом, «печены́е» с разной печенью, например, с налимьей (макса), «соковые» с толчёным конопляным семенем; грибные из свежих маслянок или солёных рыжиков. Помимо больших пирогов готовились и пирожки: овощные, ягодные и с печенью. На Средней Ангаре существовали блюда с названием «тарочки». В селе Большеокинское Братского района так называли пирожки треугольной формы с ягодами. В деревне Кобляково Братского района это была заварная каша из черёмуховой муки с сахаром, которую засыпали в деревянную посуду.

Из пшеничной муки пеклись также «шаньги» – скатанные булочки из сдобного теста, покрытые «налёвкой». «Налёвка» представляла собой сметану или «пахтонье» (сыворотку) с простоквашей, которая солилась и клалась поверх «шаньги», и поливалась сметаной. Также существовала «налёвка» из толчёного картофеля с молоком; сырная «налёвка» с творогом и яйцами; крупяная, когда размачивали «паренки» с молоком и смазывали яйцом со сметаной. В пост ели «си́мяны шаньги» с семенами конопли,

которые толкли и замешивали с тёплой водой, после чего выкладывали на тесто.

К празднику Сорока мучеников выпекали обрядовые изделия из теста. Изготавливались ковриги ржаного хлеба с запечённым крестом, а также фигурки домашних животных (коровы, овцы, свиньи, собаки) и птиц (жаворонок). Часть изделий готовилась также в Великий четверг. Такая выпечка скармливалась скоту. В деревне Яркино пекли жаворонков и журавля, после чего отдавали его детям, и они шли на гумно, проговаривали наговор и съедали его [Ермолаев, 2020, с.120].

Блины готовились из овсяной муки, пшеничные вошли в кухню ангарцев намного позже, гречневые не встречались, так как гречка почти не выращивалась на Ангаре. В русской печи блины не переворачивались, так как печь равномерно прогревала тесто. Блины не фаршировались, но могли подаваться с рыбьим жиром или сметаной. Также делали «яишной блин»: к яйцам, сливкам и маслу добавляли ложечку муки, смешивали и запекали на сковороде в русской печи. Такой блин готовился без молока [Савельев, 2022, с.176].

Из пшеничной муки готовили хворост. Тесто нарезалось полосками и обжаривалось в масле. Такое угощение играло роль мелкого печенья к чаю и являлось принадлежностью праздничного стола.

Повседневная кухня ангарцев включала также каши на пшеничной муке: «заваруха» и «мушна каша» (мучная каша), разница состоит в том, что «заваруха» варится на воде, а мучная каша на молоке, хотя в некоторых районах не видели разницы и все называли «мушной кашей» либо «заварухой». Рецептура мучной каши достаточно простая. Сначала в кастрюлю наливают немного воды «под молоко», затем добавляют молоко и порционно всыпают муку, тщательно размешивая после каждой порции, после чего каша варится всего 2-3 минуты. Во время добавления муки могут образовываться комочки, которые можно не разбивать, тогда внутри комочков будет оставаться не проваренная мука, что даст каше особый пшеничный вкус. Виктор Фёдорович Ступин, 1948 г.р., из деревни Банщиково Усть-Илимского района, рассказал секрет приготовления каши без комочков: «*Варили мучную кашу.*

Ну, вначале молоко, а потом, когда муку засыпают, чтобы не было этих катышек, этих комочков, раскручивают, и вот это называется мутовка. Нет, уже посыпали сверху, а потом крутят. Чтобы все равномерно размешалось». Вкус каши зависел от вкуса исходных продуктов, например, сладость каше придавало деревенское домашнее молоко, а сахар не использовался, так как старались класть в другие продукты. «Заваруха» готовится посредством засыпания муки в горячую воду сразу в большом количестве, и заваривают её до густой, плотной консистенции. Когда такие каши подают на стол, то делают углубление в центре под масло [Горшков, 2024, с. 234-241].

На Верхнем Приангарье, в Боханском районе, мучной каши не было, но был «саламат». Старожилы ошибочно считают его бурятским блюдом, хотя он существовал и в западной части России под названием «саламата». Вероятней всего, это блюдо вернулось русским от бурят, когда первые его уже позабыли. Вместо молока кипятилась сметана, а когда на её поверхности появлялось масло, то к ней добавлялась мука. Старожилы отмечают, что не каждый мог есть эту кашу, так как она очень жирная и сытная

В некоторых районах Среднего и Нижнего Приангарья была также «затируха», готовящаяся из муки и яиц, которые терлись до консистенции комочков и просеивались через сито, так чтобы вся мука высыпалась и остались только похожие на хлопья крупинки. После чего их высыпали в кипящее молоко и отваривали.

Ярко выраженное влияние речных ресурсов на питание ангарцев Нижнего и Среднего Приангарья прослеживается в большом разнообразии рыбных блюд и в отношении самих ангарцев к рыбе. Рыба на Ангаре употреблялась в пищу почти вся, но стоит заметить, что выше Братска был только осётр, а в Усть-Удинском районе и осётр переставал встречаться. Наличие красной рыбы в рационе выработало отношение к другим видам рыбы, например, пескарь на Нижней и Средней Ангаре в пищу употреблялся редко, его использовали в качестве наживки, на Верхней Ангаре его ели. Рыба употреблялась в любом виде: жареном, сушеном, замороженном и консервированном (солёном).

То, что у современного горожанина вызовет отвращение, для ангарцев – часть культуры. «*Самое исконное блюдо, любимое, аж*

слюни текут – рыбка с душком», – вспоминала Верхотурова Надежда Карловна, 1948 г.р., из деревни Кежма Кежемского района. Ферментированная рыба – «рыба с душком» является традиционным блюдом на всей территории Ангары. Получалось такое кушанье естественным путем. При подтаивании льда в леднике соленая рыба – елец, сорога, щука, хариус – начинала бродить, приобретая особый вкус. Но на Верхней Ангаре ели только «душного» байкальского омуля, вероятно, это связано с тем, что он доходил до потребителя уже в такой кондиции. Любовь к такой рыбе является отличительной чертой коренного ангарца.

Замороженную рыбу ели в двух видах как «расколотку» и «строганину». «Расколотка» представляла собой замороженную рыбу, которую перед употреблением отбивали обухом топора или молотком, от чего мясо меняло свою структуру. Для приготовления «строганины» рыбу чистили, а перед употреблением её строгали.

Экспедицией 1957 г. было зафиксировано, что в селе Братск рыбу сушили и коптили. Для сушки ельца приспосабливали старую морду (рыболовную ловушку): вырезали в ней стенку, превращая её в решетку, на которую плотными рядами укладывали потрошеную рыбу. Вечером рыбу убирали в печь, где поддерживался легкий жар. Рыбу присаливали и досушивали прямо в печи. Налима предпочитали вялить на солнце. Копчение рыбы происходило несколькими способами. Иногда для этого использовали высокие бочки: у них убирали дно, сверху делали отверстие для выхода дыма, а сбоку прорезали дверцу. Огонь разводили прямо под бочкой. В качестве альтернативы рыбу коптили прямо в печной трубе. Таким способом чаще всего готовили ельца и хариуса [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 473. Л. 1-530].

Из щуки и окуня ангарцы готовили рыбный студень. Вначале рыбу потрошили и отваривали, не отделяя от чешуи. Затем её вытаскивали и очищали от чешуи, а получившийся отвар оставляли вместе с чешуёй, которая давала клейкость холодцу. На последнем этапе рыбу заливали получившейся жидкостью, а чешую выбрасывали и холодец выносили на холод. Студень также готовили из чешуи сороги, которая при кипячении и замораживании образовывала студнеобразную массу.

На Ангаре также готовили «щербу» (уху на сковороде) и «суховарку» – разновидность ухи из сушеной мелкой рыбы. Также рыбу просто запекали в печи на сливочном масле, например, в Кежемском районе очень любили запеченных ельцов, которых потрошили, но голову и хвост обязательно оставляли.

Для современного человека отношение ангарцев к чёрной икре шокирующее, так как они её мало ценили. Как рассказала Игнатова Людмила Ивановна, 1949 г.р., из деревни Кежма: «*Сто лет назад её вообще и не ели здесь, в Кежемском районе поросятам скармливали, свиньям, потому что считали нехорошей икрой*». Верхотурова Надежда Карловна (1948 г.р., деревня Кежма Кежемского района) долгое время жила там, где не ловили осетровых, и она вспоминала, как первый раз увидела чёрную икру. Когда её муж прислал банку с Усть-Илимского района, она на вопрос, понравилась ли, ответила: «*Ты чё, издеваешься? Уронили в грязь! Оказывается, это икра такая*».

Из свежей икры, окуня, ельца и сороги готовили особое блюдо – «икряник», представляющий собой запеченный омлет с икрой. Готовили «икряник» таким образом: примерно пол-литра икры, очищали от плёнок путем «вымывания» (взбивания) мутовкой [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 4263. Л. 1-93]. Отдельно 4-5 яиц тщательно взбивали, заливали примерно половиной стакана молока (или сливок, сметаны), добавляли столовую ложку муки, соль. Во взбитую икру добавляли яично-молочную (яично-сливочную) смесь, хорошо перемешивали, выливали в смазанную маслом сковороду, которую помещали в горячую печь. Носители традиции отмечали, что нарезали «икряник» не сегментами круга, как торт, а полосками через всю сковороду, которые затем разрезали поперёк.

Только в советское время в мясном рационе населения стали преобладать говядина и свинина, до этого времени преобладало мясо, добываемое на охоте. Мясо домашней птицы употребляется редко, в основном её держат из-за яиц, которые используются как для отдельных блюд, так и для употребления в отварном или жареном виде. В таёжной зоне распространено употребление в пищу сохатины и оленины, а также мясо дикой птицы. А.П. Ермолаев отмечает, что на начало XX в. ангарцы медвежатину не

ели, а лишь продавали мясо приехавшим политическим ссыльным [Ермолаев, 2020, с.166].

На Верхней Ангаре, в лесостепной зоне, где дикое мясо достаточно редкое, в пищу русских старожилов во второй половине XX в. попадает конина. Это можно связать и с влиянием коренного населения – бурят. Но в деревне Харюзовка Балаганского района старожилы еще в 1957 г. рассказывали, что конину нельзя есть. «Нам не показано». Объясняли это тем, что, по преданию, «конь выгреб копытом мальчишку (Иисуса Христа), а свинья подошла и зарыла», и «Господь сказал: «Пропустите через огонь и ешьте!».

Мясо имело сезонный характер, так как забой собственной скотины проводился после окончания всех земледельческих работ. Поэтому такие блюда как котлеты и пельмени готовились на зиму и являлись по большей мере праздничными блюдами.

Весной сохатину сушили: мясо нарезалось на пластинки, сушилось в русской печи, а потом вывешивалось на чердаках, преимущественно весной, когда отсутствовали насекомые. В Боханском районе старожилы отмечали, что аналогичным способом сушили говядину, так как сохатые не водились на Верхней Ангаре. Говядина была более жилистой, и мясо получалось хуже по качеству. Несмотря на то, что мясо фактически сушилось, а не вялилось, старожилы называют его «вяленкой». Александр Васильевич Скурихин, 1937 г.р., из деревни Бедоба Богучанского района, вспоминал о том, как его бабушка сушила мясо: «*На противне мясо нарезано. Она туда его, и сушит. И хорошо она подсаливает его. И в один ящик слаживает. Внуков-то много было. Всем охота. Раз – открывает, мы по карманам хвать. И на весь день в кармане мясо есть, погрыз – опять*…».

Субпродукты тоже употреблялись пищу. Во многих деревнях широкое распространение получила кровяная колбаса. Кровь, собранная во время забоя скота, солилась для продления срока хранения, после чего использовалась для начинки колбасы из свиных кишок. Говяжий желудок, или брюшина, также использовался в пищу. Он состоял из нескольких слоев и назывался «книжкой», его тщательно обрабатывали – скоблили добела и отваривали. Вероятно, такое явление появилось уже в позднее время.

Ели и субпродукты дикого зверя. Например, сохатиную губу ценят за её вкусовые качества. Её долгое время, до четырех часов, варили в чугунках, после чего её можно было употреблять в пищу [Афанасьева-Медведева, 2013б, с. 280]. В Усть-Удинском районе, на Верхней Ангаре, охотники ели и прямую кишку сохатого. Сергей Семёнович Федюнин, 1951 г.р., деревня Ясачная Хайрюзовка Усть-Удинского района, отозвался об этом блюде так: «*Это очень дорогой деликатес*». Употребление в пищу прямой кишки сохатого, причем только в этом районе, может объясняться влиянием коренного населения. Это блюдо едят сразу после добычи лося. Кишку промывают, выворачивают и опаливают на палке на костре. Внутренний слой выгорал, а оставался только внешний, который сразу ели. Говорят, это было вкуснее, чем даже сохатиная губа.

В рационе ангарцев были и картофельные блюда. Запеченный толчёный картофель на Верхней Ангаре называли «драчёной». На Нижней и Средней Ангаре «драчёна» это блюдо, состоящее из толчёного картофеля, молока, яиц и сметаны, которое дополнительно запекалось в русской печи. Как из варёного, так и из сырого картофеля готовились драники. Причём варёную картошку толкли, формировали лепёшки и жарили на масле в сковороде. Интересен тот факт, что в некоторых местах была только «драчёна», а в тех местах, где её не было, были драники. Одновременно эти два блюда встречались редко.

Супы готовили в чугунках в русской печи, где они томились до полудня, чтобы к обеду были готовы. Самым распространенным супом были «шти» (современные щи). В зависимости от сезона в них использовали как свежую, так и квашеную капусту. Щи неизменно заправляли мукой и обязательно добавляли лук, который не пережаривали. В пост мясо заменяли конопляным маслом. В Братском районе был распространен местный вариант — «крупяные щи» с добавлением ячменной крупы [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 1-93]. Ангарцы, отправляясь в поездки на «извоз» (перевозку грузов), брали с собой вареные щи, предварительно заморозив их и уложив в мешки: в пути это позволяло быстро разогреть еду в котелке.

Летом ели окрошку – холодный суп из нарезанных овощей, который заправлялся сметаной и обязательно квасом. Если было мясо, то добавляли вареное мясо, засоленное в кадках, никакой колбасы, как сегодня, раньше не добавляли.

Повсеместно на Ангаре крестьяне собирали грибы. Особой ценностью обладали рыжики и грузди. «*Ну и то, в основном, брали рыжики и грузди, а такую всякую белиберду, в принципе, практически не брали. Грузди быстро набираются, а рыжики не каждый год, ну зато вкусные*», – рассказала Рукосуева Анна Кондратьевна, 1938 г.р., из деревни Червянка Чунского района.

Галина Иннокентьевна Фекисова, 1946 г.р., из деревни Тенга Братского района, рассказывая про грибы, отметила: «*Грузди собирать легче, а рыжики просто сильно вкуснее*». Позже маслята стали тоже употреблять в пищу. Некоторые старожилы рассказывали, что и их не собирали, так как считали «поганками». Галина Васильевна Мартынова, 1947 г.р., из села Дубынино Братского района, рассказала, что у них ценились грузди и рыжики, а другие грибы стали собирать намного позже: «*Потом уже, как называли, всякие охобóтьи стали собирать, до сих пор. Мне даже детишки говорят,что охобóтье пошли собирать*». Надо заметить, что именно от Богучанского до Братского районов в основном и собирали рыжики и грузди. На Верхней Ангаре и в Мотыгинской районе, помимо вышеупомянутых грибов, более активно вошли в культуру употребления прочие грибы: подосиновики, подберезовики, обабки и т.д. Бытовал на Ангаре традиционный грибной суп – «губница» из солёных грибов, и «грибница» из свежих. Грибы мелко нарезались и отваривались, после чего добавляли картофель и лук.

Особыми лакомствами у ангарцев являлись «паренки» и «творожники», которые готовились из продуктов собственного производства. «Пáренки» – пареные в чугунках репа и бухта (брюква) – встречались повсюду на Ангаре. Овощи разрезали, варили в чугунках, потом воду сливали и парили в печи на противне, пока не высохнет. В Усть-Илимском районе «паренки» после приготовления подмораживали, что делало их еще слаще. «А раньше брюкву садили, так мама наварит, зимой «паренки» на мороз вытащит. Ой, вкуснятина!» – вспоминает Лидия

Михайловна Чупрова (Ступина),1941 г.р., из деревни Эдучанка Усть-Илимского района.

Лакомство из замороженного творога со сметаной, сверху «приправленное» ягодами, называлось «творожниками» (от Братска и далее вниз по Ангаре) или «сырчиками» (выше Братска и вверх по Ангаре), стоит отметить, что между селами Кеуль и Воробьёво Усть-Илимского района это лакомство называют «сырниками».

Сырчики, д. Кумарейка Балаганского района. 2025 г.

На Верхней Ангаре была «кулага», которую готовили из ржаного солода с сушеными ягодами. Солод использовали вместо сахара. Процесс приготовления солода включал несколько этапов: проращивание семян ржи, сушка и перемалывание. Для приготовления кулаги солод настаивали в кипятке. Верхние ангарцы считали кулагу самым вкусным лакомством. Стоит сказать, что на Верхней Ангаре, богатой луговой растительностью, держали пчёл.

В селе Братск сушеную черёмуху парили в сусле в печи. Черёмуха разбухала и становилась похожей на вишню. Такое лакомство ели ложками из общей чашки. [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 1-93]

Чай также закупался в небольших количествах, а когда его не было, употребляли различные заменители. Заваривали чагу – берёзовую губу. Пили «прилезь» – вещество, добываемое из гниющей берёзы и настаиваемое на кипятке. Особым образом готовили травяной чай «белоголовник»: траву сушили, затем запаривали настоем кирпичного чая в корчаге и два дня парили в печи; после вновь высушивали и заваривали. Если не «заморить» кирпичным чаем, напиток сильно пах травой [Савельев, 2022, с. 172].

Неотъемлемой частью русской традиционной кухни являются кисели. Овсяный кисель, распространенный на территории всего Приангарья, готовился путём запаривания овсяной муки, которую оставляли кваситься в тепле на несколько суток, затем процеживали его и заливали кипятком. На Верхнем Приангарье этот кисель называли «бурдуком». Также в Приангарье бытовал молочный кисель. Молоко кипятили и добавляли в него картофельный крахмал, предварительно замоченный в воде.

«Бурдук» как отдельное блюдо был характерен для Нижнего Приангарья. В его основе лежало кислое ржаное или ржано-пшеничное тесто, которое заливали водой, перемешивали и оставляли до появления осадка, который называли «илом». Осадок сливали в отдельную посуду, а тесто заливали еще несколько раз, сливая этот осадок, после чего его заливали кипятком или кипящим молоком. В результате получался густой кисель, который употребляли в пищу как самостоятельное блюдо или использовали как основу похлёбки с сухариками. На Средней Ангаре такого кушанья не было.

Повсеместно на Ангаре бытовал варенец. Молоко томили в печи, пока не покраснеет, затем остужали и добавляли ложку сметаны, после чего получившееся топлёное молоко сквашивалось, и его убирали в холод. Варенец предпочитался на покосах, так как он хорошо утолял жажду и достаточно сытный. На Верхней Ангаре его называли «тарак», что является заимствованием из бурятского языка.

Изготавливали ангарцы и алкогольные напитки: самогон, пиво, брагу. Для приготовления пива «квасники» заливали кипятком, сутки томили в печи, затем разводили мукой и холодной водой. «*Нагреют воду, потом чтоб сверху пена, зола вниз. Пену исчерпали, чистую водичку делают, квасники эти размачивают, замачивают опять. Всю посуду собирают, квашонки какие у кого. Ну а если из-под ельцов, из-под этой рыбы, она будет пахнуть - её не берут, а посудину от капусты, огурцы в которой. Мать три-четыре ушата туда несёт, заваривает это, раскваси*т. *Они, эти квасники, запреют, потом они эту чашу вот в чан. В чан сложат, сколько там надо, они дополняют опять горячей водой. Горячей водой почему? Потому что надо, чтоб тоже всё вместе закипело*», – рассказывал Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района [Афанасьева-Медведева, 2025а, с. 50]. Полученную массу процеживали в чан, где её доводили до кипения раскалёнными камнями, после чего в сусло добавляли варёный хмель и оставляли бродить. Готовое пиво сливали через специальное отверстие в чане с соломенным фильтром, а гущу хранили в холодной воде до месяца и использовали для варки киселя, заваривая кипятком. Существовало также более слабое «булошное пиво», для которого вместо хмеля использовали смоченный в дрожжах кусок булки [Савельев, 2022, 174-175].

Для производства самогона использовали подмороженную картошку, которую варили в чугунках и засыпали в кадушку. К картошке добавляли небольшое количество овса. Кадушку закрывали крышкой. И внутри начинался процесс брожения. После того как все настоялось, начинали перегонять. Некоторые гнали самогонку с помощью чугунков в русской печи. По воспоминаниям Иннокентия Степановича Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района: «*Также брали чугунок, стоит на шестке в русской печи, второй переворачивают и дырочку делают в нём, вставляют трубочку, мы использовали от старого ружья, и подставляют что-то, и на огне капает*». На Верхней Ангаре обычный русский самогон называли «тарасун», так же назывался у бурят их алкогольный напиток из ферментированного кобыльего молока.

Система хранения продуктов в ангарских усадьбах базировалась на использовании двух основных помещений: подполья под жилой избой и «ледника» под амбаром. В зимний период основным хранилищем служило подполье, где держали овощи – картофель, морковь, репу, брюкву, а также соленья и грибы. Квашеную капусту оставляли в холодных сенях, лук и закваску для хлеба – в голбце, только закваску размещали на уровне пола, где было прохладнее.

С наступлением тепла, в апреле-мае, оставшиеся запасы переносили в «ледник», куда предварительно завозили лёд с Ангары. Лед таял медленно, сохраняя до начала осени умеренно прохладную, плюсовую температуру в «леднике», что позволяло использовать его как современный холодильник. Там хранили мясо в тузлуке (соляном растворе), соленую рыбу, квас, кисломолочные продукты, а в более теплых районах на Верхней Ангаре – также закваску для хлеба. Старожилы отмечали, что иногда картофель в «леднике» слегка подмораживался, и всё лето они ели его сладким.

В летний период подполье очищали и проветривали через отдушины, а в зимнее время при отсутствии льда в «леднике», благодаря небольшой плюсовой температуре, в нем порой хранили рыбу и мясо. Хлеб же традиционно держали в амбаре или сенях, особенно зимой.

2.7. Водный транспорт

До того как каскад гидроэлектростанций затопил долину реки, Ангара была одной из самых своенравных рек Сибири. Вытекая из Байкала, она уже в истоке несла мощный поток, а на пути к Енисею пробивалась через холмистую и горную местность. В некоторых местах ширина реки превышала два километра, и там, где реку сжимали скалы, возникали пороги – участки с большим перепадом высоты, бурным течением и торчащими из воды валунами. Зимой река замерзала, но лёд намерзал неровно: его ломало, переворачивало, и он вставал торосами – глыбами до трёх метров высотой. В таких условиях легко было заблудиться или наткнуться на полынью. Не замерзал только стремительный Падунский порог: два километра этого водного пути суда пролетали всего за две минуты. Крутые скалы во многих местах обрушивались в воду, образуя водовороты – «уловы» со множеством небольших пещер. Водоворот втягивал в себя всё, что проплывало мимо, а потом выбрасывал изрядно искорёженным. Когда проплывали суда, поравнявшись с уловом, гребцы удваивали свои силы, чтобы избежать опасности. Когда вода убывала, обнажались подводные камни, что делало навигацию ещё опаснее. Братский краевед И.И. Воротников писал о трудностях преодоления порогов в 1867 г.: «Порогов на Ангаре довольно много, особенно: Похмельный, Пьяновский, Падунский, Долгий. В Падунском высота падения воды 7 сажень (около 15 м). В селе Падунском, что в 30-ти верстах (32 км) от Братского острога, против которого находится порог, суда разгружаются и пустые переплывают его; товары же отвозятся ниже версты на две (2 км), и там нагрузив, продолжают свой путь» [Воротников, 1902б, с. 3].

Более спокойной была верхняя часть Ангары от истока до Братского острога. Участок пути от Братского острога до устья реки Илим представлял наибольшие трудности для судоходства. Всё среднее течение Ангары было труднопреодолимым из-за порогов, перекрывающих путь по воде, здесь суда разгружались, и груз перевозили по суше, минуя опасные участки. Нижняя Ангара также имела ряд порогов, хоть и в меньшем количестве.

Один из очевидцев, М. Карымский, в книге «Через Ангарские пороги с караваном чаёв» 1892 г. так описывал прохождение Падунского порога: «Падение воды в главных воротах Падунского порога на протяжении полутора вёрст мы пролетели в один миг, не успев оглянуться. Насколько сильно впечатление, производимое этим яростным чудовищем, видно из того факта, что многие робкие люди падают в обморок или же стараются закутаться в одеяло и не выглядывать на свет Божий. Капитан Калистратов, известный своими неоднократными плаваниями по Ангаре, рассказывал мне, что при спуске на паровом катере в 1882 г. ему оторвало рулевой цепью указательный палец правой руки, и он не почувствовал совершенно боли в этой руке, пока катер не очутился под порогом…» [Близнецы парового века].

На Братских порогах. Фото Э.Д. Брюханенко. 1950-х годов URL:https://dzen.ru/a/Z5ReG-Sk1B-wVci6 (дата обращения 02.03.2026)

Во второй половине XIX в. идея создания полноценного речного пути обрела экономический смысл, сухопутная перевозка товаров по Московскому тракту между Китаем и Россией обходилась слишком дорого. В 1861 г. иркутское и енисейское купечество объединилось, чтобы на свои средства провести исследования Ангары и обустроить водный путь. В это же время были

начаты работы по изысканию трассы будущей железной дороги, одновременно продолжались исследования Ангары. Тогда же было найдено решение, как обойти непроходимый Падунский порог, он один из немногих, который суда не могли преодолеть с грузом. Их в обязательном порядке разгружали, а потом заводили далеко вверх по течению и оттуда направляли в «ворота» порога. По выражению местных жителей, иногда «спускали одни доски». Все другие пороги по Ангаре до Енисея суда проходили, не разгружаясь.

В 1870-х годах экспедиция Министерства путей сообщений выявила на реке 79 препятствий: 22 мелких места, 8 порогов – каменистых участков с бурным течением и резким падением уровня воды, 27 шивер – мелководных участков с быстрым течением и каменистым дном, 17 «быков» – скальных берегов, круто обрывающихся в воду, где сильное течение создавало навал воды на скалы, 5 «кармагулов» – подводных камней [Распопина, 2022, с. 365].

Такое количество затруднительных для судоходства мест насчитывали не все работавшие на Ангаре экспедиции, их подсчёты иногда очень сильно отличались, и всё же было принято

Лодки долбленки в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2024 г. ОФ-4456/1. ОФ-4280/1. Братский городской объединенный музей

решение расширить фарватер, взорвав часть огромных валунов в порогах. Для подъёма пароходов против течения пригнали туеры – буксиры, наматывавшие на лебёдку прочную цепь, уложенную на дне реки, что позволяло пароходам преодолевать сильное течение. Однако цепи часто рвались, а прохождение порогов оставалось смертельно опасным. Падунский порог планировали обойти каналом, но проект оказался слишком дорогим. Тогда нашли другое решение: проложили два километра узкоколейной железной дороги с двумя пристанями, где грузы перегружали с одного судна на другое, минуя порог. Платформы двигали вручную или с помощью лошадей.

А.А. Макаренко пишет, что по Верхней Ангаре перестали плавать уже в 1889 г. А с открытием регулярного движения по Транссибирской железнодорожной магистрали к началу XX в. туерное пароходство на Ангаре не выдержало конкуренции и закрылось. Река тогда победила.

Ангарцы, местные жители, давно приспособились к своенравной реке. Лодки были почти в каждом дворе, а иногда

Заготовка лодки долблёнки, д. Бада Братского района. 1957 г.
НА ИЭА РАН 52640. Институт этнологии и антропологии

несколько маломощных хозяйств объединялись вокруг одной. В зависимости от потребностей и местных традиций, сложилось несколько типов деревянных судов от простой рыбацкой лодочки до большого грузового судна: долблёнки, шитики, стружки, илимки, карбасы, банки.

Заготовка лодки долблёнки возле бани, д. Банщиково Нижнеилимского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 12942. Институт этнологии и антропологии

Лёгкими, быстрыми и манёвренными были лодки-долблёнки. Один человек мог вытащить её на берег и опрокинуть, и она могла вместить даже 8-12 человек, старались делать лодки попроще [НА МАЭ РАН. Ф.37. Оп. 2 Ед. хр. 426. Л. 1-93].

По Ангаре их делали повсеместно, выдалбливая из цельного бревна осины прямо в лесу: осину валили, снимали кору, вырубали слой за слоем почти до дна. Чтобы случайно не сделать дыру, для определения толщины стен будущей лодки проверчивали отверстия в стенках и туда вставляли заметные сосновые сторожки со смолой. Когда доходили до них, дальше уже не долбили. Доделывали лодку уже у дома, делали два козелка, на них укрепляли лодку и разводили костёр, нагревая таким образом бока лодки, их расширяли упорами. Лодку всё время смачивали водой, чтобы она не сгорела. Если осина была большая, можно

Шитики на берегу Ангары, д. Гольтявино Кежемского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 12545. Институт этнологии и антропологии

обойтись без дополнительных набоев, если маленькая, то к бортам прибивали доски гвоздями. Когда долблёнка была расширена до нужных размеров, её укрепляли «упругами» (шпангоутами) и

Изготовление шитика, д. Бадарма Нижнеилимского района. 1959 г. МАЭ И 1830-350. Музей антропологии и этнографии

смолили как изнутри, так и снаружи, используя кисточку из конского волоса. Спустя три дня её сталкивали в воду. Управляли лодкой-долблёнкой двухлопастным веслом или шестом.

Изготовление шитика, д. Дворец Енисейского уезда. 1904 г.
РЭМ 773-75. Российский этнографический музей

Но самыми распространёнными лодками на Средней и Нижней Ангаре были «шитики». Делали их из сосны. Плоская доска в качестве киля лодки называлась «денница», к обоим концам денницы крепили по одной «карге» (штевень). По бокам к деннице прибивали «набои», как правило, две доски, и сверху ещё одну доску прикрепляли для борта. Лодка была по размеру долблёнки – от трёх до семи метров. Из-за прямых бортов визуально казалось, что нос и корма шитика задраны вверх. Внутри конструкцию лодки укрепляли обязательно «упругами» (шпангоутами), они были из кривых сучьев и корней. «*Денница – это такое бревно, цельное, пополам его раскалывали, вытёсывали, чтобы прямая доска, плаха, …шириной 20-25 см, …получается,*

где-то около четырёх-пяти метров в длину сама денница была. До появления моторов были одинаковые что нос, что корма…по 8-10 кулей свободно в лодку кладёшь и едешь. На рыбалку на них же ходили», – вспоминал Иван Михайлович Московских**,** 1930 г.р., из села Московское Братского района.

Управлялся шитик двухлопастными вёслами на уключинах в носовой части. На Средней Ангаре такую лодку, с деревянными уключинами с обеих сторон, старожилы называли ещё «весловухой» – по бортам лодки прибивались «подушки», так называли бруски из толстых досок, в которых просверливались отверстия, куда вставлялись деревянные штыри. В рукояти вёсел вбивались железные скобы для крепления их на уключинах. На корме второй гребец использовал двухлопастное весло, но больше правил им, нежели просто грёб [Агапитова, 2025, с. 95].

Поздние шитики с транцами, д. Сыромолотово Кежемского района. 2017 г.

Мутовина Екатерина Петровна, 1936 г.р., из деревни Каменка Богучанского района, с детства помогала изготавливать шитики. «*А потом выросла, когда жила у их, 18 лет прожила и замуж не собиралась, а потом всё-таки вышла. Так вот пилили, с дятем пилили лес, и делали по 8, по 10 лодок делали. Потому что надо было как-то жить, а у ей, у сестры, семеро детей».* Она рассказала некоторые подробности, что доски для лодок пилили продольной пилой, а перед тем как прибивать набои, их крепили «жомами» (струбцинами).

Шитики на Нижней Ангаре воспроизводили до конца XX в., только на набои уже использовали железо, а на корме делали транец под мотор. Вместо смолы стали использовать вар на основе гудрона [Ендовицкий, 2024, с. 136].

Лодка. Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 52372. Институт этнологии и антропологии

На Верхней Ангаре шитиков не было. Там лодки так и называли – «лодки», отличались они тем, что вместо прямых бортов продолжали нашивать набои, и внешне получалась немного другая форма лодки. Шитики, которые были крупнее и шире, с бóльшим количеством набоев, называли в Усть-Илимском районе «конскими». Те же шитики в Кежемском районе называли «трёхнабойками», а в Братском районе – «набойницами». И те и другие служили для перевозки животных и других крупных грузов, а также с них предпочитали «неводить» на Ангаре, то есть рыбачить с неводом. По воспоминаниям старожилов, длина их была от семи и до десяти метров.

«*Набойки-то? Вот тёс, денница.* – Денница – это дно? – *Дно, а к деннице три тесины проколачиваются, это называются трёхнабойки, а на которых вы ехали – это двухнабойки. Денница и две тесины сбоку и третья прямая. И с двух сторон там.* –

Я.А. Говорин в небольшой лодке, д. Корсаково Нижнеилимского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 12327. Институт этнологии и антропологии

Узкий нос был у такой лодки? – *Узкий, корма тоже острая была.* – Корма острая и нос тоже острый? – *Но, а счас корма обрезана для мотора, а тогда этого не было. Длина восемь метров. Ширина полтора метра, даже шире будет. Выдерживала полторы тонны*», – объяснял Михаил Степанович Брюханов, 1924 г.р., из села Заледеево Кежемского района [Афанасьева-Медведева, 2013б, с. 78].

«Стружками» (Кежемский район) и «малыми шитиками» (Усть-Илимский район) назывались маленькие шитики, которые управлялись одним двухлопастным веслом.

«Илимками» называли большие шитики, точные размеры которых назвать сложно, но с уверенностью можно сказать, что они были намного больше шитика, и на них перевозили много груза. Длиной 10-20 м, шириной до 5 м и высотой до 3,5 м, грузоподъёмностью до 5-6 тонн. По конструкции они были с транцем в кормовой части. «*Вот, допустим, двадцать пять центеров, вот такая лодка делана.* – Сколько она такая длиной, примерно, илимка? – *Ну, примерно, эта илимка шириной метра… метр восемьдесят, примерно, такая шириной, так.* – Метр восемьдесят?

А в длину? – *И в длину девять метров, десять*. – И двадцать пять центнеров? Хлеб там, что ещё везли? – *Да, а что нагрузят*», – рассказывал Егор Иванович Кокорин, 1920 г.р., из поселка Кежма Кежемского района [Афанасьева-Медведева, 2010а, с. 304].

Крытая лодка, д. Сизово Нижнеилимского района. 1959 г. МАЭ И 1830-382. Музей антропологии и этнографии

По другим рассказам, *илúмка* могла вмещать до 40 центнеров груза: «*А летом была лодка крытая, деревянная большая лодка была, центнеров сорок в неё грузят*», – говорил Егор Михайлович Анкудинов, 1927 г.р., из села Кеуль Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2008а, с. 335].

Л.М. Сабурова указывает, что лодки-илимки использовались для перевозки груза водоизмещением в 800-900 пудов (13-14 т). Вверх по течению их тянули бечевой, а вниз лодки шли под парусами. Лодкой управляли с помощью руля и двух больших вёсел – гребей. Артельщики тянули лодку бечевой, идя по берегу и поочередно стояли на корме [Сабурова, 1967, с. 54].

Оборудована она была длинными однолопастными вёслами и стационарным кормовым веслом, шестом, трапом для загрузки и разгрузки, и часто устанавливалась мачта. Долгое время у илúмок

сохранялись на мачтах деревянные флюгера на шарнирах, обтянутые тканью. «*И вот начинают, трап же, вот вы* счас *по трапу… а у них там специальный трап, сделанный как лесенка, доски на каждой, разгружать лес-то надо (к берегу же к самому кры́тая лодка не подойдёт*», – рассказывала Ефросинья Ивановна Сизых, 1932 г.р., из села Ёдарма Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2014в, с. 249]. Характерная особенность илимок – крытая надстройка в центре лодки, чтобы груз не промок.

«Ка́рбазы» – тоже грузовое, широкое (до 3 м) судно, но, в отличие от илимок, короче и без крытой части в центре лодки. Вмещали более 20 человек, но использовались в основном для перевозки скота и различного груза на Средней Ангаре. По конструкции, так же как и на шитике, к деннице прибивали по одной карге, но набоев было намного больше, они продолжали широкое дно, и последние набои, чуть загибаясь, выполняли роль бортов. Устанавливалось стационарное рулевое весло на корме, как и у илимок.

«Карбас был остроносый, делали его из лёгкого дерева – сосны, кедра, из брёвен метров 8 длиной. Ширина денницы была сантиметров 40. К доннице приделывали на деревянный шип

Карбас. Картина И.М. Московских. Написана по фотографии сделанной близ с. Московское Братского района

коловоротом упруги, которые потом разводили и обшивали снаружи тёсом. Карбас имел в ширину 2-3 метра, в длину доходил до 13 метров. К карбасу приделывали нос из кривули. Карбас поднимал до 200-300 пудов груза (3-5 т) или до 10 лошадей» [НА МАЭ РАН. Ф.37. Оп. 2 Ед. хр. 429. Л. 254-360].

Грести мог как один человек двумя веслами, так и двое одновременно, то есть каждый за своим веслом. «*Вот карбаз большой (лодка такая деревянная), посадят нас от таких от шестилеток, семилеток, восьмилеток, ребятишек, в летнее-то время перед сенокосом... И вот они нас насадят полную эту перевозню, человек двадцать, и две женщины с нами, а она была тоже на этих, на весёлках (весёлко грести-то), эта перевозня*», – вспоминала Анна Михайловна Сизых, 1936 г.р., из поселка Недокура Кежемского района [Афанасьева-Медведева, 2010б, с. 366].

Кроме перечисленных лодок в Братском районе делали так называемые «банки». Считается, что когда-то давно здесь их сменил карбаз, но к середине XX в. они вернулись в обиход. В 1957 г. один мастер делал банки для Братска, Лучихи, Красного Яра, Филиппово, Большой Мамыри, Степново.

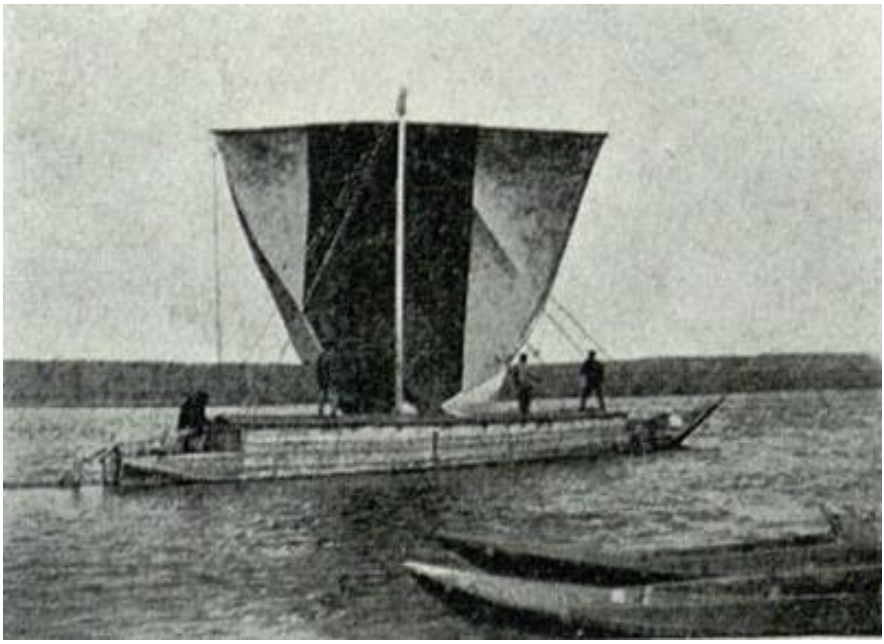

Переправа на лодке через реку Ангару, д. Кеуль Нижнеилимского района. 1959 г. МАЭ И 1830-390. Музей антропологии и этнографии

Банки были похожи на распространенные во многих местах «барки». Брали множество крючьев, то есть стволов с корнями под прямым углом и прибивали к ним «деревянными гвоздями» тёс, и получалось плоскодонное судно с бортами под прямым углом. Нос у банки делали острый, сзади широкий. Банка была предпочтительнее, так как она подходила ближе к берегу, и лошади из неё выпрыгивали на берег. Тянуть банку лошадям по воде также было легче, плоскодонная, она сидела в воде не так глубоко, как карбас, но карбас более быстроходен [НА МАЭ РАН. Ф.37. Оп. 2 Ед. хр. 429. Л. 254-360].

В Кежемском районе для этих же целей использовали похожие «плоскодонки». А в Илимске и вовсе ограничивались плотом для перевозки сена, которое косили далеко от села. Переправляли по 25-30 центнеров сена в Илимск. Плот несло по течению со скоростью 30 км в сутки. Управляли шестом [там же].

Передвижение по Ангаре и Илиму, в зависимости от типа местности, осуществлялось на вёслах, бечевóй, на шестáх, под парусом: «*Где на грéбях гребёшься, где бечевой тоже. Где кусты*

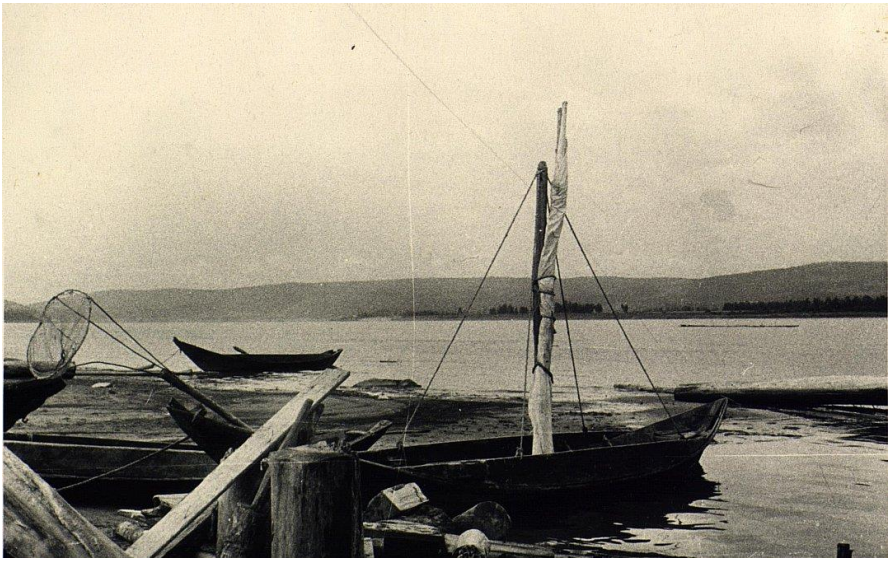

Илимка под парусом [Макаренко, 1913, рис. 6]

вырублены, там на гре́бях гребёшься, тянешь бечево́й. А где невозможно, яры́ вот эти, там уже бечево́й никак не пройти, потому что яр, понимаете, залез в яр, скалы такие вроде бы. На вёслах потом. На вёслах… А где человека скрывает, дак там уж на вёслах да на шестах, на палках переталкивашься…» – вспоминал Михаил Степанович Брюханов, 1924 г.р., из села Заледеево Кежемского района [Афанасьева-Медведева, 2013б, с.78].

Парус использовали только в некоторых районах, где против течения Ангары дула подходящая «низовка». «*Ну, где вот так пройти нельзя, если бечевой, садятся и на вёслах идут. А когда уж повезёт, то ветер. Оне тогда уже ставят парус. Вверх когда идут. Когда низовка тянет, то парусом. Ну, парусов тоже, не у кажного же были паруса, тогда токо у богатых были парусато… И ветер, и шли быстре, чем пешком шли*», – рассказывал Анатолий Миронович Косолапов, 1932 г.р., из поселка Кежма Кежемского района [Афанасьева-Медведева, 2010б, с. 256].

Паруса делали из плотной ткани, старались делать из льна ввиду его прочности. Порой, применение паруса было намного шире: «когда производили «бой» рыбы, ночевали прямо на

Шитик с парусом, д. Гольтявино Кежемского района. 1959 г.
НА ИЭА РАН 12975. Институт этнологии и антропологии

Шитик под парусом. АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2025 г.

берегу: на земле расстилали парус, на него клали привезённую с собой постель. Если выпадали осадки, лодку вытаскивали на берег и из неё и паруса устраивали укрытие, под которым и спали.

Другой способ передвижения на лодках против течения был с помощью бечевы – верёвки длиной от 30 до 100 метров. Один конец крепили к носу шитика через высокий изогнутый прут «лучок», который давал возможность привязать верёвку повыше, чтобы она меньше цеплялась за камни, а другой конец тянули на берегу «тягольщики», так называли людей, тянувших лодку бечевой. В случае с грузовым судном верёвку крепили к мачте, а обратный конец привязывали к лошадям. Лошадьми нужно было управлять верхом, часто это доверяли подросткам, чтобы для лошади была меньше нагрузка. Работа эта была опасной. «*Я-то бегал бечевой. Я и тягольшшиком был, до Кежмы ходил. Дак, бывало, эти тягольшшики-то ноги ломали, рассекали этим подковами кони-то всё. Конь-то не утонет, если он улетел, опеть на берег пловёт. А ты-то улетел, за седло имасся или за коня имасся. Ну, я два раза падал тоже вместе с конём в Ангару. И тоже ногу рассекал*», – вспоминал Василий Перфильевич Москвин, 1927 г.р., из поселка Невон Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2007б, с. 370].

Перетаскивание плоскодонки бичевой на конях, д. Банщиково Нижнеилимского района. 1959 г. МАЭ И 1830-465. Музей антропологии и этнографии

«*Раньше крытолодки были, на конях тянули, груза возили. Две лошади тянут. Тягольшишики были ребятишки, ну лет по двенадцать, по тринадцать. Навершно сидят на лошадях, тянут верёвкой. А верёвки были лышные. Драли талинник, сдирали шкуру, мочили там, а потом вот из его пряли верёвку. Лык, называется лыко. Якорники делали из его. Он крепкий*», – рассказывала Устинья Лазаревна Романова, 1918 г.р., из села Большеокинское Братского района [Афанасьева-Медведева, 2025б, с. 213].

Чтобы не натирать плечо, под бечеву подкладывали старую одежду, но когда тянули грузовые лодки, часто использовали лямку из бересты или других материалов. Например, Егор Кузьмич Безруких (1932 г. р.) из посёлка Манзя Богучанского района рассказывал о бечеве и лямке, которую у них делали из камуса (шкура с голени оленя или лося): «18 километров надо было по Ангаре вверх лодку тащить, …лямки в основном с камаса да кожаные».

«*Ну а бывало, что и тонули ребята. У нас в Карапчанке Мареи Герасимовны парень утонул на лошаде. Лошадь как сдёрнуло сильно. Она перевернулась в воду, и её понесло, и сразу в вал, а потом пронесло вал-то, ну чё, она ожила, лошадь-то. Как ниже-то*

Берестяная лямка, д. Гольтявино Кежемского района.1959 г. МАЭ И 1830-1225. Музей антропологии и этнографии

стало, там её поймали, ничё лошадь встала. А его только потом нашли. Когда он всплыл, выплыл в Карапчанке, и там его в Симахиной поймали», – вспоминала Анна Егоровна Барахтенко, 1930 г.р., из села Карапчанка Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2008б, с. 452].

На мелководье лодкой управляли с помощью упорных деревянных шестов. Мутовина Екатерина Петровна, 1936 г.р., из деревни Каменка Богучанского района, говорила «шестились». Отталкивались шестами длиной до трёх метров, которые были с железными наконечниками, «как же, такой он же быстро износится». Некоторые старожилы называли шесты «бадагами»: «*Перед осенью хлеб завозили на себе. На бадагах, моторов не было, пихалися. В первы года на лошадях вьючно завозили, а потом на бадагах по речке, по Ёдорме. Всякоразно. А потом уж где на моторе, где на бадагах подойдёшь. Где мелко – бредком ташишишь лодку*», – рассказывал Валентин Петрович Зарубин, 1930 г.р., из села Кеуль Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2007б, с. 134].

На реке с бурным течением невозможно было обойтись без якоря, а так как железо было в дефиците, смекалистые ангарцы придумали каменные якоря, к ним привязывали с двух сторон

верёвками вырубленные части стволов с сучьями. Крепкий и острый сук якоря уходил глубоко, обеспечивая сцепление с дном реки, а тяжёлый камень выполнял еще и роль штока, не давая возможности якорю переворачиваться. Таким образом закрепляли лодку на одном месте, утяжеляли самоловы и перемёты во время рыбалки, чтобы их не унесло течением. Железные якоря появились позже, их также использовали на Ангаре.

Передвижение шитика при помощи шеста.
АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2025 г.

Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района, рассказывал и о других приспособлениях, которые не встречались в рассказах старожилов. Деревянный трап «на три упруга» – настил из досок между шпангоутами («упругами») на дне лодки, длиной соответственно расстоянию между ними для удобства передвижения в самой лодке, иногда рыбу укладывали под трап, чтобы она лучше хранилась, и при выходе из неё – он легко вытаскивался. Можно было его убрать при необходимости. Съёмными приспособлениями были и нашестки на брусках – деревянные доски-лавочки, крепившиеся на распорках, для гребцов. Чтобы вычерпать воду, попавшую в лодку, пользовались берестяным ковшиком («чумашек»).

В деревнях по Ангаре, расположенных рядом с порогами, занимались лоцманством. Лоцманы знали с детства характер реки и могли провести суда через самые труднопроходимые участки.

Ангарские лоцманы на казенном пароходе [Макаренко, 1902, с. 7]

Легко определяли способности любого судна пройти порог. Понимали, насколько его надо разгрузить, отбалансировать, и в какой траектории заходить в порог. Говорят, что, когда купцы отказывались от услуг лоцманов, всё местное население уходило ниже по течению. Чтобы вылавливать товары с корабля, будучи уверенными, что он разобьётся о камни порога.

«*А лодка (грузовая) – это не то что ши́тик, раз! – и повернул. У нас дед Кирила сам подымал. Герасим Савватеевич там, в зятья́х, он тоже этим делом занимался. Спускал и поднимал. Ему пло́тят. И триста рублей до Нижнеили́мска идти. Триста рублей запло́тишь, так он тебе подымет и спустит ло́дочку*», – вспоминал Егор Михайлович Анкудинов, 1927 г.р., из села Кеуль Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2008а, с. 336].

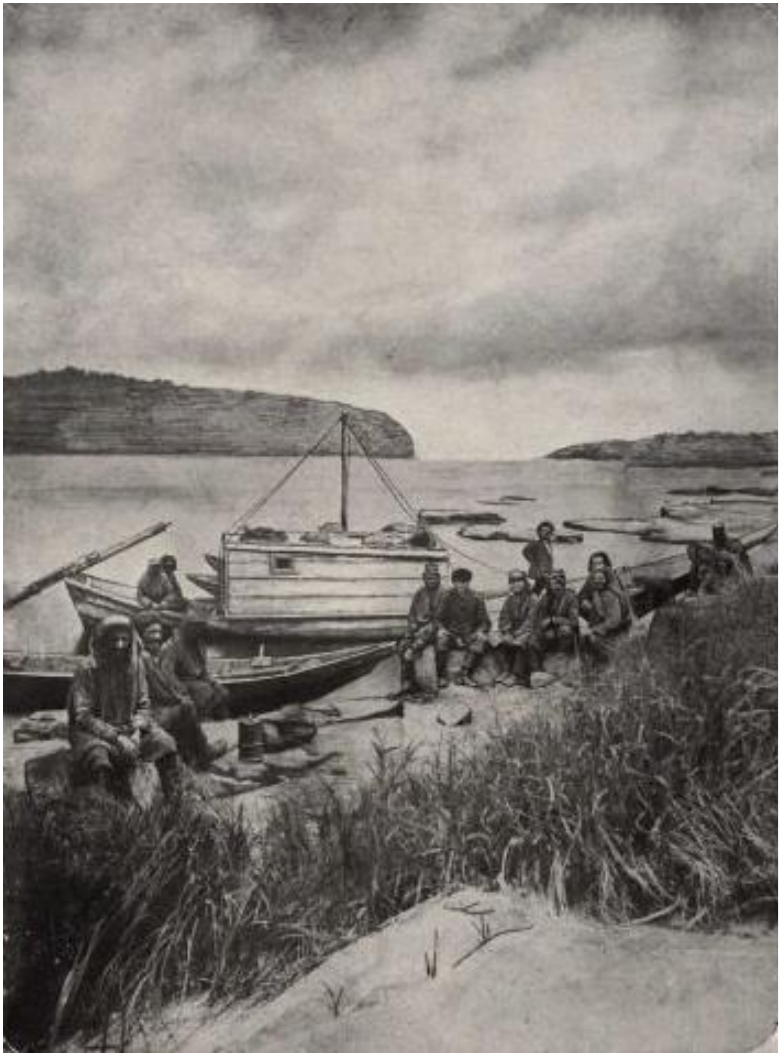
О том, насколько это была тяжелой и опасной работой, можно узнать из рассказа Виктора Фёдоровича Ступина (1948 г.р., деревня Воробьёво Усть-Илимского района) про то, как преодолевали Симахинский порог на реке Илим недалеко от впадения в Ангару. От крытой лодки протягивали длинную бечеву, которую

тащили по берегу более двух десятков человек. Руководил всем лоцман на корме судна, правил её рулевым веслом и командовал гребцами. Между грузовой лодкой и берегом вдоль бечевы курсировала небольшая лодка. «*Вот эта лодка контролирует бечеву, чтоб она не западала за камнем. Два руководителя: один, который связь имеет с лодкой, а другой руководит вот этими людьми. Она держит бечеву, запала бечева – поднять надо.* – А если не поднять, что с ней будет?

-Дальше движения не будет. Расстояние большое, и по воздуху она не идет, по воде местами».

Отцеплять веревку от препятствий было непростой задачей: «*А уже в мою бытность утонула девушка с этой, с Банщиковой… Вот как я вам говорил, бечеву она отцепляет, бечева запала, она её старается вытащить из-под камня. А здесь напряжение сильное идёт, и лодка напряжена, и когда бечева старается прямую линию свою выбрать, человека выкидывает с лодки.* – Как тетивой, да? – *Вот черновские шли, тоже Иннокентич рассказывает, девушка стояла на лодке, выручала, а мужики тут на корме, и так на гребях. Так один мужчина успел её схватить за волосы, затащить в лодку, иначе был тоже конец*».

Если гребцы не справлялись с выравниванием судна, то приходилось отцеплять бечеву и начинать путь заново: «*Вот ещё такое было изречение «лодка пошла в зарочь». Не слышали? Ну то есть, другими словами, в реку пошла, то есть поперек встала, пошла в зарочь. Я разговаривал, он сейчас покойник, Садзяк, наших прадедов, его и моего пригнали сюда вместе. Он рассказывал, как они тянули, уже лошадьми тянули, не людьми, как здесь это. И на лошади пацан сидит, может, лет 14 или скоко, обязательно нож у него в ножнах. И вот этот человек, который идёт, или тот, кто командует, например, бывает, что лодка пошла в зарочь, и уже не вернуть никак. Надо что делать? Чтобы не повредить людей, лошадей, обрезали бечевую. Лодка сплывала ниже, они там гребли, руководили, и снова этот путь начинали*», – рассказывал Виктор Фёдорович Ступин, 1948 г.р., из деревни Воробьёво Усть-Илимского района.

Поднялись порог [Макаренко, 1902, рис. 17]

«*Вот на бухте ездили в Симахину, грузами из Нижнеилимска ходили. Там порог был через Илим. С деревень брали людей и лошадей, и лошадями подымали порог. Так он бил, не дай Бог! У меня сестра девятнадцати лет утонула в этом пороге, на бухте ездила*», – вспоминала Екатерина Николаевна Сизых, 1927 г.р., из поселка Невон Усть-Илимского района [Афанасьева-

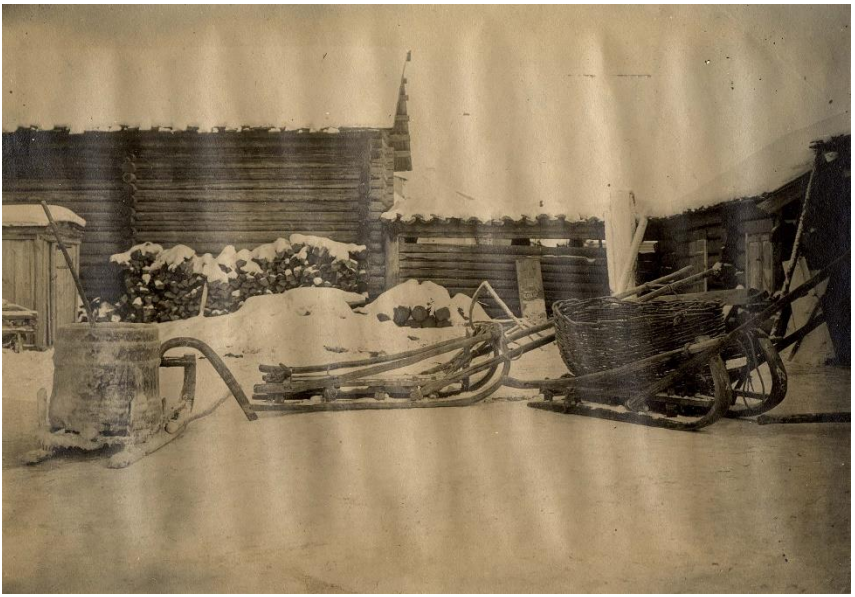
Медведева, 2010а, с. 54]. Надо заметить, что Симахинский порог в Приангарье был не самым сложным.

Вот так ангарцам постоянно приходилось преодолевать полную изоляцию Ангары, это был путь, политый потом и кровью. Сохранилась байка падунских лоцманов: «Путешественник, преодолев Пьяный и Похмельный пороги, спрашивает у лоцмана: «Всегда ли благополучно проводишь ты суда?». Тот отвечает твердо: «Всегда, потому что мы знаем каждый камешек на реке, на том стоим с малолетства… Да вот иногда беглые плывут на плотах вниз по Ангаре, мы им кричим всегда с берега: «Вечная память, ребята!» [Опасные Ангарские пороги]. Смысл шутки заключался в том, что ниже Пьяного и Похмельного порогов, если их прошёл рисковый путешественник, предстояло преодолеть ещё Падунский, на котором он точно утонет.

История водного транспорта на Ангаре – это яркая иллюстрация того, как природные условия определяют уклад жизни. На протяжении трёх столетий река оставалась единственной транспортной артерией региона, но со своими труднопроходимыми порогами была и фактором консервации. Ангара долго не позволяла развернуть полноценное судоходство, но этим сохраняла архаичные элементы местной культуры и закаляла характер ангарцев, привыкших к постоянному риску.

2.8. Гужевой транспорт

Главной транспортной магистралью на Ангаре была … сама Ангара, но зимой по ней на лодках не поездишь, да и между некоторыми деревнями были вполне обычные дороги. Поэтому крестьяне использовали достаточно большой ассортимент различного гужевого транспорта, имевшего свои местные особенности.

Сани, с. Богучанское, Енисейского уезда. 1911 г. КККМ ОФ 10426/500. Красноярский краевой краеведческий музей

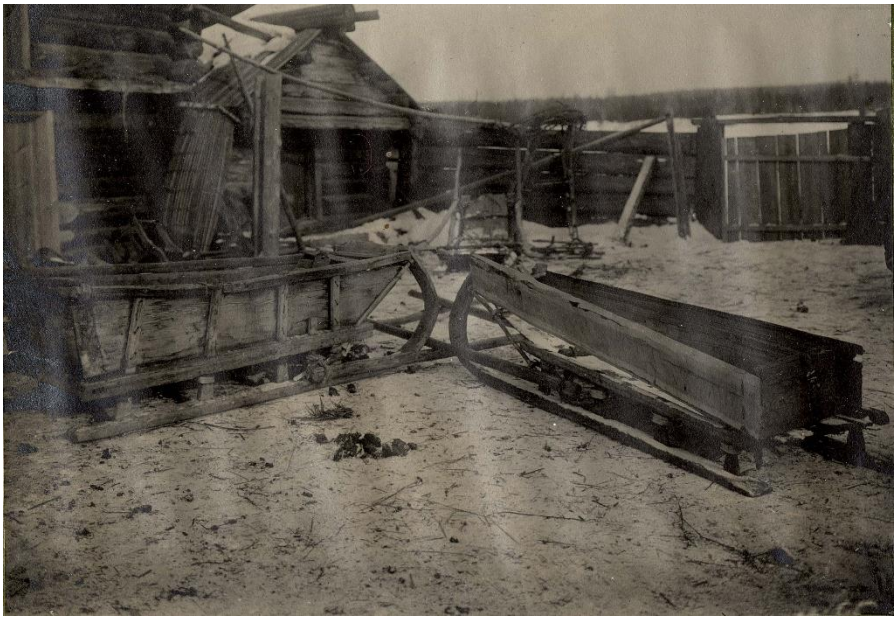
Зимой Ангара вся была покрыта торосами, порой настолько высокими, что не было видно окружающих берегов. Дорога представляла собой узкий и извилистый путь, прорубленный через торосы, по льду речек и склонам хребтов. Дорогу, проходившую по льду, отмечали воткнутыми по её сторонам елочкам. Михаил Егорович Погодаев, 1952 г.р., из деревни Седаново Усть-Илимского района, рассказывал, как торосы располагались на реке. «*Турос от берега отойдёт, в основном с середины турос начинался. Потом по краям расходился, до самого берега он не доходил. У берега в основном гладь, гладко было. На конях ездили, и от Подъеланки до Седананово, и до Шаманки ездили*».

Подсанки для перевоза леса. Иркутская область. 1957 г.
НА ИЭА РАН 52728. Институт этнологии и антропологии

Сани как зимний вид транспорта были хорошо приспособлены к езде по местным дорогам. Для перевозки грузов использовались сани-дровни. Они были небольшие, короткие, с узко расставленными «отводинами», т.н. два бруса, с каждого борта соединяющие переднюю и заднюю часть саней. Из-за малой длины полозьев такие сани часто бились и опрокидывались [Ермолаев, 1911, с. 112]. Чтобы предотвратить излишний износ и улучшить скольжение, полозья старались укреплять дорогим для того времени железом. Для перевозки длинных брёвен к саням сзади подвязывались подсанки с выструганными, а не гнутыми полозьями. Были ещё пассажирские разновидности саней как «облук» или «пошевни». Спинки и борта у таких саней обшивались лубом или тёсом. Бытовали также кошевы, выездные, праздничные сани, верхняя часть которых была оббита рогожей или кошмой. Кошевы были длиннее обычных саней, так что в них можно было лежать в полный рост.

Сугубо для перевозки груза как зимой, так и летом использовались «волокуши». Волокуши – прототип саней, по сути, соединенные между собой две жерди. На них возили лес, кадки с водой, сохи и другие сельскохозяйственные инструменты. [Ермолаев,

Сани «пошевни» и сани «облук», с. Богучанское Енисейского уезда. 1911 г. ККМ в/ф 7930/2. Красноярский краевой краеведческий музей

1911, с. 113]. Для перевозки сена использовались «мётла», представляли из себя простые длинные жерди с поперечинами, чтобы сено не рассыпалось по пути, его перехватывали верёвками. Копны сена перевозились к зароду также и «потаскухой» – простой верёвкой, привязанной к гужам.

Бытовали также обычные санки, в которых перевозили относительно небольшой груз силами одного человека. «Обшивёнки» назывались так, потому что борта создавались обшитыми досками, с подобными санками ходили на рыбалку. Среди разновидностей санок выделяются охотничьи нарты – длинные узкие санки с одной оглоблей, с которыми относительно удобно можно было пройти по лесным тропам. Такие санки

Волокуша. Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 52475. Институт этнологии и антропологии

охотник тащил, прицепив их к наспинным носилкам (понягам) и придерживая оглоблю, чтобы нарты не наехали на него [Сабурова, 1967, с. 42]. Летом по таким же тропам проходили на лошадях с двумя перекинутыми через спину вьюками.

Летний транспорт представлял разновидности четырех- и двухколёсных телег. Четырёхколёсные телеги были типичными для любой местности страны, использовались как для перевозки груза, так и людей. Интересной разновидностью телег была

Волокуша. Иркутская область. 1957 г.
НА ИЭА РАН 52561. Институт этнологии и антропологии

«арба». Её особенностями были высокие борта и разница в размере колёс, задние были больше передних. Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района, застал подобный вид транспорта: – Это что за телега? – *Такая телега называлась арба́, у нас-то а́рба, вот такая же четырехосная. Значит, здесь это мертвое колесо, мертвая ось, а здесь ось на шарнире, и вот отсюда, от этой, где чека на шарнире, ось на шарнире, она через верх уходит.* – Чтоб поворачивать, да? – *Да, и вот здесь, где чека на оси, здесь одевается повод железный, тяга, так повернешь, чё это все сломается, усиленно, а вот здесь*

Четырехколесная телега в упряжке, д. Гольтявино Кежемского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 52557. Институт этнологии и антропологии

гребенка врезана в оглоблю… смотря, на какую попадет, вот, поворачивает, поворачивает за счет тяги, а это же сломается и все. – А тут обязательно решетка сверху, кузов такой, да? – *Здесь еще под низом общая связь, не только держит короб, а есть от одной оси до другой, вот так.* – Ну а тут кузов обязательно, да? – *Ну, и все в рост человека, вот такой почти, на полныя новинки подаваешь снопы-то, потом в сушилку возишь, снопы-то я же возил.*

- Здесь борта обязательно на арбе, да? – *Ну, конечно, борта обязательно, высокие, она в развал еще вот так идет».*

Двухколёсный вид транспорта, называемый «беда», представлял собой передок с длинными оглоблями. Под сидением на оглоблях устраивается небольшой помост для ног. Такие экипажи на двух колёсах удобны на узких лесных дорогах. Использовались как сугубо пассажирские, в них вмещалось до двух человек [Воробьёв, 2023, с. 471]. Искушенные современники отмечали, что данные двухколёски были громоздки и неудобны как для хозяина, так и для лошади [Ермолаев, 2020, с. 51].

Изготовление телеги. Иркутская область. 1957 г.
НА ИЭА РАН 52476. Институт этнологии и антропологии

На Верхней Ангаре были ещё разновидности двухколёсок. Таратайка – у неё общие с кузовом оглобли, которые лежали на «крюках», соединяясь с осью, бывали разновидности на железном ходу и с рессорами. На таратайке кузов, называемый «самосвал», не имел заднего борта, чтобы проще выгружать. Для этого кузов был отбалансирован так, чтобы, отвязав веревку, он опрокидывался назад.

Повозка двухколесная (одноколка) с бочкой для доставки воды, д. Ярки Енисейского уезда. 1912 г. КККМ в/ф 7812/50. Красноярский краевой краеведческий музей

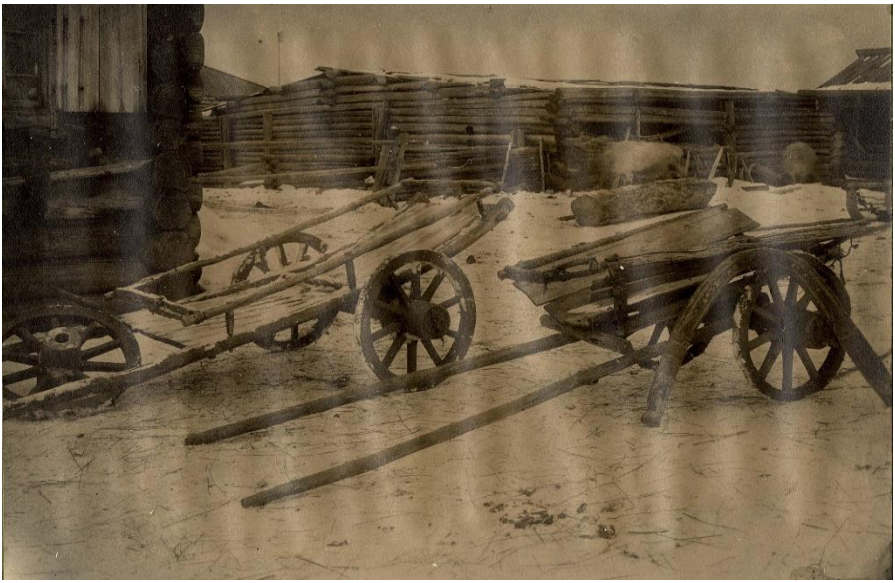
На таких возили гальку для посыпки дорог. В шутку таратайку в Олонках Боханского района называли «братская арба». Ездили в ней в плохую погоду. «Одер», в отличие от таратайки, был

Одёр. Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 52408. Институт этнологии и антропологии.

напрямую соединён оглоблями с осью. В основном «одра» использовались для перевозки снопов и сена. «Ходок» – тот же одер, только с коробом для поездок в гости [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1247. Л. 487], [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1262. Л. 8].

Полозья и дуги ангарские крестьяне изготавливали из березы в теплое время года. Если делали это ранней весной, то заготовки из березы клали в горячий навоз, поздней весной и ранней осенью парили в специальных корытах с горячей водой. В подобных корытах воду кипятили либо при помощи раскаленных камней, либо ставили под корыто печку и в него выводили трубу, от которой нагревалась вода. В конце весны для этого никакого подготовительного этапа не требовалось, берёза сама по себе была насыщена влагой.

Телеги, с. Богучанское Енисейского уезда. 1911 г. КККМ в/ф 7930/2. Красноярский краевой краеведческий музей

Гнули полозья и дуги на специальных приспособлениях – «бало». Представляли они собой массивный брус с вырубленными в них формами для полозьев и дуг. Начинали сгибать

Гнутье полоза в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2025 г.

переднюю часть полоза при помощи клиньев, забивавшихся в пазах «бало», прижимая заготовку с изгибу. Задняя часть полоза укреплялась в форме при помощи колышков – «пяло». В таком положении полоз оставлялся на несколько дней. После высыхания полоз дорабатывался до конца и шёл на изготовление саней. «*Дуги много же, столько же лошадей, дуги надо и зимой и летом, в телегу запрягать с дугой, в жатку запрягать…* – А в жатку? – *В жатку, нет, там дышло было, вот, в арбу запрягать, возить, тоже надо, в сеялку тоже две надо будет.* – Ну а дуги так же гнули, как полозы? – *Так же, там же, в том же месте, только другой,*

Гнутьё дуги, д. Невон Нижнеилимского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 12776. Институт этнологии и антропологии

Гнутье полозьев для саней, д. Баньщиково Нижнеилимского района. 1959 г. МАЭ И 1830-75. Музей антропологии и этнографии

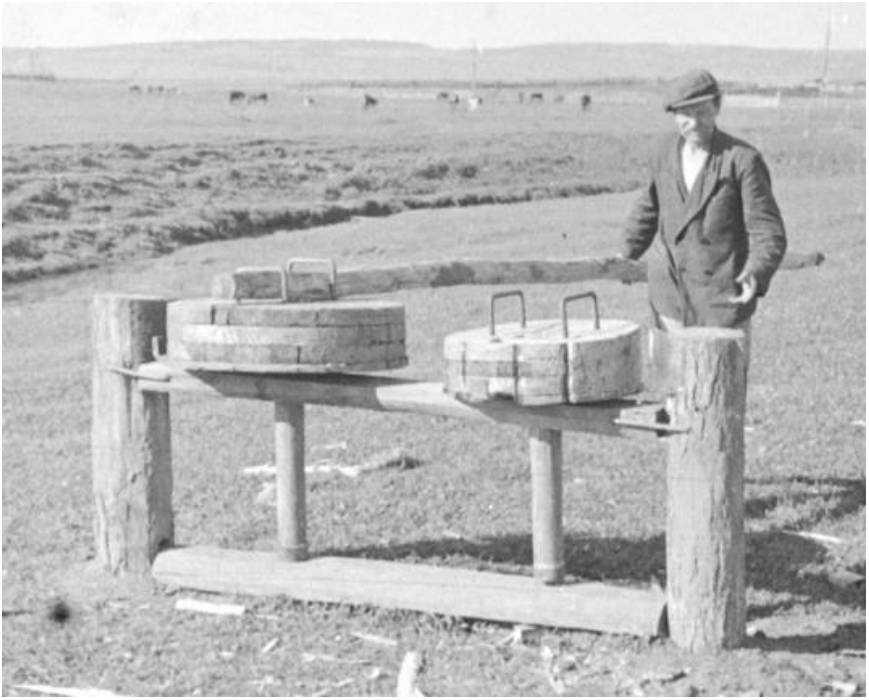

«Парник» для распаривания полозьев, д. Корсаково Нижнеилимского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 12648. Институт этнологии и антропологии

другой стоит станок. – А берёзу, какую надо было брать? – *Берёзу выбирали. Дедка Степан велел рябчатую выбирать. Ну, толстую берёзу поколешь, может не получиться, она вот такая, потом опять изведёт, гнули подходящую по диаметру, да потом её стешат*», – рассказывал Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района. Так как местные дуги были непрочными, в воде «расхлябывались». По возможности покупали привозные дубовые.

На праздники любили использовать резные расписные дуги с изображением гроздьев винограда. Особую слабость ангарцы питали к колокольчикам, которые навешивали по три штуки на дугу. Праздничные дуги в основном местными не делались, привозились из Харькова, Томска [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1253 Л. 832; НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1253. Л. 889].

Колёса изготавливались из берёзовых кривых корней. На одно колесо шло четыре части корня, ступицы отделывались топором. С начала XX в. появились станки для гнутья деревянных ободьев на колёса. Местные условия вынуждали использовать

Станок для гнутья колес и дуг. Иркутская область. 1957 г.
НА ИЭА РАН 52477. Институт этнологии и антропологии.

разнообразный транспорт, приспосабливая его для каждого занятия, типа перевозимого груза или к особенностям бездорожья. Местный быт, отдаленность от крупных ремесленных центров и небольшое разнообразие пород деревьев повлияли на образ транспорта, который так сильно помогал ангарцам в их ежедневном труде.

2.9. Смолокурение

Большое значение в хозяйстве ангарских старожилов имели продукты сухой перегонки дерева — смола и дёготь. Их использовали не только для собственных нужд, но иногда и на продажу. Смолой конопатили лодки, а при строительстве смолили столбы. Дёготь же применяли для смазки колёс, телег и упряжи, для защиты обуви и кожаных изделий, а также при выделке шкур. В быту его ценили и как средство против гнуса. Виктор Фёдорович Ступин, 1948 г.р., из деревни Воробьёво Усть-Илимского района, вспоминал: «*В то время дёготь для чего нужен был? Потому что держали скот, очень много гнуса было, мошка. Как один ссыльный говорил: "Всё могу перенести, но эта маленькая мушка не даёт жизни". Мошка была*».

Дегтярня и смолокурня, с. Кежма Енисейского уезда. 1904 г.
РЭМ 773-121. Российский этнографический музей

Широко использовался дёготь и в народной медицине. Им лечили лишаи, нарывы, золотуху, кашель; применяли как наружное средство при воспалениях, а также принимали внутрь – по каплям

или с молоком. Как говорила Анна Михайловна Зарубина, 1930 г.р., из села Кеуль Усть-Илимского района: «*А лишай, мы дак берёзовым деготком его… Намажешь – и через третий раз всё, весь лишай уйдёт»* [Афанасьева-Медведева, 2008, с. 243-244].

Выгонкой смолы и дёгтя занимались преимущественно старшие члены семьи, часто старики, им помогали дети и подростки, постепенно приучавшиеся к этому ремеслу [Сабурова, 1967, с. 57].

Навес для защиты ямы, д. Чурилово Нижнеилимского района. 1928 г. [Леонов, Леонова, 2009, рис. 147]

Смолу «гнали» в специально устроенных цилиндрических ямах глубиной до двух с половиной метров. В яму ставили кадушку с крышкой, в которой имелось отверстие. Крышку замазывали глиной, сверху укладывали мелко расколотое смольё, поджигали и закладывали камнями. В течение суток древесина тлела, и смола стекала в кадушку. Екатерина Петровна Мутовина, 1936 г.р., из деревни Каменка Богучанского района, описала этот процесс: «*Смолили, да. Надо еще найти эти… Не корень… Комель… Пеньки, вот, смолёвые – шибко достать надо. Искать. В бочку*

накласть… Палочками. И вот поджигали: рядом накладут и снизу закрыть землей сначала эту бочку (железную). И вот в этой бочке дырочку делают, перевернут и зажигают дрова… Рядом накладывают. А снизу сделана труба. По этой трубе бежит эта смола…». Образующиеся при выделке смолы угли использовали в кузницах.

Уместно предположить, что смольё заготавливали во время раскорчёвки новых участков под пашню. Сырьём для добывания смолы служили сухие сосновые деревья вместе с корнями («сушенина»), заготовку которых вели, как правило, в середине и в конце лета. Также использовалось «колотьё» – отходы производства дранья, получаемые из ядровой части сосновых деревьев.

Заготовка материала (корневищ и бересты) для гонки дегтя и смолы, д. Банщиково Нижнеилимского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 54342. Институт этнологии и антропологии

В этих же ямах «гнали», «сидели» или «выпаливали» дёготь. Для собственных нужд крестьяне «сидели дёготь» в среднем по три-четыре дня, получая при этом одно ведро дёгтя в день [Афанасьева-Медведева, 2014а, с. 365]. Заготовка материала происхо-

дила с конца мая по начало июля. Со «свирепой» берёзы с толстой корой снимали кору пластами – «трубицами», затем бересту изрубали топором и укладывали в яму.

Дно ямы промазывали глиной, обкладывали листами бересты или камнями, чтобы дёготь не впитывался в землю, а стекал в поддон. Порубленную бересту укладывали плотно, иногда утаптывали ногами. Сверху яму поджигали и наглухо закрывали землёй, навозом или травой. Чтобы береста не горела, а тлела, доступ воздуха ограничивали, присыпая землёй. За этим процессом следили старики. Для защиты от дождя строились небольшие навесы, а также ограды, вероятно, защищавшие от проникновения домашней скотины [Леонов, 2009, с. 252].

Котловой способ был менее трудоёмким: бересту укладывали в металлический или глиняный сосуд, который ставили в печь или яму и нагревали со всех сторон; дёготь стекал по трубке в подставленную посуду.

В отличие от центральных и поволжских губерний, где смолокурение и дёгтегонка во второй половине XIX в. приобретали промышленный характер, организовывались в артелях, регулировались властями и давали продукцию на большие рынки, в Приангарье эти занятия сохраняли крестьянский, ремесленный характер. Смолу и дёготь гнали, главным образом, для собственных нужд деревни, избыточные количества обменивались или продавались в пределах округа.

2.10. Витьё верёвок

Верёвка на протяжении веков являлась незаменимым предметом в повседневной жизни крестьян: в строительстве, рыболовстве и судоходстве. Изготовление верёвок было распространённым ремеслом, требующим определённого мастерства и знания свойств материалов. Сырьё для верёвок подбиралось в зависимости от доступности и нужд. Чаще всего крестьяне использовали растительные волокна, такие как конопля, лён, ива, а также материалы животного происхождения, например, конский волос. «*Из конского волоса... Она (верёвка) не намокает, она не гниёт*» (Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., село Московское Братского района). Это делало его ценным в условиях повышенной влажности, например, в судоходстве и рыбной ловле.

Прядение веревки Н.Д. Храмцовым, с. Большеокинское Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 52707. Институт этнологии и антропологии

Верёвки также вили из коры ивы, которую на Ангаре называли лыком, но они были менее прочными и требовали предварительного смачивания перед использованием. «*Из лыка-то, делали, из талины брали, выбирать надо хорошую талину, чтобы*

лыко без сучка было, когда лыко обдирают ... там сок, и это лыко обдираться, и вьют ... мочили, когда ей (веревкой) пользоваться надо», – рассказал Колпаков Николай Александрович, 1938 г.р., из деревни Гольтявино Богучанского района.

Прядение веревки в д. Ярки Енисейского уезда. 1914 г. КККМ в/ф 781257. Красноярский краевой краеведческий музей

Витьём верёвок занимались преимущественно мужчины, а использовалась специальная для витья верёвок прялка, которую изготавливали самостоятельно. При работе ось такой прялки вбивают в стену или в столб. Для начала берется небольшой кусок веревки или прядь волокна, который накручивается на вал прялки. Конец пряди распушается, чтобы облегчить соединение с последующими пучками. После этого волокно закрепляется на крестовине прялки на месте специальной зарубки. Прялка должна вращаться с минимальными усилиями, но при этом важно поддерживать равномерное натяжение, чтобы волокна правильно скручивались. Когда прялка начинает закручиваться, берется новый пучок подготовленного материала, распушенный на конце, и

аккуратно накладывается на уже скрученный участок веревки. Важно, чтобы волокна были хорошо расчесаны и выровнены, иначе веревка будет кривой. Во время работы одну руку держат на скрученном участке, а другой рукой накладывают новый пучок. Также необходимо поддерживать равномерное натяжение и аккуратно скручивать волокна. Новые пучки добавляют до тех пор, пока не будет готова верёвка нужной длины, веревка получалась прочной и ровной.

Витье веревки в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2025 г.

Когда нити из растительного материала были готовы, их устанавливали на специальный станок для витья. Он состоял из двух частей: неподвижной, где крепились веретёна, обычно три штуки, и подвижной, снабжённой колёсиками, к которой крепилось лишь одно веретено, и конструкция смещалась вперёд под действием натяжения верёвок из-за сокращения длины верёвки, так как при сваливании волокон происходит их сжатие. «*Ты стоишь на ней, крутишь, и маленько натягивает, её аж самоё тянет, а ты ногой придерживаешь... На колёсиках она сама вот такая плаха тащится, на которой задолбленный вот этот привод. Вот ногой придерживаешь, натягивает, она сама просится, катится. Она в натяг*», – рассказал Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района. Во время работы применяли также разделитель – деревянную

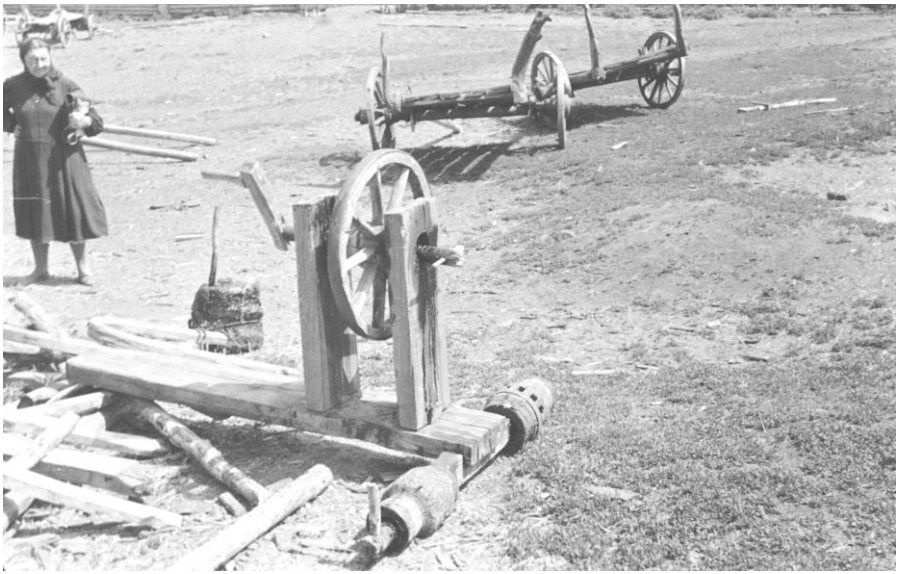
плашку, которая удерживала пряди от спутывания и позволяла контролировать плотность верёвки.

Витье веревки, д. Бадарма Нижнеилимского района. 1959 г.
МАЭ И 1830-342. Музей антропологии и этнографии

Процесс свивания проходил в два этапа и требовалось два участника. Сначала веретена вращали против часовой стрелки на неподвижной части, в результате чего каждое волокно свивалось в отдельную нить. Затем уходили к движущейся части и вращали по часовой стрелке, тогда уже три нити соединялись в одну прочную верёвку. Качество изделия зависело, с какой скоростью второй человек передвигал разделитель. Быстрое движение делало верёвку тугой, а слишком быстрое – чрезмерно рыхлой. «*Вот это набегаешься, когда тяжёлая-то, рука отваливается*», – вспоминал Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района.

После завершения работы верёвку обрезали и завязывали узлом. Если требовался канат, мастера брали три готовые верёвки и

Приспособление для витья веревок, д. Какуй Усть-Удинского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 50723. Институт этнологии и антропологии

свивали их снова, но в противоположную сторону. Так получалось более толстое и прочное изделие.

К слову, место, где сходились отдельные нити, называли «просаком». Если туда попадал посторонний мусор, удалить его было почти невозможно: он намертво вплетался в волокно. Именно отсюда произошло известное выражение «попасть в просак», означающее оказаться в безвыходной ситуации.

2.11. Выделка кожи и меха

В конце осени, начиная с Покрова (Покров Пресвятой Богородицы – 1 октября по ст. ст.), начинался промысел дичи и забой скота [Ермолаев, 1911, с. 120]. Благодаря этому в крестьянских семьях появлялись шкуры крупного рогатого скота, овец, собак, иногда даже лосей. Шкуры шли на изготовление одежды, из кожи делалась обувь, упряжь и другие изделия.

Представим два варианта как обрабатывали шкуры для создания кожи. В первом случае шкуру после снятия сушили, размачивали в воде, намазывали мездру тестом из ржаной муки, разведённой на кислом молоке. Далее шкуру сворачивали пакетом шерстью наружу, клали в «коробицу» и ставили на три-четыре дня в тёплое место, чаще на печь. После этого обирали руками всю шерсть, мыли и сушили кожу [Сабурова, 1967, с. 57]. Дабы придать нужную прочность и пластичность коже, её подвергали дублению. Для этого кожа выдерживалась в настое лиственничной коры три дня, далее настой меняли на новый и повторяли процесс два-три раза. В качестве дуба еще использовали кору ольхи или, в крайнем случае, шла береста, где ольхи не росло вообще. Между выдержками в настое чуть сырую кожу расстилали на полу и посыпали «дубом», оставляя её в таком виде на два-три дня до следующего замачивания [Савельев, 2020, с. 360]. Работа эта была со специфическим запахом. «*Вот это, ободрали скотину, значит, надо кожу, шерсть сбить. Делается закваска, тесто, коровью шерсть намазывают, потом ее конвертом складывают, потом в тряпицу, зимой не делается, если летом убили, она сухая, ее сначала размочат, потом вот эту процедуру делают. Затем ее на печку, на гобец, она там начнет линять, киснуть, квасить, пахнет невкусно.* – Долго? – *По три дня в тепле, потом развернули, шипнули – полезло. Значит, все*», – вспоминал Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района.

Во втором случае шкуру очищали от жира и выквашивали пять-шесть суток либо в жидкой ржаной опаре, либо в конской моче. После шкуру сушили и промазывали дегтярной водой

(смесь дёгтя и воды 1:5). Дублению в таком случае кожа не подвергается, она хорошо шла на изготовление обуви, но пропускала воду [Воробьёв, 2023, с. 456-457].

В том или ином случае после квашения и дубления кожу сушили и мяли на специальных мялках. Было несколько вариантов мялок. Лежачая мялка была такой же, как и для льна, но несколько больше, представляя собой двухметровое бревно, посередине которого делалась борозда с зазубринами и «язык». Сверху этого «языка» клали кожу. Мяли кожи двое мужчин до тех пор, пока она не станет матовой [Сабурова, 1967, с. 58].

Мятьё кожи, д. Бадарма Нижнеилимского района. 1959 г. МАЭ И 1830-353. Музей антропологии и этнографии

Стоячая мялка была в виде столба с барабаном. Выглядела таким образом: на земле лежала плаха, в которую вделывался столб высотой в метр. Параллельно друг другу в столб вдевались две плахи, соединенные «пялами» (колышками) в центре по кругу и двумя жердями по краям. В столбе на уровне колышков было проделано отверстие. Чтобы промять кожу, её вставляли одним концом в щель в столбе и начинали прокручивать столб. Замотав кожу на столб, вытаскивали конец кожи между двумя кольями и прокручивали в обратную сторону [Воробьёв, 2023, с.

456-457]. Таким путем долго прокручивали кожу, иногда даже по целому дню, в перерывах между другими работами, пока она не становилась мягкой и эластичной. После того как кожу промнут, её смазывали жиром и чернили дёгтем. Существовали также кожемялки с барабаном большего размера, которые приводились в действие за счёт лошадиной силы.

Мятьё кожи, с. Кежемское Енисейского уезда. 1904 г.
[Макаренко, 1913, рис. 20]

Бытовали и т.н. «гребни», представлявшие собой лежащую плаху с двумя выемками, в каждую из которых укреплялось по небольшой приострённой зубчатой доске. На гребень надевали кожу и посередине между досок давили её коленом. Особенно обрабатывали на гребне толстую лосиную кожу.

При выделке овечьих и собачьих шкур важно было снять только мездру, не повредив мех. В таком случае счищали мездру скребком, натягивая шкуру на своеобразную раму (пяло). «*Шкуры собак выделывали осенью, когда с тайги придут, вешали то. Снимают их, соломой набьют и вывесят, чтоб сороки жир*

обклевали, потом накваски наквашивают, выделывают, ну и подвешивали там», – рассказывал Иван Михайлович Московских, 1930 г.р., из села Московское Братского района. Мяли руками, но чаще предпочитали использовать специальный «крюк». Представлял из себя палку с А-образным крюком на одном конце, где горизонтальная перекладина является лезвием. На другом конце палки приделывалась петля. Для работы шкуру подвешивали верхней частью на уровне лица, ногу продевали в петлю, одной рукой придерживали шкуру, другой рукой крюк. Крюк прижимали к краю внутренней стороны шкуры, после чего водили крюком, двигая ногой сверху вниз. Так вспоминала это Лукерья Петровна Федотова, 1921 г.р., из деревни Варгалик Братского района: «*Овчинку делать был крюк. Вот так он сделан-то: длинная палка, к палке здесь на него петля надета, и вот привязываешь эту овчину, это я уже много раз делала, и тогда вот идешь ногой, этот специальный крюк, и так вот царапаешь этим крюком*».

Овчины и лосины «дымили», чтобы придать им желтый цвет. Для этого в бочке разводили небольшой костёр и над ней постепенно передвигали кожу, чтобы продымить её. Овчины дымили также и в бане, которую топили овсяной соломой, насыпая на каменку снег, чтобы солома несильно горела. Лосевую кожу чаще отдавали выделывать специалистам, у которых имелись специальные мялки, приводимые в движение лошадьми [Сабурова, 1967, с. 58].

Кожи употребляли для шитья различного вида обуви и штанов; из овчины и собачины шили шубы и дохи. Шитьём шуб занимались как мужчины, так и женщины. Таких мастеров называли «скорняки», некоторые из них ходили по деревням и шили одежду из накопленных крестьянами шкур. «Это специалисты выделывали? – *Выделывали, Кирилл Балаболка его звали, одинокий старик был. Он специально ходил, дохи шил, собачину выделывал. Приходит к тебе.* – Скорняжник такой?

- Да, типа скорняка. Приходит, ты его нанимаешь, кормишь его, поишь, он тебе все сделает: и собачину выделает, и медвежину, и сохатину выделает, и все. Там расплотишься с ним сколько положено, кормежка не в счет, кормежка за то, что он просто

живет у тебя, оплата такая вот стоит», – вспоминал Иван Михайлович Московских, 1930 г.р., из села Московское Братского района. Приведём пример, как изготавливали простой вид обуви без голенища – «чирки». Для этого использовали «намётки» – выкройки из тонких деревянных дощечек. Сначала выкраивали подошву, затем, сложив кусок кожи вдвое, выкраивали верхнюю часть чирка. Выкроенные куски пришивали друг к другу с помощью шила и иглы с «постегонкой» – несквозным швом. Сзади и с двух сторон чирка пришивали три ушка, сквозь которые продевали «оборку» – сплетённый из шерсти шнурок [Савельев, 2020, с. 360-361]. Умельцы шили обувь на колодках – деревянных болванках в форме ноги. Такие колодки были разного размера, от маленьких детских до больших мужских сапог.

2.12. Хозяйственная утварь

Перечислить всё разнообразие хозяйственной утвари, применявшейся на Ангаре, даже в данном обзорном исследовании будет излишним и утомительным. Поэтому остановимся только на самодельных ёмкостях для приготовления и хранения пищи, переноски различных грузов и других хозяйственных нужд.

Во многих деревнях работали бондари, которые изготавли-

Домашняя крестьянская посуда, с. Богучаны Богучанской волости. 1911 г. КККМ НЕГ 4692. Красноярский краевой краеведческий музей

вали кадки, бочки, ведра, ушаты, маслобойки, лагуны и т.д. Кадки использовали для квашения и засолки, а также для перевозки и хранения воды. Воду носили в основном в ведрах и ушатах, последние вмещали два ведра, и их переносили вдвоём. Зимой из проруби воду было удобно черпать «лейкой» – ковшом бондарной работы на длинной рукояти. Лагуны были небольшими и имели два донца, их использовали для переноски напитков. Для «клёпок» – дощечек на стены бондарной посуды – выбирали несмолистую древесину хвойных пород, фуговали их

для плотной подгонки и после временной сборки сосуда выбирали «зауторником» паз для донца. Обручи делали из черемухи или тальника, а позже из железа.

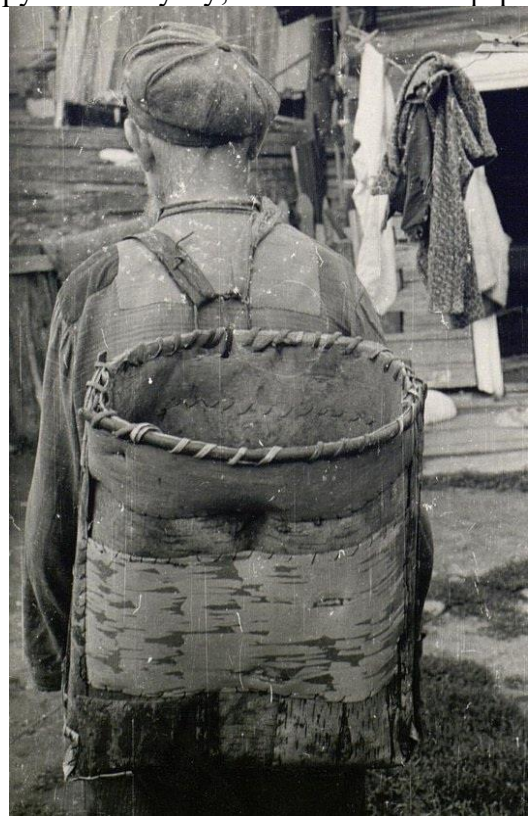

Работа в бондарной мастерской. Иркутская область. 1957 г. НА ИАЭ РАН 52483. Институт антропологии и этнографии

Многие сосуды, напоминающие бондарные, были выдолблены из цельного ствола, чаще осины. В них вставляли дно и также обтягивали обручами. При усыхании такое тулово обхватывало донце и получалась герметичная емкость. В основном это были пудовки, в которые вмещалось зерна на один пуд (16 кг), маслобойки и квашни [Сабурова, 1967, с. 163].

Наиболее разнообразную посуду изготавливали долбленым способом. К ней относились огромные чаши по размеру кадки.

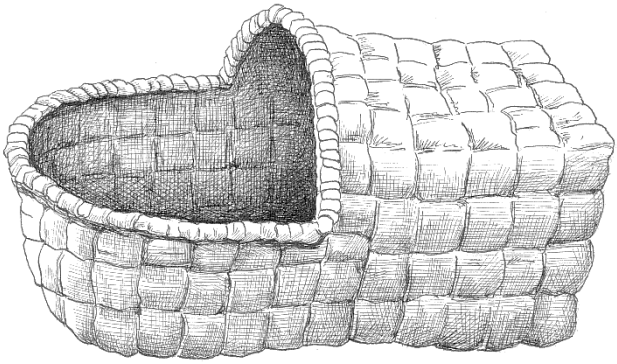
Их делали из капа – нароста на деревьях. Из него же делали чашки и ложки, а также кружки, это было удобно, так как такая посуда была крепче и не разбивалась. Из дерева выдалбливали специальные чашки для расстойки хлеба [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 1-93] и совки для набирания зерна. Большие широкие тарелки использовали в качестве «сельниц», то есть просеивали в них муку. А из длинных чурок выдалбливали ступы, в которых толстым пестом толкли крупу и дубильные материалы. Из бревен выдалбливали корыта для домашней скотины, для стирки белья и прочих нужд. В корытцах поменьше специальными сечками рубили капусту, а также мясо на фарш.

Берестяной «турсук», д. Большая Мамырь Братского района. 1957 г. НА ИАЭ РАН 50431. Институт антропологии и этнографии

В распоряжении ангарских хозяек имелся большой набор берестяных изделий: турсук, туршичок, чуман, чумашек, туесок,

корзина, лукошко, севалень и т.д. Бересту заготавливали в конце весны и начале лета, когда она легко отделятся от луба.

Чашник-хлебница, д. Дальняя Муя Усть-Удинского района. 1957 г.
НА ИАЭ РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235.
Институт этнологии и антропологии

«Турсук» – это мешок конусовидной формы из бересты, использовался для сбора ягод, грибов, орехов. «Туршичок» – это тот же турсук, но меньшего размера. Интересно, что для удобства к турсуку приделывали деревянную доску «жучера», применявшуюся обычно охотниками для переноски грузов.

Жбан для пива, д. Дальняя Муя
Усть-Удинского района. 1957 г.
НА ИАЭ РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235.
Институт этнологии и антропологии

Для хранения сыпучих продуктов и даже напитков широко использовали туеса. Способ изготовления туесов записан в 1957 г. со слов Иннокентия Петровича Елизова, 72 лет, из села Олонки Боханского района. «Когда сок на березе появляется весной, находишь чистую березу, отрезаешь чурку (вырезается чистое место), «подсакиваешь» (подрезаешь) вокруг дерева, ставишь на

чурку потоньше и снимаешь бересту (берестяной цилиндр). Кора внутри отсыпается, если потрешь. Циркулем намечаешь дно из сосны и пилкой-змеевкой вырезаешь. «Сколотень» – нижний слой туеса, сверху «рубашка» – второй слой, который скрепляется концами, и внизу еще «венчик». Скрепление «замок» намечают и срезают ножом, а полукруглое отверстие – стамеской. Опускают туес до половины в кипяток на пять минут и вставляют дно. Потом береста «садится» и затягивает его. «Сколотень» длиннее «рубашки», и верх его опускают в кипяток и завертывают наружу – на «рубашку». «Сколотень» всегда меньше вверху, и крышка меньше дна. Когда туес готов, в него наливают немного горячей воды. Всё это набухнет, и не будет протекать. Когда на поле сено косили, брали с собой туесок для молока, кваса». Туеса были удобны летом, оттого что в них напитки не нагревались [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 1-93].

Довольно распространены были «чуманы» – четырехугольные берестяные коробки разных размеров с закругленными краями. По канту зашивались тальником, то есть имели обруч из прутка. Маленькие чуманы назывались «чумашки». Использовались для переборки ягод, сеяния муки и хранения продуктов. Также в них кипятили воду.

Издавна женщины лепили ленточным способом керамическую посуду, а в дальнейшем стали предпочитать только покупную качественную посуду от «горшечников». В основном это были крынки для хранения молока, простокваши или томления молока в печи, корчаги для варки кваса, горшки для приготовления супов и каш, кипячения воды, а также простые миски. Изготавливали их порой даже на примитивном гончарном круге – стоящий на скамейке деревянный диск. Одной рукой гончар крутил диск, а второй

Солонка «утица», д. Дальняя Муя Усть-Удинского района. 1957 г. НА МАЭ РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Институт этнологии и антропологии

лепил посуду. Обжиг проводили в обыкновенной русской печи, причём нагретую посуду бросали в солод (хлебное сусло) и ставили обратно в печь, нагревая изделия уже докрасна. Затем вынув, их остужали на палках. Качественная посуда должна была стать черной и звенеть.

В верховских деревнях Братского района привозили глиняную посуду из Красного Яра, Моки «постом на лошадях, или летом на лодках». Интересны были и способы оплаты. Говорили, сколько зерна зачерпнёшь этой посудой, столько и отсыплешь мастеру за работу, и товар твой [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 427. Л. 94-188].

Гончарный круг, д. Банщиково Нижнеилимского района. 1959 г.
НА ИЭА РАН 52488. Институт этнологии и антропологии

Емкости делали и при помощи плетения из тальника, часто это было посильное занятие для стариков. Для сбора дикоросов плели небольшие корзинки, а для перевозки навоза, камней и т.п. делали «короба» объемом до одного кубического метра. Плели таким же способом и «морды» для ловли рыбы.

Тальник заготавливали весной, кору могли снять для изготовления веревок или оставить на прутьях. Для изготовления корзины раскладывали прутья на столе, вставляли деревянное

Плетение корзины, д. Банщиково Нижнеилимского района. 1959 г.
НА ИЭА РАН 52491. Институт этнологии и антропологии

дно, затем в определённом порядке начинали огибать одни прутья другими, так оплетая всё изделие. Также иногда плели корзинки из соломы и из берестяных полос. Впрочем, из соломы плели и обыкновенные циновки, называемые тут «ковры», для широкого применения. Еще корзины плели из «щепы» – тонкой длинной дранки из прямослойной древесины хвойных пород.

Глава 3
Сельское хозяйство и промысловая деятельность

3.1. Земледелие

Основным занятием ангарского крестьянина было земледелие в сочетании со скотоводством. Долгое время именно Ангара обеспечивала зерном более северные и восточные регионы, способствовав тем самым их присоединению к России.

И это удивительно, учитывая, что для земледелия в регионе были очень тяжелые условия. Абсолютное большинство земли было скрыто тайгой, легкодоступных открытых участков было очень мало. Стоит учесть, что не каждая почва годилась для обработки. В основном на Ангаре были распространены дерново-подзолистые и дерново-карбонатные почвы, которые по классификации почв относятся к средним по качеству. Главными же препятствиями были резко-континентальный климат и гористый рельеф. Из-за рельефа пригодными для земледелия были только южные склоны, а из-за особенностей климата крестьяне часто сталкивались с несезонными заморозками и неравномерными осадками, что в совокупности часто приводило к гибели посевов.

Краевед И.И. Воротников так описывает особенности климатических условий в Братской волости в 1860-е годы: «Весною часто бывают сильные порывистые ураганы, от чего пыль густым облаком подымается на воздух; предметы, находящиеся в 20 саженях, кажутся как будто в густом тумане; зароды с сеном совершенно разметывает бурей, валит заборы; дороги заваливает множеством вырванных даже с корнями или сломанных пополам вековых деревьев. Иногда среди лета в июне или начале июля ртуть опускается до +1 градуса; с половины августа начинаются уже утренние морозы и при северном ветре выпадает снег» [Воротников, 1902а, с. 3].

В конце XIX в. на Ангаре в основном бытовала паровая система земледелия при двухпольном севообороте. Это одна из древнейших и простейших систем восстановления плодородия почвы. Основной принцип заключался в том, что поле делили на две равные части, которые использовали по строгому двухгодич-

ному циклу. В первый год на одном поле велся посев сельскохозяйственных культур, второе поле находилось под паром, оно не засевалось, но вспахивалось от сорняков. На второй год поля менялись местами: прошлогодний пар становился посевным, а посевной шёл под пар.

Пахарь – ангарец с «колесухой», с. Кежемское Енисейского уезда. 1904 г. [Макаренко, 1913, рис. 4]

Особенностью Ангары было наличие большого количества не занятой никем земли, которая бралась в работу за счет расчистки тайги. Ещё даже в начале XIX в. земля присоединялась за счет свободного захвата, и поэтому не имела формальных границ. Использовалась она под пашни, сенокосы и пастбища. Земля делилась на «общественную» и «росчистную», то есть собственную. Обобществлялась наиболее близкая к селению и поэтому наиболее обработанная земля. Такой было не более 15 – 20 % всех сельхозугодий. Делилась «тяглая» земля на «бойцовые» души, то есть на мужчин с 17 до 60 лет [Сабурова, 1967, с. 24].

Что же выращивали в столь непростых условиях на Ангаре? В конце XIX в. наиболее распространенными культурами были рожь, озимая и яровая (ярина), пшеница, ячмень, овес, реже горох, греча, просо. Сеяли также коноплю, лен. Распространен-

ность этих культур по районам и в разное время была неодинаковой. На Нижней Ангаре пшеница стала получать распространение с начала XX в. В этом районе затруднено было выращивание озимой ржи, так как из-за небольшого снежного покрова она гибла от мороза или же выходила плохой («ядром слабая»). К тому же с XIX в. на Ангаре, как и в остальной Сибири, шла замена озимых хлебов яровыми [Сабурова, 1967, с. 32].

Урожайность из-за природно-климатических условий в регионе была ниже, чем, в общем, по стране. Так в неурожайный 1911 г. в Кежемской волости собирали около 30 пуд/дес. [Фёдоров, 2023, с. 55], а в среднем по стране 39,9 пуд/дес. [Карпинец, 2020, с. 20]. По региону урожайность могла разниться даже в пределах одной волости, так, при общем неурожае в 1910 г., в Кежемской и Пинчугской волостях были деревни, в которых не могли снять и того, что было посеяно. А в некоторых же деревнях вынуждены были закупать зерно со второй половины зимы [Ермолаев, 1911, с. 109].

Урожайность сильно зависела от свойств земли. Крестьяне старались выбрать нужную землю, учитывая многие факторы. Ценилась «пухунистая» (черная, легкая) и «глинная» (с примесью глины), важно было положение на местности, ориентация по сторонам света. Также учитывалось наличие «студеных» ключей и вечной мерзлоты, выбирались склоны хребтов с значительным наличием солнечного света.

Но даже принимая во внимание все особенности земли, требовалось поддерживать её плодородие. Для это в помочь шёл отдых земли, применение навозного удобрения, в основном на полях, находящихся в 6-7 верстах от селений, в гористой местности делались горизонтальные канавы, по которым отводилась вода, чтобы предотвратить вымывание почвы. Но на практике, как отмечал И.И. Воротников, «Редкий из здешних землевладельцев имеет обыкновение унавоживать землю, почему очень редко можно встретить удобренные поля. Плодопеременного сева нет, а истощившаяся земля оставляется на год или более для отдыха. Урожай озимого и ярового часто бывает неудовлетворительным. Луга и пастбища не везде одинаковы и по большей части не тучные» [Воротников, 1902в, с. 2].

Особенностью Ангары было то, что часто удобные для обработки участки земли находились далеко, в 20-40 км от населенных пунктов, на островах или противоположном берегу реки. Подобные участки с жильем и другими постройками назывались заимками. Крестьянам приходилось из-за удаленности заимок и тяжести сезонных работ проводить на них в среднем по два-три месяца в году. И эти несколько месяцев были временем, когда ангарец полностью окунался в архаику, в старинный образ жизни. Жилые постройки ставили как можно проще, важен был не комфорт, а экономия времени и средств на эту работу. Все жили в тесноте в одном помещении, топили печь по-чёрному, еду готовили в котле на улице. Если заимки были на островах или на другом берегу, то приходилось на них заходить ещё в апреле, по последнему льду. По-другому было нельзя, ведь потом на Ангаре начинался ледоход, который надолго отрезал заимку от остального мира. «*Он недалеко, остров Сергушкин. Весной завозили нас по льду, по-весеннему. Уже вот-вот лёд должно пронести. Ну а перевозили сначала лошадей. Ну а потом, когда лёд уже совсем рыхлый, ставили сани, на сани ставили лодку и вот толкали, бежали, чтобы, если лёд где провалится, дак не провалиться, за лодку держалися. Вот так перебегали через реку Ангару*», – вспоминала Звездова Анна Селифонтьевна, 1933 г.р., из поселка Кежма Кежемского района [Афанасьева-Медведева, 2014г, с. 197]. И до первого посева работники «весновали» – занимались подготовкой пашни, рыбной ловлей и охотой. Жизнь на заимках была наполнена типичным для своего сезона трудом.

Перед тем как будет описан полный сельскохозяйственный цикл, стоит рассказать о большом пласте работы, который приходилось делать параллельно. Это расчистка новых участков в тайге.

На большей части Ангары крестьянина окружала тайга, которую расчищали под пашни и сенокосы, процесс этот был отработан до совершенства, но продолжал требовать неимоверных усилий. С детства ангарский крестьянин занимался этой работой каждый год, чтобы обеспечить себя хлебом в будущем. Останавливаться нельзя было ни на сезон, иначе мог грозить голод. Предпочтительней была почва под березовым лесом, как наиболее плодородная. И желательно, чтобы это было более высокое ме-

сто, так как в низинах выше риск посевам пострадать от заморозков. Но и при соблюдении всех условий иногда следовало провести «опыт». Для этого очищали небольшую полянку и высевали на ней хлеб. Если урожай оказывался хорошим, приступали к «размоганию», так называемой расчистке леса.

Жатва, с. Кежемское Енисейского уезда. 1904 г.
[Макаренко, 1913, рис. 26]

Дальше шла работа в течение пяти и более лет, которую разбивали на несколько этапов. Первым этапом производился «чертёж». На каждой «восьмухе» (восьмой части десятины) подсекали топором кору или вообще снимали её. Называлось это «делать чесы», «очерчивать гранями». Фактически таким очерчиванием хозяин заявлял о праве собственности на участок. Каждый год, добавлялись новые «чертежи», считалось, что лучше делать «на ущербе месяца» (на убывающий месяц). Через три или более лет лес высыхал и начинался второй этап – «чистка» леса. «Чистка» проводилась в межсезонье, в ней участвовали мужчины с 12 лет, которые собирались для этого на «помочи» (совместные работы). Часть крупных деревьев и пней оставляли на месте, часть валили, мелкие деревья подсекали, корни окапывали «копа-

чом» (мотыга) и выкорчевывали «вагой» (жердь-рычаг). Оставшийся кустарник скашивали косой-горбушей. Деревья резали на кряжи, складывали («таборили большими таборами») и сжигали вместе корнями и пнями. Вместе с древесиной сжигалась и «тундра» – слой мха, оставалась только обожженная земля, называемая «глиняный бор». Если почва хорошо выгорала, на ней сразу начинали сеять, так делали в низовьях Ангары. Но чаще всего наступал третий этап расчистки – обработка земли, «залога». Заключалась она в «дранье» её сохами при помощи сильных, «добрых» лошадей, для чего также собирали помочи. При этой вспашке происходило разрушение и переворачивание дёрна для дальнейшего его перегнивания [Сабурова, 1967, с. 26].

Поднятая земля год «кисла», после её готовили для посева. Сначала переворачивали пласт, потом «ворочили» – пахали поперек, как называли, «в крест», и повторяли те же процедуры ещё раз. Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района, так описывал этот процесс: «*А на следующий год ворочить, она маленько подопреет, подгниет вот эта зелень-то вся. Вот ворочить хуже, чем драть, спрудит, как наберет все, потом и не видно все обросшие пни, как туда плуг, пару хороших лошадей, загнетка с рожкой, было, как затянут туда*».

После распашки «перелога» земля включалась в обычный двухпольный севооборот. Если земля оказывалась особо плодородной, то она засевалась в течение шести-семи лет подряд и после этого обрабатывалась в обычном порядке. Для покосов расчистка происходила легче. Чаще всего расчищали из-под кустарника низкие места, берега рек и острова, реже – вырубали лес в тайге. Делалось, соответственно, это менее тщательно, чем для пашни.

Вне зависимости от летоисчисления, год у крестьянина начинается весной с нового сельскохозяйственного сезона. Происходило это в марте-апреле, когда ремонтировали и изготавливали орудия труда – сохи, бороны, колесухи. Железные детали натачивали и наваривали у кузнецов, деревянные части делались и собирались непосредственно крестьянами.

В мае проводили вспашку как земля «подойдет» (подсохнет). Делалось это для того, чтобы лошади не вязли в сырой почве.

Пары пахали три раза (трехрядье). Первый раз пахали в мае, второй – в июне-июле, третий – в августе-сентябре. В более южных районах вспашка велась раньше, чем в северных [Сабурова, 1967, с. 31].

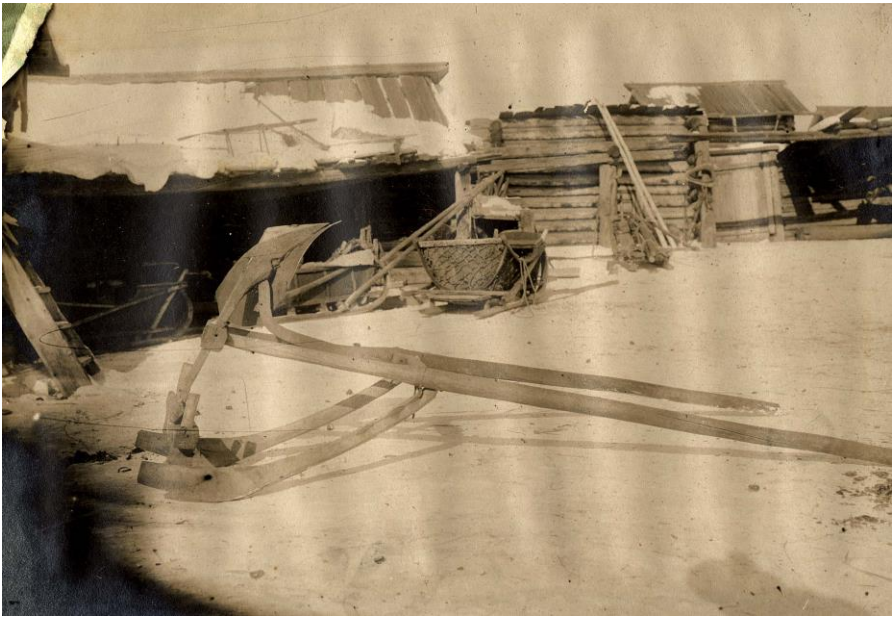
В третий раз пахали в сентябре. Пахали таким образом, чтобы не оставлять невспаханных мест. Вначале делали первую борозду, «заборанивались». Таким образом создавалось направление вспашки. Пахарь дальше проезжал вдоль борозды, отбрасывая землю к центру. Это называлось пахать «в склад». Дальше пахали «в разор», то есть проезжали в обратную сторону, откидывая землю к краям. Так создавалась комбинация из своеобразного вала посередине и рвов по краям, которая называлась «загон». Далее создавались «загоны» вдоль всего поля. Формирование «загонов» до сих пор остается самым популярным способом вспашки, так как позволяет сделать минимальное количество холостых поворотов, как бывает при челночной вспашке.

Самое распространенное орудие для вспашки было и самым архаичным по конструкции. Все её детали, кроме двух сошников, были деревянные. Это была соха, которую ещё называли «рогалюха», «двойчатка», «деревяшка», «копаруля».

Сошники делились на «мужичка» (он был шире, с пером) и «женку». Сошники подрезали пласт земли сбоку и снизу, а отвал его переворачивал [Сабурова, 1967, с. 28].

С начала XX в. стали применять «колесухи», у которых кроме сошников железными был также отвал, а главное – был передок с колесами, из-за чего инструмент получил своё название. Колесуха была более продуктивной, так как колёса позволяли чётко регулировать глубину вспашки. Колесуха глубже вспахивала и легче оборачивала пласт, но из-за этого её не применяли в районах с тонким почвенным слоем. На рубеже веков также начали получать распространение другие орудия вспашки. Соха-пермячка была полностью железной, кроме оглобли. Использовались заводские сохи, в которых располагались над сошниками ножи, разрезавшие дёрн. Плуг был самым совершенным орудием, так как за счёт лемеха и отвала позволял не только разрыхлять почву, а переворачивать пласты земли, что было полезно для

борьбы с сорняками и перемешивания земли. При всех очевидных преимуществах плуг был хорош на разработанной почве, но соха намного лучше прорезала целину.

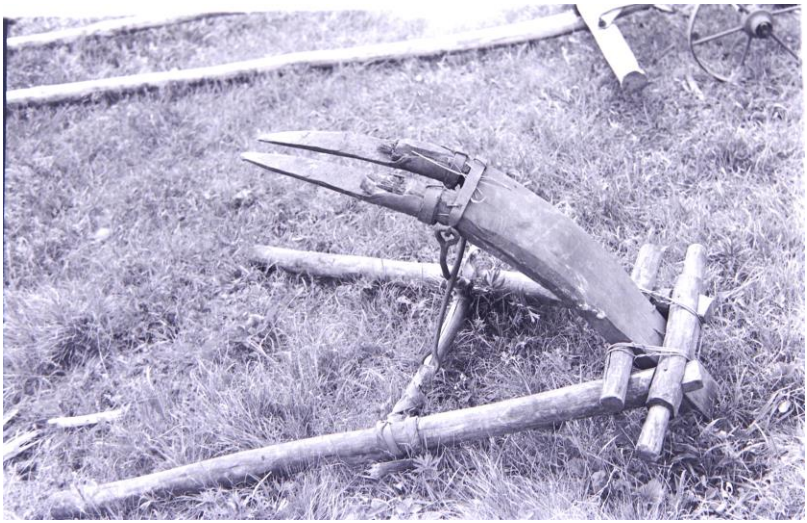

Соха рогалюха на волокуше, применявшаяся для пахоты поля и поднятия целины, с. Чадобец Енисейского уезда. 1911 г. КККМ НЕГ 5270. Красноярский краевой краеведческий музей

Вспашка была тяжелой работой, поэтому ею занимались мужчины с 14-17 лет, женщины только в редких случаях.

После вспашки следовало землю проборонить, чтобы разбить пласты земли на более мелкие куски. Для этого запрягались лошади в бороны «гусем» – друг за другом. В отличие от вспашки, боронили полукругом, срезая углы. С этой работой управлялись мальчики 8-9 лет («борноволоки»), наиболее бойкие из них боронили сразу несколькими боронами (в три-четыре следа) [Сабурова, 1967, с. 32]. Лукерья Петровна Федотова, 1921 г.р., из села Варгалик Братского района, вспоминала, как боронила в детстве на заимках. «А мне интересно, были заимки сельскохозяйственные, на которых жили, в страду работали? – *Мы на заимках и выросли, вся девичья жизнь прошла там, детская и девичья, как со школы, а школа всего четыре класса, потом боронила, пахала я один год.* – Боронили на лошадях, а как садились на лошадь? –

Садились, друг дружку помогали, залезть-то не можем. Подойдешь к конюху, ногу подымешь – он держит, а ты эту забрасываешь. На поле приедем вдвоем с девчонкой. У нас место было по полоскам разделено. Туда едем – он нас посодит. А оттуда надо с поля ехать, лошадей в обед кормить, а как? Тогда уже я подхожу к подружке, ногу подниму – она меня забросит, а она уже идет пешком, своих коней ведет. А я-то еду. А вечером уже тогда я ее сажу. Она едет. Я иду пешком. Такие бороняги были».

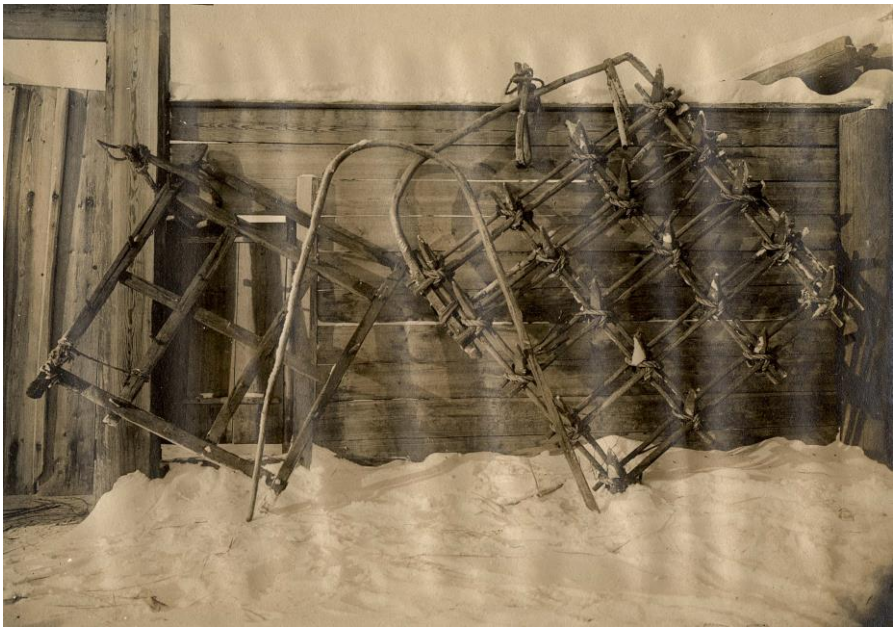
Соха А.И. Ильина, д. Илир Братского района. 1957 г.
НА ИЭА РАН 52842. Институт этнологии и антропологии

Чтобы узнать, как выглядели бороны на Ангаре, надо ещё задаться вопросом: «А в какое время?». Так, в начале XX в. борона – это деревянная решетка с вставленными в отверстия зубьями, редко встречались железные. В конце XIX в. это та же решетка, но сделанная из переплетенных еловых жердей с берёзовыми зубьями. А в середине XIX в. это была абсолютная архаика – бороны «суковатки», сделанные из ствола с оставленными сучьями. Проще всего подходили со вспашкой и боронованием земли под лён, для него требовалось только продрать «матку» (покос) сохой и заборонить уже вместе с семенами ветвистым деревом.

После вспашки и боронования идет засевание. Сеяли из берестяного короба либо из мешка, раскидывая поочередно каждой

рукой, чтобы не было «просеву», в котором могли вырасти сорняки.

Это тоже не простой процесс, так как важно каждую культуру сеять в своё время. Как только земля подсохнет («подойдет») на «Миколу» (Никола Вешний – 9 мая по ст. ст.), начинали засевать пшеницу, потом остальные хлеба, последним шёл ячмень. Такая разница из-за времени вызревания и устойчивости к заморозкам, ячменю здесь требуется меньше времени на созревание, но ранние заморозки для него чуть опаснее, чем для пшеницы [Сабурова, 1967, с. 33].

Бороны. Енисейский уезд. 1911 г. КККМ НЕГ 5269. Красноярский краевой краеведческий музей

По-другому было засевание на новой земле. В первый год на ней сеялась озимая рожь, на следующий – ячмень, пшеницу высевали только на третий-четвертый год. Пшеница на новой почве, богатой азотом, очень хорошо давала в рост стебель, но именно из-за этого была сильно подвержена ранним заморозкам и не вызревала.

В июне проводилась прополка хлебов и борьба против вредителей, особенно «кобылки» (род малой саранчи). Это было очень

важное время для данных занятий, так как нужно было успеть избавиться от вредителей до начала вызревания колосьев.

С августа и до середины сентября проводилась уборка хлеба. Главным орудием в этом случае был серп, некоторые жали литовками с грабельцами. Из собранных колосьев создавали снопы, которые укладывались в суслоны для просушки. Эти композиции различались количеством снопов и их расположением. Допустим, «свинка» – на пяти вертикально стоящих снопах укладывается шестой сверху, в «куче» ставили семь снопов, которые покрывали ещё тремя [Сабурова, 1967, с. 35.] Судя по всему, здесь важно было найти некий баланс – меньшее количество снопов легче мог разметать ветер, но из-за слишком большого их количества колосья могли начать преть.

Косцы, д. Дворец Енисейского уезда. 1904 г. РЭМ 773-76. Российский этнографический музей

Через 15 дней суслоны разбирались и складывались в длинные клади, в которые входило до 1000 снопов. Под кладь стелили солому, клали «чипишник» (шиповник), осинник, еловые ветки, создавая таким путем колючую преграду от мышей. Клади укрывали со всех сторон соломой или сеном и вокруг них делали

«острожье» (род изгороди) от животных, которое имело двое ворот (для въезда и выезда).

Снопы сжатого хлеба, с. Кежемское Енисейского уезда. 1904 г. [Макаренко, 1913, рис. 27]

В ноябре хлеб начинали свозить на гумна. Перед обмолотом он обязательно подвергал ся сушке в огневых снопосушильнях – «рыгах» с печами-каменками. Сбоку повыше печи находились деревянные решетки (колосники), на которые садили снопы. Ниже был устроен деревянный настил, не позволявший зерну просыпаться на землю. Обсушка одной партии снопов на колосниках называлась насадка. Иван Михайлович Московских, 1930 г.р., из села Московское Братского района, так рассказывал об этой тяжелой работе: «*Два раза в день сушили, да. Когда в сутки, то три раза уже.* – Три насадки? – *Три насадки. По 8 часов, а не по 12 часов выходило. Но тут уже жара, знаешь, из рыги как вылезешь, в глазах темно от жары-то, воздух надо*».

После обсушки на токах начиналась молотьба. Для этого расчищали квадратную площадку от снега, т.н. «ладонь», которую поливали водой для образования льда. Работали цепами-молотилами, представлявшими собой две палки, скрепленные веревкой или ремешком, одна из палок использовалась для удержания, второй наносились удары. Для более продуктивной работы снопы

Женщина с молотилом, д. Кобляково Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 12875. Институт этнологии и антропологии

складывали в два ряда колосьями друг к другу. Так как молотили совместно, то удары цепом несли опасность для окружающих. Чтобы предотвратить подобные ситуации, поколениями было выработано правило молотьбы в такт («голос под голос бьет»). «*Берут три, даже до пяти человек вставали молотить. Они снопы накладут, два человека с той стороны и один отсюда начинают колотить. Это когда на три. А на пять я видела, но не знаю, как это. Нас, ребятишек, заставляли вытрясать, и вот мы трясем, переворачиваем снопы на второй раз. Потом уже собираем зерно.* – Прямо на землю настилали снопы? – *Да. А что было подстилать. Подстилать было нечего, кроме портянины. А там ее (землю) разметут, потом водичкой польют, она застынет и сделается гладкая, как ладонь, на нее клали снопы*», – рассказывала Лукерья Петровна Федотова, 1921 г.р., из села Варгалик Братского района. Молотьба в гумнах, в которых отсутствовали окна, имела свои особенности. Так как работа проводилась ранним утром, то для освещения в гумнах устраивался специальный «очаг». Представлял он собою помост, расположенный на высоте одного метра. Помост набивался землёй, на которой можно было

безбоязненно разводить костёр. Иногда для обмолота использовали лошадей, которые катали бревна с ребристой поверхностью по току круглой формы, ещё реже просто прогоняли лошадей по выложенным нетолстым слоем колосьям [Ермолаев, 1911, с. 110].

После обмолота зерна провеивали, чтобы избавить их от лишнего сора. Тут тоже были различия в способах, в зависимости, в каком месте проходила работа. Для этого также использовали

Веяние, с. Казачинское Енисейского уезда. 1904 г. РЭМ 773-28. Российский этнографический музей

«точек» (ток) на льду реки, где пробрасывали зерно, смешанное с остатками мякины, специальной зерновой лопатой, чтобы от него уносило ветром мусор. Важно было дождаться нужной погоды, чтобы не было слишком сильного или слабого ветра. Если таких условий крестьянин не дожидался, он возвращался к работе позднее. Также отвеивание проводилось на гумнах, где специально для этого открывались веяльные ворота. Для чистоты хлеба старались пробрасывать его по несколько раз и чистить снегом. [Ермолаев, 1911, с. 111]

Обмолот шел всю зиму вплоть до марта. У тех, кто полностью обмолотился и ссыпал зерно в амбары, праздновался «овин именинник» [Ермолаев, 1911, с. 117]. А дальше снова начинался цикл нелёгкого крестьянского труда.

3.2. Огородничество

Огородничество у русских всегда сопутствовало пашенному земледелию как обязательное подспорье, особенно в трудные времена. «*А выращивали все, дома ростили все, и что дома ростили, то и ели*», – говорила Мария Васильевна Козакова, 1940 г.р., из деревни Леоново Братского района.

В начале XX в. в огородах крестьяне сажали картофель, морковь, бухту (брюкву), огурцы, капусту, редьку, лук [Ермолаев, 1911, с. 113]. В нижнем течении Ангары так же выращивались свекла, чеснок и тыква [Сабурова, 1967, с. 34]. Картофель появился сравнительно поздно и сначала считался редкостью, но в XIX в. именно он занял главенствующее место на огородах по всему региону [Лыхин, 2015, с. 179]. Как вспоминала Валентина Николаевна Дубынина, 1933 г.р., из деревни Дубынино Братского района: «*Картошка – это первое было блюдо... По сто с лишним кулей собирали... (В куле) Четыре ведра пятнадцатилитровых, а таких, десятилитровых, пять ведер*». С появлением картофеля увеличились и площади огородов, которые называли «садами», а площади под овощами – «садовиками». В конце XIX в. картофель сажали в грядки шириной в один метр.

Пахали огороды рогалюхами на три ряда, посадку и сбор урожая выполняли вручную. Пололи и огребали гряды тоже руками [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 473. Л. 1-530].

На рубеже XIX-XX вв. картофель стали сажать под лопату, а затем и под соху, что увеличило скорость посадки [Сабурова, 1967, с. 34]. Под соху половину гектара можно было посадить за 15 минут, тогда как под лопату такое же количество картофеля сажалось от трех до пяти дней. [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 1-93]

Вплоть до 1920-х годов не всегда применялось окучивание картофеля, многие это делали руками, затем стали использовать деревянные лопатки, потом только появились мотыги с короткими рукоятками. Мотыги имели железный закругленный наконечник (ширина рабочей части 12 см, высота 4,5 см). Работать с глинистой почвой стало намного легче [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 1-93].

В Олонках Боханского района еще в 1957 г. этнографы наблюдали, что на навозных грядах культивируют арбузы. Вполне допустимо, что это редкое для региона явление берет начало от экспериментов ссыльного декабриста В.Ф. Раевского [Раевский, 1983, с. 235].

Вся работа по уходу за огородом лежала исключительно на женщинах, мужской работой считалась починка и подновление изгороди, подвозка навоза и пахота. Урожай полностью употреблялся в своём хозяйстве, лишь очень незначительная часть огородных овощей поступала на продажу [Сабурова, 1967, с. 34].

Главной особенностью сибирского земледелия был короткий вегетационный период. Чтобы теплолюбивые растения, такие как капуста и огурцы, успели вызреть, повсеместно использовались рассадники – приподнятые над землёй деревянные конструкции на столбах. Они представляли собой небольшой сруб из круглых или расколотых полубрёвен, который устанавливался на солнечном месте. Ширина рассадника обычно была около 1,5 м, чтобы можно было дотянуться до центра, высота – примерно 0,5-0,7 м. Также, вместо рассадников использовали и старые лодки-шитики. Внутрь укладывали слой навоза для подогрева, сверху – до полуметра плодородной земли. От весенних заморозков рассаду накрывали мешковиной, досками, а в более позднее время и оконными рамами.

Чтобы защитить огород от попадания животных, его загораживали жердями. Собаки могли пролезть в огород, поэтому к ним привязывали деревянную «кандалушку». «*Вот такая палка, такой толщины, на конце выемка, чтобы привязать на шею собачью, она с кандалой в огород не залезет… В огород залезет, кому-нибудь что-нибудь истопчет или еще что-то… Это кому понравится? А кругом огороды жердями загорожены… проёмы большие. Собака бегает, бегает и может залезть*», – рассказал Погодаев Егор Егорович, 1928 г.р., из деревни Кобляково Братского района.

Семена заготавливали самостоятельно, оставляя лучшие плоды, их просушивали, чтобы использовать на следующий год. Рассаду начинали садить в начале мая, а переносили на грядки в

конце мая или в начале июня, когда растения окрепнут, а земля будет тёплая и рассыпчатая.

Помидоры в тех же Олонках начали высаживать со времен революции, а на Средней Ангаре они появились в огородах лишь к 1950-60-м годам. Николай Васильевич Швидко, 1948 г.р., из деревни Тангуй Братского района, вспоминал о появлении помидоров так: «*У нас помидоры-то появились, в каком же году, мать рассказывала. Дядька её приехал с Нижнеудинска, привез помидоры, говорит: "Ешьте яблоки!" Ой-ой, а они невкусные*». В открытом грунте они редко вызревали, поэтому плоды дозревали на окнах. Многие старожилы вспоминают, что деревенские избы были увешаны веточками с зелёными томатами.

Ягодные культуры почти не разводили – их заменяли дикорастущие лесные ягоды. Повсеместно на Ангаре растут черёмуха, брусника, малина, смородина, голубика, земляника, клюква, в низовьях еще и калина. Также собирали еще саранки, заготавливали черемшу.

Собирательство имело свои правила. Когда поспевала черемуха или другая ягода, «общество» назначало день «боя» сбора. До этого дня ходить в лес за ягодой запрещалось. Кто ослушается, могли и наказать [Ермолаев, 2020, с. 181].

Заготовка грибов носила не менее регулярный характер. Женщины объединялись по двое-трое, уплывали с утра на лодке по реке в лес. Заходили по несколько раз, выносили грибы и складывали в лодку. Договаривались заранее: «Сколько раз будем заходить? Один?» [Ермолаев, 2020, с. 181].

На огородах помимо овощных культур сеяли табак. Некоторые из опрошенных старожилок вспоминают, что было приятно находиться с курящим мужчиной, так как табак тогда имел приятный аромат.

3.3. Животноводство

В хозяйстве ангарских крестьян большое развитие получило скотоводство. Оно повсюду сопутствовало земледелию, и было настолько важно для крестьянского хозяйства, что говорили: «скота было людно», «у скота в работниках жили» [Сабурова, 1967, с. 40]. Из животных разводили коров, овец, свиней, из птиц только одних кур. И.И. Воротников в 1860-е годы в Братской волости отметил интересные особенности разведения животных ангарцами. «К странным обычаям жителей можно отнести следующие: они не едят кур, поросят и ершей. Поросят и кур потому, что от них пахнет, как они говорят, сыростью; а так как поросят родится иногда много, то они топят лишних в воде, оставляют немного на племя» [Воротников, 1902в, с. 2].

На дворе ангарского крестьянина. Приангарье. 1912 г.
КККМ о/ф 11235/3. Красноярский краевой краеведческий музей

По данным землеустроительного отчёта за 1912 г. [Фёдоров, 2023, с. 54], на Ангаре в среднем крестьянский двор имел шесть голов крупного рогатого скота, половина это дойные коровы,

овец – по четыре головы. Лошадей было по пять голов, в некоторых хозяйствах и более, в связи с занятием извозом. Они были малорослыми, но крепкими и выносливыми. Свиней держали мало, далеко не во всех хозяйствах. Про свиней говорили, что они были «пакостные и злые, прожорливые, но свинины давали мало». С 1900 г. на Ангаре стали появляться привычные для нас свиньи белой породы [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 1-93].

На крестьянском дворе, с. Кежемское Енисейского уезда. 1911 г. КККМ НЕГ 4525. Красноярский краевой краеведческий музей

Из птиц держали кур – в среднем четыре на хозяйство. Гусей и уток было не принято держать, их было настолько мало, что на 2788 дворов Нижней Ангары приходилось только 13 гусей и 47 уток. Из других домашних животных держали немало собак, примерно по три на двор для занятия охотой.

Даже по усреднённым данным видно, что скота держали достаточно много. Встречались хозяйства и намного крупнее: по 12-15 голов рогатого скота и по 7-10 лошадей. Вроде бы логично, семьи большие, хозяйство тоже. Но особенность местного скота

во второй половине XIX в. была в том, что он был очень малопродуктивным. Внешне он был мелким, шерстистым, высоконогим. Быки по весу тянули примерно на 7-8 пудов (115-131 кг) [Воротников, 1902б, с. 2], это живой вес современных шестимесячных бычков. Ежедневный средний надой лучших коров составлял около штофа молока (1,2 л), максимум полведра (6 л). Нередко было, что хозяйство с восьми коров давало в сутки полштофа молока. Для сравнения, на 2025 г. средние ежедневные удои на одну корову в Иркутской области составляли около 18 л (в 2000 г. – около 5 л) [Оперативная информация].

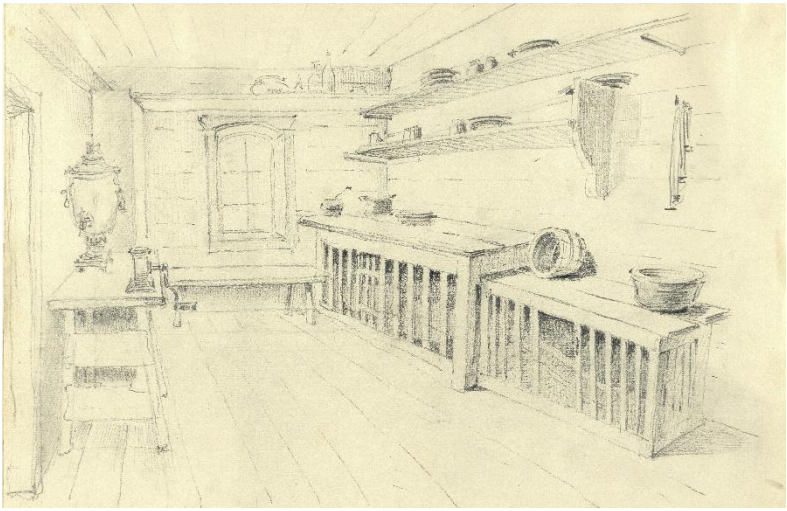
С чем это было связано? Конечно, ввиду трудностей того времени, не всегда могли надлежащим образом содержать скот. Зимой мало кормили, иногда только соломой, содержали зимой без укрытий, позволяли надолго и далеко уходить на пастьбу, так что, бывало, скот не возвращался домой неделю и более. Но были причины, которые негативно влияли на рост абсолютно всей скотины. Это мошка. Её летало очень много с мая и до поздней осени, настолько, что людям трудно было пройти по улице без сетки. Все, и люди и скотина, страдали от укусов, вызывавших постоянный зуд и опухоли. Спасали от неё, загоняя скот на день в стайки, разводили дымокуры, мазали животных дёгтем. Из-за мошки, вплоть до затопления Ангары искусственными водохранилищами, был распространён ночной выпас скота. И неудивительно, что постоянный стресс и боль влияли негативно на продуктивность. Кроме того, из-за относительной оторванности Ангары от других регионов, у местного скота был достаточно высокий уровень близкородственного скрещивания, который также негативно влиял на рост.

Возникает вопрос, для чего вообще тогда держать скотину, от которой так мало получаешь продуктов. Как известно, корова – это не только мясо, молоко, кожа, но и навоз. От навоза стайки и хлева чистили 2-3 раза за зиму, бывало, что его с подстилкой накапливалось более чем в пол-аршина толщиной (35 см) [Ермолаев, 1911, с. 116]. Шёл он на ближние поля (в 6-7 верстах), которые из-за интенсивного использования нуждались в этом един-

ственном удобрении. Бывало, что не всё шло на удобрение, в таком случае его вывозили на задворки или же на реку, которая весенним ледоходом уносила навоз по течению.

Овцы, в первую очередь, содержались для получения шерсти. Их стригли четыре раза в год: первая шерсть называлась «яритина», осенью, как выпадет снег, стригли «летнину», после Рождества – «зимнину», перед выгоном скота в поле – «веснину». Самой лучшей шерстью считалась летнина, худшей – веснина, которая шла на утóк.

Из овечьей шерсти пряли пряжу, которая шла на изготовление рукавиц, чулок, платков, домашней ткани, в редких случаях из овечьей шерсти валяли валенки.

В доме А.Е. Иванова, д. Толкичи Усть-Удинского района. 1957 г.
НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1 Л. 60. Институт этнологии и антропологии

Климатические особенности сильно влияли на годовой цикл содержания животных.

Самым тяжелым временем года была зима. Зимой скот держали в хлевах, стайках, лошадей в пригонах, стайках или на гумнах, иногда под открытым небом. Связано это было с тем, что лошадей, в отличие от других животных, не требовалось содержать долгое время в тепле. Вероятно, поэтому хлева строились более теплыми, чем стайки [Леонов, 2009, с. 151]. Для овец и свиней делались перегородки внутри тех же построек. Количество по-

строек на скотном дворе зависело от зажиточности хозяев, поэтому в бедных хозяйствах скотина часто была вынуждена ночевать на снегу, под холодным ветром.

Куры летом содержались на улице, зимой чаще всего переносились домой в куть, в клетушки под столом, обычно не более десяти штук, остальных рубили по осени. Также в избах могли держать новорожденных телят, ягнят и поросят, но только пока они не обсохнут. Из-за этого изба не превращалась в филиал скотного двора, ведь крестьяне держали свой дом в чистоте. Зинаида Ивановна Томышева, 1940 г.р., из села Тангуй Братского района вспоминала, как впечатлило её, когда в избу принесли телёнка. «*Помню, корову заводили в избу, теленка в избу носили. Теленок отелится, и теленка в избу обязательно. А я так боялася. Я сразу на эту кровать, а он-то, это самое, теленок, скользкий весь, и ножки скользкие, и он не может встать, он тыкается, к кровати этой подползет, хочет встать, а ножки эти разбегаются. А я кричу, боюсь, а спасу нет*».

Гнездышко для кур. Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 52831. Институт этнологии и антропологии

Хозяева старались кормить два-три раза в день соломой и сеном, дойным коровам давали хлебное пойло из ржаной муки [Сабурова, 1967, с. 40]. Солому иногда давали в виде «резки» или

«мешала» с мукой [Ермолаев, 1911, с. 115]. Поить гоняли на специальную скотскую прорубь или давали пойло в хлеву. «А они как-то отличались проруби? Для скота, для людей? – *Да, отличались. Обычно для людей проруби делали повыше, в Ангаре, а для скота пониже. Делали вот так вот, как навес, загородку, чтобы сильно не заносило. И для коров делали, долбили длинную, бровку намораживали.* – Чтобы не упали, да?
- *Да, и вот такие-вот узенькие для коров делали*», – вспоминала Валентина Александровна Левицкая (Логинова), 1948 г.р., из поселка Пинчуга Богучанского района. Так как загул в основном происходит в теплое время года, то как раз зимой рождается большинство детёнышей. Телята первые три-четыре недели кормились одним молоком, затем молоком с хлебом, а с шести недель уже переходили на сено. Чтобы полностью отучить телят от вымени, им надевали намордники с шипами. Телёнок такими шипами колол вымя коровы, а она в свою очередь отгоняла его от себя.

Надевались намордники, только без шипов, и на вполне взрослых животных. Например, для лошадей, чтобы животина не

Намордник для лошадей, д. Дубынино Братского района. 1958 г.
НА ИЭА РАН 52844. Институт этнологии и антропологии

тягала сено и снопы, пока их перевозили. «*А это называлась мордочка, вот такая сплетенная она. Она одевалась наверх, прямо как узда. Вот так там подвязывалась. И она веревочками сплетена. Здесь она ободками, вот так, три, два, четыре.* – А для чего? – *А когда снопы везешь с заимки, чтоб не дергала. Она не столько съест, сколько выдергает... Но и тот, за кем ты поедешь, тоже будет теребить. Особенно теребят овсяные, когда овес везёшь*», – рассказал Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района.

Были и еще одни приспособления, надеваемые на скотину: «*Налобник одевали на рога. Особенно коровам, которые прыгали через забор. Были прыткие коровы, через забор прыгали. Им одевали доску на рога. Корове есть она не мешала.* – Для безопасности? – *Это чтоб не прыгала, её уже не стреножили*», – говорил Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района. Доска, надетая на рога коровы, не давала ей возможности увидеть верхнюю часть забора, и она не понимала, что его можно перепрыгнуть.

Перевозка в плетенке корма для скота, д. Туба Нижнеилимского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 52849. Институт этнологии и антропологии

С конца апреля скот отправляли на свободный выпас, но первое время, когда трава не подрастет, подкармливали сеном и пойлом. Скот на Ангаре повсеместно пасся без пастуха, преимущественно ночью из-за мошки. Дабы из-за отсутствия пастуха предотвратить вытаптывание полей и препятствовать шатанию скота, по улицам вокруг деревни строили поскотину. Поскотина (прясло, плетень, огород) – огороженный вокруг деревни выгон радиусом 5-10 км. Практиковалось раздельное содержание скота на разных пастбищах. Дойное стадо держали поближе к деревне – в поскотине, паровом поле, на ближних островах, на более отдаленных островах пасся молодняк и овцы. Лошади обычно паслись в тайге, чтобы далеко не уходили, их стреноживали при помощи «вилкача» [Сабурова, 1967, с. 41].

Загон для овец. Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 52608. Институт этнологии и антропологии

В теплое время года проходил важный процесс охолащивания (кастрации) части молодняка. Делали это потому, что мерины и волы были намного спокойнее своих не кастрированных сородичей, и с ними было легче работать. Для свиней это проводили,

чтобы мясо не давало запаха, и боров быстрее набирал вес. Жеребцов кастрировали в возрасте трёх-четырех лет, быков в два-три года, поросят по достижении двух-трёхмесячного возраста. Этой работой занимались в основном местные коновалы [Ермолаев, 1911, с. 115].

Сенокос, д. Невон Нижнеилимского района. 1959 г.
НА ИЭА РАН 52628. Институт этнологии и антропологии

Большое количество островов на Ангаре давало свое преимущество на содержание животных. С одной стороны, они идеально подходили для пастьбы – нет хищников, естественная преграда в виде воды, богатство травяного покрова. С другой – это сложность транспортировки скота. Поэтому скот содержался там всё теплое время года. Женщинам приходилось ездить на дойку два раза за день. Чтобы пастбища не выедались и не вытаптывались подчистую, несколько раз за лето скот перегоняли или перевозили на больших лодках.

В зависимости от сезона, скот «весновал», «летовал» и «осеновал» на разных островах или участках. На весновку отправляли обычно «холостой скот», вместе с которым выезжали один из мужчин и мальчик – борноволочек. Они охраняли скот, пахали пашню, сеяли. Если на весновке был и продуктивный скот, то с ними выезжала женщина, которая доила коров [Сабурова, 1967,

с. 41]. Также часть скота содержалась на заимках, где были дальние пашни. «Нас отправляли весновать на острова, коней туда завозили, чтоб на посевную, чтоб не перевозить лодкой, а по льду, Ангара-то ешшо не проходит, а там надо уже сеять, землю-то готовить под посев… И вот я попал туда конюхом-то когда. Ну, чё?! Кони в выгонах загорожены, их же надо держать. Если токо уснёшь, кони выскочат на Ангару и все потонут. Лёдто уже всё, нарушился, весна приходит, и не поймашь потом никак. Ну а чё?! Молодой, пацан, боюсь, страшно боюсь! Пацан есть пацан… Приеду в избу в эту, коням идти надо готовить. Пока коням эту заварку заварю там всё это, сено намочу, воды навозю бочкой на коне, в колоду всё натолку, мукой пересыплю, накормлю лошадей. И утром опеть так же. Склад этот (там склад здоровый тоже был), охранять семена надо было, чтоб кто может поджечь, это беглые-то, всё говорили», – вспоминал Зарубин Ефим Иннокентьевич, 1942 г. р., из села Ершово Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2010а, с. 98].

Пока летом скот кормился на пастбищах, параллельно происходила заготовка кормов для скота на зиму – на одну скотину требовалось около 20 копен сена и соломы. Наиболее удобные места

Сенокос. Перевозка сена на метлах, д. Невон Нижнеилимского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 52629. Институт этнологии и антропологии

под покос были на низких пойменных берегах, на островах, на лесных полянах. Косили траву литовками, до их появления на Ангаре использовали косы-горбуши [Ермолаев, 1911, с. 111]. По виду они походили на большой серп с искривленной короткой рукоятью. В отличие от литовки, работа с горбушей была более тяжелой, так как косили ею исключительно в сгорбленном положении, перебрасывая при каждом взмахе из стороны в сторону. Как прокошенная трава просохнет, её сгребали граблями, копнили и вывозили сено в деревню.

Табун лошадей отдыхает в Ангаре от мошки, д. Сыромолотово Кежемского района. 2017 г.

В октябре-ноябре, как только выпадал снег и становилось значительно холоднее, начинался забой скота [Ермолаев, 1911, с. 120]. Подобная работа именно в это время года носила массу преимуществ. За лето молодняк вырастал, нагуливая мышечную массу, появлялась возможность хранить мясо на улице. К тому же выбытие лишнего скота экономило запасы сена, которые могли

Табуретка для доения коров, д. Червянка Чунского района. 2023 г.

закончиться за зиму. Процесс забоя пытались уложить в несколько дней, всё зависело от количества содержавшегося скота. Скотину не кормили с вечера, чтобы очистился кишечник. Для забоя выбиралось ровное, чистое место, желательно под навесом, чтобы была возможность подвесить тушу. Крупный рогатый скот били обухом топора или специальной колотушкой, чтобы оглушить, потом перерезали горло. Свиньи после оглушения забивались ударом ножа в сердце, мелкому рогатому скоту только перерезали горло. Кровь обязательно собирались в ёмкости, чтобы в дальнейшем добавлять в колбасу. Далее туша подвешивалась задними конечностями вверх, шкуру снимали сверху вниз, вынимали внутренности и разделывали мясо. Время забоя было своеобразным праздником, забойщиков угощали, в том числе блюдами из приготовленного свежего мяса. После забоя начинался новый этап содержания скотины, главной задачей которого было уберечь их в тяжелые зимние морозы.

3.4. Рыболовство

Русские, осваивая новые земли, не только приспосабливали под себя кормящий ландшафт, но и активно использовали имеющиеся блага. Колоссальные рыбные богатства Ангары не могли остаться без внимания со стороны первых поселенцев, так как это было отличным подспорьем для жизни в тяжелых сибирских условиях.

Подлёдная ловля удочкой окуня на мормыша,
д. Алёшкина Енисейского уезда. 1911 г. КККМ НЕГ 4480.
Красноярский краевой краеведческий музей

Для современного жителя Приангарья может стать открытием, что в Ангаре водилась «красная рыба». Многие считают, что «красная рыба» – это лососёвые породы, поскольку их мясо имеет красный цвет и считается деликатесом, но на Ангаре, исторически, «красной» называли ценную рыбу, в данном случае стерлядь и осётр. Остальную рыбу, даже довольно ценную по сегодняшним меркам, ангарцы относили к «белой» рыбе. Типичными для всей Ангары были: таймень, ленок, сиг, налим, тугун, щука, окунь, елец, сорога, пескарь, карась, ёрш, гальян. Хотя, по

словам Виктора Федоровича Ступина, 1948 г.р., из деревни Воробьёво Усть-Илимского района, ловить гальянов считалось детской забавой. Описывая Братскую волость, И.И. Воротников отмечал особое отношение к ершу: «Если изловят много ершей вместе с прочею рыбою, то, отобрав их, закапывают в землю, для того чтобы в реке плодилось их менее» [Воротников, 1902б, с. 2-3]. В верхнем течении Ангары также ловили сома и омуля.

В начале XX в. этнограф А.А. Макаренко, характеризуя ангарскую красную рыбу, писал следующее: «Ангарские стерлядь и осетр темнее цветом, жирнее и несравненно вкуснее тех, что водятся в Енисее. Стерлядь бывает от 2-5 (0.9-2.3 кг) и даже до 17 (7.7 кг) фунтов весом; осетры бывают от 25 фунтов (11.3 кг) до 1,5 (24.5 кг) пудов, но попадаются порою в 3 (49 кг), иногда в 5 (82 кг) пудов весом». Из-за великих размеров осетра была необходимость отдельно именовать экземпляры поменьше, поэтому осётра до 13 кг называли «чолбыш» (Мотыгинский район) и «осетрик» (Усть-Илимский район). Впрочем, и маленького тайменя называли отдельно «жалбончиком» (Братский район).

К концу XIX столетия рынок сформировал спрос на лучшие сорта красной рыбы, вследствие чего обильные запасы красной рыбы сделали её добычу прибыльным промыслом и, во многом, основой благосостояния ангарцев [Макаренко, 1902, с. 11]. Такой спрос был напрямую связан со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали. Но после завершения строительства он иссяк. А.П. Ермолаев в отчёте об экспедиции 1911 г. писал: «Обозы в десятки возов со стерлядью больше не тянуться по направлению к железной дороге», если бы спрос не упал, то ангарцы могли бы продолжать жить почти только от доходов от рыболовства [Ермолаев, 1911, с. 95].

До затопления Ангары, от устья реки и выше до Антоновского плёса Братского района, красная рыба встречались обильно, но выше порогов её распространение сокращалось. Так, в Усть-Удинском районе стерлядь не встречалась, а только осетр, а еще выше, в Боханском районе, красной рыбы не было. Это объясняется тем, что рыба теряла много энергии, двигаясь против течения и на Пьяном и Похмельном порогах Братского района, почти переставала двигаться выше. К тому же осетровые успевали

выметать икру намного раньше, чем достигали предела своего движения, а осенью пороги мельчали и становились почти непроходимыми, и рыба уходила на зимние стоянки [Макаренко, 1902, с. 12].

К сожалению, сегодня, вследствие возведения каскада гидроэлектростанций и ухудшения состояния окружающей среды, красной рыбы почти не осталось в Ангаре, а её добыча запрещена законодательством. Также запрещен вылов тайменя, ленка, тугуна, так как численность их популяции сокращается. В искусственных водохранилищах, наоборот, расплодился окунь, сорога, щука небольших размеров, карась, а также появилось много леща, включая незатопленный участок Ангары.

Заездки на р. Ангара. 1911 г. ГЦМСИР ГИК 16949/170б. Государственный центральный музей современной истории России

Сроки лова красной рыбы варьировались, так как в притоках Ангары лед проносило быстрее, и рыбалка начиналась раньше. В низовья Ангары занимались выловом красной рыбы раньше, чем в среднем течении, что напрямую связано с её нерестом. Чтобы дойти до верховьев, рыбе требовалось немало времени.

Крестьяне внимательно изучали особенности русла, течение и поведение реки в различные периоды. Особенно пристально следили они за «рекоставом» и «вскрытием» реки, имеющими

большое значение для рыболовства. Это нашло отражение даже в названиях речного льда. Так, различали лёд «осенец», примерзший ко дну: «вытащится осенец на забереги – идет Ангара»; «чемер», образовавшийся около берегов и сходящий последним, – это последний, весенний, рассыпающийся лед [Сабурова, 1967, с. 54].

Весной и осенью добычей белой рыбы зачастую занимались женщины, так как мужчины периодически были заняты на более тяжелых работах, например, на охоте, на пашне, на строительстве [Сабурова, 1967, с. 48]. А.А. Макаренко писал: «По всей Ангаре бабы и девки, попросту забредая в Ангару, ставят на известной глубине «морды», смазанные внутри пресным тестом (некислое тесто), и ловят ельцов» [Макаренко, 1902, с. 69]. Также женщины занимались ловлей рыбы с помощью уд, сетей и неводов.

Подледная ловля рыбы сетями и удами в д. Ярки Енисейского уезда. 1911 г. ККМ в/ф 79302. Красноярский краевой краеведческий музей

Простейшим приспособлением для ловли рыбы были «уды». Так на Ангаре называли крючок на верёвочке, который являлся частью некоторых видов рыболовных снастей.

Такое же название имела простейшая рыболовная снасть, представляющая собой крючок, привязанный верёвкой к палочке, а на крючке был «живот» («живец») – наживка на хищную рыбу. Зимой на «уды» ловили налима, для этого «пешнёй» (ломом с заостренным концом) выдалбливали лунку. Крючок с «живцом» опускали в прорубь, почти ко дну, где находился налим, который заглатывал наживку. Местами на Ангаре ловля удами считалась исключительно женским видом рыбной ловли. Живцом выступали пескари, или, как их называли многие ангарцы, «мокчёны». Ловили их осенью и старались сохранить живыми на всю зиму в корчаге (в садке) в Ангаре, и даже в кадке в подполье, ежедневно меняя воду [Сабурова, 1967, с. 50]. Как рассказал Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района, пескарей заготавливали еще с лета, подкармливали их картошкой.

Осмотр подлёдных уд на р. Ангара. Енисейский уезд. 1911 г. КККМ НЕГ 4472. Красноярский краевой краеведческий музей

Для ловли щуки и хариуса в летнее время года использовали «жерлицы». Она представляла собой «рогатульку», тонкий ствол

кустарника с частью ветви, на которую восьмеркой наматывалась веревка длиной два-три метра. На конце веревки крепился один или два крючка, на которые цепляли приманку. «Рогатульку» с «живцом» опускали в реку, а, чтобы закрепить снасть на берегу, вырубали талинку и использовали как удочку. Когда хищная рыба хватала «живца» и заглатывала крючок, она начинала убегать, распуская веревку. Рыбак, проверяя снасти, видел распущенную верёвку, осторожно подтягивал её к себе и вытаскивал пойманную рыбу, после чего сразу перерубал ей «лён» (позвоночник у хвоста), чтобы она не билась и не сорвалась обратно в воду.

Заездки на реке Туба, д. Туба Нижнеилимского района.
1959 г. НА ИЭА РАН 17852. Институт этнологии и антропологии

Весной на мелких речках устраивали заездки. Поперёк реки ставили брёвна, в дно реки вбивали два ряда кольев, связывая их прутьями, таким образом речку «запирали», но не всегда полностью. В двух-трех местах оставляли просветы, в которые ставили ловушки – «морды» и «фитили». В селе Московское Братского района заездки были шестиметровые. Для облегчения труда использовали и естественные заграждения – заводи, затишья. Заездки давали возможность передохнуть рыбе после того, как она

преодолела быстрое течение реки, и затем она шла в ворота и попадалась в ловушку. Для ловли налимов осенью в притоках Ангары на мелководье таким же образом сооружали «езды» или же перегораживали реку «тыном», оставляя место для морды [Сабурова, 1967, с. 51].

Установка морды в реке. Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 52573. Институт этнологии и антропологии

«Морда», устанавливаемая в просветы «заездок», – это ловушка, которая представляла собой два вставленных один в другой конуса, сплетённых из прутьев. Длина такой ловушки составляла до 1,5 м, внутренняя корзина имела длину меньше метра. Для её плетения обычно использовали ивовое лыко, предварительно вымачивая его в горячей воде для придания гибкости. С одной стороны «морда» имела «горловину» – воронкообразный вход, а с другой у неё была затычка, чтобы рыба могла легко заплыть внутрь, но не выплыть обратно. Морды ставили весной, когда с Ангары рыба шла в малые реки. Поэтому устанавливали таким образом, чтобы «горловина» смотрела против течения Ангары. Помимо «морды» на Ангаре пользовались «корчагой», которая, в отличие от «морды», представляла собой круглую узкую

корзину. Ловили на эту снасть преимущественно мелкую рыбу: ельцов, гольянов, окуньков, карасей, а также попадались щуки и хариусы [Афанасьева-Медведева, 2019, с. 340-349].

«Фитиль» представлял собой нитяной мешок на четырёх обручах с двумя крыльями [Лебедева, 1971, с. 88-89]. Идущие по течению налим, хариус, елец, сорога попадали в морды через горловину (творило) и уже не могла выбраться [Афанасьева-Медведева, 2014, с. 392-396]. Фитиль также использовали в заездках.

Рыболовная снасть, напоминающая большой «фитиль» в виде

Морды для ловли рыбы, д. Усть-Вихорево Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 51423. Институт этнологии и антропологии

круглой бочки, называлась «ремуга». Она представляла собой сеть из семи обручей и устанавливалась в 40 м от берега реки в тихих местах. Такая снасть устанавливалась между колышков, чтобы она держалась на дне, для утяжеления прикреплялись камешки [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 473. Л. 1-530].

Помимо «морд» и «фителей» в заездках сооружались «корыта» – крупные, сплетенные из прутьев тальника ловушки, длиной до двух метров, шириной около метра и глубиной до полуметра, выполнявшие функцию накопителя рыбы. Идущая по те-

чению рыба, скапливалась в корыте, откуда её потом черпали руками. Для подхода к ним поверх кольев на небольшом расстоянии друг от друга укрепляли две жерди – «скамейки» [Афанасьева-Медведева, 2019, с. 355-357].

Фитиль, с. Братск Братского района. 1957 г.
НА ИЭА РАН 50742. Институт этнологии и антропологии

В Богучанском районе для этих же целей использовались «котцы» – эластичные маты из тонких жердочек, которым можно было придать любую форму. Они устанавливались на мелководье в виде лабиринта и укреплялись на дне тяжелыми камнями, рыба

Котец для ловли пескарей, д. Гольтявино Кежемского района. 1959 г.
НА ИЭА РАН 50441. Институт этнологии и антропологии

заплывала туда через отверстие и не могла уже выйти обратно. «Котцы» применялись для ловли пескарей [Сабурова, 1967, с. 51].

Широкое распространение по всей Ангаре получили сети. Вязались они женщинами. После сети привязывали через каждые 10-11 см на «тетиву» – верёвку из лыка, ольхи, тальника, пеньки, а также конского волоса. Чтобы растянуть сеть, по вертикали в воде через каждые 35 см нанизывали «грузила», представляющие камешки, обёрнутые берестой, а также маленькие цилиндры-кольца из обожжённой глины. Напротив, грузила находились цевки – поплавок из скрученной бересты [Сабурова, 1967, с. 49].

Вязание сети. с. Братск Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 50372. Институт этнологии и антропологии

Сети разделялись на плавные и ставные. Ставные же сети устанавливались в тихих травянистых местах у берегов, чтобы рыба туда попадала, её распугивали: бросали камни в воду, били по воде веслами. Сети разделялись по специализации, которая определялась количеством ячей, длиной и шириной сети: «ельцовка» и «окунья» имели ячейки размером 3 см, их разница была в длине сетей; у «щучьей» сети ячеи были по 10 см; у «тайменьей» по 10,6 см.

Также существовала сеть «трёхстенка», представляющая собой три слоя сетей. Средняя стенка («частик») с ячейкой 3 см, а боковые «режи» крупные, по 6-7 см [Сабурова, 1967, с. 50]. В селе Братск осенью, когда в травянистой местности собиралась рыба: окунь, щука, таймень, редко ельцы, выставляли по две-три «трёхстенки» подряд, заплывали в траву на лодке и «ботали», то есть били по воде особым

Посадка сети Вдовиной А.А., с. Братск Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 50366. Институт этнологии и антропологии

шестом с лопаткой с отверстиями. Сильное движение и шум пугал рыбу, которая попадалась в расставленные сети. [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 1-93]

В Братском районе использовали сети «турянки» для подлёдного лова. «Прогон» (тетива) изготавливали из конского волоса, так как «прогон» из растительного материала на морозе был достаточно ломким. Процесс установки сети выглядел так: во льду прорубали лунки, брали «рогатку» (деревянную палку) и с её помощью «задавливали», то есть направляли и прижимали жердь под лёд и ловили её другой рогаткой в следующей лунке. К жерди была привязана веревка, а к ней край сети, которую протягивали подо льдом.

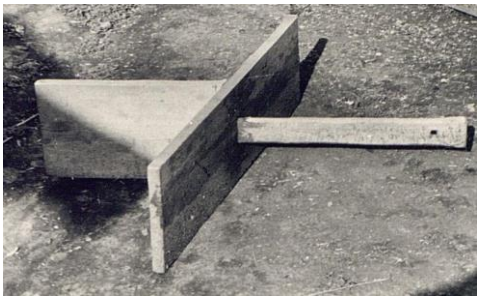
Весной, когда река вскрывалась ото льда и вода была «свежей», ельца черпали сетью. Говорили, «на свежон елец идет».

Специфичны для Ангары различной формы мелкие сети, укрепляемые на длинных деревянных шестах, например, в селе Братск использовали «намётку» – большой сачок в виде треугольного кармана для ловли рыбы в мутной воде с берега. При ловле сеть переворачивалась, поперечной палкой вели по дну, а затем вытаскивали. Таким путем добывали много рыбы, больше чем «фитилями». [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 1-93] Также бытовали на Ангаре мелкие сачки из веревок и прутьев разной формы для ловли пескарей: «зыбка», «сак», «сило» [Сабурова, 1967, с. 49].

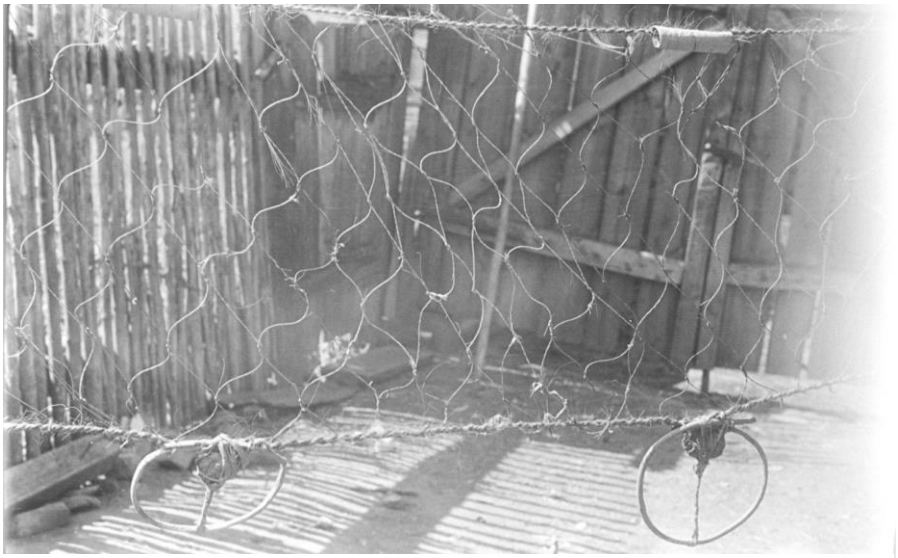
Поставная сеть из крученого конского волоса,
с. Братск Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 50346.
Институт этнологии и антропологии

Применялись плавные сети, которые растягивали между двумя лодками и шли против течения, и в них попадала рыба. Чтобы обходиться одной лодкой, использовали «гагару». Она представляла собой поплавок в виде двух дощечек, скреплённых крест-накрест. Одна часть крестовины была более узкой, чтобы соединяться с «прогоном» (верёвкой) одного из концов сети длиной 50 м. Рыбаки с лодки бросали «гагару» в воду недалеко от берега. Её относило течением ближе к середине реки, а за ней под углом шла лодка, так чтобы сеть шла почти километр поперёк реки. Если «гагара» начинала тонуть, значит, в сеть попала рыба. «*Кода гагарка встанет, доски-то эти крестные, встанет вот так вот, как всё ровно её туды топют, значит, всё! – рыбы у тебя полно. Она как поплавок*», – рассказывала

Гагара, д. Парилово Братского района.
1958 г. НА ИЭА РАН 56892.
Институт этнологии и антропологии

Александра Иннокентьевна Буренкова, 1931 г.р., из села Ключи-Булак Братского района. С помощью этой снасти ловили различную речную рыбу, в том числе ельца, тайменя, стерлядь, сига, щуку и хариуса, причём размер ячеи сети подбирался в зависимости от желаемой добычи [Афанасьева-Медведева, 2012, с. 207-209].

Поставная сеть из крученого конского волоса, с. Братск Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 50343. Институт этнологии и антропологии

Широкое распространение получил невод. Ангарцы говорили: «Невод – первый кормилец» [Сабурова, 1967, с. 49]. Невод состоял из двух крыльев, которые являлись сетными стенками и служили для направления рыбы, и «матицы» (мотни) – мешка, в котором скапливалась рыба, который располагался между крыльев. Длина крыльев невода достигала 40 м, длина мотни 8 м. К неводу, в районе мотни, прикрепляли деревянные поплавки в форме бутылок, а также грузила («кибасья») и якорь – тяжёлый камень, более пяти килограммов, что позволяло неводу притормаживать при сильном течении [Сабурова, 1967, с. 50]. По словам Иннокентия Степановича Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района, со временем от неводов отказались, так как место крепления крыльев к мотне – «уши» («лапта») – было

достаточно сложным, и редко кто умел делать его правильно. Помимо обыкновенного невода существовал и облегченный вариант без мотни – «бредень». Его делали из старых негодных неводов и сетей.

Неводили весной и осенью артельно. Перед началом лова обязательно проверяли «тоню» – место, где планировали неводить. Брали утяжеленный «кляч» – веревку, привязанную к крылу невода, за которую рыбаки тянули сеть с берега, и протягивали его по дну по течению, один человек на берегу, другой в лодке. Если дно оказывалось чистым, ничего не цеплялось, можно было приступать к лову рыбы.

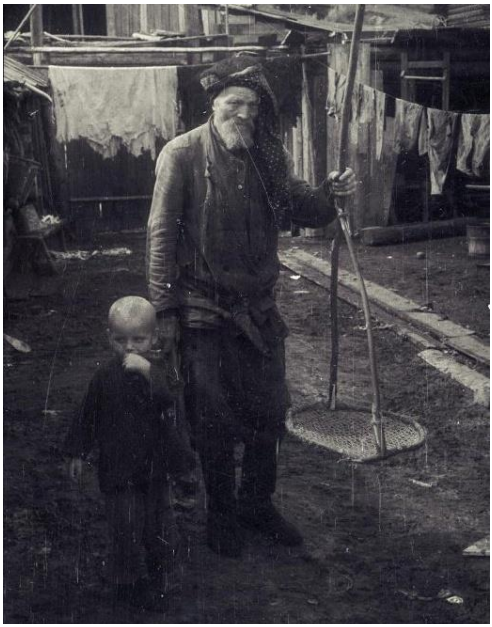

Намётка, с. Кобляково Братского района. 1957 г.
НА ИЭА РАН 54850. Институт этнологии и антропологии

Артель состояла из шести человек, двое на берегу и четверо в лодке-набойнице, так называли глубокую лодку до 1,2 м шириной. На корме лодки находился старик, который управлял процессом ловли рыбы. На берегу двое держали «кляч», сам невод в лодке был сложен особым образом, так, чтобы ничего не запуталось. Сверху клали всегда кляч, за ним крыло, мотню и второе крыло. Лодка отплывала на «стреж» (глубина), двигаясь поперёк

реки. Сначала сбрасывали в воду верхнюю тетиву крыла, а «кормчий» выбрасывал нижнюю тетиву с «кибасами», чтобы крыло сразу вставало как стена. Как только первое крыло было выброшено из лодки, выбрасывалась мотня, затем второе крыло. После того как невод был полностью расправлен, рыбаки проходили всю «тоню» по течению, чтобы захватить побольше рыбы, после чего невод закрывали, поворачивая лодкой к берегу.

Невод вместе с лодкой сносило течением, а рыбаки, находившиеся в лодке, и береговые начинали выбирать веревки, стягивая крылья. Чтобы рыба уходила из крыльев в мотню, дети кидали камни между крыльями. Когда крылья сошлись, из мотни начинали выбирать руками, мотня всё время оставалась в воде. Крупную рыбу, тайменя и стерлядь, глушили, мелкую – вычерпывали сачками из мотни невода. Невод из воды складывали обратно в лодку и повторяли весь процесс заново.

Зыбка – ловушка для пескарей, д. Бадарма Нижнеилимского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 51022. Институт этнологии и антропологии

Рыбная ловля неводом была достаточно опасным занятием. Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района, рассказал о несчастном случае при неводьбе. «*Вот тётка Нюра – дяди Кеши, моего папы родного брата, жена утонула. Ее унесло, утащило клячем. Она была береговая, подбирает ближе кляч этот, мотает на руку. Первый кляч выберут, потом он тоже с этими, с баклушками… он не утонет, он близко у берега. Вот петля: раз бросили его, следующая она. Бегает, бегает, она наматывает. Раз,*

зацепила, зацепила, и всё. Это как потянуло крыло-то по течению. Её потянуло и затянуло веревку-то на ней, и всё. И тётка Нюра в 46-м году…».

Для подледного лова неводом зимой объединялись обычно 10-12 человек. На льду реки делали «метальную» четырехугольную «ердань» (прорубь), куда метали сеть, и вокруг нее несколько лунок «пролубок». От лунки к лунке проталкивали шест, с привязанной к нему веревкой невода, и затем стягивали невод к метальной ердани, откуда и вытаскивали его [Сабурова, 1967, с. 51].

Подготовка небольшого невода, д. Усть-Вихорево Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 52587. Институт этнологии и антропологии

Осенними ночами ангарцы также занимались и «лучением», когда на носу лодки укрепляли «козу», представляющую собой толстый шест («держак»), на который насаживался железный семизубый треножник. В нём разжигали огонь из смолистых лучин («смолья»). Свет этого костра не отпугивал рыбу и позволял рыбаку разглядеть её на глубине [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 426. Л. 1-93]. Задача состояла в том, чтобы бесшумно подобраться к замершей в свете огня добыче и поразить её острогой –

колющим орудием, представляющим собой гладкое «ра́товище» (древко) длиной от 4 до 8 м. На конце древка закреплён железный наконечник длиной 16-18 см, с втульчатым насадом с одной стороны и 3-4 остриями с зазубринами. Чтобы не создавать лишнего шума и всплесков, лодкой управляли не вёслами, а бесшумно отталкивались длинным шестом.

Лучшей добычей на Ангаре всегда считались осётр и стерлядь. Именно здесь природа сформировала наиболее удобные условия для ловли красной рыбы, так как осенью, уже во второй половине сентября, красная рыба собиралась в местах зимовки – «зимовальных ямах». Осётр и стерлядь замирают в яме, тесно прижавшись друг к другу, почти не оставляя свободного места между отдельными рыбинами. Говорили еще, собирается «плотами»: «*На мелком месте – мелкая рыба, а на глубоких местах вставала более крупная рыба*», – рассказал Виктор Фёдорович Ступин, 1948 г.р., из деревни Воробьёво Усть-Илимского района. А.А. Макаренко писал, что на отрезке между устьем Ангары и Братском насчитывалось более 30 ям, при этом около 11 ям имели 5 подразделений и отличались богатым содержанием красной рыбы [Макаренко, 1902, с. 14].

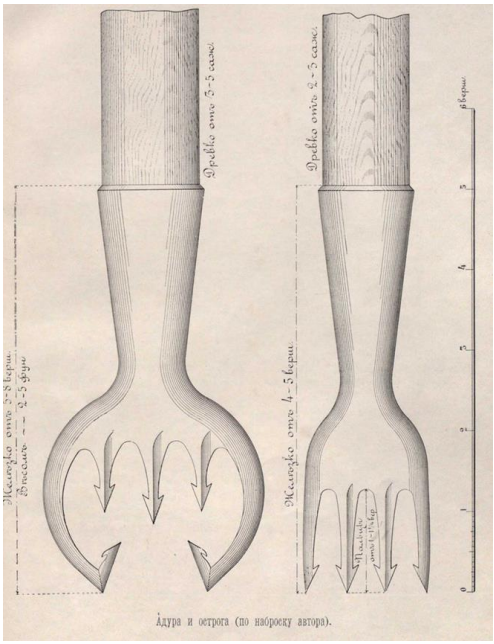
Осенью по «шуге», мягкому рыхлому льду в реке, мужчины выезжали на зимовальные ямы, на так называемые «выездки» – коллективный, строго организованный лов красной рыбы. Представители разных деревень в назначенный день съезжались на лодках к зимовальным ямам. Рыбаки выстраивали свои лодки в ряд поперёк Ангары и по единой команде начинали лов. Добычу красной рыбы осуществляли острогой. Снаряжалась лодка из двух-трех человек, как правило, это были члены одной семьи или артельщики, и бралось по 5-6 острог, так как они часто ломались при ударах о камни.

Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района, рассказывал, что они по осени, когда появлялся тонкий лёд у берегов реки («забереги»), ездили «колоть рыбу». В это время рыба уже готовилась к зиме, сбивалась в косяки и уходила в ямы. И нужно было отыскать эти места, для этого проводили разведку. В том месте, где видели рыбу, кидали палку на берег. Садились в лодку и начинали ходить зигзагами,

пересекая реку то в одном, то в другом месте. Приглядывались к воде, особенно в местах, где течение чуть медленнее, где есть камни или затопленные деревья, так как в этих местах рыба и стояла.

Кололи рыбу двое: один управляет лодкой, другой колет рыбу. Главное, подойти незаметно и метко ударить. Старались бить в хвост косяка рыбы. Так как если ударить спереди, косяк «разбежится», а если с хвоста, то «если одна шарахнется, остальные не сразу поймут».

В среднем течении ангарцы придумали, как добывать красную рыбу зимой. На Антоновском и Бадарминском плесах, в Шаманском и Долгом порогах производилась «побойка» красной рыбы «адурой», которая напоминала острогу, но имела большое древко и более тяжелый железный наконечник, у которого внешние зубцы выгнуты дугообразно, а между ними три внутренних острия.

Адура и острога (по наброску автора). Ангара. 1902 г. [Макаренко, 1902, с. 27]

Занятие было коллективным, так как для манипуляции адурой требовалась значительная физическая сила. За одной адурой могло находиться до 10 «адурщиков», а на побой собиралось до 20 человек, что зависело от глубины ямы.

Для побойки «адурой» делали проруби, начиная расчищать их с осени, чтобы в последствии сильным стуком не испугать рыбу. Когда же приступали к ловле, то оставалось прорубить только тонкий лёд. Когда лёд был прорублен, один из побойщиков приподнимал адуру вверх, а

другие поддерживали древко деревянными «подмогами». Стоящий спереди «побойщик» с силой бросает адуру через лунку в глубь реки, так чтобы она шла по течению. Адуру извлекали из воды и бросали снова, пока она не достигала дна, и рыба не попадалась на её зубцы. Одновременно на адуру могло наколоться по две-три рыбы. Если адура достигла дна, это означало, что рыба уже была распугана и перекочевала в другое место, и тогда уходят на следующую лунку [Макаренко, 1902, с. 44-45].

Каменные якоря для самоловов, д. Банщиково Нижнеилимского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 54042. Институт этнологии и антропологии

Всё же большую часть красной рыбы ангарцы вылавливали самоловами, основанием которых служила прочная верёвка-встёжка – «хребтина» или «тетева», длиной до 40 м, на которой через каждые 70-100 см укреплялись поводки с крючками («уды»). «Хребтину» вили из пеньки или лыка в три-четыре пряди диаметром около 1 см. К одному из концов «хребтины» привязывалась якорная верёвка, к другому концу – «хвостец» – верёвка, соединяющая «хребтину», лежащую на дне с большим деревянным «наплавом», находящимся на поверхности воды. Длина «хвостеца» превышала в 3-4 раза глубину места, где был установлен самолов. Для обозначения местонахождения самолова к «хвостецу» прикреплялся «наплав», представляющий поплавок, который рубился из сухостойного дерева длиною до 3 м. Его часто маркировали, чтобы обозначить владельца самолова.

Для фиксации самолова на одном месте к нему подвязывался тяжелый каменный якорь, а для того чтобы «хребтина» лежала на дне, её загружали небольшими каменными «кибасами». К концу «хребтины» также подвязывался каменный 4-5-килограммовый якорь. К крючкам при помощи нити надевались шашки «бакулки» – поплавки, изготовленные из бересты или сосновой коры, которые должны были удерживать крючки остриями по течению на уровне хода рыбы (25-30 см от дна) [Егоров, 1943, с. 19-23].

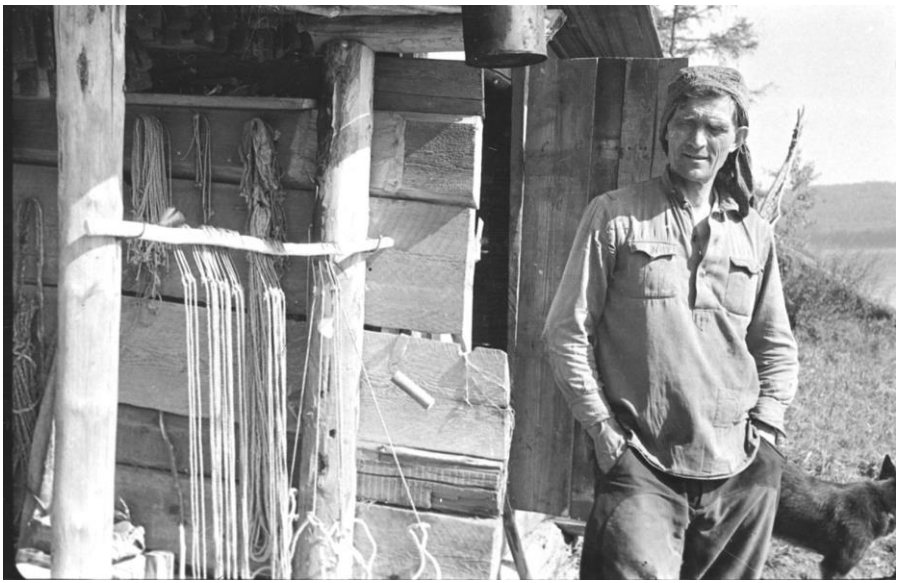
Принцип работы самоловов основывался на повадках стерляди. Она питается «мормышем» – мельчайшими рачками, которые живут в песчано-галечных бороздах на дне реки. Чтобы собирать этот корм, природа дала ей «телескопический рот», расположенный снизу, поэтому стерлядь всегда движется у самого дна, идёт против течения, медленно «пасясь» и перебирая грунт. Именно эту особенность и использовали ангарские рыбаки. Они ставили свою снасть, самолов, прямо на этих кормовых тропах. В результате получалась идеальная ловушка: стерлядь плыла против течения по своей борозде в поисках корма и натыкалась на остро отточенное остриё. Дёргаясь, она только глубже засекалась на крючке без бородки. Таким образом, весной ловили красную рыбу.

Якоря и наплавы для самоловов, д. Банщиково Нижнеилимского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 50992. Институт этнологии и антропологии

Существовало два вида самоловов: поперечный и продольный. Разница заключалась в том, что «поперечники», устанавливаемые поперёк реки на участок с более медленным течением, имели в два раза больше крючков, чем «продольники», два больших наплава, а также два тяжелых якоря, чтобы самолов течением не уносило. Поэтому для его изготовления требовалось два якорника и два хвостеца [Егоров, 1928, с. 24].

В самолове, на крючки которого наживлялся «живот» (живец), наживкой выступал пескарь. У такого самолова поплавки на крючках отсутствовали. На него хорошо ловилась хищная рыба: таймень, налим, щука, окунь. В таком случае перемёт называли «животник».

Рыбак Е. Банщиков, слева висят самоловы,
д. Усть-Вихорево Братского района. 1957 г.
НА ИЭА РАН 50783. Институт этнологии и антропологии

Рыбакам приходилось часто проверять самоловы, чтобы рыба не успела «уснуть» (умереть) на крючке и испортиться. Уснувшая рыба является очень опасной для употребления в пищу, так как плотное жировое мясо осетровых пород создаёт идеальные условия внутри для размножения бактерий, вырабатывающих ботуло-

токсин. Кроме того, в хребте осетровых проходит «визига» (спинная струна, остаток хорды), которая при разложении рыбы выделяет дополнительные токсины, быстро пропитывающие окружающее мясо. Поэтому, если рыба успела «уснуть» в снастях, и не было понимания, как давно это произошло, то её почти всегда выбрасывали, чтобы избежать тяжёлого, часто смертельного отравления. Такие случаи были не редкостью: «… *начальник образования Свиридов пришёл к директору школы, тот рыбак, сели, по стопарю, закусили, вроде бы, всё со стола одного, а он всё, извините, ласты склеил… Вот красную рыбу, осетра, стерлядь, нельзя брать уснувшую, но жадность… И визигу еще вовремя надо вытащить…*», – рассказал Валерий Павлович Степовой, 1945 г.р., из поселка Мотыгино Мотыгинского района.

Алексей Викторович Шишкин, 1953 г.р., из поселка Мотыгино Мотыгинского района, рассказывал, что они как-то поймали уснувшую стерлядь и долго вываривали, боясь отравиться.

Осенью, во второй половине сентября, когда рыба собиралась в ямах, на Ангаре происходила одна из самых массовых в мире

Временное жилище рыбаков на берегу р. Ангары,
д. Усть-Вихорево Братского района. 1957 г.
НА ИЭА РАН 50784. Институт этнологии и антропологии

рыбалок, когда на тесном пространстве одновременно участвовали более 250 лодок. Она называлась «выставкой самоловов» и длилась продолжительное время, до двух недель, так как встревоженная рыба ежедневно возвращалась в ямы.

Перед «выставкой самоловов» назначенные от селения люди слушали ямы и по всплескам воды определяли, можно ли начинать промысел. После чего из окрестностей съезжались крестьяне на лодках по два человека, половину из которых составляли женщины. Между окрестными селениями существовало соперничество за ловлю рыбы на яме, а угроза её умышленной порчи являлась главной причиной, по которой местные общины были вынуждены устанавливать особые правила доступа к ресурсу. Яму могли испортить посредством опускания в неё большого объема дёгтя, багульника или пихты, запах которых рыба не переносит. Поэтому, чтобы защитить яму от умышленной порчи, рыбаков со всех окрестных деревень, и даже из других волостей, допускали к совместной ловле, поскольку такой допуск делал всех рыбаков заинтересованными в целости ямы [Савельев, 2021, с. 207].

На «выставках» от волости обязательно присутствовал старшина или его помощник, который руководил промыслом. Он также мог заниматься ловом рыбы. Съехавшиеся на лов рыбы ангарцы организовывали на берегу свой быт: строили шалаши, избушки. Главными скупщиками рыбы были местные торговцы, которые привозили различные товары, в том числе и алкогольные напитки.

Рано утром рыболовы садились в свои лодки и ждали знака. В среднем на каждую лодку приходилось по 10-12 самоловов. Это количество зависело от числа съехавшихся лодок: чем больше лодок съезжалось, тем меньше самоловов выставлялось. Это регулировалось старшиной. Самоловы устанавливались мужчинами, так как это требовало ловкости и силы, так как нужно было поднимать тяжелый груз и иметь дело с довольно острыми и опасными снастями. А лодкой управляла женщина. От неё требовалось справиться с быстрым течением и попасть к своему самолову, а пока идёт осмотр самолова – удерживать лодку возле него [Макаренко, 1902, с. 26].

Вытаскивание самолова. Иркутская область. 1957 г. НА ИЭА РАН 50785. Институт этнологии и антропологии

Так как в зимовальных ямах рыба «стояла», её нужно было привести в движение, чтобы она начала цепляться на крючки самоловов. Для того чтобы рыбу разбудить, нужно было «разбить яму». Назначались определенные люди, которым платили из общего улова. «Выбуживали» рыбу шумом лодок, бросанием в воду камней, туесов из-под дёгтя, навоза, пихты, связок багульника, коровьей кожи, пропитанной дёгтем, а также стреляли, играли на инструментах. «*Нарочи шумят, выбуживают рыбу. Которы камни бросают, которы дак стреляют с ружей, чтоб её выбудить-то. А которы бросают в воду туески из-под дёгтя, которы навоз бросают. Она же запаха-то боится. Она потом подыматся наверх. Вот «будить» называтся»* [Афанасьева-Медведева, 2007, с. 492].

Установка самоловов и их осмотр проводились всеми рыбаками одновременно, чтобы никто не мог забрать рыбу с чужих самоловов. По сообщению А.А. Савельева, в 1911 г. кража рыбы с чужих самоловов жёстко каралась. Так, например, вора, укравшего осетра из чужого самолова, наказали розгами на сельском сходе, а когда он не сознался, его высекли снова. После этого с вора взыскали убыток. Его ружьё отдали потерпевшему [Савельев, 2022, с. 92-95]. После того как все участники «выставки» собрались в своих лодках, старшина отдавал команду при помощи взмаха руки, флажка или выстрелом, после чего все лодки,

оттолкнувшись от берега, вперегонки неслись до места расположения самоловов, узнавая их по наплавам. Приплыв к становищам, начинали убирать рыбу, затем уплывали на обед, отдыхали, а вечером снова по команде отправлялись на самоловы.

Когда темнело, старшина подавал знак «съезжать с реки», народ, оставляя самоловы, причаливал к берегу. Вечером на суше царила атмосфера праздника: зажигались костры, варилась осетрина и производился счёт рыбы. Торговцы продавали водку, пользующуюся спросом у промокших рыбаков. Молодёжь, подогретая водкой, пела песни под гармонь и балалайку, а также водила хороводы. Если на утро кто-то не выезжал на проверку самоловов, то кто-то другой мог осмотреть самоловы в свою пользу [Макаренко, 1902, с. 34].

Не все рыбаки ловили одинаковое количество рыбы, это зависело от места установки самолова. Количество ежегодно добываемой на выставках красной рыбы также неодинаково – это зависело от количества собравшейся на яме рыбы.

Наловленную рыбу садили в садки – плетённые из тальника ящики, стоящие в воде, и оставляли до заморозков. Большую часть рыбы продавали на месте торговцам, зажиточные крестьяне могли увозить рыбу домой, чтобы потом продать подороже [Арефьев, 2021, с. 227].

Пойманная стерлядь, д. Шаманка Братского района. 1958 г.
НА ИЭА РАН 50795. Институт этнологии и антропологии

Из всего сказанного приходим к выводу, что рыболовство на Ангаре помогало выживать в трудные времена, формировало материальную культуру первых поселенцев. Богатейшие запасы «красной» (осётр, стерлядь) и «белой» рыбы не только служили пищей, но и стали основой экономического благосостояния ангарцев, особенно в период строительства Транссибирской магистрали.

Ангарские крестьяне обладали глубочайшими знаниями о поведении реки и повадках рыбы. Это позволило им широко использовать разнообразный арсенал снастей: от простейших «уд» и «морд» до сложных коллективных орудий, таких как «самоловы» и «адуры», требовавшие мастерства и физической силы. Сложно даже представить, какие из придуманных человечеством способов рыбной ловли не использовались русскими старожилами на Ангаре.

3.5. Охота

Для русских старожилов, проживающих в таёжном ангарском крае, жизнь без охоты не представлялась возможной. Первые русские пришли сюда с Русского Севера уже со своей сложившейся охотничьей культурой и, осваивая новые места, значительно развили её вследствие благоприятных возможностей. Охота здесь, на Ангаре, носила товарный характер. Промысел белки был ведущим с середины XVIII до начала XX в. и вёлся силами сельского населения таёжной зоны. На лесостепных пространствах Верхней Ангары охота была ограничена лишь добычей косуль.

Известный этнограф А.А. Макаренко, совершивший не одну экспедицию на Ангару, писал в начале XX в.: «Уже от села Братский Острог Ангарская долина отличается от верховья значительной гористостью, изобилует болотами и покрыта дремучими лесами; в этих, по-сибирски сказать, «тайгах» водятся «черны» и «пушны» звери, представляющие, помимо рыболовства на Ангаре, предмет значительного промысла населяющих долину русских и тунгусов».

В период «белковья охотились не только на белку, но и на других пушных зверей: соболя, лисицу, куницу. Кроме того, добывали крупных хищников: медведя, волка, росомаху; загоняли и ставили ловушки на копытных: сохатого (лося), оленя, изюбра, косулю. Охотились ещё и на ласок [Ермолаев, 1911, с. 100]. Из птиц предметом охоты служили тетерева, глухари, куропатки, рябчики, дикие гуси и утки.

Своеобразие хозяйственно-бытового уклада жизни русских старожилов нашло отражение и в праздничной календарной обрядности. Большинство крестьян были неграмотными и вели счёт дням по народному (церковному) календарю. А.А. Макаренко в книге «Сибирский народный календарь в этнографическом отношении» описывал занятия ангарцев в соответствии с народным календарём, в том числе и охотничий промысел: «…следует начинать охоту на белку с Покрова, а бросать – самое позднее около «Филиппа» (14 ноября) или Рождества. Когда говорят, что «до Петрова дня» прекращается охота на птицу, то понимают под

этим выражением ничто иное, как то, что «Петров день» есть срок, до которого сама собой или в силу закона прекращается стрельба по дичи; а возобновиться охота может с “Петрова дня”» [Макаренко, 1913, с. 29].

Ангарский охотник с собакой, д. Яркино Енисейского уезда. 1911 г. КККМ НЕГ 4544. Красноярский краевой краеведческий музей

На Казанскую 4 ноября (22 октября по старому стилю) выходили из леса. Следует отметить, что основные промысловые сезоны не накладывались на выполнение полевых работ и играли самостоятельную, явно не подчиненную земледелию роль. Промысел вёлся частью самостоятельно, частью артелями, раздел добычи производился или из расчёта на деньги, или на пушнину.

Продолжительность промыслового сезона во многом зависела от капризов погоды. День выхода промысловиков не обязательно точно совпадал с одним из перечисленных праздников, выходили из леса по-разному. При благоприятной погоде промысел продолжался до первых чисел декабря. Старались вернуться к празднику, но если выпадал ранний глубокий снег и ударяли морозы, то промысел заканчивался в середине ноября.

Петров день приходился на 12 июля (29 июня по старому стилю) – это был рубеж лета, после которого начиналась подготовка к жатве. Все с нетерпением ждали Покров – 14 октября (1 октября по старому стилю), но ни как праздник для выхода в церковь, а для выхода в лес: «*Начинали охотиться осенью, уходили на месяц, по первому снегу... Белку добыть надо было, чтобы она ценной была. Охота, она не каждый год бывает удачной, как говорится*», – рассказывал бывалый охотник Егор Егорович Погодаев, 1928 г.р., из села Кобляково Братского района.

Ангарцы становились охотниками с детства: «*Да я с отцом-то лет, наверное, с семи-восьми, а сам уже соболей в четвёртом классе, в пятом уже добывал. Добывал соболей. Я соболей ловил больше, чем некоторые охотники в тайгу ходили, я здесь. А здесь у нас была Заходейка – речка, сейчас её там затопило, я там вырос, убегал со школы, меня по три дня искали потом.* – А где вы там ночевали? – *А без спичек в снег зарывался. Краюшку хлеба под мышку. Отец сначала меня искал, а потом махнул рукой. Ружьё мне не даст…* – А вы со скольких лет белковали? – *Ой, ну это уже в школу я вовсю ходил, уже после восьмого класса...* – Как ночевать в снегу? – *Дерево там какое-то наклонило, вот туда дыру делаешь, ветки пихтовые наломаешь – туда это, опять эту дыру закрыл и там калачиком свернулся, эту крышечку (хлеб) согрел подмышкой, погрыз. Как навес какой-то был со снегом, но это уже я соображал, видимо.* – Сколько вам лет-

то было, когда уже начали ночевать в лесу? – *Ну, лет 8-9 было, может быть*», – вспоминал Каморников Владимир Иванович**,** 1946 г.р., из деревни Подъеланка Усть-Илимского района.

Перед тем как отправиться на «белковье», охотники тщательно готовились. В сентябре, после завершения полевых работ, мужики покупали оружейный провиант (порох, свинец и прочее) и пристреливали ружья у себя в чистых дворах. Перед промыслом откармливали собак. Женщины починяли «лесовую лопотину» (промысловую одежду). За неделю и больше до промысла готовили «харчево»: осенью хлеб сушится на сухари, весной был в мороженом виде [Ермолаев, 1911, с.103].

Пристрелка малопульных винтовок производилась прямо в усадьбе, в чистом дворе. Поэтому перед промыслом, наметив на стене амбара точку, охотник, во-первых, с помощью молотка и напильника пристреливал мушку винтовки на точность боя. Во-вторых, подбирал костяной меркой такой пороховой заряд, при котором свинцовая пулька лишь вдавливалась в бревно, не проникая в него [Бычков, 2003, с.49]. Этому обычаю множество устных и реальных свидетельств – следы от пуль, оставленных на стенах старых амбаров в усадьбах старожилов. Об этом нам рассказывал Мальков Павел Васильевич, 1931 г.р., из села Кобляково Братского района: «*Это охотники пристреливались. Купит ружье, ну вытащит и потом пристреливается как кучно или вразмах.*

- Перед тем как на охоту идти?

- *Почему?*

- Проверка ружья?

- *Конечно*.

- А почему подальше не уходили в лес? Прямо здесь стреляли? Никто не боялся, что стреляют?

- *Дак в людей не будешь стрелять, там просмотришь все, не идет ли кто*».

Оружие и по сей день занимает главное место в снаряжении охотника. Во второй половине XIX в. это «турка» – шомпольная дульнозарядная винтовка, или «кремлёвка» (кремнёвка). Ружья служили охотникам долго. Почти в каждой деревне имелся уме-

лец, способный починить или смастерить новый ружейный замок. Ложе – «корыто» для винтовки охотник порой вырезал из берёзы сам «на свой манер». Особо ценились во второй половине XX в. так называемые «тунгусьи» кремнёвые ружья. Эвенкийские кузнецы превращали обычное оружие в произведения искусства – инкрустировали ружейные стволы накладками из меди и серебра.

Снаряжение охотника, д. Большая Мамырь Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 50429. Институт этнологии и антропологии

С конца 1920-х и до начала 1970-х годов на пушном и зверовом промысле охотники пользовались знаменитыми «фроловками» – старыми армейскими винтовками системы «Бердан-2», расточенными под гладкоствольные дробовые ружья 28-го калибра. В 1920-х годах в Ижевске на базе национализированных

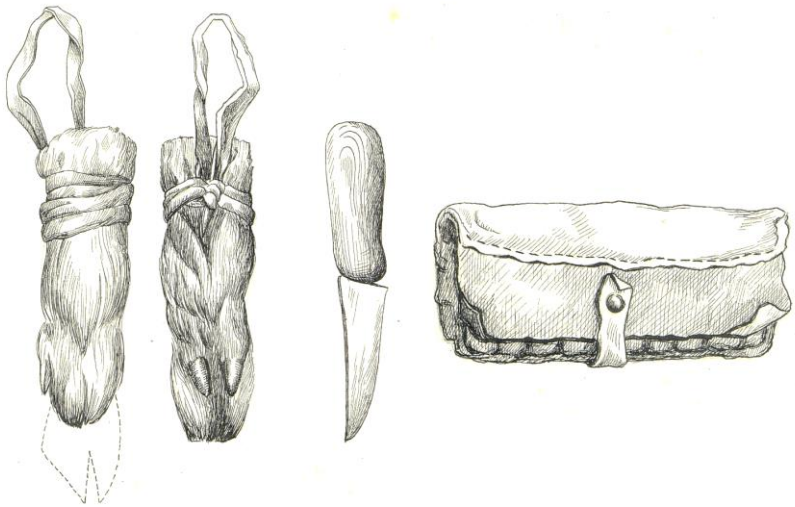
оружейных заводов был налажен выпуск одноствольных дробовых курковок 20-го и 28-го калибров «Иж-5» [Бычков, 2003, с. 38].

Каморников Владимир Иванович, 1946 г.р., из села Подъеланка Усть-Илимского района, рассказывал нам о своём первом оружии: «*Потом дед Трофим подарил мне берданку затворную, 32-й калибр, вот тогда я с ней и не расставался. А потом мне подарил дядя Ваня, дядька мой. Сказал, что он больше в тайгу не пойдет. 28-го калибра, хромированные тогда появились. Мне было 14 лет. Я на русской печке с нею до утра так в обнимку и лежал. И побежал сразу… Это уже второе ружьё моё было. Хромированное, 28-й калибр… Иж-18. Он мне ружьё не даёт, потом уже давал, а чё, ружьё, я его на шею поддевал, потому что приклад по земле тащился, 24-й калибр был, помню, ружьё было…*».

Натруска, д. Бедоба Богучанского района. 2017 г.

Долгое время охотники использовали «натруски», это перевязь с подвешенным охотничьим снаряжением для огнестрельного оружия. Из березового капа или кости была пороховница, либо из коровьего рога. Порох из неё надо было аккуратно насыпать для заряда винтовки. В других кожаных мешочках хранили конопляную кудель, которая использовалась вместо пыжей, пули и пистоны. Делали перевязь из сыромятного ремня и носили через правое плечо. Гордостью каждого охотника была костяная мерка, вырезанная из кости мамонта, рога лося или изюбря и богато декорированная снаружи. Внутренняя полость костяных мерок, как правило, исчерчена многочисленными рисками, обозначающими количество пороха на тот или иной выстрел, смотря по

Ножны из козьей ножки, нож и патронташ. с. Новая Уда Усть-Удинского района. 1957 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Институт этнологии и антропологии

виду зверя. Если промышлять отправлялись на длительный срок, то брали с собой «калып» – «пулелейку», железную формочку для отливки пуль. На поясе, на сыромятном ремне, опоясывавшем верхнюю одежду промысловика, с левой стороны крепился нож [Бычков, 2003, с. 39].

Существенной частью охотничьего снаряжения была поняга, довольно удобное приспособление для переноски груза и трофея

на спине, за плечами, в виде доски с ремнями и лямками. В Братском районе их называли «жучера», «бичера». Деревянная доска, утончённая посередине, которую парили, гнули, сгибая пополам. Вверху получалась удобная ручка, сбоку прикрепляли сучок, на который надевали ремень от ружья, а ружьё надевали на плечо, этим сучком его страховали. На противоположном конце приспособление для крепления топора из двух кожаных колец. Внизу у досок были выступающие части, на которые накидывали заплечные ремни, достаточно было скинуть ремни с досок снизу, и понягу легко было снять. На поняге имелось множество верёвок, куда привязывалась добыча, котелок, мешки с припасами и т.д.

Охотник с «понягой», д. Большая Мамырь Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 52375. Институт этнологии и антропологии

Во второй половине XX в. многие охотники продолжали использовать такую конструкцию, делая ее частично из алюминия.

Иногда осенью брали лыжи. Чтобы они не скользили назад, их подклеивали «камусом», так называли шкуры с голени оленя или лося. Но были и простые лыжи – «голицы». Изготавливали их из ели, для чего раскалывали прямослойный ствол дерева, сушили и выстрагивали тонкую не толще одного сантиметра доску. Затем доску парили и гнули нос в специальной

рамке и только потом заостряли его. Когда голые, не подбитые камусом лыжи скрипели, тогда на них надевали рукавицы – «мохнатки», чтобы сохатый не услышал [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 429. Л. 254-360]. «Тунгусские» охотничьи лыжи нередко покупали у эвенков, правда, они считались «жидковатыми для мужика» [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 429. Л. 254-360].

В некоторых местах использовали для перевозки груза нарты – лёгкие узкие санки. Их размеры колебались от полутора до двух метров. Прочные самодельные нарты использовались для доставки к зимовью добытого зверя, провианта и другого груза. Вместо нарт местами использовали «шумиху» – длинная, около сажени доска (два метра), с заострённым и загнутым кверху передним концом, как у лыжи [Ермолаев, 1911, с. 102].

Из продуктов с собой было только самое необходимое, ведь надо было идти далеко по тайге. Все старожилы обязательно перечисляли следующие продукты: муку, чтобы варить «мушную» кашу, соль, сухари, чай. «…*Мясо, свиное сало брали. Сушёное мясо и рыбу не брали. Чай, сахар. Жили на муке да сливочном масле. Еды хватало. Так добывали ж. Сохатина была, самая вкусная – грудинка. Печень ели уже мороженую*», – вспоминал Каморников Владимир Иванович,1946 г.р., из села Подъеланка Усть-Илимского района.

Обычно охотники с собой брали немного съестных припасов, потому что пополняли их в лесу: «То есть в основном вы питались кашей, вот этой заварухой, да? – *Кашей, ну рябчика подстрелишь или еще чё-нибудь.* – А если рябчика подстреливали, то вы его в кашу добавляли или? – *Ну чего, так сварил, да и всё.* – Просто вареный рябчик, да? – *Да не один, там несколько, если хочешь. Ну и поел, и всё… Главное, соль. У нас всё этот, дедушка мой, чё-то бегали, бегали по лесу, оголодали, ничего не попадаться. Ну без снега еще. Ну и говорит это, увидели, глухарь сидит. А я, говорит, вперед ползу, уже ползком к нему, к этому глухарю. Он вперед, я за нём. А тот, видать, представлял, что уже варит, поворачивается ко мне и говорит: "Петруха, у нас сольто есть?". А он обратно разворачивается, а глухарь уже улетел. Я, говорит, чуть его не застрелил, проголодались, а он про соль*

спрашивает», – рассказывал Василий Михайлович Зарубин, 1946 г.р., из деревни Воробьёво Усть-Илимского района.

Всё необходимое для промысла завозили в тайгу на лошадях, использовали «ямщиков» – так называли подростков 12-14 лет. В Братском районе их называли «отвозчиками». Вели лошадей «в поводу», со всем «табором» (поклажей), по-другому в тайге проехать было невозможно, – рассказывал нам Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района. Добравшись до «своей тайги», подростки отправлялись обратно в деревню.

Русские промысловики брали с собой несколько собак. Судя по фотографиям, на Ангаре разводили восточносибирских лаек. «*Охотились только с собаками. Пару хороших, которые могут зверя брать, медведя брать, белку, сохатого брать! Специально их выращивали, если она добрая собака, то знают, что от неё щенка можно взять и вырастить. А когда подрастет, идешь в лес, и она уже, как говорится, показывает сама себя. Малый возраст, ему только лишь полгода, год, а он уже (охотится). Вот когда нужно, понимаешь, идёшь в лес перед охотой. Белка когда идёт, она белку уже облаивает. Бывают такие собаки, которые не идут по следу. Их сразу истребляют. Нерабочую собаку не содержат, а чтоб она работала*», – рассказывал Погодаев Егор Егорович, 1928 г.р., из села Кобляково Братского района.

Специально натаскивали медвежатниц: «*Медведя держали на острове, вот там, на колу, на цепи он сидел. И вот этих собак натаскивали. Вот пробовали медведя*», – вспоминал Брюханов Иван Валентинович, 1970 г.р., из села Заледеево Кежемского района.

Собаки служили предметом торга и стоили дорого. За хорошую лайку, идущую по разному следу, отдавали рабочую лошадь или 10 пудов (160 кг) пшеницы и неотелившуюся тёлку в придачу. В каждом крестьянском хозяйстве, на каждом дворе, где были мужчины, насчитывалось от пяти до десяти взрослых зверовых собак, столько же щенков до года, которых еще предстояло натаскать в ближайшее белковьё, и одна или две старых собак-ветеранов, которых оставляли доживать свой век на во дворе [Бычков, 2003, с. 40].

Истории о том, как ангарские охотники отбирали щенков, для кого-то могут показаться жестокими, но они часть многовековой охотничьей традиции. Некоторые проверяли щенков на выживаемость, бросая их в прорубь. Василий Михайлович Зарубин, 1946 г.р., из деревни Воробьёво Усть-Илимского района, рассказал: «*…ощенится сучка, я им первое испытание сразу – прорубь… Который худой, сразу на дно идёт, утонет. А этих собираешь за пазуху и домой таскаешь. А потом вытаскиваешь на мороз, разбросаешь по ограде и смотришь, какого вперёд сучка заберёт. Она за воротник берёт…вот эта хорошая собака*».

Особое внимание уделяли внешним данным щенков. Бывалые охотники рассматривали нёбо, зубы и лапы. Ценилась способность бегать, прыгать, проверяли, например, поднимая щенка за хвост, как он бойко дрыгает лапами. Без верной собаки охота вообще не имела смысла. Но сначала их надо было рассмотреть, приучить. Были разные собаки, кто на белку, на соболя, кто на медведя хорошо охотился. Были случаи, когда собака убегала, испугавшись выстрела. Каморников Владимир Иванович, 1946 г.р., из села Подъеланка Усть-Илимского района, рассказал, что хорошую собаку ему отдали, но она убежала, когда он выстрелил. «-Четырёх-пяти месяцев брали щенков? – *Ну, брал, просто водил… по одной… её сразу видно, которая, смотришь, начинает бегать, что-то там нюхает. Чувствуется, что она уже будет работать*».

«А сколько лет жили в среднем собаки охотничьи? – *Ну, в 10 лет уже старела, 10 лет самое многое, уже её держали дома, жалко убивать. У Семёна Буско был, дядя говорит, своей смертью так и умер*», – вспоминал Иннокентий Степанович Московских 1934 г.р., из села Московское Братского района.

Когда собака не оправдывала ожиданий или просто старела, её «списывали». Конечно, ни у каждого охотника поднималась рука – их передавали тем, кто занимался выделкой шкур. Вот так собака могла и дальше служить своему хозяину, но уже в другом качестве – из них шили дохи и другую зимнюю одежду.

Тайга была разделена между промысловиками на охотничьи участки, которые в Усть-Илимском районе принято называть «ухожья». В Братском районе называют «тайга». Они находились

на разном удалении от деревни, там строили зимовья. Были ближние и дальние ухожья. До некоторых из них надо было добираться несколько дней. «*А я-то ходил с дядей Мишей с сорок седьмого туда. Были же вот эти московские тайги-то, старинные-то, и вот ходили по этим по московским тайгам с ним. По московским тайгам ходили, охотилися. Оне все от одной деревни были – от Московской от нашей*», вспоминал Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района [Афанасьева-Медведева, 2025а, с. 48].

Охотничьи варежки, д. Корсаково Нижнеилимского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 52120. Институт этнологии и антропологии

Ближние ухожья были в 10-50 км от селения, но были и дальние – за 100-150 км от Ангары, а иногда более 200 км [Ермолаев, 1911, с. 100]. Старожилы говорили так: до ухожья два-три «днища», то есть два или три дневных перехода, каждый из которых составлял примерно 20-30 км.

По два-три зимовья могли устанавливать на одном ухожье и переходили от одного зимовья к другому во время охоты. Двери и окошки в них делали небольшими, топились они по-чёрному печкой-каменкой. Для хранения добычи, а также провианта недалеко от зимовья устраивался так называемый «ла́баз», нечто

вроде небольшого амбарчика, поставленного на столб, в который можно было попасть только с помощью лестницы.

«Зимой приходишь в зимовник, дрова там заготовлены, вода рядом. Большинство строили около ручья. а поставлены – как вот столб стоит, а на столбе как избушка сделана. Для того чтобы, понимаешь, ни зверь, ни медведь – никто не полез, чтобы не напакостил. Это чтоб там для собак был корм, для себя корм», – объяснял Погодаев Егор Егорович, 1928 г.р., из села Кобляково Братского района.

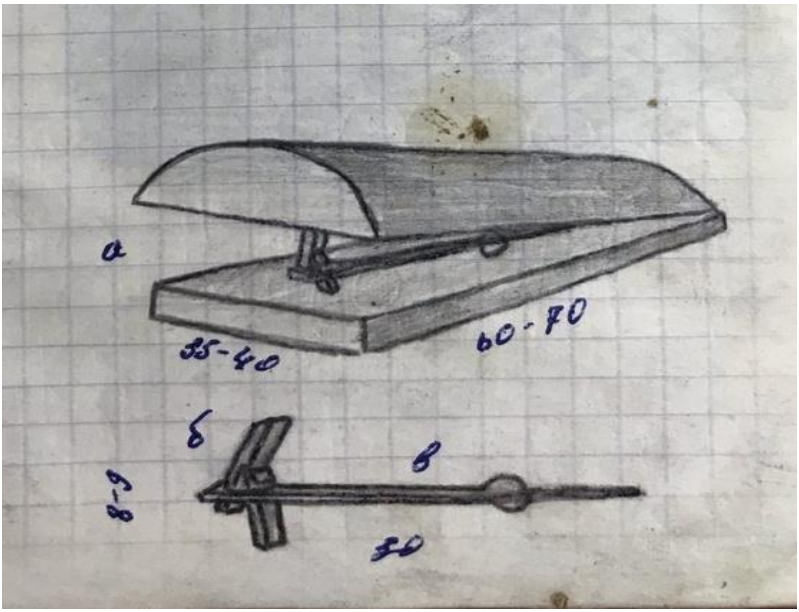
Бытовые условия в зимовье были минимальными, но было всё необходимое. Порой даже обходились без керосиновой лампы, так как керосин мог оказаться на одежде или на руках, на ловушках, и его запах мог отпугнуть зверя. Ловушек охотники устанавливали много, это вид так называемой пассивной охоты, которая давала иногда лучший результат, чем активная охота с ружьём и собакой.

Ловушки – устройства, действующие по принципу мышеловки. Они состоят из настораживающего механизма, в котором нить, жердь или любая другая конструкция приводит устройство к срабатыванию, и самого гнёта, придавливающего добычу. Делали их на месте промысла из брёвен, плах, камней и прочего подручного материала. Основные принципы изготовления самоловных устройств – это простота исполнения и использование небольшого количества материала.

К ранящим самоловам относятся различные самострелы, капканы с зубьями и прочие самоловы. Давящие самоловы рассчитаны на поражение добычи силой и весом гнёта или давка, лишая жертву возможности двигаться или убивая её. Ставили и силки – петли, которые удерживали зверя за счёт использования его же силы, затягиваясь сильнее при попытке его вырваться из петли [Борейко, 2023, с. 45].

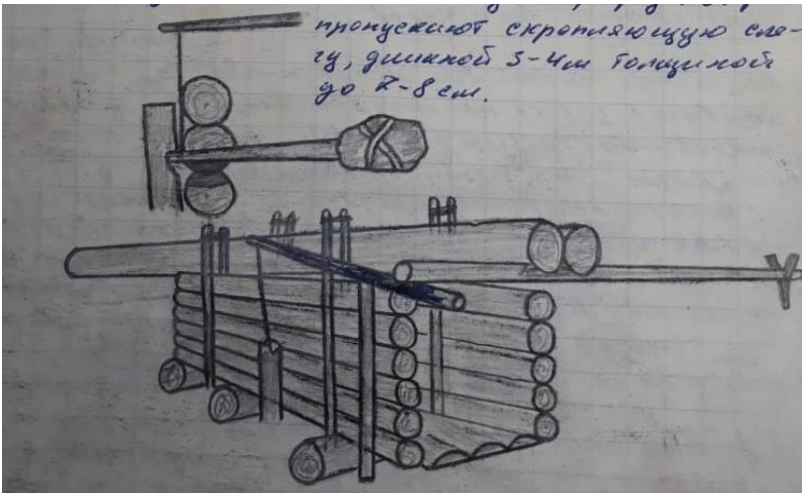
Плашки – давящие приборы, используемые для добывания мелких зверей и состоящие из расколотых плах, иногда из брусьев или досок. Больше всего применяли плашки при добывании белок, хотя мог попасть в ловушку и соболь, и горностай, и куница. Плашка на белку устанавливалась чаще всего между двумя деревьями, на некоторой высоте от поверхности земли, на

1-1,5 м, в целях защиты приманки от поедания мышами. Нижняя неподвижная доска или плаха устанавливалась горизонтально, а другая, которая должна была придавить зверька, поддерживалась в приподнятом положении с помощью насторожки с приманкой. Чаще всего это были сушёные маслята, размоченные перед использованием в соляном растворе. Заготавливали таких ловушек довольно много. Старожилы рассказывали, что по 300 штук и больше, потом расставляли их по всему ухожью.

Плашка на белку (из дневника семьи Карнауховых)
[Борейко, 2023, с. 46]

«*Плашником много добывали. Провианта-то сильно не было. Было мало пульки, их (пуль) надо было налить. Пока зарядишь, белку стрельнул… Стрельнул – надо опять заряжать. Порох, этот пистончик на этот положить да насыпать – свалилося… Снег, морозы. И вот плашником. Я с дядей Мишей ходил, триста шесть плашек рубили*», – *вспоминал* Московских Иннокентий Степанович, 1934 г.р., из села Московское Братского района [Афанасьева-Медведева, 2025а, с. 48].

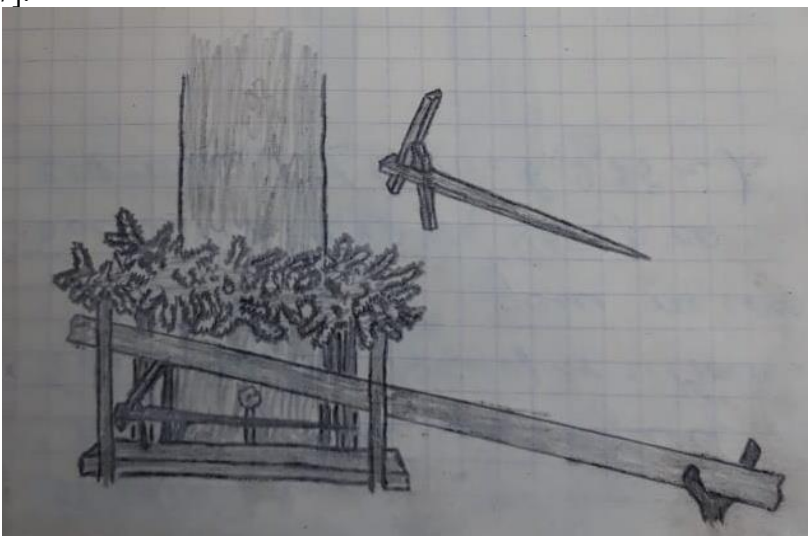

Пасть на лису (из дневника семьи Карнауховых)
[Борейко, 2023, с. 46]

Более крупные самоловы были рассчитаны на добычу побольше. Например, пасть на лису сделана как небольшой амбар из нетолстых брёвен, внутри которого сооружается насторожка с прикреплённой приманкой. Причём эту приманку нужно было лисе содрать, применив силу, чтобы конструкция, удерживающая давящее бревно, сработала и завалила лису.

Для ловли росомах, учитывая их исключительную силу, изготавливают более прочные ловушки-пасти. Они строятся из толстых бревен и оснащаются дополнительным бревном, оказывающим давление. Для привлечения росомах, лис, соболей и других мелких хищников использовали приманки: кости, перья птиц, обрезки шкур, а также испорченное мясо или рыбу.

Кулёма, предназначенная для колонка (или горностая), представляет собой ловушку, окруженную частоколом из небольших бревен. Она также имеет давящее бревно и спусковой механизм. Бревна частокола располагаются очень плотно друг к другу и должны примыкать вплотную к дереву или пню. Эта ловушка схожа с кулёмкой для зайца, но отличается более весомым утяжелением. В конструкции кулёмки для колонка предусмотрен загон, напоминающий загон в слопце. Слопец же состоит из коридора, образованного двумя параллельными рядами кольев высотой

около полуметра, давящего бревна и спускового механизма. Ширина давящего бревна меньше ширины самого коридора. Принцип работы спускового механизма слопца в целом совпадает с принципом работы спускового механизма пасти [Борейко, 2023, с. 47].

Кулёмка на колонка или горностая
(из дневника семьи Карнауховых) [Борейко, 2023, с. 46]

Для ловли зайцев расставляли петли на тропах и между деревьями, располагая их на некотором расстоянии. Петли могли быть как подвешенными, так и лежащими на земле, замаскированными снегом или листьями.

Ловушка для соболя, называемая «кулёма», оснащена дополнительным элементом – наклонной жердью, ведущей к приманке. Спуск давящего механизма (бревна) осуществляется с помощью двух подвижных опор с пазами, удерживаемых предохранителем (сторожком). Когда соболь пытается добраться до приманки и сдвигает сторожок, опоры освобождают бревно, которое падает на животное. Некоторые конструкции предусматривали сменные насторожки, схожие с теми, что используются в плашках. Вероятно, наличие нескольких типов насторожек позволяло адаптировать ловушку к различным погодным условиям и размерам добычи [там же].

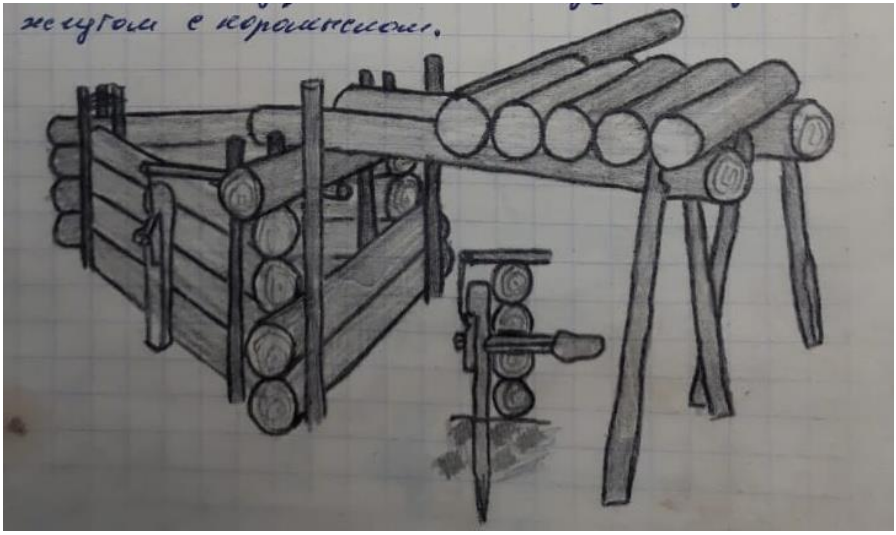
На промысле во время белковья поднимались в 5-6 часов утра. Был небольшой перекус охотника и собаки – и на охоту. Весь день у промысловика уходил на обход плашника. В день проходили 7-15 км. Если белка «не шла», то и больше.

Кулёмка на зайца (из дневника семьи Карнауховых)
[Борейко, 2023, с. 46]

«*Вот, смотрите, уходишь утром с зимовья, даёшь (собаке) ободранную белку, чтоб ей день-то работать надо, бегать. И в лесу, если перекур делаешь где, тоже даёшь белку, обдираешь там и тоже даёшь белку. Веселее идти, искать и всё такое. А в зимовье уже – там варишь! Муки берёшь, сухарей, всё такое вот. И белочку туда подлаживашь. Ночь они отдыхают, а утром, чтоб это варить, не варишь. Печка для тепла, а варили себе в котелках на улице, и собакам там же варили, на улице*», – рассказал Погодаев Егор Егорович, 1928 г.р., из села Кобляково Братского района.

Днём, обходя и осматривая плашки, охотник вынимал добычу, проверял приманку, настораживал спустившиеся ловушки. Если попадал на беличий след или собака наводила на белку, то охотник бил её из ружья. Экономя порох, белку били неболь-

Кулёма на медведя (из дневника семьи Карнауховых)
[Борейко, 2023, с. 46]

шими зарядами с близкого расстояния в 10-15 м. Особым мастерством считалось такое умение владеть огнестрельным оружием, при котором свинцовая пулька застревала в тушке зверька. Оснимывая (обдирая) вечером шкурку, охотник вынимал свинец и пускал его снова в ход.

«*Её стреляли, понимаешь, дробью. Дак, вот чтобы не изрешетить, ходишь около её, выглядываешь тушу, чтобы загородить там сучками или ветками, а только чтобы попасть только в головку зверька. А если ты её прострелил, она ничего не стоит*», – делился опытом Погодаев Егор Егорович, 1928 г.р., из села Кобляково Братского района.

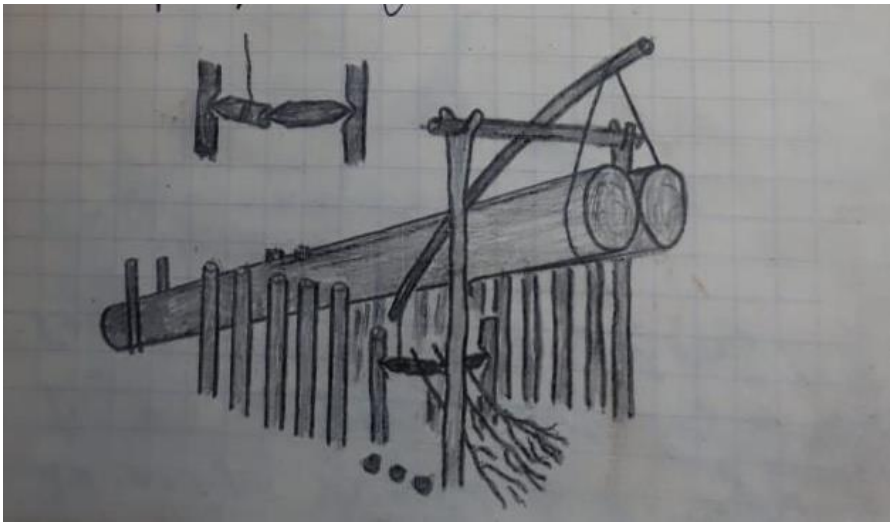
На весь день охотник брал с собой кусок хлеба с маслом или салом, чай, но не всегда было время перекусить, ведь главным было добыть как можно больше.

Охотиться обычно заканчивали, когда начинало темнеть. В шестом часу вечера возвращались к зимовью. На таганке перед зимовьём варили чай и в первую очередь заваривали собакам

муку (мушную кашу). Сами же начинали обдирать – «оснимывать» добытую белку, ободранные тушки («курёшки») варили собакам. Вот когда собака получала должное уважение. После того как собаки накормлены, хозяин ужинал сам.

«*Вечером прибежишь, если рано прибежишь, в восемь – это день длинный, ага, собаки аж ложатся, набегаются, не представить тайга-та… С собаками на улице, согреешь болтушку, если с собой муку брали, болтушку дашь, они полакали. Я вырубил корыто из дерева, полакали сначала с муки, с жадностью похлебали. Уже когда обдерешь белку, тушки мы не варили, а сырые давали. Обдерешь и складываешь их, а собаки тебя ждут, трясутся*…», – рассказывал Московских Иннокентий Степанович, 1934 г.р., из села Московское Братского района.

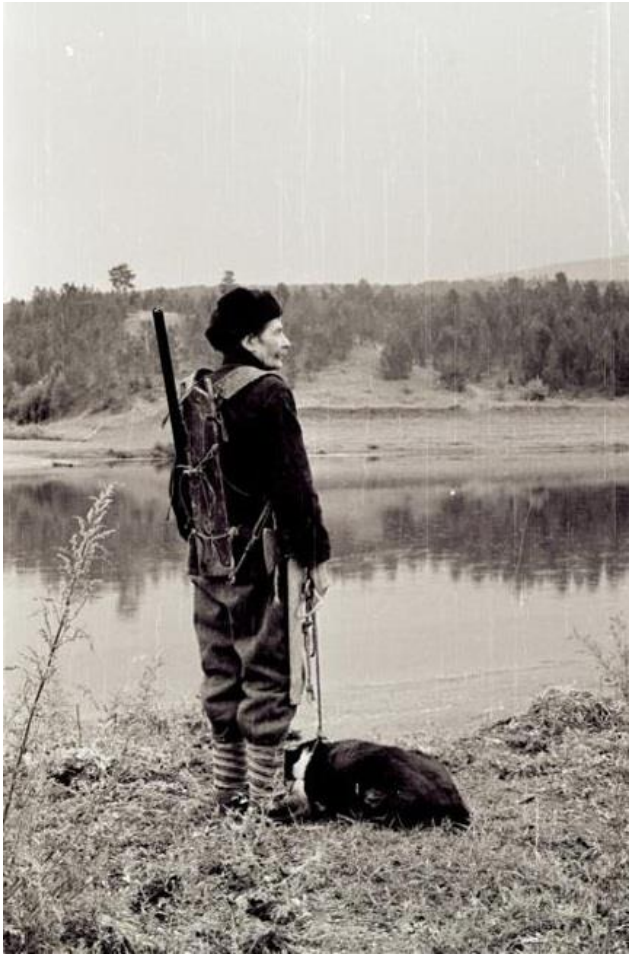
Ужин охотника мог быть из мясной похлёбки с крупой или «сухарницы» – обваренных кипятком сухарей с добавлением масла. Заваривая чай, добавляли берёзовую чагу.

Слопец на глухаря (из дневника семьи Карнауховых)
[Борейко, 2023, с. 46]

Когда сезон «белочить» подходил к концу, охотники возвращались из леса со своей добычей. Собаки, почуяв близость родной деревни, убегали далеко вперед. Они являлись первыми вестниками того, что охотники на подходе. Женщины начинали собирать на столы заранее припасенную снедь [Бычков, 2003, с. 49].

Л.М. Сабурова в материалах Ангарской экспедиции 1957 г. сделала такую интересную запись про традиции в деревне Нижнее Суворово Братского района: «Охотники, приближаясь к де-

Охотник А.Я. Говорин в летней охотничьей одежде,
д. Корсаково Нижнеилимского района. 1959 г.
НА ИЭА РАН 51542. Институт этнологии и антропологии

ревне (выходя из леса), в случае удачной охоты стреляли в воздух, давая знать, что идут с добычей. Собакам за ошейники цепляли шерстинки убитых животных, они бежали впереди, также давая знать об удачной охоте» [НА МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 427. Л. 94-188].

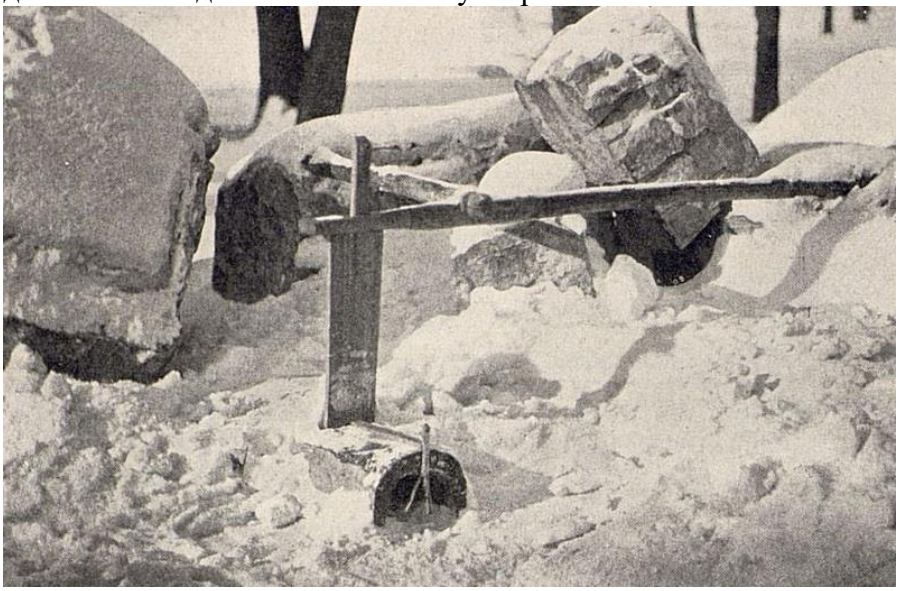
Сохатых раньше ловили в яму, городили так называемые «огороды», оставляли воротца и копали двухметровую яму. Позже ямы заменили на петли. О таком огороде нам рассказывал Брюханов Иван Валентинович, 1970 г.р., из села Заледеево Кежемского района: «*Ну, на лося огороды здесь были. Загораживают в лесу. Около дерева где-то проход такой. И делают петлю с троса. Но дерево должно быть не тоньше такого, примерно 40 сантиметров где-нибудь, потому что тонкое он выдерет*».

Некоторые огороды были от трёх до пяти километров. Надо было их делать высотой с человеческий рост, чтобы сохатый не смог перепрыгнуть. На петле был приделан «кляп», чтобы зверь не задушился сразу «*Понимаешь, вот эта петля затягивается до этого кляпа, и всё, она становится меньше. И вот сюда надо, чтобы голова с рогами прошла. В эту большую петлю.* – А если кляпа не будет, что будет? – *А он сразу задавится, и всё. А мясо сгорит. Даже зимой, часа два, и он сгорит весь.* – А как сгорит? – *Мясо сгорит, протухнет. Становится синее. Из-за тепла внутри сохатого. Шкура не даёт ему остывать. Она тёплая, и он внутри сгорает. Весь, даже ноги сгорают».*

В конце февраля и марте, когда снег покрывался твердым настом после оттепелей и заморозков, начиналась охота «по насту» на лосей и оленей. Этот период был идеален для охотников на лыжах с ружьями, поскольку наст легко выдерживал человека и собак, но сильно затруднял передвижение животных, чьи ноги проваливались при каждом прыжке. Охотники, часто уходя в лес на несколько недель, полагались на собак. Собаки выслеживали и преследовали лося, изматывая его, пока охотник, следуя за ними, не настигал обессиленного зверя. Такая погоня могла длиться несколько дней. Подобным образом охотились и на косуль, которые в это время держались стадами. Олени, будучи более выносливыми, давались труднее. Охота по насту обычно завершалась к Пасхе, и добычу вывозили из леса на нартах, лошадях или несли на себе [Арефьев, 2021, с. 153].

Охота на медведя занимала и занимает особое место в охотничьем промысле ангарцев. До сих пор в некоторых таёжных селениях она сопровождается запретами и особыми правилами, ре-

гулирующими поведение охотника, знания о которых изустно передаются из поколения в поколение и к которым звероловы относятся как к сакральным [Медведева, 2011, с. 362]. До начала XX в. ангарцы мясо медведя не употребляли в пищу. Медведя считали человеком, вероятно потому, что медвежья туша после снятия шкуры действительно напоминает силуэт человека. К середине XX в. медвежье мясо стали употреблять повсеместно.

«Корыто» – ловушка на лисицу, с. Кежемское Енисейского уезда. 1904 г. [Макаренко, 1913, рис. 13]

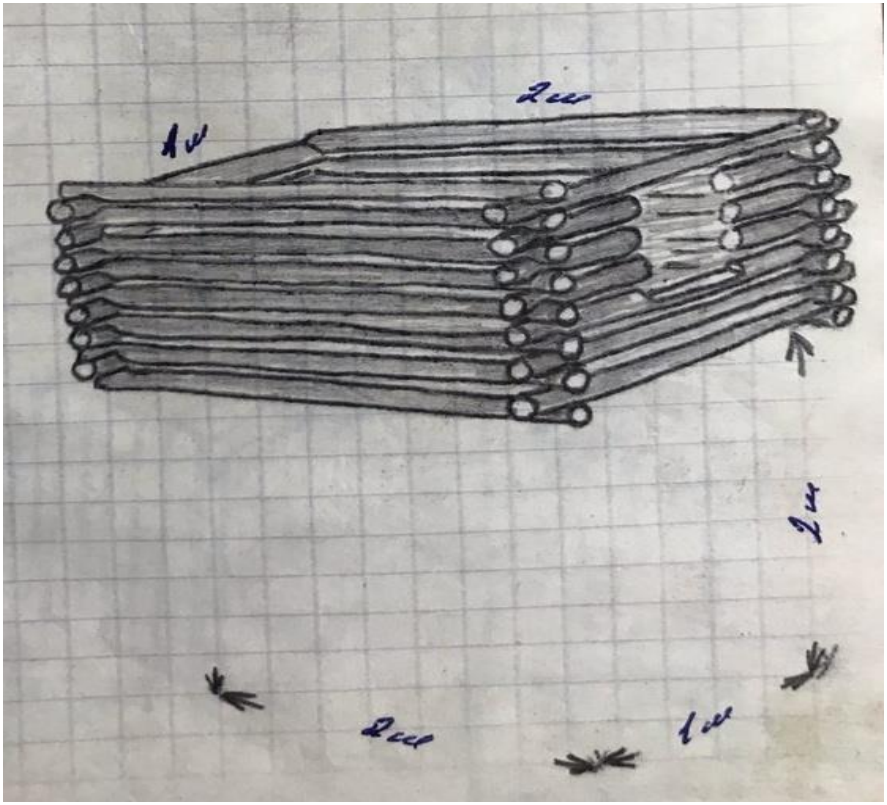
Существовало два вида охоты на медведя: пассивная, с применением ловушек, и активная – на спящего в берлоге медведя.

Пассивная охота на медведя представляла собой сооружение ловушек.

«Кулёма» на медведя, ловушка давящего типа, была в виде треугольного сруба из больших брёвен, чтобы медведю было в нём тесно, когда он будет забираться в это строение и вытаскивать приманку, конструкция, сдерживающая давящее бревно, сработает и брёвна придавят медведя.

«Тункинская яма» была глубиной около двух метров, замаскирована срубом с проходом. Предполагалось, что зверь примет её за зимовье, которое медведи часто разоряли, и залезет в проём

в срубе, провалится в яму и не сможет выбраться. Технологии изготовления ловчих ям у каждого охотника свои, но есть общие закономерности: яма маскируется ветками и «опадом» (опавшими листьями и пр.), она должна быть достаточно глубокой и

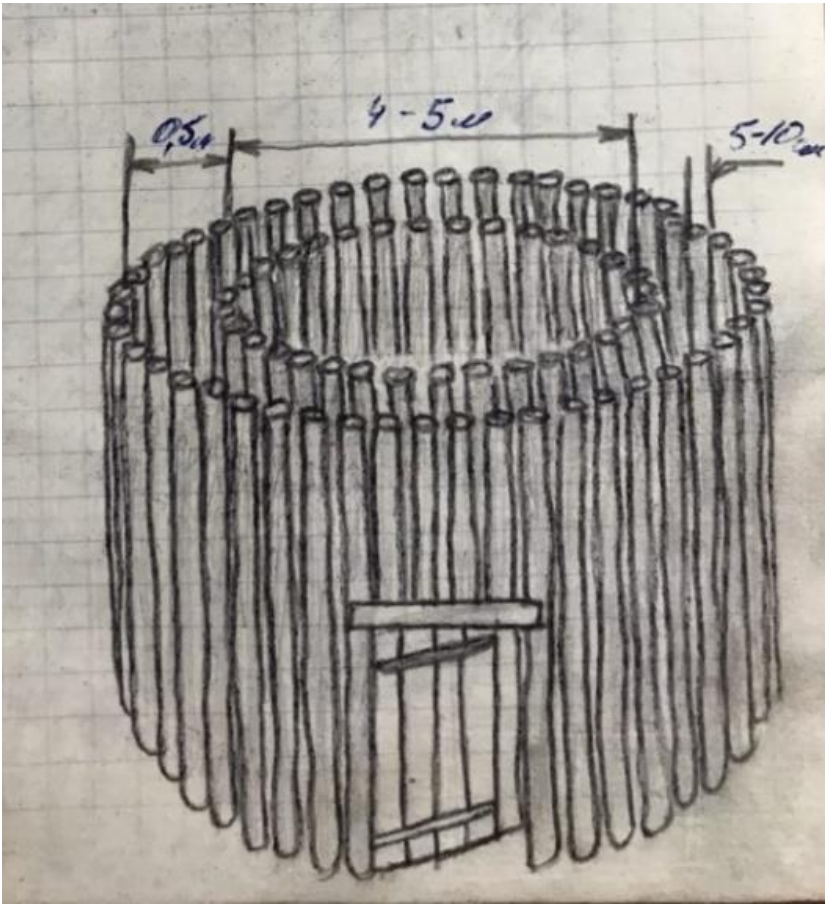

Тункинская яма на медведя (из дневника семьи Карнауховых) [Борейко, 2023, с. 46]

такой узкой, чтобы зверь не мог развернуться. Ловчая яма на медведя, по мнению старожилов, считается более продуктивной для пассивной охоты на этого зверя. В качестве приманки использовалась рыба [Борейко, 2023, с. 49].

Медведи умные и хитрые животные, кроме того, они любопытны и, как отмечали старожилы, часто разоряли зимовья и лабазы. По этому поводу охотники придумывали сложные устройства для отваживания медведей.

Одно из таких устройств «муфта», она представляла собой бревно с выдолбленной сердцевиной, внутри которой закреплены железные крючья с насаженной наживкой. Медведь пытается её забрать, и лапа застревает среди загнутых гвоздей и ранит животное. Её применяли, когда выкуривали медведя из берлоги или оставляли в зимовье, чтобы он больше туда не появлялся и не пакостил.

Садок на волка (из дневника семьи Карнауховых)
[Борейко, 2023, с. 46]

С наступлением зимы и уходом медведя в берлогу наступал зимний период медвежьего промысла. Этот период длился с Воздвиженья (конец ноября) до времени пробуждения и выхода медведя из берлоги, выпадающего на Благовещенье (конец марта –

начало апреля). Это была вынужденная мера самозащиты от проснувшегося голодного зверя, но и самим охотникам надо было кормить семью, так как мяса было недостаточно.

Охотились двумя способами: при помощи ружья, с собаками или при помощи колющих орудий: выходили с пальмой – широкий нож с длинной рукоятью, с рогатиной – ножевидный обоюдоострый клинок на двухметровом черене.

Лабаз с пищевыми припасами. Енисейский уезд. 1904 г.
РЭМ 773-50. Российский этнографический музей

Наиболее распространенной среди русских охотников была охота на медведя в берлоге «с заломом» [Афанасьева-Медведева, 2018, с. 301]. Почти каждый охотник на промысле пользовался рогатиной или пальмóй, которые хранились в зимовье. «Отправляясь вдоль «стены» ловушек, гоняя по насту сохатых, идя артелью добывать медведя в берлоге, охотник не выпускал из правой руки рогатины» [Сабурова, 1967, с. 45].

Охотники срубали два или три дерева, какие росли рядом, чтобы перекрыть выход, когда медведь будет выскакивать из берлоги. «И они также подымали с берлоги его. Это дед мне рассказывал. Подходят, говорит, к берлоге, стоят с рогатинами. Один его начинат, шатину делат таку лохматую и туда толкают, чтоб его выгнать оттуда. Но разбудят. И вот он начинат… Им нужно, чтоб он выскочил. Вот когда он выскакиват, они в этот момент его на эту рогатину садят. Но там крепки старики идут, крепкие. Подбираются мужики, чтоб сила была. Стараются ему под брюшинку сюда, под это место, под грудь. Она же вот такая, примерно, рогатина. А пальма, где-то вот такая пальма, двухсторонняя заточка у ей. Я вот сам её увидел на Тушаме-речке, с охотниками ездил, и там я нашёл, вот эта рогатина была в этом зимовье», – рассказывал Владимир Григорьевич Зарубин (1926 г.р.), из деревни Ёдарма Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2023а, с. 218].

Такая охота была основана на знании этологических (поведенческих) особенностей медведя, в частности, хватательного рефлекса животного. Заломив устье берлоги, охотники встают полукругом, каждый на свое заранее отведенное ему место. Начинают будить медведя. Когда разбуженный зверь выскакивал из берлоги, наставляли на него рогатины и пальмы, стреляли из ружей.

В середине XX в. охотники стали использовать металлические капканы (ущемляющие и давящие). Каждая из этих групп объединяет капканы, сходные по принципу захватывания и удержания зверей. Характерное их различие заключается в том, что первые – захватывают зверя за ногу, а вторые – за голову, шею или туловище. В зависимости от назначения, капканы каждой группы различаются по конструкции. Так, капканы первой

Конструкция для установки капкана на соболя со сходнями, навесом и приманкой из птичьих перьев. Братский район. 2021 г. [Борейко, 2023, с. 48]

группы представляют собой стальные челюсти – дуги, сжимаемые под действием силы тяжести пружины рессорного типа. По отношению к величине зверя они имеют относительно небольшие размеры. Капканы второй группы имеют схватывающие клешни, прижимную раму или входное кольцо, в которое проходит животное, и где оно зажимается давящим рычагом. Эти капканы больше размеров зверя, для которого они предназначены. Каждая группа включает несколько типов капканов, отличающихся один от другого принципом действия давящего приспособления или насторожки [Борейко, 2023, с. 49].

Ловушки на волка делали уже без давящего устройства: садок делали из кольев, установленных по кругу: один внутри другого, причём не вплотную, а с пространством между кольями, так как во внутренний круг помещали приманку. Во внешнем потом делали дверцу, после того, как привадят за лето волка к этой ловушке приманками. Осенью, когда наступало время охоты,

дверка навешивалась, а в центре внутреннего круга садили поросёнка, козу или овцу. Волк, почуяв добычу, заходил в дверку между рядами кольев, забиваемых на таком расстоянии, чтобы зверь не мог обернуться, после чего он ходил без конца вокруг, не имея возможности выбраться наружу, так как дверка захлопывалась, как только волк пробегал около неё. Капкан на волка с лабиринтом использовали для урегулирования численности волка на своих угодьях.

Кулёмка на соболя. Усть-Илимский район. 2022 г. [Борейко, 2023, с. 48]

Ангарцы называли старинный весенний промысел на диких уток и гусей, которые прилетали и располагались на отмелях, «охотой на чекура́х». Охотились посреди реки на лодках или на небольших островках, укрываясь за льдинами. Охотники закрашивали свои лодки известью и маскировались в белые одежды, чтобы птицы подплыли как можно ближе. Охоту на диких гусей называли ещё в некоторых местах гусева́ть: «*…Лодки были раньше деревянны, побелят их извёсткой в бело, чтоб под лёд, сами простынями оболоку́тся. А гуси-то летают-летают, садятся, летят-летят, опеть садятся. И вот оне садятся возле нас, оне не видят нас. Мы же в халатах в белых, как снег, вот и*

мы добувам. На середине Ангары в лодке сидим и с лодок этих добувам. Скрадо́к сделашь», – рассказывал Никанор Силантьевич Анкудинов, 1911 г.р., из села Кеуль Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2008а, с.112].

Охотились на диких птиц и в поле, там, где таял снег и разливались большие лужи: «…*И на ли́вах (лужах) охотился. Ну это в мае месяце. Уток и гусей раньше много было. Снег-то таять начинат, лы́вы начинаются – вот тебе и утки пошли, оне сразу с реки на поля. Вечером охотились*», – вспоминал Михаил Дмитриевич Жмуров, 1933 г.р., из села Кеуль Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2010б, с. 327].

Охотник в зимней одежде, д. Корсаково Нижнеилимского района. 1959 г. НА ИЭА РАН 52295. Институт этнологии и антропологии

На птицу ставили силки – петли, которые удерживали зверя за счёт использования его же силы, затягиваясь сильнее при попытке его вырваться из петли. На боровую птицу ставили ловушки – слопец на глухаря. «Слопец состоит из коридора, устроенного из двух параллельных рядов полуметровых кольев, давящего бревна и спускового механизма. Ширина давящего бревна меньше ширины коридора. Спусковой механизм устроен почти по тому же принципу, что и у пасти» [Борейко, 2023, с. 47].

Охотники были суеверными и никогда не показывали свою добычу постороннему и не говорили о её количестве, по мнению охотников, это могло привести к неудаче на промысле. Только во всём нужно было соблюдать меру, и когда охотники её превышали, жадничали, их осуждали. «*…Птицу добывали в большом количестве – по пятьдесят, по семьдесят, по сто штук. Азарт добычи сверх необходимого осуждали. Таких жадных (за́рных) охотников стыдили: «Кто за́рный, дак ещё оставался гусеви́ть. А кто путя́вый мужик, уезжал. Ну куда жа́бу-то хватать?! По три куля разделили гусей – и хватит! Поедем домой, раздадим добычу родственникам. Было не только мясо, но и перо на перину*», – говорил Егор Иванович Кокорин, 1920 г.р., из поселка Кежма Кежемского района [Афанасьева-Медведева, 2013б, с.368].

Ещё одно неписаное правило охоты на птиц касалось лебедей, которых нельзя было убивать: «*Вот говорят, что у лебедя груди есть, и она своёго вот этого дитя кормит грудью. Вот такое говорели старики. И тело у него белое, как у человека. Его исть нельзя!» «Видишь, лебедь, она как всё равно ребёнок плачет! Их вот не били. Но били которые. Говорят, мясо токо синеватое. А так, мяса в нём много, птица ёмкая*», – вспоминал Михаил Дмитриевич Жмуров, 1933 г.р., из села Кеуль Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2008а, с.111].

Правила поведения в тайге, которые сложились у ангарцев, соблюдались и были для всех обязательны. Таёжные ухожья были частной собственностью, и заходить туда, а тем более охотиться, было нельзя. Старожилы рассказывали, что, если собака в азарте охоты забегала в чужое ухожье и приносила белку, охотник обязательно отдавал её хозяину ухожья и извинялся: «*Раньше*

у кажного охотника свой у́хожень был. Там место у его хоро́ше было, на Абра́мовским, зимовьё свой. И не дай Бог, там кто чужой зайдёт. Не дай Бог! Ну, еслиф только по ошибке, то надо сразу прощения просить: – Ой, дескать, собаки забежали. Еслиф ты убил, то отдай ему, хозяину. Еслиф на его у́хожье до́был там чё, даже белку, и ту отдай ему», – рассказывала Анна Михайловна Зарубина, 1930 г.р., из села Кеуль Усть-Илимского района [Афанасьева-Медведева, 2008а, с. 119].

Старожилы рассказывали, что конфликты «в тайгах» имели место, но были редкими. Порядок был, и охотничью честь не роняли, иначе грозило суровое наказание. «*Это, как говорится, нельзя, потому что по правилам могут и застрелить*», – уточнил Погодаев Егор Егорович, 1928 г.р., из села Кобляково Братского района.

Как видим, на таёжной части Ангары сложилась интересная охотничья культура. Даже сложно представить, чего тут не было. Ангарцы в полной мере и рационально научились использовать природные богатства своего края.

Глава 4
Духовная культура

4.1. Праздничный календарь

Праздники для ангарцев были не просто временем отдыха, а важной частью их жизненного цикла. В условиях суровой сибирской природы, где выживание зависело от каждого погожего дня, правильное соблюдение праздничного календаря становилось не только культурной традицией, но и практическим ориентиром, в котором труд и отдых были не противопоставлены, а связаны в едином, заданном природой ритме. Каждый праздник был привязан к определённому этапу крестьянского труда, отмечая время для работы или время для отдыха, и всё это было освящено церковными обрядами и древними народными верованиями.

Народные праздники делились на два типа, те, что отмечались в фиксированные даты, и переходящие, дата которых менялась из года в год. Большинство ангарцев не имели письменных календарей и ориентировались на устные традиции. Даты высчитывались не по числам, а по цепочке праздников, от Петрова дня до Ильина, от Масленицы до Пасхи. В связи с этим, точность расчёта была делом особой важности, и почти в каждой деревне были свои «толкователи» календаря. Люди, которые, основываясь на устных знаниях и наблюдениях за природными циклами, могли точно определить дату наступления того или иного праздника.

Эти толкователи были своего рода «живыми календарями». Они не только определяли даты религиозных праздников, но и давали рекомендации по важным сельскохозяйственным работам, когда начинать сеять, когда выгонять скот на пастбище, когда наступает время для сбора урожая. Одним из известных в начале XX в. толкователей в Кежемском районе был слепой крестьянин Ефим Максимович Кокорин, прозванный «Чима». Несмотря на слепоту и неграмотность, он точно определял даты праздников и давал рекомендации на основе лунного цикла. Чима знал, когда будет Троица, когда наступит Девятая Пятница, и мог

предсказать, на какой день выпадет Пасха [Макаренко, 1913, с. 285-286].

Для ангарцев праздники имели различную степень важности, и их соблюдение напрямую влияло на порядок жизни. Одним из наиболее значимых были полные праздники, когда работа в эти дни была полностью запрещена. В такие дни нельзя было заниматься ни сельским трудом, ни домашними делами, даже простое занятие вроде шитья или прядения считалось грехом. Нарушение этих запретов воспринималось как серьёзный проступок, который мог повлечь за собой беды. Примерами таких праздников были Рождество, Пасха, Троица и другие важные церковные даты.

Наряду с ними существовали полупраздники, дни, в которые можно было работать лишь до полудня, а после обеда начиналось празднование. В такие даты труд и отдых сочетались особенно наглядно. Утром крестьянин занимался неотложными делами, а вторую половину дня посвящал общению с семьей и соседями. Частичный отказ от труда рассматривался как проявление богобоязненности и должного почитания святых, память которых отмечалась в этот день. Соблюдая полупраздничный статус, крестьянин тем самым признавал святость торжества. Примером может быть день Сорока мучеников Севастийских (9 марта ст. ст. / 22 марта н. ст.), в народе называемый просто «Сороки», считался полупраздником прежде всего для женщин и девушек. Мужчины могли работать, однако существовал строгий запрет на возку брёвен, по преданию, один крестьянин ослушался и сломал себе ногу [Макаренко, 1913, с. 61].

Особую категорию составляли так называемые «съезжие» праздники. Их появление диктовалось самой географией края, разбросанностью малонаселенных деревень на огромном пространстве. Когда в одном селе наступал престольный праздник, день святого, в честь которого освящена местная церковь или часовня, к нему съезжались родственники и знакомые из всех окрестных заимок и поселков. Деревня на несколько дней превращалась в центр всеобщего притяжения, и в таком празднике не было пассивных зрителей, каждый получал свою роль в общем действе.

Как рассказывала Устинья Ивановна Кокорина, 1927 г.р., из села Мозговая Кежемского района: «*Абросим праздники отбросил... Абросимы-то, оне в декабре бывают. До Рождества Христова праздников больше не бывать. Он съезжой праздник, Абросимы-то. Его в Селенгиной праздновали; с Усольцевой приедут, с Кежмы ездили. Ангара встанет, дороги ледовы прочистят, вот до Пановой чистили, до Селенгиной. Селенгино-то тоже на острову. Торосы рубили. Пановски к нам встречу идут, рубят, а мы к имам идем, рубим, к имам встречу. Ездили друг ко дружке. Иконы носили*» [Афанасьева-Медведева, 2007а, т.1, с. 107].

С престольными и съезжими праздниками были тесно связаны «кануны» – так называлась совместная варка пива вскладчину, приуроченная к определенному святому. Несколько «желательных мужиков» обходили дворы, собирали муку и сообща варили пиво, иногда до тридцати ушатов. В день праздника его выставляли для угощения, а собранную плату (деньгами, яйцами, пряжей) передавали на нужды храма, «Богу на свечку».

Обычай этот имел разные формы в зависимости от места. В селе Стрелковском и соседней деревне Коновщине Маклаковской волости в день Егория в доме церковного старосты собирались все прихожане. «Бабы» и «девки» рассаживались в избе, а «мужики» и парни во дворе. Всех угощали «своидельским пивом» домашнего приготовления. Каждый, выпивая мерку пива, делал посильное пожертвование, которое затем шло «на свечи Егорью» и другие нужды храма [Макаренко, 1913, с. 68].

Кроме того, существовали обетные и местные праздники, которые отмечались только в пределах одной деревни или даже одной семьи. Они часто становились ответом на какую-то беду или благодарностью за избавление от несчастья. Обет мог быть дан за выздоровление близкого, за спасение от падежа скота или неурожая. Бывало и наоборот, если в какой-либо день, совпадающий с церковным праздником, в деревне случалось несчастье, пожар, внезапная смерть, это воспринималось как знак свыше, что в этот день нельзя работать, и община давала обет отмечать его впредь как полный праздник.

Примером такого праздника может служить день святого Михаила Архангела, который в Пинчугской волости Енисейского

уезда почитался особенно. В народе его называли «Михайло чудо» (20 сентября ст. ст. / 3 октября н. ст.). Крестьяне праздновали этот день: «чтобы святой не давал морозу и снегу» [Макаренко, 1913, с. 111]. Ранние осенние заморозки и внезапный снег могли погубить еще не убранный с полей хлеб, а для жителей, чей основной промысел рыболовство, непогода на Ангаре означала срыв осенней путины (рыболовного сезона). Пережив однажды такие потери, местная община дала обет ежегодно отмечать этот день молебном, чтобы испросить у святого Михаила благоприятной погоды, необходимой для успешного завершения осенней «рыбалки», лова красной рыбы.

Помимо праздников, в народном календаре существовали приметные дни, даты, которые не требовали прекращения работы, но служили важными ориентирами для хозяйственной деятельности. Наблюдая за погодой в эти дни, ангарцы предсказывали урожай, сроки половодья, начало сенокоса или охотничьего промысла. Некоторые из этих дней получали в народе меткие, а порой и ироничные названия, отражавшие тесную связь человека с суровой сибирской природой. Так, день святой Марии Египетской (1 апреля ст. ст. / 14 апреля н. ст.) в некоторых ангарских деревнях называли «Марьей – пустые щи» или даже более хлёстко «Марьей-г…опроблудницей». К её имени прибавляли весьма грубый эпитет, отмечая обычное явление природы, с этого времени «зажорная» вода, стекая понемногу в реки, засоряла водопойные и «прачешные» проруби нечистотами. А день Акулины (13 июня ст. ст. / 26 июня н. ст.) прозвали Акулина – задери хвосты, в это время скот начинал особенно страдать от мошки и оводов, метался по пастбищу, задрав хвост, и крестьяне нередко переходили на ночную пастьбу, спасая животных от гнуса.

Однако общие принципы народного календаря лишь отчасти передают всю глубину и своеобразие традиционной культуры ангарцев. Подлинный её колорит раскрывается в деталях, обрядах и ритуалах, которыми сопровождались самые важные даты года. Наибольший интерес представляют те праздники, чьи традиции выделялись среди прочих своей самобытностью.

Рождество Христово (25 декабря ст. ст. / 7 января н. ст.)

Рождество на Ангаре было одним из самых значимых зимних праздников, открывавшим собой Святки, двенадцать праздничных дней от Рождества до Крещения. Но самые шумные гулянья приходились на первые три дня: в это время в деревнях устраивали народные гуляния, пели обрядовые песни и колядовали [Макаренко, 1913, с. 128].

С раннего утра первого дня Рождества по улицам начинали ходить дети, они «христославили» хозяев, распевая под окнами церковные песнопения «Рождество твое, Христе Боже наш…» и простые припевки с пожеланиями богатства и здоровья. За это они получали гостинцы, булочки, калачики, шанежки [Макаренко, 1913, с. 129].

Святочная звезда, г. Енисейск [Макаренко, 1913, рис. 12]

В некоторых селах дети и молодежь ходили со «звездой» — самодельной конструкцией на палке. Как описывал А.А. Макаренко, подобная звезда из Енисейска представляла собой легкий деревянный обруч, оклеенный красной и зеленой промасленной бумагой. Внутрь ставили свечу, и звезда таинственно светилась в морозных сумерках, а в центре иногда изображали святых или даже былинных героев вроде Ильи Муромца [Макаренко, 1913, с. 130]. Подойдя к избе, колядовщики исполняли старинный диалог-позыв:

Запевала: «Прикажи, сударь-хозяин, Виноградьё спеть!»

Хор: «Виноградьё красно-зелёное!»

Запевала: «Если прикажешь, мы споём, не прикажешь -отойдём».

Если хозяева разрешали, дети пели «Виноградьё», если же нет, то уходили, бросив короткую шутку, высмеивающую скупость. [Макаренко, 1913, с. 131].

В селе Кежма Кежемского района взрослые мужчины и холостые парни собирались большими группами, до двадцати человек и больше, ходили по домам славить Христа, распевая рождественские «ермоса» (церковные песнопения). Поздравляли хозяев, а те одаривали их деньгами и угощением. На собранные средства потом гуляли всей компанией все праздники [Макаренко, 1913, с. 130].

Берестяная маска, г. Енисейск [Макаренко, 1913, рис. 13]

Со второго дня Рождества начинались вечёрки, особенно любимые в деревнях посиделки. Молодежь собиралась в арендованной избе, играли, водили хороводы, пели песни, соревновались в припевках. Вечёрки были важным социальным событием: здесь укреплялись связи внутри общины, завязывались знакомства, обсуждались деревенские новости [Макаренко, 1913, с. 135].

Уже со второго-третьего дня Святок на Ангаре начиналось ряженье, местные называли его «машкирование» или «бегать нарятчиками» [Макаренко, 1913, с. 135]. В отличие от благочестивых детских колядок, ряженье было вечерним и ночным развлечением молодежи, и даже взрослых семейных людей. Об этом обычае вспоминала Татьяна Ивановна Аксёнова, 1929 г.р., из деревни Аксеново Кежемского района: «*В Аксеновой у нас... ходили на Рожжество нарядчики. И на Масленку наряжались. Даже так наряжались: покойника делали. Ну, вот один человек впереди, голова у него согнутая, а второй человек сзади руки свои вытягиват на его вот так, голову откидывает, и получатся покойник... Заходили в дома вечером, не днем, а вечером. Которые пугались. Заходят, покойника заносят в избу. С ума сойдешь!*» [Афанасьева-Медведева, 2007, т. 2, с. 234].

Участники полностью меняли облик: выворачивали тулупы шерстью наружу, надевали звериные маски, рога, женские

сарафаны, мазали лица сажей или мукой, приделывали бороды из пакли. «Бродни надену, шаровары надену, подпояшусь красной опояской, настоявший ангарец» (село Невон, Усть-Илимский район) [Афанасьева-Медведева, 2007, т. 2, с. 140]. Компании «машкированных» без стука врывались в избу, кричали измененными голосами, пугали хозяев, плясали, разыгрывали шутовские сценки и пели озорные песни. Хозяева обязательно должны были их угостить, иначе озорники могли унести что-нибудь со стола или громко ославить скупость на всю деревню.

Маска для ряженых, д. Банщиково Нижнеилимского района. 1959 г. МАЭ И 1830-451. Музей антропологии и этнографии

Колядование на Рождество Христово
в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2026 г.

Святки не были однородны. В народном сознании они четко делились на две половины. Первые дни, от Рождества до Васильева вечера (31 декабря ст. ст. / 13 января н. ст.), назывались «святыми вечерами». Это было время благочестивого веселья, христославия и умеренных развлечений. Но с кануна Нового года наступала пора «страшных вечеров», которая длилась вплоть до Крещения [Макаренко, 1913, с. 136].

В это время, по поверьям, по земле начинала особенно активно бродить нечистая сила. Самыми опасными считались шуликуны (в некоторых деревнях их называли «шишкунами»). А.А. Савельев, со слов старожилов деревни Яркино Кежемского района, дал подробное описание этого существа: «Шулекин», в представлении местного крестьянина "капочку" находит (похож) на человека; он толстой и ростом невелик; бровей и ресниц нет; зубы залезныя, светлыя; голова с острой шапкой; живёт в воде; зимой вылезает из проруби; всегда старается доспеть человеку пакость, но особенно опасен в страшной вечер» [Савельев, 2021, с. 288].

Верили, что «шуликуны» вылезают из проруби в начале Святок и бродят по деревне до Крещения, пакостя, где только могут: толкают пьяных в сугробы, заманивают к проруби, пугают на вечерках. Их страшно боялись дети «Не гуляй допоздна, шуликуны утащат!», «Не ходи далеко, шишкуны заберут!». Взрослые в «страшные вечера» опасались ходить в баню перед рассветом и старались загонять скотину по хлевам засветло. Чтобы защитить дом и двор, хозяева чертили мелом или мазали дегтем кресты на дверях и воротах, а самые осторожные читали короткие молитвы.

Кульминация ряженья и разгула нечистой силы приходилась как раз на «страшные вечера». Компании нарятчиков ходили по домам особенно активно, требуя угощений и устраивая самые дерзкие розыгрыши.

Новый год – Васильев день (1 января ст. ст. / 14 января н. ст.)

Новой год, или Васильев день, не был, как ныне, «главным» праздником, с елкой, Дедом Морозом и подарками. Он воспринимался как важная веха в середине Святок, был продолжением рождественского веселья и одновременно началом нового хозяйственного цикла. Как отмечал А.А. Макаренко, этот день на Ангаре «праздновался поголовно и повсеместно», но без городского размаха, в тесном семейном и соседском кругу [Макаренко, 1913, с. 41].

Накануне, вечером (31 декабря ст. ст. / 13 января н. ст.) деревенская молодежь собиралась на посиделки, главным занятием которых была ворожба. Гадали о самом насущном: кто в этом году женится, кто выйдет замуж, в какой деревне жить суженому, богатым ли будет муж.

Одними из элементов ворожбы были «подблюдные» песни. Девушки и парни собирались в избе, садились за стол, застланный белой скатертью. Каждый клал перед собой под скатерть кусок хлеба. На отдельное блюдо складывали кольца всех участников и закрывали его платком. После каждой песни чья-то рука наугад вытаскивала из-под платка первое попавшееся кольцо, и по тексту песни «завечали» судьбу его владельца: богатый ли жених попадется, в своей стороне жить или на чужбине, счастливым ли будет брак. Припев «Свят вечер, Свят вечер» связывал гадание со святочным, «пограничным» временем, когда грань между мирами истончается [Макаренко, 1913, с. 42].

После «подблюдных» песен переходили к другим, более смелым и даже пугающим способам ворожбы. Эти формы к началу XX в. в России уже почти исчезли, но на Ангаре еще держались. Девушки снимали чулок, шли к проруби и опускали в ледяную воду обнаженную ногу с кольцом на пальце, шепча: «Покажись, кто мой будущий муж», надеясь увидеть в воде отражение суженого. Другие отправлялись в баню или на гумно и ждали ночного прикосновения: если коснется «мохнатая рука», быть за богатым, если «голая» – за бедным. Самые отчаянные выводили на распутье «белую кобылу» и по тому, куда она пойдет, определяли, откуда ждать суженого, из своей деревни или с той стороны Ангары [Макаренко, 1913, с. 42-43].

На заре (1 января ст. ст. / 14 января н. ст.) по деревне начинали бегать дети «челядь». Они ходили по избам и «посевали», бросали в красный угол горсти овса, ячменя, пшеницы и приговаривали:

«Сею-вею, посеваю,
С Новым годом поздравляю,
Со скотом, с животом,
С малым детушкам!» [Макаренко, 1913, с. 47].

В записях А.А. Савельева сохранился и более пространный вариант этого поздравления:

«Маленький хлопчик
Нажал Христу снопчик,
В дудочку играю,
Христа поздравляю.

Пирог да шаньга,
Вина стклянка.
Садись, баба, на лыжи,
Катись, баба, в подполье,
В коробейку по копейку!..» [Савельев, 2021, с. 287].

Маленьких «сеятелей» встречали с радостью, они считались предвестниками будущего урожая и нового счастья. Хозяева обязательно одаривали их пирогами, шаньгами или мелкой монетой.

Днем на улицах устраивали другое зрелище, конские бега на «бегунцах» (скаковых лошадях). Всадники спорили между собой на «заклад» (ставку), а зрители, оживленно переговариваясь, ставили мелкие деньги на того или иного бегуна. Это создавало в деревне сильное оживление, но общих гуляний с песнями и плясками, как на Масленицу, в этот день не затевали. Весь день проходил в хождении по гостям: «сосед к соседу идёт на беседу». Гость, войдя в избу, кланялся на иконы и поздравлял хозяина «с новым годом и новым счастьем». Хозяин отвечал тем же и приглашал к столу. Иногда от таких визитов «заводилась маленькая гулянка», но без массовых съездов из других деревень [Макаренко, 1913, с. 47].

Вечером в наемных избах снова собирались на вечерки, с пением, плясками и играми. Однако именно в Васильев вечер гулянья старались закончить до полуночи, «до первых петухов». Считалось, что после полуночи наступает полное раздолье для нечистой силы, и встреча с шуликунами становилась особенно вероятной. После Васильева дня вечерки и маскарады продолжались, но постепенно шум веселья стихал, уступая место строгому и торжественному ожиданию Крещения.

Крещение (6 января ст. ст. / 19 января н. ст.)

Крещение завершало Святки, двенадцать дней святочного веселья, ряженья и «страшных вечеров», и потому воспринималось как время очищения, когда мир возвращался в привычное, упорядоченное русло.

В Крещенский сочельник продолжались гадания, одним из распространённых способов было гадание с ложками, наливали воду в ложки, загадывали на родных и выносили на холод. Утром

смотрели на лёд, бугор сулил жизнь и благополучие, впадина – смерть или болезнь. В полночь самые смелые садились перед стаканом с водой и ждали, когда вода «заволнуется». Это считалось знаком того, что в этот миг «открываются небеса», и тот, кто успеет выбежать на улицу и увидеть чудо, получит от Бога всё, что ни попросит, даже «Царство Небесное». Вышеупомянутый ангарец А.К. Кокорин предполагал, что речь идет о северном сиянии, так как однажды сам его видел [Макаренко, 1913, с. 49-50].

Вечером сочельника защищали дом и скот от нечистой силы, которая в последний раз гуляла по земле перед Крещением. Мелом рисовали кресты на дверях и воротах, это считалось надёжной преградой для «волхиток» (ведьм) и другой нечисти. Тщательно мыли и мели избы, веря, что вместе с сором уйдёт всё злое, а оставшаяся в доме нечисть утонет в освящённой воде утром [Макаренко, 1913, с. 42].

В некоторых ангарских селениях, как отмечал А.А. Савельев, сохранялся и более архаичный обычай защиты «поселья» (усадьбы), который к началу XX в. уже полностью перешёл к детям. В сумерки «челядь» с шумом обегала избу, двор и хлев с ухватами, кочергами и помелами, выкрикивая особые заговоры-обереги, чтобы отогнать шуликунов и прочую нечисть перед самым Крещением [Савельев, 2021, с. 289].

На заре Крещенского дня «ворожеи обоего пола» и женщины и мужчины по буквальному выражению «бегали с сочнем». В руках они держали особую коврижку, замешанную из равных частей муки, золы и соли, для встречи с суженым. В Пинчугской волости в сочне проделывали дыру и, закрыв лицо и голову, высматривали через неё суженого или суженую. В Кежемской волости для той же цели «бегали» со скатертью и полотенцем. На этом святочные гадания заканчивались, и деревенский люд старался больше не испытывать судьбу [Макаренко, 1913, с. 50].

В само Крещение главным действом становился крестный ход на реку. Прорубь, вырубленную во льду Ангары, торжественно называли «Ярдань», в память о библейском Иордане, где крестился сам Христос. Священник опускал в воду крест, и в этот миг, по народному убеждению, вся нечисть, бродившая по земле

все «страшные вечера», проваливалась под лёд и тонула в освящённой воде.

Ангарцы относились к Крещению с глубоким благоговением, видя в нём очищение. Считалось, что в этот день можно смыть с себя тот грех, который невольно взял на душу во время Святок, когда «машкировался», надевал на себя «чёртовы рожи» и участвовал в разгульных игрищах ряженых. Смывали его, окунаясь в прорубь или хотя бы умываясь крещенской водой.

Освящённую воду (святую воду) берегли как великую святыню весь год, ею кропили дом и скотину, поили больных, давали роженицам. По пути от реки домой люди старались захватить солому или еловые ветки, которые стелили под ноги во время крестного хода, их потом хранили как надёжный талисман от порчи и болезней.

В само Крещение крестные ходы совершались повсеместно, как и полагалось по церковному уставу, разумеется, в тех населенных пунктах, где существовали церкви и церковные причты. Священник объезжал приход «с крестом» [Макаренко, 1913, с. 51].

Если в селе в этот день приходился съезжий праздник, а Крещение нередко было именно таким, после возвращения с реки начиналось пированье, которое могло длиться несколько дней. Хозяева угощали гостей, переходя из дома в дом. Диалоги за столом нередко носили ритуальный характер, сопровождались обязательными тостами за здоровье. Пели песни, плясали под гармошку и балалайку, улицы наполнялись гулом голосов и смехом [Макаренко, 1913, с. 52].

После Крещения, когда Святки окончательно завершались и мир возвращался к обычному порядку, на Ангаре начиналась пора свадеб. Невесты несли священнику ковригу, пирог и водку «задаривали», чтобы благословил на брак [Макаренко, 1913, с. 54].

Масленица (переходящий праздник)

Масленицу на Ангаре всегда ждали с нетерпением. Это был самый шумный, сытный и весёлый праздник всего года, время абсолютного разгула перед долгим Великим постом.

Как только становилось известно, что Масленица «подходит», в деревне начиналась суета. Парни артелями строили общую ледяную гору «катушку». Это был высокий снежный скат, который много раз поливали водой, пока он не превращался в блестящую ледяную дорожку с длинным раскатом внизу. Иногда, если деревня была большой, горок делали несколько.

Особенно большим своеобразием отличался первый день Масленицы. В ангарских селениях в нём сохранялись уникальные черты, неизвестные или давно утерянные в других местах расселения русских. В этот день по деревне проходила целая процессия, изображавшая годовой цикл хозяйственных работ. На улицу выводили почти всех лошадей, осёдланных для верховой езды и запряжённых в парадные сани «кошевы». За ними везли весь крестьянский инвентарь: сохи, бороны, лодки, мялки для льна, прялки, чаны для варки пива. Участники шествия прямо на снегу разыгрывали целые сценки: «пахали» и «боронили», «сеяли» из лукошек, мяли коноплю, чесали и пряли пряжу, «варили» пиво. Выезжая в поле, мужики размахивали серпами, изображая жатву. Самые веселые «рыбаки» забрасывали невод и сети, «ловили» зазевавшихся односельчан и с хохотом тащили их по

Бега – состязание между конным и пешим, д. Дворец Енисейского уезда. 1904 г. КККМ вф 8584/6. Красноярский краевой краеведческий музей

дороге. Другие, словно на промысел, бечевой тянули по снегу лодки с гребцами. Всё это сопровождалось невообразимым шумом: звенели колокольчики на лошадях, играли гармошки и балалайки, отовсюду неслись шутки и специальные масленичные припевки [Сабурова, 1967, с. 232].

Главным развлечением все дни было катание с «катушек». С утра до вечера на горке толпились дети, молодежь и даже молодые замужние женщины. Парни сажали девушек к себе на колени и с визгом летели вниз. Существовало поверье: чем дальше прокатишься с горы, тем длиннее вырастет лён в этом году. Под горой, у раската, толпился народ, звучала гармонь, лились песни.

Ближе к концу масленичной недели катание с ледяных гор сменялось катанием на лошадях. По улицам мчались однопряжки, пары и тройки, запряжённые в лубяные «пошевни». Сани обязательно наряжали: лучшая сбруя, плетёные косички в гривах, ленты, бубенчики и колокольчики создавали праздничный звон, разносившийся далеко по округе. В санях сидели «кумпании», молодёжь и люди постарше, распевавшие проголосные песни. Также устраивались конские бега. Бывало, что пеший бегун состязался с всадником на «бегунце», то есть на скаковой лошади. Спорили на заклад, кто кого обгонит. Дистанция была короткой, туда и обратно, с поворотом. Пеший срывался с места мгновенно, а лошадь на повороте нередко заартачивалась и теряла мгновение, чем пеший и пользовался.

В первый, а в некоторых источниках в последний день масленичного веселья снаряжалась целая «свадьба нарошечная», поезд из десятка кошев (саней), точь-в-точь как настоящий свадебный кортеж. В нём участвовали ряженые, которые разыгрывали представления и всячески веселили публику [Сабурова, 1967, с. 232].

Более подробное описание поезда дал этнограф А.А. Макаренко. Молодёжь («робята») мастерила чучело с подчёркнутыми мужскими признаками и одевала его в мужицкое платье. Чучело усаживали в огромный поезд из двух-трёх связанных саней. На передке ставили пустую бочку и столик с закуской и пустыми бутылками, знак будущего угощения. В середине саней крепили высокую жердь (до 6-7 м) с надетым на неё колесом. На колесе, как на троне, восседало чучело. К нему привязывали кусок масла и

бутылку со стаканом. Рядом клали корыто, а на соседних санях везли лодку с рваным неводом.

Шествие сопровождали «нарятчики», парни, вымазанные сажей, в рваной одежде, с заранее распределёнными ролями. Один изображал «дружку» (участника свадебного поезда), который мутил воду, другой «рыбу», остальные рыбаков. Толпы односельчан с хохотом следовали за этим шумным поездом, а участники колотили в бочку и выкрикивали: «Бросайте работу, Маслянка идёт, широка идёт!».

«Нарятчики» из масленичного поезда на Масленице в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2025 г.

Останавливаясь перед домами богатых крестьян, «нарятчики» разыгрывали целое представление. Из лодки выбрасывали невод, растягивали его поперёк улицы, «рыба» на четвереньках металась внутри, рыбаки хлестали её чем попало, а в конце «дружка» наносил символический удар «бичиком» (кнутом), и «рыба» замертво падала в снег, чтобы через минуту «воскреснуть». После «ловли» ряженые исполняли величальную хозяину:

«Вдоль по улице кубчик идёт,
Вдоль по широкой – удала голова…
Ой, жги, урви, говори!»

Хозяин обязан был отблагодарить потешников водкой. Отказ грозил «кошачьим концертом», таким шумом и безобразием, что скупого крестьянина потом вся деревня обсуждала. Угощение тут же распивали в санях, и шествие двигалось дальше [Макаренко, 1913, с. 146-148].

Пойманная «рыба» в лодке и «нарятчки» на Масленице в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2026 г.

В последний день Масленицы веселье постепенно затихало. Катанье прекращалось, люди разъезжались по домам. Вечером, за ужином и взрослые, и дети ходили друг к другу просить прощения. «Прости меня», – говорил один. «Бог простит», -слышалось в ответ. С этого мгновения наступало время Великого поста, строгости, покаяния и воздержания.

Сороки (9 марта ст. ст. / 22 марта н. ст.)

Главным событием этого дня была выпечка «жаворонков», булочек из теста в виде птичек, часто с запечённым внутри

конопляным семенем. С этими птичками девушки и дети отправлялись на гумно, крошили их на мелкие кусочки, разбрасывали по сторонам и пели, закликая весну: «Жаворонки прилетели на завалинку, на приталинку!».

Галина Михайловна Жмурова, 1955 г.р., из села Кеуль Усть-Илимского района вспоминала: «*Я помню, что жаворонков нам бабушка пекла. Вот она прямо не специально тесто ставила там или чего-то, а вот хлеб, из которого стряпала… Я-то даже и не врубалась, что надо это хорошо запомнить. Но помню, что да, что крылышки были, вот это вот место было и головка эта вот была*».

В Кежемской волости этот обряд порой принимал неожиданный оборот. По свидетельству А.А. Макаренко, «кормление жаворонков» на гумне сопровождалось «свальным грехом» между молодёжью. Местные священники знали об этом и на исповеди, вместо обычного вопроса: «В чём грешен?», спрашивали: «Не валялся ли на соломе?» [Макаренко, 1913, с. 62].

С этим днём связано и несколько важных примет. Говорили: «Сорок мучеников, сорок утренников», то есть после этого дня следует ждать ещё сорок утренних заморозков. А ещё замечали, что «в этот день ночь со днём равняется», наступало весеннее равноденствие. Для ангарцев, живших в суровом климате, это был день надежды на скорое тепло [Макаренко, 1913, с. 62].

Пасха (переходящий праздник)

Пасху, которую ангарцы чаще всего называли просто «Паска», считали «праздник празникам», самой большой радостью после долгой сибирской зимы. В народе её также именовали «Святой неделей» или «Красной неделей» [Макаренко, 1913, с. 160].

К Пасхе готовились заранее, на Крестопоклонной неделе Великого поста, в среду делали выпечку в виде крестов и клали их в сусеки с зерном до начала сева [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1243, Л. 1366]. А на Страстной неделе особое место занимал Великий четверг. В этот день устраивали дымокур: жгли смолу, «богородицкую» траву и ладан, окуривая скотину, чтобы уберечь её от болезней и нечистой силы. Скот и маленьких детей мазали дёгтем «пятнами», приговаривая: «Чур наш, будь у нас». Пекли

три ржаные ковриги. Одну подавали на Пасху, вторую в Егорьев день скармливали скоту, а третью берегли в сусеке с зерном до начала сева, чтобы урожай был богатым.

День Пасхи носит название «Христов день». В положенные церковью часы повсеместно совершалась заутреня (служба), именуемая по-местному «Христова» или «Христовска заутреня». В сёлах, где стояла церковь, службу вёл священник с причтом; в маленьких деревеньках и на дальних заимках люди собирались в часовнях или просто в чьей-нибудь просторной избе, и службу вели сами прихожане.

О начале заутрени оповещали стрельбой из ружей холостыми зарядами, это значило «Христа встречать». Оружейники собирались у храмов и часовен, их залпам отвечали со всех концов селения. То же самое повторялось при окончании службы. Михаил Егорович Погодаев, 1952 г.р., из деревни Седаново Братского района подтверждал: «*В Пасху заведено было давать залпы оружия. С ружья стреляли. Утром, в четыре утра начинали и до шести хрестали холостыми патронами. Почему-то заведено было так. Да и не то что в одной деревне, а вообще в деревнях было так заведено почти*».

В самых глухих местах импровизированные хоры пели священные «ермоса» до первых петухов, а затем, пропев «Христос воскресе!», также палили из ружей и расходились разговляться. Христосуясь в заутреню со священником, ему дарили крашеные яйца «крашонки»; христосуясь друг с другом, обменивались ими же. С этим обменом было связано особое поверье: «На Светло Христово Воскресенье обменяйся яичком с первым встречным; положи его на божничку: три года пролежит, не протухнет. Это яйцо спасает от нечистого».

Бытовало и другое поверье, связанное с заутреней. Некоторые отчаянные парни, когда священник возглашал: «Христос воскресе!», отвечали про себя: «У меня туз есть!» (если были картёжниками) или «У меня пуля есть!» (если охотниками). Верили, что после такого завета сатана будет помогать удачей в игре или промысле. Как поясняла одна из рассказчиц, на этот «непрощенный грех» идут те, «которые из-за корысти, а наш брат крестьянин, скорее по темноте своей» [Макаренко, 1913, с. 160].

После праздничных дней священник с иконами обходил все избы своего прихода. Перенос икон из деревни в деревню совершали «доброхоты» обоего пола, и об этом шествии можно было узнать издалека по громогласному пению пасхального «ермоса». Завершался круг водворением «святых» на их место в церкви, при хоровом пении и колокольном звоне [Макаренко, 1913, с. 162].

Пасха была началом «улошного» (уличного) веселья деревенской молодёжи. Со второго дня «Красной недели» начинались хороводы и «игрища» на «полянках»: ходили «кругом» и «воротцами», «ломали поскотину», «сеяли просо и лён», играли в «деньщиков», в «разлуку» и другие игры.

Непременной принадлежностью пасхальных увеселений были «качули» (качели). Их ставили на второй день Пасхи, обычно на окраине деревни или на широкой улице. Устройство качелей было делом артельным: парни, у которых были сёстры, брали на себя основную заботу, но материал собирали всем миром, кто брёвна, кто верёвки, кто доски. В маленьких деревнях обходились одними качелями, в сёлах ставили две-три. Качаться можно было только у своего околотка, а в гости на чужие качели надо было получать приглашение. Существовало даже мрачное поверье: если кто-то упадёт с качели и разобьётся насмерть, того надо хоронить на том же месте [Макаренко, 1913, с. 163].

Еще одно увеселение вспомнила Шаранда Надежда Дорофеевна, 1936 г.р., из села Тангуй Братского района: «*И вот Пасха. Пасха три дня считалась, и вот уже в деревне катали яички. Ну вот, где-нибудь у двора у кого-нибудь собираются, каждый с яичком или по два, на каком-то расстоянии луночка была, и вот они вот так катали, чтоб в эту луночку попасть. Ну как бы выигрывали это, кто выиграет. Кто попал, тот выиграл.* – А на что играли, просто так? – А *просто так, яичко заберет, да и всё*».

Егорий Вешний (23 апреля ст. ст. / 6 мая н. ст.)

Егорий Вешний (Георгий Победоносец) был одним из самых почитаемых полупраздников, а в некоторых селениях и полным праздником. Его считали покровителем домашнего скота, и в этот день совершался первый выгон скота в поле [Макаренко, 1913, с. 67].

Хотя по народному календарю это был день выгона, к этому времени поля и луга едва освобождались от снега, и скот довольствовался прошлогодней травой «ветошью». Тем не менее обычай соблюдали неукоснительно. Перед выгоном скотину кропили святой водой, обходили с иконами, а каждая хозяйка скармливала своей бурёнке или лошадке кусочек особой ковриги, испечённой ещё в Великий четверг [Макаренко, 1913, с. 70].

Существовало и особое заклинание, которое приговаривали, выпуская скотину: «Как сажица от цела не отходит, так и от меня, рабы Божьей, бурёнушка не отходи!».

В этот день также начинали сбор съедобных дикоросов: женщины и дети копали саранки (луковицы лилий), а в некоторых местах и лекарственные корешки, стараясь успеть до первого грома [Макаренко, 1913, с. 71].

Троица (переходящий праздник)

Празднование начиналось в четверг перед Троицей, в Семик, который считался исключительно девичьим праздником. Девицы Кежемской и Пинчугской волостей наряжали «гостейку» (березку), приносимую из рощи, в «самолучшо» девичье платье, приплетали к ней из кудели косу, украшали «королькам» (бусами), воспевая:

Елья кудревата!..
Задумал пан женитися
На душе – на красной девице,
На березе, на сестрице…»

С этой песней «гостейку» с почётом несли в деревню, ходили с ней по улицам, водили хороводы, а вечером ставили в амбар или подклеть у одной из подруг, где берёзка в полном убранстве хранилась до Троицы [Макаренко, 1913, с. 167]. В день праздника возле украшенной берёзы собиралась молодёжь: водили хороводы, пели, играли.

К Троице тщательно готовились. Обязательно красили яйца «крашенки» и варили домашнее пиво [Макаренко, 1913, с. 170]. Главными блюдами на столе были яичница и пирожки с яичной начинкой. В современности старожилы Богучанского района отмечают праздник Святой Троицы «мушной кашей». В этот день она приобретает статус обрядовой кухни. Важное место

уделялось и преображению пространства. В избах мыли, скоблили и белили стены, полы посыпали свежей травой, а внутри и снаружи ставили молодые берёзки. Валентина Александровна Левицкая, 1948 г.р., из деревни Пинчуга Богучанского района, вспоминала: «*Раньше палисадников в домах же не было. Помню, ездили, срубали березку. И ставили под каждым окном березки. Если три окна, то три березки ставили*».

В храме также ставили берёзки, а после службы освящённую зелень забирали домой как оберег [Макаренко, 1913, с. 170].

Топление березки с ленточками на Троицу
в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2025 г.

Интересным троичным обрядом было «раздевание» берёзы и её топление в воде. Обычно это делали на следующий день, в Духов день (второй день Троицы). Валентина Александровна Левицкая, 1948 г.р., из деревни Пинчуга Богучанского района, подробно описала этот обряд, который претерпел изменения в середине XX в. в более современном исполнении: «*Наряжали березку, привязывали ленточки, каждый загадывал желание, а на завтра был Духов день. После обеда несли на речку березку и топили её. Если поплывёт, значит, желания сбудутся. Если тонула,*

значит, уже не сбудутся». Она добавляла, что старались оттолкнуть березку подальше, чтобы её унесло течением, тогда считалось, что желание обязательно исполнится.

В других деревнях обряд мог выглядеть иначе. Анна Николаевна Пнёва (60 лет, деревня Бада Братского района) отметила, что у них березку не топили, а только купали, обливая водой, и сами обливали друг друга [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1243. Л. 1365]. Здесь необходимо уточнить, что деревня Бада находилась не на Ангаре, а на её притоке – реке Ие. Дмитрий Филиппович Куприков, 57 лет, из деревни Новая Уда Усть-Удинского района, вспоминал, что березку наряжали в женскую юбку, «сушун», косынку и носили за деревней с песнями. Потом брали березку для смеха с двух сторон «под ручки» и несли в речку, следом за ней кидались в воду и обливались [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1243. Л. 1372].

Ильин день (20 июля ст. ст. / 2 августа н. ст.)

Ильин день считался полупраздником и стоял особняком, его называли «страшным праздником». Крестьяне верили, что в этот день непременно случится гроза, поэтому «робить грех, Илья убьёт». Рассказывали, что одного мужика, ослушавшегося запрета, убило громом прямо под лодкой, а у другого из-за работы в Ильин день появилась ворона с горящей веткой и сожгла сено.

Поэтому сами крестьяне воздерживались от работ в Ильин день и не заставляли работать работников, если таковые были наняты. Однако существовало и исключение, для работ на подённщине или на «помочи», когда односельчане собирались, чтобы помочь кому-то в срочной работе. В этом случае считалось, что грех праздничной работы падает не на работников, а всецело на того, кто эту работу затеял [Макаренко, 1913, с. 99].

Сам же Илья в народных сказаниях представал суровым. Сохранилось предание о том, как он пытался наказать бедного мужика, а Николай Чудотворец, «жалеючи» крестьянина, постоянно его выручал [Макаренко, 1913, с. 97].

Илью также отождествляли с громом. Гром гремит, говорят, это Илья едет на колеснице, запряжённой быком и львом. Он преследует сатану: где тот спрячется, туда и «громовая стрела падает». Существовало, например, сказание о ссоре Ильи с лешим:

«Лешему надо было к спеху шубу сшить, днём он не поспел, сел шить ночью под сосной, когда Илья гремел. Молния блеснёт, лешак продернет иголку в шубу да заворчит: "Что, молнишка, не часто светишь!" Илья на это осердчал и пустил в черта громовую стрелу, дерево расщепило на кусочки, а лешак увернулся и убежал с шубой» [Макаренко, 1913, с. 99].

С Ильиным днём связаны и хозяйственные приметы. Замечали: «На Ильин день верховка, худой налёв хлебов будет», то есть сильный ветер в этот день сулил плохой урожай зерновых. В некоторых местах к этому дню поспевали огурцы, ими и разговлялись после церковной службы [Макаренко, 1913, с. 100].

4.2. Обряды и суеверия

Жизнь на Ангаре никогда не была легкой. Суровый климат, скудные почвы, зависимость от капризов природы, все это подвергало жизнь крестьянина постоянным испытаниям. Неурожай, падеж скота, неудачная охота могли означать голодную зиму. В этой борьбе за выживание человек искал опору и находил ее в вере в потусторонние силы. Так рождались обряды, приметы и поверья, которые сопровождали всю жизнь ангарца.

Он верил в то, что рядом с людьми, в избе и в бане, в тайге и на реке, обитали иные существа, покровители и вредители, добрые и злые. Считалось, что существовали лешие и хозяева каждой постройки (избяной, банник, дворник, мельник). Как точно подметил один из этнографов, суеверия у ангарских охотников были распространены «настолько, что христианина иногда не видно из-под них» [Ермолаев, 2020, с. 165].

В ангарских деревнях главным домашним духом был суседко (или суседка). В отличие от классического домового, который мыслится хранителем избы и семьи, суседко обитал, прежде всего, во дворе – в стайке, хлеву, среди скота [Скорняков, 2021, с. 35-36]. Главной его заботой были лошади и коровы. Любимцев он окружал заботой, например, терпеливо заплетал им гривы. С неугодными же обходился жестоко: мог всю ночь гонять животное, не давая ему покоя, пока оно не выбивалось из сил. В народе говорили: «Ежели он любит лошадь, то лошадь сухая бывat, не любит – мокрая делатся» [Савельев, 2021, с. 247].

Суседко был своенравным соседом человека. Он мог по ночам давить спящих, пугать скотину, но к нему же можно было обратиться за покровительством. При переезде в новый дом его обязательно звали с собой: «Дедушка, суседушка, пойдём с нами» [Савельев, 2022, с. 261]. Когда вводили новую скотину, просили: «Дедушка, суседушка, пои, корми, люби». Чтобы защититься от его проказ, на шею лошади вешали колокольчик [Савельев, 2022, с. 247], а под подушку клали что-нибудь острое – нож или вилку [Савельев, 2022, с. 249]. В 1957году в деревне Дальняя Муя Усть-Удинского района 50-летний информант Василий Павлович Катунцев рассказал: «Считалось, что в каждом доме живет свой

«суседушка». По ночам «суседушка» может «давить» (душить) членов семьи. Надо его смягчить, задобрить. Для этого пекли булочки «коровашечки» и клали их в подполье для «суседушки». Так же клали табак в табакерке» [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1243. Л. 1380].

Если суседко был хозяином двора, отвечал за скотину и мог как помочь, так и навредить, то в бане безраздельно властвовал уже совсем другой дух – банник, которого местные жители называли «банной». Отношение к нему было ещё более настороженным: банник не терпел фамильярности и требовал неукоснительного соблюдения правил. Перед тем как затопить каменку, хозяева обязательно просили у него разрешения [Сергеев, 2020, с. 744]. Тех же, кто нарушал негласные запреты, банник мог жестоко наказать – вплоть до смерти. Особенно опасным считалось ходить в баню в одиночку или поздним вечером. По народному поверью, «во второй жар опаснее в баню ходить одному – банник может задавить; в первый же жар – ничего» [Скорняков, 2021, с. 42]. Опасения перед банником были настолько сильны, что ему приписывали даже смертельные случаи. Так, в начале XX в. в деревне Ершово Нижнеилимского района рассказывали об одном мужике, которого нашли мёртвым на полке в бане. Старики тогда решили, что его «банной задавил», поскольку пошёл париться не в своё время [Сергеев, 2020, с. 744-745]. Роженицу в бане не оставляли одну, говорили, «банник задавит». Чтобы уберечься от его козней, следовало строго соблюдать особые правила. Во время мытья в бане крест держали во рту, «чтоб не опоганить его банной водой». Снять же крест боялись: верили, что тогда банник одолеет [Скорняков, 2021, с. 42, 49].

Хозяином тайги был леший «лесовой», или же «лешак». Относились к нему настороженно, считая злым духом, способным погубить человека.

Карнаухова Нина Григорьевна, 1932 г.р., из поселка Кежма Кежемского района, рассказывала: «*У нас в Паново-то у Домны Рухловой двенадцать дней не было Ваньки, искали его. Ой и ружьями-то искали! И народом-то. А он гыт: А я лежал, гыт, у лесины, говорит, лежал у лесины и слышал народ, и видел, и никак не мог выйти, и откликнуться не мог. Вот, говорят, лешак водил.*

Оторваться от этой лесины не мог. Всей Пановой искали. Я сама ходила искала. Рявём: Ванькя, Ванькя, Ванькя!» [Афанасьева-Медведева, 2010, т.5, с. 277].

Одной из самых опасных разновидностей лешего считался «леший-вихорь». Он являлся в виде внезапного смерча, поднимал в воздух всё вокруг, срывал крыши с домов, вздымал валы на реках. Охотники особенно боялись встречи с ним в тайге. Об этом сохранился рассказ: «Один мужик ходил в лесу. Как придёт в зимовьё вечером – погода поднимется, всё зимовьё сучьями забросат. Не может мужик ни ночевати, ни белок добыти. Два года он бился, на третий из ружья в вихоря стре́лял, всё стихло» [Сергеев, 2020, с. 739].

Нельзя было лишний раз говорить о лешем, чтобы не привлечь беду. Некоторые старожилы даже и сейчас избегают упоминаний о лешем, считая его нечистой силой. В разговоре с информантами такая тема может вызывать настороженность или даже испуг. Например, Эльвира Александровна Рожкова (Петрова), 1937 г.р., из села Рыбное Мотыгинского района в 2025 году на вопрос о лешаке резко оборвала разговор: «А Лешак – это кто? – задает вопрос собиратель. – *Здравствуйте, договорились. А тебя чего потянуло на него?* – Ну, интересно. – *Это нечистая сила.* – А где живёт? – *А иди-ка она отсюда, знаешь куда.* – В лесу? – *Не знаю, храни меня Господь*. – Ну, Лешак – это ругательство, да? – *Да какое ругательство, это нечистая сила. Батюшки, о-о*».

В традиционных представлениях ангарских крестьян водяной считался хозяином реки. Называли его по-разному: водяной леший, водяной, а иногда даже просто лешим. По народным поверьям, водяной был таким же злодеем, как и леший, обитавший в лесу. Рассказывали, например, как однажды водяной обернулся волостным писарем и попытался утопить старуху в реке. Часто водяной таскал в воду лошадей, особенно в протоке под названием Шаманский. По словам одного из местных жителей, записанным этнографами, «в протоке Шаманском, бывало, смотришь, а водяной под веслом оказывается, высунется он и того же счёта опять в воду…» [Сергеев, 2020, с. 742]. Сохранились также рассказы о людях, которых водяной утащил к себе. Купался на реке

один парень, ему говорили: «Не утащит ли тебя леший?», а он ответил: «Нет». Нырнул, и больше его не видели. Верили, что его утащил водяной. Вспоминали и такой случай: «Мы парнишками купались. Искупалися. Леший выскочил из воды, стоит стоячкой, весь белый. Мы крикнули, а он в воду нырнул» [Сергеев, 2020, с. 742-743].

В народе знали и о водянихе – женском духе, который также обитал у воды. Её описывали как «демониху», появлявшуюся на берегу: сидела на камне и расчёсывала волосы. Один из жителей деревни Ершово Усть-Илимского района рассказывал: «Мне было лет восемнадцать. Шёл я за конями до солнца, смотрю около речки водяниха на камне сидит, чешется... Не мог я рассмотреть, как следует. Взреветь поопасился, закашлялся, она в воду упала и мырь пошла» [Сергеев, 2020, с. 742-743].

Хотя водяной считался злым духом, в некоторых случаях он мог помогать людям. В народе передавали историю о мужике, который пахал на заимке. «К нему явился чёрт и попросил: «Ты помоги мне завтра, я пойду на смертный бой с другим чёртом». Мужик согласился и помог. После боя тот чёрт явился к нему и сказал: «Спасибо, помог, а то я бы не пересилил». С той поры мужику стало везти, и он стал запасать много белой рыбы» [Сергеев, 2020, с. 743].

О «шуликунах» мы уже подробно рассказывали в главе, посвящённой календарным праздникам. Напомним, считалось, что эта нечисть особенно активно бродила по деревне в «страшные вечера» – период от Нового года до Крещения. В разных местах их называли по-разному: шиликуны, шишкуны, шуликаны. Жители Пинчугской волости описывали их как маленьких существ на конских ногах, одетых в звериные шкуры, с острыми шапками на голове. Чтобы избавиться от них, в Крещение утром проводили обряд «топтания»: выезжали на лошадях на луг и вытаптывали нечистую силу из снега [Сергеев, 2020, с. 743].

Особенно примечателен рассказ одного ангарского охотника, записанный в начале XX в. в деревне Яркиной Пинчугской волости: «Мужик поехал проверять «ямы» (ловушки) и остался ночевать в «станке» (охотничьей избушке). Ждет товарища, а уже стемнело, «седён вечер наступил». Вдруг слышит: кто-то едет с

колокольцами «на звонах». Прислушался и сообразил: кому ж в ночь на Крещение ездить? Ведь знает, что «шуликан непременно навалится на коня», конь ногами болтает, а всё на месте стоит. Подъехали они прямо к станку. Темень, хоть глаз выколи. Слышит мужик: кто-то из них ревет: «Он, однако, еще здесь!» – и чиркнул спичкой «серянкой», осветил место. Мужик в станке замер, еле дышит. А тут как раз снег пошел и замел его следы. Другой шуликан говорит: «Однако, уехал уже». Первый согласился, сели они и уехали. Наутро приехал товарищ и нашел мужика полузамерзшим, кони давно отвязались и ушли домой» [Савельев, 2021, с. 288-289].

Самыми страшными, по народным поверьям, были не духи, а люди, обладающие тайным знанием. Их называли волхидами и волхидками – от слова «волхвовать», то есть колдовать [Сергеев, 2020, с. 750]. Верили, что волхиды могут «надеть хомут» на обидчика. Для этого они скручивали пучок волос или прутик в кружок и незаметно подкладывали на порог. Тот, кто переступал через него, вскоре заболевал и мог даже умереть. Снять такой хомут мог только тот, кто его наслал, поэтому пострадавшие шли к волхидам кланяться и просить прощения [Савельев, 2022, с. 280].

Особенно боялись волхидов в Великий четверг. Считалось, что в эту ночь они рыщут по дворам, отстригают у скота клочья шерсти или отрезают кусочки ушей, чтобы потом использовать их в колдовстве. Волхидка могла навредить и совсем незаметно. Если она дотрагивалась до посуды, та «изломается», а молоко или сметана пропадают. Семена после её прикосновения теряли всхожесть, а травы – целебную силу. Верили также, что волхидки умеют обращаться в животных. В деревне Карабула Богучанского района рассказывали, как несколько мужиков увидели во дворе волхидку, но когда зашли в хлев с огнём, нашли там только пёстрого быка. Будто волхидка превратилась в него [Скорняков, 2021, с. 53].

Чтобы защититься от волхидки, необходимо было «перегородить» помещение, трижды перекрестить его, встать лицом в угол и прочитать молитву. Креста она боялась и «перегороженное» не трогала. Если скотина всё же пострадала, её нельзя было вывозить со двора, только выволакивать и увозить подальше в лес.

Шкуру с такой скотины тоже не брали, считая её негодной [Савельев, 2022, с. 302].

Также верили, что после смерти человек может не обрести покоя и стать «еретиком». Так называли покойника, который встаёт из могилы и по ночам ходит среди живых. Чаще всего еретиками становились те, по ком не справляли поминок, а также утопленники и удавленники. Таких неупокоенных мертвецов хоронили отдельно от остальных, чтобы они не дрались с покойниками на кладбище. Еретики появлялись ровно в полночь, а с первыми петухами возвращались обратно в могилы. Рассказывали, как одна покойница, для которой сын не устроил поминок, по ночам приходила в огород и ела капусту. Еретики всегда лезли драться и могли напасть на живого человека: известно, как одна мертвечина набросилась на священника и едва не забила его до смерти. Если человек встречал еретика, спастись можно было, ударив его пальцем в лоб, от этого он сразу падал замертво [Сергеев, 2020, с. 751].

От эвенков ангарцы переняли веру в силу шаманов и их духов-помощников «шайтанов». Шаман, по общему убеждению, мог все: и болезнь в бутылку загнать и, наоборот, наслать на человека хворобу. Фраза «шайтань тебя возьми» прочно вошла в обиходную речь, став самым страшным проклятием. Верили и в «заклянённые» места. В деревне Недокура Кежемской волости в начале XX в. высокая смертность жителей объяснялась именно этим: стоит деревня на месте, которое когда-то шаман проклял.

Крестьянин зависел от своего поля и скота больше, чем от чего-либо другого. Неурожай или падеж скотины означали голодную зиму, а то и полное разорение. Потому задолго до начала полевых работ начинали думать о будущем урожае.

Особое внимание уделялось предсказанию благоприятных сроков сева. Весной, едва начинали нестись молодые куры, у первой из них брали три первых яйца по порядку и взвешивали. Какое окажется тяжелее, тот срок сева и считался самым удачным. Если тяжелее третье, сеять следовало поздно, после Миколы Вешнего (9 мая по ст. ст. / 22 мая по н. ст.) [Савельев, 2021, с. 263]. Другим распространённым способом гадания было полотенце. В ночь на Благовещение (25 марта по ст. ст. / 7 апреля по

н. ст.) мочили рушник и вывешивали на улицу. Если к утру он полностью высыхал, ждали тёплой весны и богатого урожая хлеба. Если замерзал, весна обещала быть студёной и неурожайной. Если высыхал пятнами, урожай должен был побить иней [Савельев, 2021, с. 264]. Предсказывали урожай и по первой весенней щуке. У неё рассматривали «максу» -различали три части: у головы, середину и у хвоста. Какая из них оказывалась толще, та и указывала на самый урожайный срок сева [Савельев, 2021, с. 262-263]. Если макса была чистой, без кровяных жилок, хлеб обещал родиться ядрёным, если же с жилками – худым [Скорняков, 2021, с. 47]. Случалось, что первый весенний крик кукушки заставал человека голодным, тогда его хлеб не уродится. Если же он был сыт, урожай ожидался хорошим [Савельев, 2022, с. 168].

Окончание жатвы отмечали особым ритуалом с кашей, которую называли «саламат». Когда дожинали последний сноп, все отправлялись в избу, где уже томилась в печи густая каша из молока и крупы, щедро сдобренная маслом. Спрашивали, не «отжались ли?», а «был ли саламат?». Ответ «был» служил главным знаком завершения страды [Савельев, 2021, с. 244]. Когда жатва подходила к концу, на поле оставляли «бороду» -так называли несколько несжатых колосьев. Крестьяне верили, что в них остаётся дух поля. Если забрать всё дочиста, на следующий год урожая не будет.

День, когда молотили последнюю ригу (овин), назывался «овин-именинник» и считался полупраздником. Дома пекли калачик и шанежку. Девочка-подросток относила их на гумно. Работники приостанавливали молотьбу, молились и съедали принесённое. Взамен девочке насыпали несколько пригоршней вымолоченного зерна, которое потом скармливали курам [Савельев, 2021, с. 250-251].

Но не меньше, чем о хлебе, крестьянин заботился о скотине. От нее зависело, будет ли в доме молоко, мясо, шерсть, а на полях навоз. Первый выгон коров после Пасхи был ответственным ритуалом. Хозяин обходил скотину три раза с заговором: «Ангелы мои, сохраните мою скотину от чёрного зверя, от волка, от огня горючего, от воды тонучей, от злого человека, от дьявола лукавого» [Мужниэк, 2020, с. 651]. Затем он смолой рисовал кресты

на дверях, расстилал вдоль ворот свой пояс, а хозяйка с хлебом зазывала коров по именам. Коровы перешагивали пояс, чтобы запомнить дорогу домой. Хозяин крестил их и шептал: «Христос с вами». Весь этот день нельзя было ругаться [Савельев, 2021, с. 250]. Существовал и пастуший наговор: его писали на бумаге, сжигали, пепел смешивали с хлебом и давали корове-передовщице [Арефьев, 2022, с. 323]. А чтобы коровы не уходили далеко, их кормили с заслонки, приговаривая: «Как заслонка от чела далеко не отходит, так и коровушки от дома не отходите» [Арефьев, 2022, с. 319-320].

Великий четверг был одним из главных дней для сохранности скота. Крестьяне запирали скот, берегли его от «волхидов» (колдунов), которые, будучи невидимы, могли остричь овцу или подоить чужую корову [Арефьев, 2022, с. 324]. Накануне четверга скот окуривали богородской травой, а на лбу рисовали дёгтем крест [Савельев, 2022, с. 280]. На заре зажигали «деревянный огонь» (добытый трением), жгли на углях богородскую траву и окуривали скот для предохранения от чумы и колдовского «напуска» [Макаренко, 1913, с. 155-156]. Как описывал этнограф А.А. Макаренко: «В старину садились верхом на «клюку» (кочергу), объезжали вокруг хлевов трижды, приговаривая: «Господи, благословясь! Стань железный тын!» -якобы это предохраняло скот от мора и порчи [Макаренко, 1913, с. 156]. Если в этот день истопить печь семью поленьями, верили, что волхидка прибежит греться, и её можно будет узнать [Сергеев, 2020, с. 751].

В ночь под Иванов день (24 июня по ст. ст. /7 июля по н. ст.) выносили кринки на двор, чтобы они охватились росой, тогда у коровы будет больше молока, а сливки станут толще [Арефьев, 2022, с. 326]. Перед переправой лошадей через реку «благословляли копыта», чтобы водяной не утащил коня. Если лошадь всё же тонула, в воду бросали ножик носком вниз со словами «Господи, благослови» [Сергеев, 2020, с. 747-748]. После отёла корову «подмывали» водой, которой мыли иконы, и окуривали ладаном [Савельев, 2021, с. 245].

В 1957 г. 71-летний Иванов Кузьма Семенович из деревни Толкичи Усть-Удинского района рассказывал: «Медвежья лапа бережётся. Ею вымя корове гладят, чтоб корова давала лучше и

больше молока» [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1243 л. 690]. Для лечения больной скотины её также гладили медвежьей лапой.

В день Сорока мучеников (9 марта по ст. ст. / 22 марта по н. ст.) пекли «жаворонков» и фигурки коров, овец, свиней – этим кормили скот [Ермолаев, 2020, с. 120]. В Великий четверг пекли ржаной хлеб с крестом и тоже скармливали животным [Ермолаев, 2020, с. 120].

Свой мир был и у тех, кто уходил в тайгу на промысел. Здесь все подчинялось иным законам, и удача зависела не только от сноровки, но и от того, сумеет ли охотник поладить с хозяевами леса.

Главным хозяином тайги считался леший, без его воли удачной охоты не бывало. Поэтому, отправляясь в тайгу, охотник первым делом старался задобрить лесного духа. Чтобы вызвать лешего, нужно было взять вино, пойти в лес и произнести: «Иди, леший, пить вино» [Скорняков, 2021 с. 34].

Когда охотники собирались в лес за белкой, запрещалось позволять постороннему человеку выносить огонь из избы, так как верили, что это может лишить добычи [Скорняков, 2021, с. 40]. Не разрешалось давать в долг в тот день, когда предстояла «большая дорога», то есть дальний путь на сев или на промысел. Давать взаймы можно было только после того, как охотник отправится в путь [Савельев, 2021, с. 249]. При выезде из деревни на промысел существовал обычай класть в рот пулю или жеребий (самодельную свинцовую пулю для дробовика), а также сучок или палочку. Пулю и жеребий клали для того, чтобы ружья стреляли метко [Савельев, 2021, с. 245]. Палочку или сучок клали, чтобы «и в рот перепадало», то есть чтобы охотника ждала добыча: глухари, рябки, зайцы, лоси. Всё это делалось ради того, чтобы удача (которую называли «варя») сопутствовала промыслу [Савельев, 2022, с. 268].

Согласно народным представлениям, тот, кто знался с лешим, либо терял скотину (она падала), либо, по другим поверьям, леший посылал ему в ловушки зверей. В благодарность охотник вешал на дерево первого попавшегося зверька, не снимая с него шкурки [Скорняков, 2021, с. 34].

Охота на медведя считалась особенно опасной и требовала дополнительных обрядов. В деревне Бедоба Богучанского района, отправляясь на промысел и желая избежать встречи с медведем, брали в рот камешек. В деревне Яркиной Кежемского района, напротив, тот, кто намеревался добыть этого зверя, держал во рту на протяжении всего пути жеребей [Савельев, 2022, с. 264]. Рассказывали, что, если медведь постоянно разорял охотничье зимовье, бабушка заговаривала старую «доху» (шубу) и велела отнести в это зимовьё для защиты от медведя.

А чтобы вороны не клевали добычу, попавшую в ловушки (плашки), знающие люди читали особый наговор. Слова этого наговора знали немногие, но верили, что он помогает. Произносить его нужно было, глядя на пролетающую ворону [Скорняков, 2021, с. 50].

Особое внимание уделялось тому, чтобы скрыть добычу от посторонних глаз. Убив соболя или другого ценного зверя, охотник тщательно прятал это ото всех, особенно от других звероловов, опасаясь сглаза («урона»). Даже после окончания осеннего промысла, вернувшись домой, большинство охотников в своих рассказах намеренно уменьшали количество добытой пушнины [Арефьев, 2021, с. 131]. Существовало строгое правило: нельзя было показывать свою добычу чужому человеку и сообщать о её количестве. Нарушение этих запретов могло привести к неудаче на промысле. Считалось, что зверей может обидеть чужая зависть. Охотники верили, что даже если человек ничего не скажет, у него может оказаться «плохой глаз», а особенно опасным считался «бельмастый» – тот, у кого на глазу было бельмо. Поэтому любую добычу, будь то утка или крупный зверь, сразу же клали в мешок или сумку, чтобы уберечь от чужих взглядов. Одна из жительниц объясняла это так: «Таи́ть не той, сколько до́был, а от глаза скрой!» [Афанасьева-Медведева, 2008а, с. 185]. Часто это вызывало непонимание у приезжих – почему ангарцы не отвечают дружелюбно на вопрос о результатах охоты или рыбалки.

Одежда охотника также имела символическое значение. Если один из братьев охотника умирал, то одежду умершего (верхнюю одежду из домотканого сукна, называемую армяк) нельзя было надевать на охоту – верили, что иначе не будет удачи. По той же

причине запрещалось стирать одежду, пока охотник не закончит охотиться [Афанасьева-Медведева, 2007а, с. 445].

Не менее важным был промысел на реке. Здесь главным становился водяной, и отношения с ним выстраивали с таким же почтением, как и с лешим. Чтобы задобрить водяного и получить хороший улов, рыбаки соблюдали множество правил. Отправляясь на промысел, они бросали в воду кусок хлеба, приговаривая: «Хозяин водяной, возьми себе хлеб, нам дай рыбы, сохрани нас от волны и потопа» [Скорняков, 2021, с. 31]. Такой же обряд совершали при первом выезде на неводьбу и перед тем, как впервые в сезоне сесть в лодку [Скорняков, 2022, с. 34]. Однако кормление реки хлебом не ограничивалось промысловыми нуждами. Особое значение этот обычай приобретал весной, во время ледохода. Река, пробуждающаяся ото льда, мыслилась как женщина в родах. Галина Михайловна Жмурова, 1955 г.р., из поселка Бадарминск Усть-Илимского района Иркутской области рассказывала: «*Да-да-да, у нас, знаете, когда она распалялась, так скажем, это где-то в мае месяце, это вот ледоход-то шел. Как говорят, Ангара распалилась. Распалилась – это значит распахнулась. Вот, я помню, что мы с уроков убегали на Угор и наблюдали вот это вот. И хлебушка, да, хлебушка бросали. Хлебушка бросали, там бабушки что-то шептали. Вообще, интересно было увидеть, как она начинает толкаться, эта Ангара, и как вот она потихоньку-потихоньку пошла. И вот этот момент почему-то считался каким-то, как волшебство какое-то, что ли*». В Богучанском районе Красноярского края записано: «В ледоход краюшечку отрежешь да солью посолишь, да бросишь: «Господи, благослови, да распростайся, матушка-река!» Бросили – и не слыхали, как лед прошел». «В ледоход хлеб в реку бросали. Считали, что река, как женщина, родит. Говорили: «Освободи тебя Господь!» [Новоселова, 2017, с. 44].

В день Прокопия Устюжского (8 июля по ст. ст. / 21 июля по н. ст.), по народным представлениям, водяной становился особенно опасным. Верили, что в этот день «водяной сам купается» и может утащить человека или скотину, если те полезут в воду. Потому купаться строго-настрого запрещалось, и ребятишкам наказывали близко к реке не подходить [Макаренко, 1913, с. 96].

Чтобы водяной не утопил во время купания, недостаточно было просто носить нательный крест: на шее нужно было иметь ещё плакун-корень, зашитый в тряпочку [Скорняков, 2021, с. 34, 38].

В представлениях рыбаков существовало понятие «водяной силы», которая помогала загонять рыбу в невода и сети. Знахари, знавшие эту силу, могли влиять на успех ловли [Рыбный промысел, 2022, с. 244]. Существовали также правила, связанные с изготовлением рыболовных снастей. Сети начинали вязать только на молодой месяц, чтобы рыба хорошо ловилась [Савельев, 2022, с. 170]. Чтобы уберечь рыболовные снасти от порчи, их окуривали ароматными травами, сопровождая это чтением молитв («Отче наш», «Богородице»), а иногда и заговорами [Рыбный промысел, 2022, с. 243-244]. Считалось, что невод может испортить недоброжелатель. Он вырезал три ячейки и либо сжигал их в бане на каменке с наговорами, либо закапывал в месте, где содержится скот [Рыбный промысел, 2022, с. 243].

Если рыба переставала ловиться, в то время как другими неводами улов был хорошим, это служило признаком того, что снасть испорчена. В таком случае невод снова окуривали, читая особые заговоры [Рыбный промысел, 2022, с. 244]. При этом часто читали особую апокрифическую молитву, обращаясь к Богородице, Николаю Угоднику, Зосиме, Савватию, Сергию, Герману, а также к ангелам и архангелам. В молитве есть слова с просьбой послать в сети богатый улов – белугу, стерлядь, осетра, тайменя [Рыбный промысел, 2022, с. 244]. Белуга не водилась в Ангаре, вероятно, текст с европейской части России, но ангарцы не стали менять этих слов, придавая им сакральное значение.

При первом весеннем лове первую пойманную более или менее крупную рыбу били палкой, приговаривая: «Попала да не та, посылай мать да отца, бабушку да дедушку» [Савельев, 2021, с. 249].

Не только промысел, но и само обустройство жилья было окружено множеством поверий. Каждый шаг от выбора места до новоселья сопровождался обрядами, призванными обеспечить дому счастье и достаток.

Прежде чем ставить новую избу, надо было убедиться, что место выбрано правильное, не проклятое, не гиблое. Для этого

существовал проверенный способ: пекли три колобка из теста, клали их за пазуху и шли на будущую усадьбу. Там, встав на выбранном месте, «распоясывались» так, чтобы колобки выпали на землю, и смотрели, как они упадут. Если выпали на нижнюю часть, то к счастью, а если нет, то к несчастью [Скорняков, 2021, с. 36]. Верили, что на месте, где когда-то стояла церковь или часовня, строиться нельзя, грех. И, наоборот, там, где скот любит

Строительный приклад во второй врубке под матицу дома 1925 г. из д. Анчирикова Братского района. Виден 200-рублевый билет «Государственный внутренний 4 1/2% выигрышный заём 1917 года». 2022 г. АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова»

лежать или отдыхать, самое лучшее место, там и дом будет стоять крепко, и жить в нем будут согласно.

Когда начинали класть первый венец, под углы нижних бревен обязательно что-нибудь подкладывали. Чаще всего старую копейку, «чтобы деньги водились». А еще клочок шерсти, горстку зерна, ладан. Шерсть, чтобы скот был мохнат и богат, зерно, чтобы в доме всегда был хлеб, ладан, чтобы царила святость и была защита от нечисти. Подобные строительные

приклады не были редкими. При перевозке дома 1925 г. из деревни Анчирикова в музей «Ангарская деревня им. О. Леонова» во врубках под потолочные балки-матицы был обнаружен хорошо сохранившийся набор предметов: кусок овечьей шерсти с зернами пшеницы, монета 1914 г., три купюры по 10 рублей 1909 г., три купюры по 60 рублей 1919 г. и два билета государственного выигрышного займа 1917 г. Большая часть предметов лежали во врубке ближе к красному углу, что подчеркивает сакральное значение этого места. Подобный набор – шерсть, зерно, деньги – представляет собой типичную «бескровную жертву», которая в поздней традиции заменила собой более древние кровавые жертвоприношения. Интересно, что все найденные деньги

Строительный приклад в первой врубке под матицу дома 1925 г. из д. Анчирикова Братского района. Видна 60-рублевая купюра 1919 г. и шерсть под ней. 2022 г. АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова»

к моменту строительства дома в 1925 г. уже вышли из обращения и имели чисто символическую ценность [Белоусов, 2023, с. 40].

Важным моментом в строительстве было поднятие матицы, главной потолочной балки. На нее клали хлеб, соль, иконку,

привязывали рушником. День, когда поднимали матицу, считался праздником для участников строительства [Савельев, 2021, с. 244]. Не менее важными вехами, которые отмечались, были «вершение» – установка конька на крыше, и «битьё печи». После завершения этих этапов также устраивали гуляния с угощением для плотников и помощников, которых созывали на помочи [Глушенко, 2025, с. 170].

При переходе в новый дом не забывали позвать с собой домового. Без него в избе пусто, некому за скотиной присмотреть, некому дом охранять. Делали так: в старой избе хозяин становился на колени, кланялся в передний угол и приговаривал: «Дедушка, суседушка, пойдём с нами в новый дом». Гости на новоселье приходили не с пустыми руками, несли хлеб, муку, соль. Чем больше гостей, тем богаче будет жизнь в новом доме [Скорняков, 2021, с. 37].

Клопы и тараканы были постоянной напастью в крестьянских домах. Против них тоже были свои обряды. От клопов поступали так: собирали их в узелок и незаметно подкладывали в вещи уезжающему попу. Приговаривали: «Куда поп, туда и клоп». Верили, что вместе с попом уедут и все насекомые. От тараканов заговаривали на исходе месяца. Смешивали что-нибудь с зеленым купоросом, ставили в углы и читали наговор. Слова наговора знали немногие, но верили, что помогает [Савельев, 2022, с. 317].

Круг человеческой жизни, от рождения до смерти, также был опоясан обрядами. Одни должны были защитить новорожденного от сглаза, другие – упокоить душу умершего, чтобы не тревожила живых.

Уже во время беременности женщина должна была соблюдать осторожность. Считалось, что перешагивание через определённые предметы может предопределить судьбу ребёнка или течение родов. Так, беременной запрещалось перешагивать через собаку, иначе у новорождённого будет «собачья старость» (вероятно, имелись в виду ранняя старость или тяжёлая жизнь). Запрещалось перешагивать через свинью, чтобы у ребёнка не выросла щетина, и через оглоблю (жердь для упряжи), чтобы избежать сильных болей при родах [Савельев, 2022, с. 336-337]. Главной опасностью во время беременности, и особенно при родах,

считался сглаз («уро́ки», «призоры»). Поэтому время приближения родов держали в строжайшей тайне, не сообщая никому, кроме приглашённой повитухи (бабки). Сами роды старались сделать невидимыми для посторонних. Женщина уходила в баню, стайку или другое нежилое помещение, нередко холодное и сырое [Ермолаев, 2020, с. 124]. Если же роженица оставалась в избе и её крики слышали девушки, те должны были расплетать волосы. Это считалось действием, облегчающим роды.

Роды проходили в непривычных для современного человека позах, стоя или на коленях. Если процесс затягивался, использовали разнообразные приёмы. Роженицу клали на пол на спину и раскачивали за ноги из стороны в сторону. В иных случаях зажигали свечи (дома или в церкви), молились на коленях. Пуповину не отрезали до тех пор, пока не выходил послед. Если же отрезали раньше, к концу пуповины что-нибудь привязывали, чтобы послед «не втянулся обратно» [Савельев, 2022, с. 336-337]. После рождения пуповину отрезала бабка и закапывала в землю, чтобы никто не мог ею завладеть. Послед заворачивали в тряпку и также закапывали, но уже в подполье дома. Делалось это для того, чтобы его не съели собаки и не жгло солнцем [Савельев, 2022, с. 336-337]. Особое значение придавалось «счастливой рубашке», то есть плодному пузырю, в котором иногда рождался ребёнок. Такую рубашку не выбрасывали, а зашивали в холстинку, и впоследствии хозяин дома носил её при себе как талисман. Существовало поверье, что, если бабка украдет эту рубашку, счастье перейдёт к ней [Савельев, 2022, с. 335].

После родов женщина считалась «поганой» в течение шести недель, до тех пор, пока не «возьмёт сороковую молитву». В этот период ей запрещалось входить в церковь или часовню, браться за иконы, заниматься стряпнёй и даже доить корову. Кормили её отдельно, из особой посуды, на отдельном столе. После родов роженицу кормили квасом с толокном и солёной рыбой. Интересно, что точно такой же статус «поганой» до определённого момента имела и бабка-повитуха. Её не допускали к приготовлению пищи и домашним делам, пока не совершали обряд «размывания рук». Этот обряд проводился на третий или четвёртый день после родов. Существовало два основных варианта. По одному из них

бабка садилась на стул, опуская ноги в таз, а роженица обмывала ей ноги, затем руки и давала вытереть их аршином холста. Мыло отдавалось бабке в качестве платы [Савельев, 2022, с. 336-337].

Ребёнка старались не показывать посторонним, пока он «не отцветёт», то есть не миновал период новорождённости. Вероятно, имеется в виду исчезновение физиологической желтухи или общее укрепление [Савельев, 2022, с. 335]. Если младенец беспокойно спал, дёргал ручками и ножками, это объясняли действием полунощницы или полудёнщины, злых духов, «мающих» ребёнка. Для лечения использовали смолу, над которой произносили наговор: «Полудёнщина, полуношница, не дикуйся над младенцем (имя), дикуйся над смолой; будьте мои слова легки, лепки, крепки». После этого смолой мазали пятки, ручки, лоб и грудь ребёнка» [Скорняков, 2021, с. 49].

Если ребёнок был нездоров, применялся обряд символической «продажи». Считалось, что болезнь можно передать другому человеку. Обряд происходил следующим образом. Желающий купить ребёнка становился на улице напротив открытого окна. Мать передавала ему младенца. Покупатель уносил ребёнка к углу с иконами (божнице), трижды читал Иисусову молитву, после чего возвращался к окну. Мать подавала ему полковриги или ломоть ржаного хлеба и принимала ребёнка обратно. В роли покупателей обычно выступали пожилые люди, так как считалось, что они забирают болезнь на себя. Покупатели становились крёстными родителями, а участники обряда называли друг друга кумовьями. В некоторых местах, например, в Ярках, обычай сводился к дарению крестика [Савельев, 2021, с. 248].

Когда же человек уходил из жизни, его провожали со всей возможной тщательностью, чтобы душа обрела покой и не возвращалась к живым.

Умирающего перекладывали с постели на пол. Считалось, что так ему легче будет расстаться с жизнью. В головах ставили стакан с водой, «чтоб душа обмылась» [Савельев, 2021, с. 257]. Обмывать покойника звали постороннего человека, не родственника. Тот забирал себе все, что было снято с умершего: мыло, гребень, остатки воды. Считалось, что брать это себе грех и опасно, а чужому человеку можно, он не в родстве, ему не

передастся смерть [Савельев, 2021, с. 257]. В гроб покойнику клали вещи, которые могли понадобиться на том свете: гребень, которым его причесали, веник. Клали венчальную свечу (если был венчан), «богородскую траву». А под голову подушку, набитую куделью. Здесь была своя негласная градация: если умершего уважали, подушку набивали чистым, очесанным льном. Если недолюбливали, клали очесы, пачеси, а то и вовсе паклю [Савельев, 2021, 258-259].

Особенностью ангарской похоронной традиции было пение. На протяжении всего пути от дома до кладбища и во время поминального обеда родственницы и нанятые плакальщицы пели протяжные песни. Эта традиция была широко распространена в Кежемском и Богучанском районах; редкие упоминания встречаются в Усть-Илимском и Братском районах.

Также бытовали и обыкновенные для русского народа причитания. Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района, вспоминал: «*У нас причитали по покойнику таким вот плачущим вроде голосом:*

«Отходили твои ноженьки…
Да топтали бы зеленую травочку
… прежде ко мне в гости
Да на последний день солнышко...»

Поминки справляли в день похорон, потом на шестой, девятый, двадцатый, сороковой дни, через полгода и через год. На столе обязательно была кутья из пшеничного зерна с медом. В начале XX в. готовить кутью полагалось с великой осторожностью: пробовать ее во время варки было строжайше запрещено. Верили: если попробуешь, сам скоро умрешь [Савельев, 2021, с. 258]. Особо поминали умерших в Родительскую субботу, на Радуницу. Ходили на кладбище, брали с собой блины и яйца. Яйца катали по могилам, а потом зарывали в песок, как угощение для покойников. Встречных угощали, чтобы и те помянули. В доме в этот день накрывали стол, зажигали свечи, кадили ладаном и приглашали «родителей» к трапезе. Верили, что они незримо приходят и садятся за стол вместе с живыми [Савельев, 2021, с. 259-260].

В заключение можно сказать, что духовный мир ангарского крестьянина предстаёт перед нами как сложная, многослойная и богатая система представлений, обрядов и поверий. В нём причудливо сочетались древние языческие корни с христианскими образами, местные традиции с заимствованиями от соседних народов. Каждая сторона жизни была обставлена ритуалами, призванными обеспечить защиту, удачу и благополучие.

Глава 5
Семья и семейный быт

5.1. Ангарская свадьба

Свадьба на Ангаре всегда была не просто семейным событием. Это был один из главных обрядов жизненного цикла, настоящий народный театр с участием всей деревни. Долгие переговоры сватов, символические подарки, песни-плачи невесты, весёлые испытания молодых, всё это складывалось в сложный, многодневный ритуал, полный глубокого смысла. То, что мы сегодня много можем узнать про традиционную ангарскую свадьбу, большая удача. Этнографы конца XIX – начала XX вв., которые отбывали ссылку на Ангаре, подробно зафиксировали свадебные традиции. В отличие от многих регионов Сибири, где подобные обычаи начали серьёзно изучать лишь во второй половине XX в., когда многое уже ушло или переродилось.

Кроме того, в середине XX в. этнографом Л.М. Сабуровой записаны воспоминания пожилых жителей Ангары о свадебных традициях и также по реке Илим, где сохранялись некоторые локальные отличия. Именно поэтому в описании часто встречаются параллели и сравнения с илимскими обычаями, что позволяет увидеть вариативность традиции.

Свадебный обряд на Ангаре начинался задолго до венчания, с тщательного выбора партнёра, где традиции тесно переплетались с практическими соображениями. В конце XIX – начале XX вв. жених обычно вступал в брак в 18-20 лет, невеста была ровесницей или чуть старше, особенно часто это отмечалось на Илиме. Родители играли главную роль в подборе пары, но к желаниям детей уже начинали прислушиваться, хотя насильственные браки всё же случались. Важными качествами жениха считались трудолюбие и охотничье мастерство. Для невесты ценились скромность и хозяйственность, слишком бойких и «отлещих», то есть ведущих себя развязно и шумно, осуждали. Народная пословица гласила: «Хоть под крыльцом, да с молодцом» [Сабурова, 1967, с. 180].

Первым официальным шагом становилось сватовство, или «просватанье», долгий и упорный ритуал. Родители жениха или его близкие родственники отправлялись в дом невесты. Иногда перед этим советовались с самим женихом, куда именно идти, хотя далеко не всегда получали желаемую девушку. Войдя в избу, сваты не спешили садиться, а говорили: «Мы пришли не для лавочки, а для доброго словца и для сватанья». Родители невесты могли сразу отказать: «Не ходите напрасно и следов не оставляйте: нам девушка еще нужна». Но сваты проявляли настойчивость, возвращаясь по 6-8 раз, уговаривая и уговаривая, пока не добивались согласия или окончательного отказа [Розенбаум, 1901, с. 5].

Особый колорит сватовству придавало поверье о «вехотке», тряпке или мочалке, которой мыли посуду. Сваты старались незаметно её украсть: считалось, что если это удастся, то девушку непременно просватают. Хозяева заранее прятали «вехотку», а сваты всё норовили её выкрасть. Во время визитов сваты также внимательно присматривались к невесте. Если она мыла посуду, убирала или занималась другой домашней работой, это считалось добрым знаком, свидетельством её хозяйственности и трудолюбия [Розенбаум, 1901, с. 6].

Даже когда родители были в принципе согласны, ответа сразу не давали. Требовалось несколько визитов, три, а то и больше, чтобы обсудить все детали и окончательно убедиться в правильности решения. Желания самой девушки учитывались далеко не всегда: решающее слово оставалось за родителями. Она могла громко протестовать и отказываться, но в глазах односельчан такой отказ выглядел позором. «Куда деться, стыд и совесть потерять», – говорили в таких случаях [Розенбаум, 1901, с. 6]. Насильственные браки всё же оставались редкостью, особенно на Илиме, где общественное мнение их резко осуждало [Сабурова, 1967, с. 180].

Если согласие было получено, отец невесты подавал руку свату, и происходило рукобитье. Слово отца считалось нерушимым, даже если оно было дано в хмельном состоянии. Тут же посылали за вином, и начинался пир «запой» [Сабурова, 1967, с. 190]. Стол покрывали скатертью, клали хлеб-соль, зажигали

свечи перед иконами. Невеста в это время звала подруг в «куть». Там девушки пели протяжные девичьи песни, а невеста причитала и плакала:

«Наскучила я вам, напрокучила…

Соловью зима студёная,

Морозы лютые крылышки заморозили…» [Розенбаум, 1901, с. 7-8]

Близкая родственница невесты подносила сватам подарки на подносе, платки и рушники. Сваты «отдаривали» деньгами: родители жениха обычно давали по рублю, остальные по 20-30 копеек. После того как выпивали ведро вина, а то и больше, договаривались о дне смотрин [Розенбаум, 1901, с. 8].

Иногда практиковался калым, выкуп за невесту, который платила семья жениха. В конце XIX в. он составлял обычно 10-50 рублей и встречался чаще на Илиме, чем на самой Ангаре. Обычай этот русские старожилы могли перенять у эвенков, коренного населения края. Калым также чаще практиковали при браках со ссыльными, которые в глазах местных были «чужаками» и должны были «откупаться». Однако многие ангарцы относились к калыму отрицательно, считая его позором: «вроде как продали девку» [Сабурова, 1967, с. 181].

Почти половина свадеб проходила «убегом». Жених невесту «украдет» и привезет к венцу в церковь, туда же приезжал и весь поезд жениха. Нередко было, что невеста бежала из дома в одной «станушке», потому что мать ее не выпускала.

Иванова Анна Андреевна (60 лет, деревня Талкичи Усть-Удинского района) в 1957 г. вспоминала случай, когда невеста в одних чулках отпросилась «вытти» во двор, вырвалась и убежала [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1243. Л. 1491].

Довольно любопытно, как решалась проблема засидевшихся в девках дочерей, которых пренебрежительно называли «надолба». В 1957 г. 70-летний Проскурин Федор Трофимович из поселка Серёдкино Боханского района рассказал, что, если девушка сидела до 25 лет, и замуж её никто не брал, отец вёз её по деревне и кричал: «Кому надо надолбу?». В каком-нибудь доме могли ответить: «Заворачивайте к нашему двору». Они заходили в избу, и дочь должна была вспрыгнуть на лавку и ходить по ней.

Отец просил: «Скочь, скочь, дитятко». Дочь отвечала: «Хочу – скочу, хочу – нет». Если она спрыгивала с лавки на пол, отец оставлял её в этом доме, значит, она пойдёт замуж. Если не прыгала, везли дальше [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1243. Л. 1386].

Существование этого обряда подтверждается и в Енисейском уезде сведениями И.А. Чеканинского. Если девушка достигала возраста 21-25 лет, и её никто не брал замуж, отец возил её по селу, предлагая в качестве невесты, выкрикивая: «Не надо ли надолбу!?» [Чеканинский, 2022, с. 49].

Никогда заранее не договаривались о приданом. Оно часто состояло лишь из носильного платья и подарков, получаемых невестой на свадьбе, иногда скота: лошади, коровы или поросёнка. Это впоследствии называли приданым, а чаще просто говорили: «Подарил мне батюшка на краяны». Так называли подарок в виде скота, денег или вещей [Сабурова, 1967, с. 182].

После просватанья девушка официально становилась невестой. Если в обычное время яркие ленты были праздничным украшением для девушек, готовящихся к замужеству, и их носили преимущественно на вечёрках и игрищах, то для невесты они приобретали особое значение. Она вплетала их в косу как видимый всем символ своего нового статуса и носила постоянно до самой свадьбы, когда это позволяли домашние работы. При этом она почти не выходила из дома и вместе с подругами занималась шитьём приданого [Розенбаум, 1901, с. 13].

Через несколько дней следовало смотренье, официальный осмотр невесты и знакомство сторон. Подруги собирались у невесты ещё до приезда жениха, пели протяжные, жалобные песни, а невеста горько плакала. Когда приезжал жених с родителями и «поезжанами», их угощали на двенадцати тарелках с сушками, конфетами и орехами. В состав поезда входили: тысяцкий, главный распорядитель свадебного пира, обычно крестный отец или уважаемый родственник, бояре, участники поезда (старшие и младшие), дружка, главный распорядитель обряда, знаток всех свадебных обычаев, и сваха, распорядительница со стороны жениха. Отец жениха занимал почётное место в красном углу, «цветном», под иконами.

Невесту выводили из кути под руку близкой женщины. Она дарила жениху шаль, символ согласия, а он отдавал за неё 3-5 рублей. Обмен подарками продолжался. Жених весь день обнимал невесту левой рукой за шею, как бы удерживая, чтобы не убежала, и угощал её и подруг конфетами и орехами. Подруги же требовали у жениха лошадей для катания по деревне, и он уступал, давая вино и пару коней. После смотрения отказ от свадьбы считался уже невозможным.

Важным подготовительным ритуалом была баня – символ очищения перед новой жизнью, перехода из девичьего состояния в замужнее [Сабурова, 1967, с. 190]. Жених шёл в баню с боярами, а к невесте тем временем привозили коробью, специальный ящик или сундучок с подарками от жениха. Туда клали венчальный наряд: рубаху, юбку, кофту, чулки, ботинки, а также крест, серьги, мыло, гребень, зеркало и гостинцы, сладости и орехи. Подруги невесты осматривали содержимое и, если подарки были щедрыми и «бравыми», пели дружке «спасибо». Если же нет, корили его песней, и для дружки это было настоящим позором [Розенбаум, 1901, с. 20-21].

Невесту благословляли в баню родители, девицы при этом пели. Кусочек мыла из коробьи, так называемое «коробейное мыло», невеста клала за пазуху перед венцом. Это считалось сильным оберегом от порчи и помощником в будущих родах [Розенбаум, 1901, с. 21].

В избе после бани начинался «девишник», последний вечер невесты среди подруг, полный слёз, песен и прощания с девичьей волей. Подруги и сваха с песнями одевали невесту: на голову надевали «девичью красу», яркий головной убор из лент и цветов [Сабурова, 1967, с. 191]. Это был видимый символ того, что она ещё девушка, ещё не перешла в разряд замужних женщин. Невеста, окружённая подругами, часто плакала, понимая, что скоро навсегда расстанется с родным домом. Подруги пели монотонные, жалобные песни, полные грусти и символики разлуки:

«От яблони было, от кудрявой,
Было от грушеньки, от зелёной.
Отрывается от нас
Душа, красна девица…»

Стол накрывали особенно тщательно. Обязательным блюдом была варёная свиная, баранья или телячья голова, украшенная цветами и разноцветной бумагой, символ достатка и плодородия. Рядом ставили студень, местный холодец из мяса, забелённый молоком, и первый курник, большой свадебный пирог с начинкой из крупы, который подавали на девишнике как одно из основных угощений [Розенбаум, 1901, с. 25]. Стол покрывали белой скатертью, клали каравай хлеба и соль, для каждой девушки – ложку и вилку, а по краям булки, накрытые полотенцем.

Невеста садилась на почётное место, в красном углу под иконами. Рядом с собой она усаживала близкую подругу и, плача, опиралась на неё. Девушки пели прощальные песни, а невеста начинала плакать. Каждые десять минут она выходила из-за стола, подходила к отцу, матери, крестным, становилась на колени и горько плакала. Даже суровые отцы нередко проливали слёзы над головой дочери, разлука с ребёнком была тяжёлой для всей семьи. В это время отец невесты отправлял к жениху «хлебосольщиков», двух близких родственников с калачом, солью и пивом, которые шли пешком, а возвращались на лошадях [Розенбаум, 1901, с. 23].

На девишник приезжал поезд жениха. Их появление встречали громкой песней. Девушки встречали гостей шутливой «борьбой»: дружка просил их выйти из-за стола, но они смеялись и пели ещё громче, пока не заканчивали песню. Если дружка им особенно нравился, они могли уступить раньше, тогда бояре хватали их и целовали. Невеста уступала своё место тысяцкому и садилась слева от жениха [Розенбаум, 1901, с. 24]. Угощение продолжалось: подавали студень, мясные щи, корабли (калачи с печёнкой) и курники. Дружка руководил трапезой, торжественно провозглашая: «Стряпочка Христова! Начало гостепочевания!». За вечер выпивали около полведра вина. Песни, пляски и веселье шли непрерывно [Розенбаум, 1901, с. 24-25]. Для девушек запрягали лошадей, и они ездили по деревне, распевая песни [Сабурова, 1967, с. 191].

Одним из забавных моментов девишника была игра, когда жених «искал» невесту. Невеста пробиралась в куть, быстро менялась платьем с подругой. Девушки тушили свет, создавая

полумрак, и пели шутливую песенку: «Воротись, Сергей Корнилович, рукавицы на спичке оставил!». Жених в темноте пытался её найти среди подруг. Если ошибался и целовал другую, поднимался смех. Игра повторялась трижды, на третий раз он оставлял невесте 20-30 копеек [Розенбаум, 1901, с. 26]. После угощения девушки отправлялись к жениху ужинать, а затем возвращались к невесте ночевать.

Утром в день венчания у невесты собирались подруги и вместе со свахой наряжали ее к венцу [Сабурова, 1967, с. 191]. Невеста надевала то, что ей нравилось из коробейной одежды. Центральным моментом было расплетение косы, главный символ прощания с девичеством. Невеста выплетала ленты и раздавала их подругам под песню «Красота». Иногда она в отчаянии рвала пряди волос и раздавала их. Этот жест был полон такой безысходности, что, по свидетельству очевидцев, «непривычному человеку становилось жутко смотреть» [Розенбаум, 1901, с. 27]. На Илиме косу невесты расплетали сначала отец, потом мать, сваха, братья, сестры, подруги под соответствующий припев. Все, кто подходил к невесте, давали ей подарки [Сабурова, 1967, с. 191-192].

Затем следовало благословение к венцу. Посреди избы расстилали оленью шкуру (символ богатства). Невеста становилась на неё, родители благословляли иконой. Подруги пели прощальную песню «Не верба в поле шаталась». Все плакали, даже посторонние зрители [Розенбаум, 1901, с. 23]. Невеста с распущенными волосами, в платке «по-девичьи» (завязанном под подбородком), садилась в кошеву с подругами и плакала всю дорогу до церкви. Подруги не входили в храм, а катались по деревне. В церкви тысяцкий и бояре стояли справа от жениха, свахи – слева от невесты [Сабурова, 1967, с. 192]. Пока шло венчание, родственники отвозили приданое, платья и постель в дом жениха [Розенбаум, 1901, с. 28].

Утром к жениху собирались бояре, украшали своих лошадей цветами, лентами, «чёлками» из крашеных коровьих хвостов. Родители благословляли жениха так же, как и невесту. Поезд отправлялся за невестой. Подъезжая к дому невесты, пели: «Без ветрочку, без вихорю воротички у нас открылися». Войдя в дом,

садились в том же порядке, как на вечёрке. Девушек просили выйти из-за стола, но те не спешили подчиняться. Заблаговременно они приготовили символическое «оружие»: «пичкалину» – пустую внутри палочку-цевку, в которую вкладывали сжатый мокрый клок и с силой выталкивали его стержнем, производя хлопок, и «самострелы» – небольшие палки с наколом, куда вставляли поперечную тоненькую палочку, которую можно было «выстрелить». Этими игрушечными орудиями девицы «стреляли» в поезжан, встречая их шутливой «войной», а те в ответ отмахивались нагайками. Дружка просил красных девиц выйти из-за стола, но они требовали «калым» за косу и продолжали потешаться, пока не допевали песню [Розенбаум, 1901, с. 28-29].

После венца молодых встречали во дворе родители жениха с хлебом-солью и обсыпали хмелем. В доме они наступали на оленью шкуру, и их снова обсыпали хмелем. Затем следовало окручивание: за большой шалью (которую держали тысяцкий и дружка) жених заплетал невесте правую косу, сваха левую, и повязывали платок уже «по-бабьи», узлом назад. Женщины пели обрядовую песню про «семена» [Розенбаум, 1901, с. 35], а девушки отворачивались и краснели. Невеста становилась «молодой княгиней», готовой к новой жизни.

Пир «столованье» начинался сразу после окручивания и длился несколько дней. Свадебным угощением распоряжался тысяцкий, он приглашал всех к столу с традиционными приговорами: от родителей до детей «Малые ребятки, косые заплатки…». Почётное место на столе занимала украшенная цветами овечья или свиная голова [Сабурова, 1967, с. 192-193].

Центральным моментом свадебного пира был вынос второго курника. Его несли «стряпки» (близкие родственницы) над головой, исполняя обрядовую песню. Все присутствующие слушали стоя, в молчании. Дружка разрезал курник, и каждый брал кусок, выпивал рюмку водки, и клал на блюдо подарок «на краяны». Второй курник входил в состав трёх «столов» на основном свадебном пиру после венчания [Розенбаум, 1901, с. 37].

Кульминацией становилась проверка невинности. После первой ночи дружка спрашивал жениха: «Добра ли невеста?». Если «добра», рубаху с доказательством забирали и торжественно

везли к родителям невесты. Для матери невесты снаряжали особые сани: ставили стул, покрытый красной шалью, на который она садилась, «красное сиденье». Красная шаль развевалась по дороге, и вся деревня понимала: невеста была честной. Дружка с рубахой и бутылкой спиртного ехал к родителям и произносил: «Умели вы своё чадо поить, кормить и под злат венец». Мать показывала рубаху гостям, все пили наливку и с радостью разбивали бутылку о матицу. Если же доказательства не было, спиртное не приносили, «красного сиденья» не устраивали, и пир шёл скромнее [Розенбаум, 1901, с. 38].

Утром, баня молодых (очищение), дарение «на краяны», гулянье по деревне. Столованье продолжалось у родителей невесты, тысяцкого, бояр с повторными угощениями, песнями и плясками, в общей сложности до четырех дней, «четырех столов» [Сабурова, 1967, с. 193]. После проведения вторых столов у жениха родители невесты приглашали всех гостей к себе, где пир продолжался по тому же сценарию.

На следующий день молодые сами ездят за родителями и родственниками, собирают гостей, и дружка вновь ведёт столы. На этом этапе подаётся третий, заключительный курник, «денежный»: гости бросают монеты стряпке, которая его пекла. Молодые разносили вино и пиво, гости благодарили подарками. Всего в ангарском свадебном обряде было три курника. Первый подавали на вечёрке (девишнике) у невесты как одно из основных угощений [Розенбаум, 1901, с. 21-22]. Второй входил в состав трёх «столов» на основном свадебном пиру после венчания. Третий, денежный, завершал цикл свадебных столов на следующий день [Розенбаум, 1901, с. 37-38].

С окончанием столов у родителей невесты все церемонии свадьбы считались завершёнными, и начиналось свободное веселье, хождение по гостям. Поскольку вечёрка (девишник) проходила по обычаю в субботу, а венчание в воскресенье, то всё празднование, включая последующее гостевание, могло длиться до четверга [Розенбаум, 1901, с. 18, 32].

Анализ обряда позволяет выделить ряд характерных черт. Прежде всего, это ярко выраженная драматургия: почти каждый этап, от сватовства до послевенчальных обрядов, сопровождался

строго регламентированными песнями, причитаниями и игровыми действиями, где невесте отводилась роль центральной «плакальщицы», а дружке – роль распорядителя и оберегателя от нечистой силы.

Ангарская свадьба конца XIX – начала XX вв. отражает также переходный этап в мировоззрении крестьянства. С одной стороны, она сохраняла пережитки язычества (наговоры дружки, обереги, обряды с «вехоткой», особая роль мыла и оленьей шкуры), с другой – православные элементы (благословение иконами, венчание) уже прочно вошли в ткань обряда, хотя церковное венчание зачастую воспринималось не как сакральное таинство, а как одна из обязательных формальностей.

Брак в ангарской деревне был не только личным, но и глубоко хозяйственным институтом. Практика калыма, обмен подарками, приданое, а также широкое распространение «убегов» как способа обойти непомерные материальные требования родителей, всё это указывает на преобладание хозяйственно-экономических мотивов при заключении брака над романтическими представлениями о любовном выборе. Утрата этой богатой свадебной обрядности во второй половине XX в. делает собранные материалы особенно ценными для сохранения местной традиции.

5.2. Семья и воспитание

С конца XIX в. вплоть до начала массовой коллективизации в 1930-е годы семейный уклад русского населения Ангары отличался разнообразием форм. Структура и численность семьи определялись, прежде всего, хозяйственными потребностями: необходимостью совместной обработки земли, ведения промыслов, содержания скота. Как отмечал Г.П. Дубынин, 1889 г. р., из села Дубынино Братского района, «если разделяться, то нехватка в хозяйстве чувствуется у всех» [Горелов, 1971, с. 99]. Поэтому многие семьи стремились сохранять сложный состав, чтобы обеспечить достаточное количество рабочих рук.

Распространённой формой была неразделенная семья, которую местные жители называли «артелью» [Сабурова, 1967, с. 170]. Такая семья представляла собой коллектив, включавший несколько поколений прямых и боковых родственников, совместно владевших имуществом и ведших общее хозяйство. Численность неразделённых семей могла быть значительной. Например, семья М.А. Брюханова из деревни Заимка Кежемского района насчитывала 20 человек: его мать, жена, двое детей, три брата с жёнами и девять племянников [Сабурова, 1967, с. 168]. В селе Воробьево Усть-Илимского района одна семья насчитывала до 30 человек [Горелов, 1971, с. 97].

Структура таких семей нередко включала не только прямых, но и боковых родственников, дядей, тёток, двоюродных братьев и сестёр. Анализ посемейных списков Кежемской волости 1925-1926 гг. показывает, что в среднем семьи, включавшие боковых родственников главы семьи, составляли около 22%. Однако в разных селениях этот показатель сильно различался. В деревне Кова доля таких семей превышала 60%, а в Паново не достигала и 10% [Сабурова, 1967, с. 166-167]. Такая полярность объясняется различием экономических условий. Кова была небольшим глубинным населённым пунктом, удалённым от торговых путей, где крепко держались старая система земледелия и натуральный строй хозяйства. Здесь большие неразделённые семьи сохранялись дольше, поскольку были экономически целесообразны.

Крестьянская семья в праздничный день на крыльце дома, д. Ярки Енисейского уезда. 1912 г. КККМ вф 7812/53. Красноярский краевой краеведческий музей

Паново, напротив, представляло собой одно из центральных селений, «торговое» село с издавна распаханной пашней, стоявшее на оживлённых путях. Патриархальные устои в нём стали расшатываться раньше и сильнее под влиянием развивавшихся товарно-денежных отношений [Сабурова, 1967, с. 166-167]. В.А. Горелов также подтверждает, что устойчивость неразделённых семей объяснялась экономическими причинами. Зажиточные крестьяне были заинтересованы в сохранении больших семей, поскольку это позволяло не дробить имущество и капитал и обеспечивало наличие достаточного количества работников [Горелов, 1971, с. 100].

Для обозначения родственных связей использовалась особая терминология: родственников называли «родовичами», дальнюю родственницу «наша семейна», потомство «племя» [Сабурова, 1967, с. 166].

Наряду с большими семьями на Ангаре существовали и малые семьи. Чаще всего встречались семьи, состоящие из родителей с женатым сыном. Нередко малые семьи состояли из двух поколений, родителей (или одного из них) и неженатых детей, а также их супругов (чаще бездетных) и приёмышей. Встречались и семьи из супругов или одиночек, пожилых или престарелых [Горелов, 1971, с. 97].

Уже в 1920-е годы, судя по посемейным спискам Кежемской волости, именно малые семьи стали преобладать. Процесс дробления больших неразделённых семей, начавшийся ещё в дореволюционное время, после революции значительно ускорился. Стремление молодёжи к самостоятельности, ослабление патриархальной власти, новые экономические условия – всё это вело к тому, что малая семья становилась основной формой семейной организации. Как отмечает Л.М. Сабурова, в тот период наиболее распространённой была именно семья из двух поколений, родителей и их детей [Сабурова, 1967, с. 167].

В некоторых случаях несколько родственных семей, сохраняя раздельное проживание, объединялись для совместного ведения хозяйства. Такие объединения назывались «договорными» семьями. Эта форма существовала на Ангаре как в дореволюционное время, так и вплоть до коллективизации, позволяя сочетать относительную самостоятельность с преимуществами коллективного труда [Сабурова, 1967, с. 170]. «Большой семьей вести хозяйство легче. Хотя расходов побольше, но и приходу побольше», – говорили в деревне Нижнее Суворово Братского района. По желанию одной из сторон этот договор мог быть расторгнут в любое время [Горелов, 1971, с. 97]. Иногда престарелые, которые были не в силах вести своё хозяйство, заключали «договор» (его скрепляли в церкви) с посторонними, чтобы те кормили их. За это старики завещали кормильцам всё своё хозяйство [Горелов, 1971, с. 97-98].

В семьях, где не было сыновей-наследников, практиковался переход мужа в дом жены. Такое явление было обычным для Ангары. Положение принятого зятя, особенно в дореволюционный период, было зависимым. При жизни тестя он не становился полноправным хозяином. Один из жителей деревни Невон Усть-

Илимского района вспоминал: «Старик-тесть всегда говорил мне: пока я жив, твоего здесь ничего нет, умру – хозяином будешь» [Сабурова, 1967, с. 183]. В послереволюционные годы правовое положение зятя изменилось, в посемейных списках его нередко стали записывать главой семьи, однако фактическая зависимость могла сохраняться [Сабурова, 1967, с. 183]. Примером такой семьи может служить семья Подкорзиковых из деревни Хайрюзовка Иркутского района: в доме жили старуха-мать, её старший брат (летом уходивший на рыбалку), её неженатый сын, а также дочь с принятым в дом зятем и тремя детьми [НА ИЭА РАН. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1245].

На Ангаре был широко распространён обычай отдавать детей в чужие семьи, «в дети». Жизнь диктовала жёсткие условия, смерть кормильца, неурожай, болезнь могли оставить семью без средств к существованию. В таких случаях ребёнка отдавали туда, где могли прокормить. Брали и мальчиков и девочек, разного возраста, от грудных детей до подростков.

Иногда это было связано не только с трагедией, но и с крайней бедностью, многодетная семья просто не могла прокормить всех детей. Отданный в чужие люди ребёнок получал крышу над головой, еду и возможность выжить. При этом плата, если и оговаривалась, была скорее символической или натуральной, хлебом, продуктами, и не была главным мотивом. Главным было желание обеспечить ребёнку будущее.

Кроме того, существовало и другое народное поверье. Считалось, что если взять в дом «приёмыша», то это может помочь появлению собственных детей. Поэтому бездетные или малодетные семьи нередко сами искали возможность взять ребёнка «в дети», видя в этом не только хозяйственную выгоду (будущие рабочие руки), но и своего рода благословение свыше. Обычно брали детей из бедных семей, часто родственных. Ребёнка крестили на фамилию приёмных родителей и давали его отчество, никаких формальных процедур усыновления не проводилось. Приёмных детей называли «восприемный сын», «восприемная дочь», «приемщик», «приемщица». Они воспитывались наравне с родными и имели равные права на наследство [Сабурова, 1967, с. 189].

Некоторые дети очень остро переживали разлуку с родными родителями. Галина Николаевна Дубынина, 1958 г. р., из села Кобляково Братского района, рассказала историю своего деда, которого отдали в чужую семью сразу после рождения. «Родного деда Иван звали, а которого в дети отдали, Григорий. Он родился в день, когда утонул отец, и его отдали. А потом к ней свекор, получается, дедушки Иванова отец, и вот этой бабушки Анны, он подошел к ней и говорит: "Анна, отдай Гришку". А жили они на острове Московском. И вот деда отдали. Когда он стал подрастать, кто-то сказал, что они ему не родные родители, а отдали его в семью Чупиных. Ему сказали, что твоя родная мать там-то живет. И он все время бегал, прибежит, плачет, а его потом обратно забирали. А он уже в старости вспоминал и спрашивал: "Почему именно меня отдали?" Но просто бабушка не смогла бы их всех воспитать. Их очень много было».

Эта история раскрывает психологическую сложность обычая «взятия в дети». С одной стороны, решение матери было вынужденным и продиктованным невозможностью прокормить всех детей. С другой стороны, приёмный ребёнок, даже вырастая в новой семье, мог остро переживать разлуку с кровными родственниками и всю жизнь искать ответ на вопрос, почему именно его отдали.

Родители, отдавшие ребёнка, теряли на него все права и не могли требовать возвращения. После усыновления родные и приёмные родители считались родственниками и называли друг друга «сват» и «сватья» [Сабурова, 1967, с. 190]. Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района, рассказывая про такие случаи, вспоминал, что семьи через ребёнка породнились. Он уточнил, что ребенка отдавали в новую семью не сразу: существовала традиция постепенного приучения, сначала оставляли в гостях всё дольше и дольше, давая ему привыкнуть к новым родителям. Обычай этот сохранялся вплоть до середины XX в., когда социальные условия изменились, и необходимость в такой форме заботы о детях постепенно отпала.

Характер семьи непосредственно зависел от её достатка. Зажиточные крестьяне стремились сохранять неразделённые семьи,

чтобы не дробить имущество и иметь в своём распоряжении много работников. Бедняцкие семьи, напротив, чаще делились, а их члены нередко уходили на заработки или в батраки. «Чаще делились семьи бедняков, имеющие маломощные хозяйства. Они бросали свои хозяйства и нанимались в батраки, шли в город или на прииски» [Горелов, 1971, с. 100].

Жизнь в ангарской семье, особенно в неразделённой, строилась по строгим правилам, которые складывались поколениями. Эти правила касались всего: кто главный в доме, как распределяются работы, как относятся к старшим и к женщинам.

Главой семьи в основном был мужчина. В Кежемском районе в 1920-е годы лишь в двух семьях хозяйками числились женщины-вдовы [Сабурова, 1967, с. 170]. При этом главой становился не обязательно самый старший по возрасту, а тот, «который мог править хозяйством», то есть наиболее работоспособный и умелый организатор. В 70% семей главами были мужчины 30-35 лет, в остальных либо молодые (20-29 лет), либо пожилые (50-59 лет). Встречались и главы старше 60 лет: например, 84-летний Сизых С.К. из деревни Селенгино Кежемского района возглавлял семью из 15 человек [Сабурова, 1967, с. 170].

В дореволюционный период авторитет главы семьи, в особенности отца, был практически незыблем. Отцовское наставление «Запомни, что старше отца на свете никого нету» [Сабурова, 1967, с. 172] находило полное подтверждение в укладе сельской жизни, где даже судебные инстанции не принимали от сына жалоб на отца [Сабурова, 1967, с. 172]. Вместе с тем в послереволюционное время наметилось ослабление этих патриархальных устоев. При сохранении единоначалия в повседневных вопросах, в решении наиболее значимых, особенно финансовых, дел глава семьи стал советоваться со взрослыми домочадцами, практика, не характерная для предшествующего периода [Сабурова, 1967, с. 172].

В семьях, где жили несколько женатых братьев, главой чаще всего оставался старший брат, но бывали и исключения. В деревне Усольцево Кежемского района в семье К.И Привалихина, состоящей из трёх братьев (34, 50 и 60 лет) главой считался младший. В деревне Селенгино Кежемского района в семье трёх

братьев Карнауховых (43, 42 и 36 лет) хозяйство вёл средний [Сабурова, 1967, с. 171].

Подростки, с. Богучанское Енисейского уезда. 1911 г.
КККМ НЕГ 4678. *Красноярский краевой краеведческий музей*

Основные функции главы семьи сводились к организации хозяйства. Он должен был, по словам информантов, «удумывать всё по расчёту, на завтрашний и послезавтрашний день», то есть правильно распределять работы, предвидеть нужды семьи. При этом он сам тоже участвовал в работах, хотя и меньше других: «Он

сохранил силу, так как всё был на хозяйстве, распоряжался, сам работал мало» [Сабурова, 1967, с. 171-172].

Глава семьи вёл и семейный бюджет. Все заработанные деньги, даже те, что мужчины получали на стороне, сдавались в общую кассу. И.Н. Брюханова из деревни Верхняя Кежма Кежемского района вспоминала: «18 лет прожили в артели этой, а и 18 копеек не видала, какие они» [Сабурова, 1967, с. 172]. Только в исключительных случаях отец мог дать деньги под отчёт старшему сыну, например, для закупки хлеба на целый год. Деньги расходовались почти исключительно на общехозяйственные нужды [Сабурова, 1967, с. 172].

В крестьянской семье существовало чёткое разделение труда по полу и возрасту. Мужчины выполняли работы, требующие силы и длительной отлучки из дома: пахота, сев, косьба, охота, ямщина, рыболовство на дальних тонях, строительство, заготовка дров. К мужским занятиям относилось также изготовление всех орудий труда, как мужских, так и женских. На них лежал уход за лошадьми, средствами передвижения, ремонт упряжи и обуви [Сабурова, 1967, с. 176].

В полеводстве пахота, сев и косьба были исключительно мужским делом, а в уборочных работах и обмолоте участвовали и мужчины и женщины. Женщины нередко «в ряд с мужиком» жали хлеб, занимались рыболовством, а в редких случаях и охотой [Сабурова, 1967, с. 175]. Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района, подтверждает это распределение: «*Мужики в поле да на реке, а дома всё на бабах: и печь, и ребята, и корова, и огород*».

Женщины отвечали за переработку продуктов и сырья, уход за домашним скотом (кроме лошадей), домашние работы: приготовление пищи, стирку, уборку. На них же лежала забота о малолетних детях. Если мужские работы были связаны с «внешней» стороной хозяйства, с добычей средств существования, то женские сосредотачивались на «внутренней», на поддержании дома и переработке добытого.

В большой семье обязанности между женщинами распределялись по строгому принципу уравнительности. Невестки по очереди, обычно понедельно, «стояли у печи» (готовили) и

«скотовали» (ухаживали за скотом). Одна из невесток, которую особо отличал свекор, могла «стоять у стола», подавать еду, разливать чай, а при гостях петь песни [Сабурова, 1967, с. 177].

На невестках лежала и стирка. Стирали без мыла местными средствами: лиственничной «губой» (грибом), стеблями табака, золой. Лиственничная «губа» считалась настолько эффективной, что служила даже предметом обмена. Два раза в год женщины мыли наружные стены избы, несколько раз в год потолок и стены внутри. Для этого стены, пол и потолок обильно смачивали водой, скребли большим ножом, «косачом», которым также щипали лучину. Поверхности мыли травой и песком. Бедные женщины нанимались на эту тяжёлую работу в зажиточные дома в качестве «мытниц» [Сабурова, 1967, с. 176-177].

К основным обязанностям женщин относилось изготовление одежды для всех членов семьи. Порядок приобретения тканей был разным. В некоторых семьях, особенно где сыновья ещё не женились, часть семейных средств отпускалась на покупку материала для всех. Но чаще, особенно в неразделённых семьях, одежду шили из домашних тканей, а сырьё (лён, коноплю, шерсть) женщины обрабатывали сообща, но каждая потом шила для своей малой семьи [Сабурова, 1967, с. 177-178].

Все эти работы занимали осенне-зимнее и весеннее время, когда полевые работы заканчивались. После уборки урожая женщины начинали с обработки льна и конопли: их мяли в банях, трепали, чесали, готовя волокно для прядения. Зимние вечера уходили на прядение. «Каждый день до седена вечера прядешь» (до полуночи), вспоминали женщины. Нитки сматывали в мотки, стирали, сушили, сновали на специальных приспособлениях, готовя основу для ткачества. «Великим постом» приступали к ткачеству: на кроснах ткали холсты, которые затем белили, расстилая на лед или наст. Так из года в год создавалось всё необходимое для одежды и домашнего обихода. Девушки выполняли все женские работы, кроме стряпни: они помогали в обработке волокна, пряли, ткали, но приготовление пищи оставалось за старшими женщинами [Сабурова, 1967, с. 177].

Сноха имела много обязанностей, но не обладала никакими правами на общесемейное имущество. Она оставалась чужим

человеком в доме мужа и, естественно, поддерживала связь со своими родителями. После смерти мужа вдова, бездетная или с детьми, возвращалась в их дом [Горелов, 1971, с. 99].

Распорядок дня в семье был тесно связан с хозяйственными работами. Вставали очень рано, до света. Раньше всех поднималась хозяйка или та из невесток, на ком лежало приготовление пищи. В зажиточных семьях первой вставала работница, которая подготавливала продукты для стряпни и будила хозяйку [Сабурова, 1967, с. 180].

За столом соблюдался строгий порядок. Старший в доме разрезал хлеб на части и следил, чтобы нарезанные куски не оставались несъеденными. Невестка, подававшая на стол, ела после всех. После еды дежурная невестка мыла посуду, сметала заячьей лапкой крошки и мыла стол специальной травой, «судомойкой» [Сабурова, 1967, с. 180]. Летом после завтрака все работоспособные члены семьи уходили на полевые работы до вечера. Одна из невесток оставалась готовить пищу. Зимой работа тоже начиналась рано и была связана с обработкой урожая, прядением, ткачеством. После паужина «сумерничали», затем ужинали и до полуночи занимались рукоделием, починкой одежды, изготовлением сетей. Молодёжь после ужина уходила гулять [Сабурова, 1967, с. 180-181]. В субботу трудовая нагрузка достигала наибольшей напряжённости: стирка, уборка, топка бани. В воскресенье отдыхали: больше спали, ходили в гости, собирались на улицах, беседовали [Сабурова, 1967, с. 181].

Несмотря на экономическую выгоду большой семьи, внутренние противоречия неизбежно вели к её дроблению. Главными причинами были теснота и отсутствие самостоятельности, особенно для молодёжи и женщин, мечтавших о своей малой семье, где можно «устроить жизнь по-своему» [Сабурова, 1967, с. 181]. Усугубляли ситуацию неравенство вклада и «стыри» (ссоры) между невестками. Сельское общество обычно выступало против разделов, поскольку это подрывало платёжеспособность семей. Но если раздел уже становился фактом, сход был заинтересован в том, чтобы при разделе все получили поровну, ради исправного платежа податей [Горелов, 1971, с. 100].

П.Г. Брюханов из села Заимки Кежемского района объяснил причину раздела в 1926 г. своей семьи, которая состояла из стариков-родителей и четырёх женатых сыновей с детьми, всего 18 человек. «Независимость у молодых стала проявляться. Каждый захотел жить по-своему» [Горелов, 1971, с. 100].

Разделы могли проходить по-разному, от мирных, с соблюдением старинных ритуалов, до серьёзных конфликтов. При мирном исходе соблюдался строгий порядок. Мать ставила на стол ковригу хлеба и солонку соли, зажигала свечу. Все садились и некоторое время сидели молча. Затем отец вставал, разрезал хлеб на равные части по числу сыновей, и после раздела каждый из отделившихся брал свой «отрезанный ломоть» в новый дом [Сабурова, 1967, с. 181].

Отец делил имущество на доли. Скот делили поровну, хлеб мешками, домашнюю утварь на равные части. Имущество делили по числу работников, сыновей или братьев. В общем владении, и то временно, оставались рига, баня, лесное зимовье. При разделе отец получал корову и лошадь, а пашню только в том случае, если был ещё работоспособен. Младший из братьев всегда оставался в доме отца, старшие получали новые усадьбы. Матери-вдове выделялась часть имущества, которое поступало в пользование сына, остававшегося с ней. Молодые девушки при разделе не получали ничего: они считались временными членами семьи и должны были уйти замуж. Не вышедшие замуж сестры «в возрасте» иногда получали целый пай: они навсегда оставались в семье и нуждались в средствах к существованию [Сабурова, 1967, с. 182].

Не всегда разделы происходили мирно. В деревне Аксеново Кежемского района рассказывали: «Бывало, что грешили при дележах, дрались на межах, с литовками набегали» [Горелов, 1971, с. 100]. Один из характерных примеров, иллюстрирующих и мирный исход, и ту огромную ценность, которую крестьяне придавали каждой детали имущества, приводит В.А. Горелов со слов жителя деревни Степное Братского района: «Крестьянин Большаков делился во время Первой мировой войны со своим братом (после смерти отца): поделили мирно дом на две половины, хозяйственные постройки, землю и скот. Остался самовар

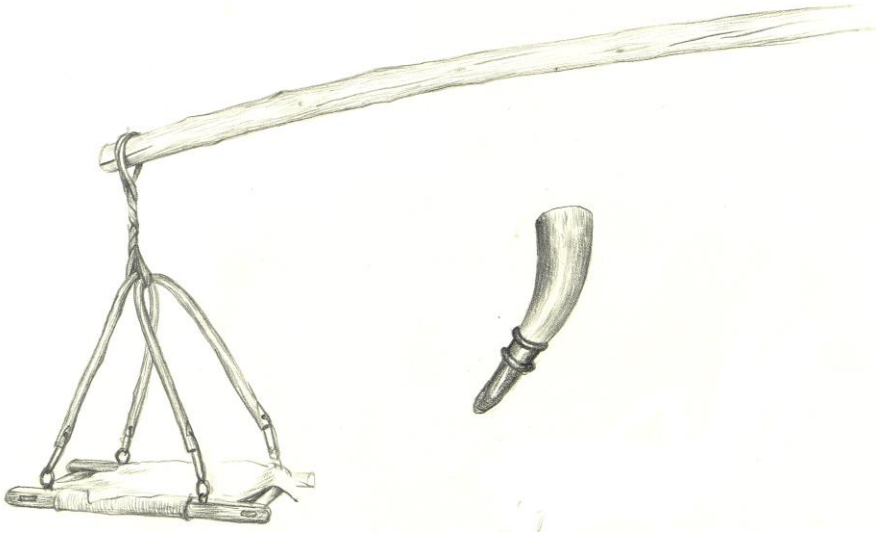
(купленный за 13 рублей), который никак не могли поделить. Старший брат просил за него половину пая земли; спорили, ругались. Наконец, призвали стариков и при их помощи разделились. По жребию самовар достался рассказчику; он отдал за него полкоровы, чайник и новые калоши. Долго убивался, что самовар обошелся ему слишком дорого» [Горелов, 1971, с. 100].

Зыбка в доме А.И. Чупина, д. Кобляково Братского района. 1957 г. НА ИЭА РАН 50524. Институт этнологии и антропологии

Как видно из приведённых примеров, разделы семей были сложным и эмоционально насыщенным процессом, отражавшим глубинные изменения в укладе крестьянской жизни. Однако, несмотря на все хозяйственные и имущественные споры, именно семья оставалась главной средой социализации подрастающего поколения. Именно в её рамках происходила передача трудовых навыков, хозяйственного опыта и морально-этических норм, формировавших из ребёнка будущего «добытчика» и «хозяйку».

Далее рассмотрим, с какого возраста дети включались в различные виды хозяйственной деятельности и каким образом распределялись трудовые обязанности в зависимости от пола и возраста.

Люлька и рожок, д. Ершово Нижнеилимсккого района. 1957 г. НА ИЭА РАН Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 136. Институт этнологии и антропологии

Младенца кормили грудью до двух-трёх лет, как это было принято повсеместно. В промежутках между кормлениями, чтобы дитя не плакало, давали хлебную жвачку «чавканину», «сосульку» [Сабурова, 1967, с. 186]. Помимо хлебной жвачки, существовал и другой способ успокоить младенца, так называемая «соска» из коровьего вымени. Высушенное и соответствующим образом обработанное, оно служило своеобразной пустышкой, которую ребёнок мог сосать между кормлениями. Почти всё время ребёнок проводил в зыбке, люльке, подвешенной к потолку на гибком очепе. Зыбку делали из дранки или луба, иногда из холста. Дно выстилали берестой, соломой или тряпьём. Оттуда ребёнка вынималитолько чтобы покормить и «намаять», то есть утомить, чтобы крепче спал.

До года младенца называли просто «ребёнок», на втором году – «годовик», а после года – «челяденок». С этого возраста он уже считался «на своих ногах» и постепенно переходил под присмотр не только матери, но и старших детей или бабушки [Сабурова, 1967, с. 186].

В семьях, где детей насчитывалось по пять-шесть человек, старшие дети всегда помогали младшим. Забота о малышах

становилась естественной обязанностью тех, кто был постарше. Старшую сестру все младшие дети называли «няня», и это обращение отражало её особую роль в семье.

В раннем детстве игра и работа были нераздельны. Дети подражали взрослым, и в этом подражании уже начиналось воспитание трудом. «Игра работа, работа игра», так определяли этот возраст сами крестьяне. Мальчики упражнялись в стрельбе из самодельных луков, готовясь к будущей охоте. Девочки под руководством матерей учились обращаться с берестяным лукошком, отправляясь с ним в лес за ягодами, а также помогали приглядывать за младшими братьями и сёстрами. Таким образом, через игру и несложные поручения дети осваивали навыки, которые ложились в основу их будущей взрослой жизни.

С семи-восьми лет начиналось систематическое обучение труду. Возраст этот считался переломным: ребёнок уже мог выполнять настоящую, хотя и посильную работу. Девочка с восьми лет садилась за прялку. Для неё делали маленькую, детскую, и она пряла в каждую свободную минуту. Про таких говорили: «По

Возвращение с сенокоса, д. Каменка Енисейского уезда [Макаренко, 1913, рис. 24]

воду идёшь с прялкой, по пути выпрядешь нитку». [Сабурова, 1967, с. 187]. Умение прясть считалось для женщины обязательным. «Какая же это баба, если она прясть не умеет», – судили в народе [Сабурова, 1967, с. 187]. Кроме прядения, девочку учили ткать, шить, вышивать, помогать по хозяйству, нянчить младших.

Мальчик с пяти-шести лет помогал боронить поле. А в возрасте восьми лет осваивал совсем иные навыки, нежели девочки. Его учили обращаться с лошадьми: отгонять на пастбище, водить на водопой, запрягать. Иннокентий Степанович Московских, 1934 г.р., из села Московское Братского района, вспоминал, что в пять-шесть лет он уже работал «борноволоком», сидя на лошади. В семь-восемь лет помогал отцу пилить дрова, бегая за пилой, пока отец дергал её, и уже тогда учился обращаться с инструментом. Восьми лет возил копны на сенокосе, работая в колхозе уже после первого класса. С 9-12 лет дети начинали помогать в уборке хлеба серпом.

В семь лет мальчики начинали охотиться на белку возле деревни, ставя плашки и стреляя из ружья. Иннокентий Степанович Московских рассказывал, что уже в семь лет «белковал», то есть добывал белок самостоятельно. Владимир Иванович Каморников, 1946 г.р., из деревни Подъеланка Братского района, начал охотиться с отцом в семь-восемь лет, а в четвёртом-пятом классе (примерно десять-одиннадцать лет) уже самостоятельно добывал соболя. В десять лет он стрелял уток из ружья, а также ставил перемёты на рыбу и уверенно управлял лодкой на вёслах. «*Говорю я, лет 7-10 мне было, я засыпал на веслах, ночью же всё делали*», – вспоминал он. Юрий Иннокентьевич Коновалов, 1958 г.р., из той же деревни, считал, что с десяти лет уже можно было начинать охотиться самостоятельно. До этого он постоянно ездил с отцом в тайгу и на рыбалку в качестве помощника, перенимая опыт.

В девять-четырнадцать лет дети становились незаменимыми помощниками. На них ложилась уже серьёзная доля крестьянского труда. Девочка к двенадцати-тринадцати годам должна была уметь всё, что умеет взрослая женщина: прясть тонкую ровную нить, ткать холсты, шить одежду, готовить, убирать, ухаживать за скотиной. И одновременно она начинала готовить себе

приданое. Это было не просто обязанностью, а делом чести: по приданому судили о том, какая из девушки выйдет хозяйка [Сабурова, 1967, с. 187]. Вера Георгиевна Каморникова, 1948 г.р., из деревни Подъеланка Усть-Илимского района, вспоминала, что в десять-двенадцать лет дети уже начинали мыть полы и носить

Перевозка сельскохозяйственных орудий через Ангару [Макаренко, 1913, рис. 3]

воду из Ангары с коромыслом, так как ведра были тяжёлыми, а река находилась далеко. Жительница села Паново Кежемского района Наталья Васильевна Брюханова (1927 г. р.): «*Я вот сама с двенадцати лет пошла косить. Да ешшо увезут на неделю. Пока не уберёшь, домой не являйся. Вот как работали!*» [Афанасьева-Медведева, 2023, т. 28, с. 372].

Мальчик в этом возрасте продолжал осваивать мужские работы. С одиннадцати лет он становился «отвозчиком»: отвозил на лошадях на дальние расстояния взрослых охотников с припасами в тайгу. В двенадцать-тринадцать лет начинал косить траву. Владимир Иванович Каморников, 1946 г.р., из деревни Подъеланка Усть-Илимского района, вспоминал, что в этом же возрасте учился колоть дрова, а в тринадцать лет уже косил. С пятнадцати лет занимался подлёдным ловом: колол рыбу острогой, участвовал в осеннем «бое» красной рыбы на порогах.

В пятнадцать-восемнадцать лет юноши и девушки выполняли уже почти все взрослые работы. Их считали готовыми к самостоятельной жизни, хотя полная сила и умение приходили позже. Юноша с пятнадцати-шестнадцати лет мог пахать, если не хватало работников. Иннокентий Степанович Московских вспоминал, что в четырнадцать лет он уже пахал плугом. В шестнадцать-семнадцать лет возил на лошадях лес, закидывая тяжелые бревна на тележную ось. В этом же возрасте драл драньё для кровли, осваивая плотницкое ремесло. Молодой парень семнадцати-восемнадцати лет уже участвовал в ямщине и мог уходить на заработки на золотые прииски. Все заработанные деньги он приносил в семью, отдавал отцу, так было заведено [Сабурова, 1967, с. 172].

Девушка в эти годы завершала приготовление приданого. Она работала наравне со взрослыми женщинами в поле: жала, гребла сено, убирала урожай. Девушки нанимались на заработки, чаще искали «поденщину» (краткосрочную работу) у зажиточных односельчан, жать хлеб, полоть, убирать. Заработанные деньги чаще оставляли себе, копили на приданое или отдавали в семью, если та была бедной [Сабурова, 1967, с. 179].

Трудиться приходилось много. В страдную пору вставали затемно, ложились за полночь. Но взрослые старались беречь детей: там, где было много работников, к самым тяжёлым делам молодых не привлекали. «Если семья была большой, то юноши до 18 лет не пахали» [Сабурова, 1967, с. 179]. Детский труд был посильным, насколько это вообще возможно в крестьянском хозяйстве.

5.3. Народные игры

Жизнь ангарских детей с малых лет была неразрывно связана с трудом. В крестьянской семье, где каждый был на счету, дети рано приобщались к работе по хозяйству. Несмотря на тяжелый труд, время для игр всё же находилось. Игры были не просто забавой, а важнейшим способом подготовки к взрослой жизни, они развивали ловкость, силу, смекалку и умение взаимодействовать в коллективе. Как точно подметил исследователь А.П. Ермолаев, наблюдая за детьми в Приангарье, их игры представляли собой «копию того, сравнительно сложного хозяйства, какое у них перед глазами» [Ермолаев, 2020, с. 126].

Игры на Ангаре были разнообразны. Например, существовали игры-подражания, в которых дети копировали взрослых с помощью игрушек. Были игры с правилами, включая те, где требовалась удача. Распространены были и состязания на ловкость и силу как для одного участника, так и для целой команды. Особняком стояли молодежные увеселения, вечёрки и посиделки, где игра становилась неотъемлемой частью песни и пляски.

Девочка с игрушечным коромыслом и ведрами, д. Парилово Братского района. 1958 г. НА ИЭА РАН 11982. Институт этнологии и антропологии

Детские игрушки ангарцев – это подражание миру взрослых. Глядя на них, можно понять, что больше всего ценились охотничья сноровка, умение мастерить и, конечно, хозяйственность. Игрушки мальчиков были миниатюрной копией мужского инвентаря: вырезанные из дерева кони, лодки, сохи, бороны, грабли, вилы, топоры, сани. Ребенок 6-9 лет уже в принципе знал, «как устроить якорь и наплав для самолова, как наставить пасть на зайца» [Ермолаев, 2020, с. 126].

Игрушечный конь, д. Дубынино Братского района. 1958 г.
НА ИЭА РАН 11998. Институт этнологии и антропологии

Для развития охотничьих навыков мальчики мастерили настоящие луки, «лучок челядинный», гнутый из тальника по образцу тунгусского лука [Ангарский сборник, 2023, с. 622]. К нему полагались специальные стрелы: «колбач» с цилиндрическим утолщением на конце и «швея» с копьеобразным остриём [Ангарский сборник, 2023, с. 623]. Существовал и более сложный игрушечный арбалет «смычок». Это была таловая рукоятка с привязанным шнурком, на который за зазубрину поддевалась деревянная стрела [Ангарский сборник, 2023, с. 623].

Мир девочек был сосредоточен в кукольном хозяйстве. В их распоряжении была целая семья – мужик, баба и их «робёнок».

Вместо люльки спичечная коробка, вместо стола обрубок дерева, покрытый ситцевой тканью. На этом столе красовалось всё, чему положено быть, самовар, посуда, а кушанья заменяли кусочки стекла, картона и цветной бумаги. Куклы «заняты воспитанием детей, стряпнёй, хождением в гости и т.д.», полностью имитируя жизнь взрослой семьи [Ермолаев, 2020, с. 126]. Одна из таких кукол, хранящаяся в музейных коллекциях, описана так: «Кукла с конической безволосой головой, одета в подобие рубашки и синюю юбку с оборкой по подолу, придерживаемой на неуклюжем стане ситцевым пояском» [Ангарский сборник, 2023, с. 618].

А самым маленьким нравилась простая звуковая забава «фуркалка»: палочка с привязанной на веревочке дощечкой, которая при вращении издавала гудение [Ангарский сборник, 2023, с. 624]. В Братском районе изготавливали «фурфалки» из мелкого рогатого скота.

Параллельно с миром игрушек существовал большой мир уличных игр со строгими правилами, где главными были ловкость, меткость и удача. Одной из самых популярных были «бабки». Играли в них повсеместно, используя надкопытные кости животных. В селе Шаманово Братского района у игры были свои названия для разных костей: «сохач», «бабки», «шлюхи», «орончики» [Ангарский сборник, 2023, с. 624]. Существовало множество вариаций: «шевелки», «из кругу», «куличком», «об стенку» [Савельев, 2021, с. 348]. Михаил Петрович Большешапов, 1924 г.р., из села Большеокинское Братского района, вспоминал: «*В бабки играли. Бабки эти собирали, ну, от ног. Они бабочки у ей, как вроде есть на чём сидит она, и как вроде головочка узкая так. Они от ног свиных и ног рогатой скотины. Они разного размера: маленьки и больши. И в эти бабки играли, ими же рашшитывались. Кто-то бабки эти проиграт, а другой выиграт их*» [Афанасьева-Медведева, 2007б, с. 103].

Самые азартные игроки обзаводились особыми бабками «битками», налитыми свинцом для большего веса [Савельев, 2021, с. 348-349]. Кто-то просто использовал крупные бабки лося «сохача», которые были тяжелее обычных. Вологжин Иван Кузьмич, 1940 г.р., из деревни Криволуцкой Усть-Удинского района, рассказывал: «*Я уже забыл, как они ставились, а вот этот сохач*

был, от сохатого, бабка тяжелая, он ей выбивал. Вот он, если попадает в эту кучу, как-то выбивает, вот он ведет игру. И он мастером оказывается, если он выбил, а другой нет. – А ведет игру, это как? – *Сколько должен бабок поставить, а их изымали потом. Проиграл.* – Контролировал ставки, да? – *Да.* – А изымали, то есть ты сбил, и ты забираешь эти бабки, которые сбил, получается, или как-то? – *Посчитает там, сколько раз попал, сбил*». В некоторых вариациях игры вместо «битки» использовали палки или даже стреляли из лука.

В игре «об стенку» игроки по очереди бросали свою бабку в стену так, чтобы она, отлетев, легла как можно ближе к бабке соперника. Если расстояние между ними было не больше «четверти» (расстояния между большим и указательным пальцем), игрок забирал бабку соперника себе и получал право на следующий бросок [Целищева, 2023, с. 56].

Девочка с куклами, д. Дубынино Братского района. 1958 г. МАЭ И 1753-220. Музей антропологии и этнографии

Совсем иной характер носила игра «в ножичек». Для неё требовались нож, компания из 2-4 человек и ровная земля. Чертили круг, делили его на равные части по числу игроков. По очереди бросали нож в землю на территории соперника. В селе Бада Тангуйского района старожилы вспоминали, что существовало до 12 вариантов бросков: с каждого пальца, с локтя, с колена, со рта. Если нож втыкался, игрок отрезал себе кусок земли

противника, проводя линию от места падения ножа до границы своего владения. Проигрывал тот, на чьей территории не оставалось места, чтобы можно было стоять [Целищева, 2023, с. 57].

Игра «чижик» требовала не столько беготни, сколько меткости и расчёта. Подробно об этой игре рассказывали старожилы села Калтук Братского района Валентина Григорьевна Наумова, 1951 г.р., и Александра Ивановна Часовитина, 1935 г.р.: «*Там луночку сделаешь, лопаточку кладешь, чижик кладешь. Потом у тебя в руках лопаточка, раз по чижику ударишь, он полетит, а там караулят его, возьмут и схватят его. Если он попадет в лунку, значит, он подходит, поддает, а не попадет, значит, ты стоишь, поддаешь. На пару играли*». В селе Бада Братского района эту игру называли «кляп».

Особое место в деревенском досуге занимали игры, где нужно было проявить не только личную ловкость, но и умение действовать сообща, в команде. Повсеместно были распространены городки. Играли в них и дети и взрослые. Нужно было с

Игра в городки, д. Каменка Енисейского уезда. Нач. XX в. КККМ в/ф 8584/7. Красноярский краевой краеведческий музей

определенного расстояния выбивать палками деревянные фигуры «городки» [Савельев, 2021, с. 347]. Любили и чехарду, где

нужно было перепрыгивать через согнувшихся игроков [Скорняков, 2021, с. 64].

Была и совсем простая, но любимая детьми игра «бери, да помни». Один игрок подходил к другому, держа в руках куриную кость, похожую на рогатку, и говорил: «Бери, да помни». Второй отвечал: «Беру, да помню», и они ломали кость пополам. Это был своеобразный договор, если один из игроков в будущем давал что-то другому, тот обязан был взять и ответить: «Беру, да помню». Если забывал, то проигрывал, и победитель придумывал ему наказание [Целищева, 2023, с. 58].

Но самой любимой и распространённой командной игрой была лапта. Играли в неё в каждом селе, и правила знали все. Игровое поле представляло собой две параллельные линии на расстоянии 30-40 м. Играющие делились на две команды: «бьющих» и «водящих», в разных местах их называли по-разному, «голящие», «поле». Один из «бьющих» становился с битой (лаптой) у первой линии, а водящие располагались в поле. Мяч для лапты делали сами, чаще всего из шерсти, скатывая её в тугой шарик. Иногда использовали резиновые мячи. Игрок битой подкидывал мяч и старался отбить его как можно дальше в поле. Если удар удавался, все «бьющие» бросались бежать до второй линии и обратно. Водящие должны были поймать мяч и «запятнать» (осалить) им бегущего. Тот, кого осалили, выбывал. Если водящим удавалось поймать мяч с лёту («свеча»), команды менялись местами. Как вспоминал Дорофеев Василий Константинович, 1946 г.р., из деревни Тангуй Братского района, «*смысл игры – бить и бегать, бить и бегать*» [Целищева, 2023, с. 56].

Еще одной любимой подвижной игрой была игра «выжигалы» (или «выжигала»). Здесь игроки одной команды становились за двумя параллельными линиями, а игроки другой в центре. Задача «крайних» была выбить мячом всех игроков в центре. Те, в свою очередь, старались увернуться или поймать мяч. Пойманный мяч давал право вернуть в игру кого-то из выбывших или менял правила [Целищева, 2023, с. 56].

Для этих игр требовалось умение разделиться на равные по силе команды. Использовался способ, который назывался «в матку». Выбирали двух самых сильных или авторитетных

игроков, они становились «матками» (капитанами). Остальные игроки отходили в сторону, разбивались на пары и сговаривались, какое слово они будут загадывать. Слова могли быть самыми разными, названия растений (берёза, рябина), птиц, предметов домашнего обихода. Затем пары по очереди подходили к «маткам» и спрашивали: «Кого выберешь, берёзу или рябину?». Капитан делал выбор, и игрок, загадавший это слово, уходил в его команду. Второй игрок из пары автоматически доставался другому капитану [Целищева, 2023, с. 56]. Такой способ был справедливым распределением сил.

Для выбора водящего в играх, не требующих разделения на команды, использовали короткие считалки. Их знали с детства и передавали из поколения в поколение. В деревне Ярки Богучанского района в начале XX в. дети, собираясь играть в прятки «пряталки», использовали замысловатую скороговорку: «Шурака, бурака, свистенька, покоростенька, пенгаль, шингаль, ставка, плевка, сучок, обручок, мотовильце, рожок, пополам пирожок, тетёрка, тетерюшка, сокол». Тот, на кого выпадало слово «сокол», отправлялся искать остальных [Скорняков, 2021, с. 64-65]. Иногда выбор определяли короткие фразы: «Силимена, милимена, шишел, вышел!» или «Чёрный уголь трух!» [Савельев, 2021, с. 346].

Когда мальчики вырастали, игры не исчезали, а трансформировались в настоящие состязания на силу и удаль. Особенно популярны они были в праздничные дни, когда собиралось много народу. Главной мужской забавой была борьба, когда двое парней состязаются в силе. В Приангарье знали несколько её видов.

«В емки» – борцы обхватывали друг друга руками крестнакрест.

«Опоясками» – схватив друг друга за пояс одной рукой спереди, другой сзади.

«Ногами» – борцы ложились на землю рядом и, сплетясь ногами, старались перетянуть соперника.

«По-цыгански» – также лёжа [Арефьев, 2021, с. 156-157].

Кроме борьбы, популярны были силовые игры с предметами. Перетягивались на палке, сидя на земле и упираясь друг в друга ступнями. Перетягивали гужик, то есть толстую верёвку. Даже

пальцы перетягивали, сцепив их и стараясь пересилить соперника [Арефьев, 2021, с. 157].

Особого мастерства требовали игры-имитации, например, игра «пальчики». Двое мужчин, стоя на корточках, изображали дерущихся тетеревов. Они «бурлили», подражая крику птиц, и старались ловким движением головы («клевком») сбить шапку с противника. Побеждал не сильнейший, а тот, кто был более похож в своих движениях на разъяренного тетерева. Это была игра на ловкость и наблюдательность, требовавшая настоящего перевоплощения [Арефьев, 2021, с. 157].

Когда наступали холода, игры перемещались в избу. Долгими зимними вечерами дети не только слушали сказки, но и придумывали свои забавы. Самыми популярными были прятки,

Варка яиц молодежью во время «маёвки и т.п. дней», д. Кежемская Заимка, Кежемская волость [Макаренко, 1913, рис. 19]

приспособленные к условиям избы. Прятались за занавесками, на печи, под лавками, в сундуках, а наиболее отчаянные забирались даже в стайки к животным.

Для подростков и неженатой молодежи центральным местом общения и развлечения были вечёрки (или «игрища»). Устраивались они в специально снятой избе с Покрова (1 октября по ст. ст. /14 октября по н. ст.) и до Пасхи [Савельев, 2021, с. 330]. Девушки приходили с работой (пряжей, шитьём), парни с гармошкой или балалайкой.

«Игрища» проходили в праздничные дни, и сначала приходили девушки. Работали и пели «посидячие» песни. Парни появлялись позже, часто заглянув перед этим в местный кабачок, для веселья [Савельев, 2021, с. 330]. Основные игры начинались после того, как все собирались вместе. Главными были так называемые «походячие» игры, в которых игра и песня были неразрывны. Два парня или две девушки ходили по комнате под специальную песню, а в конце выбирали себе пару из противоположного пола и целовались.

Существовало множество вариантов таких игр, сопровождавшихся особыми песнями. В «На горе-то калина» четыре парня ходили кругом, взявшись за руки, а девушки пели им. Затем парни брали девушек, и те продолжали петь уже от их имени [Савельев, 2021, с. 309-310, 336-338]. В игре «Островом» четыре пары становились крест-накрест и ходили друг мимо друга. В игре «Женитьбой» трое парней «бояра» и трое девушек «свахи» разыгрывали целое представление сватовства, которое, как и положено, заканчивалось поцелуем девицы со своим женихом, а затем и с боярами. Женили так только холостых [Савельев, 2021, с. 318-319]. В игре «дрегун» девушки с помощью считалки выбирали каждому парню девушку, после чего пары по очереди должны были подойти к скамейке, парень вставал на неё и держал девушку двумя руками, а она с помощью него должна была перепрыгивать через скамейку. Перепрыгнув 3-4 раза они целовались и отходили [Савельев, 2021, с. 339]. В игре «суседом» парни сажали девушек к себе на колени, и одна девушка обходила всех, спрашивая, «Любой ли сусед?». Если парень хотел сидеть с

Хоровод «кругом идут», д. Кежемская Заимка, Кежемская волость. 1904 г. [Макаренко, 1913, рис. 18]

другой, он отвечал: «Не любой». Девушка вслед задавала вопрос: «Каво нады?», и он называл имя девушки, которая ему нравится. У кого эта девушка сидела, должен был обязательно обменяться, как бы его не устраивала его спутница [Савельев, 2021, с. 339-340].

Песни для этих игр были особые, часто с очень древними текстами. Вот такую, например, пели в селе Рыбное Мотыгинского района:

Раненько беленькой
Горностаюшко резвенькой -
Разудалый добрый молодец,
Отъехал во торги торговать,
Поехал соболей закупать.
Везёт себе суженую,
Везёт себе ряженую.
Душу – красну девицу (имя и отчество).

Ни к чему она, девица, не выучена,
Ни к чему она, красная, не вышколена.
На ней платьице ситцевое,
Полушалье коленкоровое,
На шеечке янтаречки золоты,
В косе ленточка аленькая,
«Александра» бравенькая,
Свет «Ивановна» хорошенькая.
Набелёна, нарумянена,
Целовать быки налаженная [Александров, 2023, с.149-150].

Старинной пляской на вечёрках была «русская». В некоторых сёлах, ближе к устью Ангары, в начале XX в. стали появляться кадриль и полька [Савельев, 2021, с. 326]. Мария Захаровна Баранова, 1922 г. р., из села Леоново Братского района, вспоминала: «С круга не уходила, поэтому ноги болят. Проплясала. А всякие танцы, всякие. Раньше пятёрка, шестёрка, и восьмёрка был, и четвёрка. И всякие тама ворота, и кадрэль, и всё было. И танцы всякие были. И полечка, и месяц. А щас таких нету этих танцев» [Афанасьева-Медведева, 2011, т.8, с. 339].

Таким образом, игры и увеселения на Ангаре представляли собой сложный и многогранный мир, который можно разделить на несколько больших групп. Игры-подражания с игрушками были прямой подготовкой к будущей взрослой жизни. Игры с правилами, «бабки», «чижик», развивали меткость, глазомер и давали первый опыт азарта. Командные игры на ловкость и силу, такие как лапта и городки, учили взаимодействию и воспитывали командный дух. Отдельно стояли мужские состязания, борьба, перетягивания, «пальчики», где можно было проявить удаль молодецкую. А вечёрочные игры с песнями и поцелуями становились своеобразным языком, на котором молодёжь училась общаться, выбирать и быть выбранной. Весь этот игровой пласт культуры был не просто развлечением, а важнейшим механизмом социализации, делавшим тяжелую жизнь на Ангаре ярче и полнее.

5.4. Народно-бытовая медицина

В начале XX в. в Приангарье, как и много где, почти не было качественной медицинской помощи, поэтому местное население полагалось лишь на собственный опыт народно-бытовой медицины [Буянов, 2022, с. 248; Савельев, 2022, с. 253]. Понимание болезней у ангарских крестьян было тесно связано с их общим мировоззрением, в котором значительное место занимали сверхъестественные силы. Болезнь редко считалась случайностью. Существовали многочисленные бытовые запреты, нарушение которых, по мнению крестьян, вело к заболеванию. В жилой избе нельзя было свистеть – иначе кто-нибудь из семьи заболеет. Нельзя было качать пустую «зыбку» (колыбель) – к ребёнку могла привязаться «полуночница», которая будет «чекотать» ему пятки и не даст спать. Беременная женщина не должна была перешагивать через собаку или пихать её ногой, чтобы ребёнок не родился волосатым. Нельзя было хвалить ребёнка за красноту щёк – можно «сурочить», то есть сглазить. Считалось, что даже случайный взгляд или сказанное без злого умысла слово могут вызвать болезнь [Савельев, 2022, с 255].

Появление новой болезни или необычное течение старой заставляло крестьян искать новые средства, обращаясь к памяти, вспоминая, что применяли деды, к опыту родственников и знакомых, к знаниям проходящих бродяг, «посельг» (ссыльных), цыган, тунгусов. Так, лечение порезов корой голубицы было заимствовано у тунгусов, а способ лечения детской грыжи с помощью расщеплённой осиновой палочки – у цыгана-коновала [Савельев, 2022, с 275-276].

Основу народной аптеки составляли травы, коренья и продукты животного происхождения. Ассортимент средств, использовавшихся ангарскими крестьянами, был достаточно разнообразен. В него входили: святая вода (вода, которой омывали иконы), настои трав и сами травы (например, «конская сарана» – папоротник от переломов, «пострел», «боровая троелистка», «топтун» – подорожник). Также использовали паутину («мото́ны») от порезов, кусочки дерева (осины, «скрипучего» дерева), шкурки животных (зайца, летяги) и мыло разных сортов. В состав

включались спирты (винный, «муравлиный», настоянный на перце с солью), «хинь» при родах, самодельные мази (например, из конопляного масла с дёгтем), сало медвежье, кислоты, порох, древесная зола и нашатырь. Кроме того, применялись листья веника, луковые перья, луковицы, толчёные глины, моча (коровья, конская, человеческая обоих полов) и человеческие испражнения. Среди прочего использовали ножи, вилки, кузнечные клещи, толчёное стекло, кусочки тканей, кусочки металлов, сметану, муку, отруби, тесто и жёваный хлеб с солью. Применение таких средств было эмпирическим и передавалось из поколения в поколение [Савельев, 2022, с. 275].

Дозировок лекарств крестьяне также не знали. Только при использовании сильнодействующих и опасных средств, например, сулемы (хлорид ртути), существовали примерные количественные ориентиры. Большинство лекарств принималось без меры, «на глаз». Количество травы в настое зависело от величины посудины и запаса сырья: в металлическую посуду заваривали больше, в стеклянную или фарфоровую – меньше, боясь её разбить. При маленьком запасе травы настой готовили из меньшего количества, чтобы сберечь на будущее. Более состоятельные крестьяне могли чаще и гуще мазать сметаной там, где это полагалось [Савельев, 2022, с. 276].

При грудных болезнях и хрипоте в горле практиковались ингаляции: больной садился над ведром с водой, куда бросали раскалённые камни, накрывался платком или половиком и вдыхал пар. Пили также горячее молоко с чесноком. От кашля принимали внутрь скипидар каплями. В качестве более сложного средства применяли смесь спирта с крепким чаем, настоянную на тёртом чесноке [Савельев, 2022, с. 261].

Желудочно-кишечные заболевания лечили разнообразно: при поносах пили крепкий настой кирпичного чая, настой травы «кресоватика», давали настой «любима травы» (липкой травы, растущей в хлебах). При кровавом поносе применяли настой сушёной черники. От болей в животе использовали горячие кирпичи, прикладываемые к животу, ложились животом на тёплую печь, ели бруснику с горячим чаем, принимали настой чилибухи, травы Марьин цвет, каменное масло, огуречный рассол. При глистах

употребляли «дегтярну воду», ели жаренный на постном масле лук, жевали табак и глотали слюну [Савельев, 2022, с. 265-266].

Понятие диеты в современном смысле отсутствовало, однако некоторые ограничения существовали. При болях в животе иногда не употребляли в пищу щуку. При ревматизме ног запрещалось есть мясо. Многие крестьяне сами по себе не ели свинину, мясо сосунов-телят, кислое или пресное молоко, ржаной хлеб, предпочитая воду или травяные настои. Поголовно не ели петухов, считая их нечистыми – их рубили топором на пороге [Савельев, 2022, с. 277].

Новорождённых кормили «чавканиной» – жёваным ржаным хлебом с солью, чтобы ребёнок привыкал к хлебу. Больных детей продолжали кормить сырым и цельным молоком, что, по замечанию А.А. Савельева, вело к желудочно-кишечным заболеваниям [Савельев, 2022, с. 253-277].

Чахотку (туберкулёз) пытались лечить «острой водкой», но главными средствами считались собачье сало и медвежий жир – их принимали внутрь в растопленном виде [Савельев, 2022, с. 269].

Фурункулы («вереды», «огники», «змеевики») лечили смесью графитного порошка со свежим коровьим маслом, смесь грели в печи и в горячем виде наносили на больное место. Иногда на чирей на ноге привязывали свежий гриб маслёнок [Савельев, 2022, с. 268].

Порезы и раны присыпали тёртой корой голубицы (способ, заимствованный у тунгусов), порошком из гриба-дождевика («порховки»), тёртым осиным гнездом. Ожоги присыпали золой от пережжённых зёрен ржи, прикладывали щучью кожу с солью [Савельев, 2022, с. 268].

Особого внимания заслуживает применение сулемы (хлорид ртути). Это средство пользовалось широчайшей популярностью и считалось радикальным лекарством при многих болезнях. Золотник сулемы (около 4,3 грамма) растворяли в двух бутылках воды и принимали по рюмке три раза в день. Иногда её употребляли в сухом виде, насыпая порошок на кусок ржаного хлеба. Некоторые крестьяне настолько привыкали к сулеме, что могли без видимого вреда принимать её в количествах, превышающих

смертельные дозы для неподготовленного человека [Савельев, 2022, с. 266-267].

Некоторые способы лечения выходили за рамки простого применения лекарств и представляли собой сложные ритуалы или процедуры.

При болях в животе применяли «кидание горшка». Края глиняного горшка смазывали салом или маслом для лучшего прилегания. На живот помещали горящую кудель или бумагу и накрывали горшком. Сгоревший воздух создавал вакуум, и живот сильно втягивался в горшок. В некоторых случаях снять горшок было невозможно, и его приходилось разбивать [Савельев, 2022, с. 272-273].

«Рубка утюма» практиковалась при болях в пояснице. Больного клали на порог животом вниз, на поясницу помещали дощечку с голиком (старым веником). Двое посторонних, один из которых обязательно старше другого, по очереди рубили голик топором, сопровождая действие диалогом. Младший в это время спрашивает: «Чево рубишь?» – «Утюм», – отвечает старший. – «Руби пуще, чтоб век его не было», – заканчивает младший. Затем процедура повторялась на втором и третьем порогах [Савельев, 2022, с. 261].

При лечении «скрипа» (хруста) в запястье использовали дерево, которое скрипит на ветру – куски такого дерева прикладывали к больному месту. Существовал и более сложный метод: траву «скрипун» помещали в деревянную кадку с женской мочой, бросали туда раскалённые камни и полученным паром лечили руку [Савельев, 2022, с. 270].

«Лихоманка» (лихорадка), или «кумушка» (в Кежемской волости – «комуха»), в представлении крестьян была живым существом женского рода. Она «брала» человека и мучила его припадками, посещая в определённое время, чаще всего весной, когда население массово заболевало гриппом [Савельев, 2022, с. 274].

Поскольку лихоманку считали одушевлённой, с ней можно было бороться методами устрашения или обмана. Над ухом больного внезапно стреляли из винтовки, чтобы испугать «кумушку» и заставить её уйти. Лекари кричали, топали ногами. Сам больной мог приставлять к горлу нож, изображая попытку самоубийства.

Применяли и обман: прятались от болезни в амбарах, хлевах, банях, подполье, переодевались в чужую одежду, чтобы «кумушка» не узнала и набросилась на другого. Крайним средством считалось питьё собственной мочи – этого «кумушка» якобы не выносила и отступалась [Савельев, 2022, с. 274].

Существовала категория средств, которые применялись редко, но считались особенно действенными. Они были связаны с ритуалами перехода между жизнью и смертью.

От запоя применяли следующее средств. Мертвецу клали в зубы медный пятак, после обмывания покойника пятак перекладывали в стакан с водой, настаивали и этой водой поили больного. Применяли это средство нечасто из-за боязни мертвецов и поверья, что «человек не выживает своего века», то есть долго не проживёт [Савельев, 2022, с. 254].

При онемении конечностей («нога отерпла, ничего не чует») больное место натирали «покойницким мылом» – тем, которым обмывали умершего.

Грыжа у детей встречалась часто. При внутреннем лечении грыжи использовали горючую серу, растолчённую и смешанную с женским молоком, давали по чайной ложке. Грыжу при этом диагностировали по зеленоватому цвету испражнений. Для профилактики грыжи при самом рождении бабка-повитуха продевала в ушко новорождённого чёрную нитку и связывала её наподобие серёжки. [Савельев, 2022, с. 272]

При женских болезнях применяли отвар «Филичевой травы» (аконита). При «своём положении» (нарушенной менструации) пили «леторосник» – молодые побеги ивы [Савельев, 2022, с. 266].

Для облегчения родов употребляли спорынью. При трудных родах прибегали к церковным обрядам: открывали в церкви царские врата. Образ Божией Матери ставили между ног роженицы [Савельев, 2022, с. 268].

Существовало и связанное с этим поверье: во время весеннего ледохода нельзя бросать в реку камни, так как положение реки уподоблялось положению родильницы, и бросающий мог навлечь тяжёлые роды на свою жену или на себя (если бросала женщина) [Савельев, 2022, с. 258].

Для прерывания беременности (аборта) использовали воду, которой промывали ружьё, «острую водку», настой сабура на спирте, порох, настой золы от пережжённой скорлупы кедровых орехов, йод внутрь [Савельев, 2022, с. 258].

Также в лечебных целях ангарцы широко применяли наговоры – тексты, которым приписывается магическая сила. Они классифицировались местным населением на две основные категории: «волхидские» (вредоносные) и «божественские» (лечебно-охранительные). Данная классификация отражала дуалистические религиозные представления крестьян, сочетающие элементы язычества и христианства [Савельев, 2022, с. 282].

«Волхидские» наговоры, по народным верованиям, использовались для наведения порчи на людей, скот и хозяйственные предметы. Носителями этих знаний считаются «волхиды» (колдуны), которые, согласно местным представлениям, получили свои способности от дьявола. Считалось, что волхиды могли накладывать порчу через подкладывание предметов, красть шерсть у скота в Великий четверг, а также причинять вред, проведением различных обрядов. Фольклорные тексты данной категории характеризуются отсутствием христианских формул и обращений к Богу [Савельев, 2022, с. 284].

«Божественские» наговоры, напротив, направлены на пользу человеку. Сфера их применения включает лечение заболеваний, защиту скота и урожая, обеспечение промысловой удачи. По структуре они, как правило, содержат начальную крестную молитву и завершаются словом «аминь». Внутри данной категории выделяются «простые» наговоры (произносимые над объектом или больным) и «чертежи» – более сложные ритуалы, сопровождающиеся символическим обведением больного места или определенных предметов установленное количество раз [Савельев, 2022, с. 283].

Передача наговоров осуществлялась преимущественно устным путем от старшего поколения к младшему при соблюдении условий тайны. Эффективность наговора ставилась в зависимость от точности его воспроизведения, соответствия конкретному случаю и правильности выполнения сопутствующих ритуальных действий [Савельев, 2022, с. 284].

Рассмотрим некоторые из наговоров для лечения болезней. Наговор от кровотечения: «Во имя Отца, едет старик с поля, под ним конь карь, раба Антона кровь не капь. Будьте мои слова лепки и крепки, крепче укладу, крепче сераго камня. Замком ключ, замок в роте, а язык – ключ в окиян море. Аминь». Такой наговор читали три раза над местом, откуда идет кровь. После прочтения три раза плевали на кровоточивое место [Савельев, 2022, с. 285].

Чтобы вылечить лихорадку, сначала брали сухие осиновые ветки с листьями, заваривали в горячей воде и на стакан этого навара наговаривали до трёх раз: «Да воскреснет Бог и расточат(ся) врази его и т. д.», потом «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. От болезни лихорадочной, головной, сердечной, нутряной, костеломной, знобучей, трясучей, поносной, сыпучей, неприимной водянки помилуй раба Божьяго (имя больного)» и давали больному выпить. При наговоре дверь запирали на защёлку, на подполье клали ухват и клюку наперекрестку. В стакан клали с больного крест, предварительно привязав к нему в тряпке кусочек свиной бирьки (носа), и мешали вилкой [Савельев, 2022, с. 287].

От чирия нужно было встать лицом к востоку и, взявшись за больное место рукою или просто приложив к нему руку, три раза прочесть наговор: «Как сук сохнет, так и чирей сохнет. У быка ни молока, у петуха ни яйца, у чирья ни ядра (три раза сплёвывают). Будьте мои слова крепки и лепки. Губы, зубы замкну, ключ в окиян-море опущу. Аминь». По прочтении троекратно перекрестить больное место, перекреститься самому больному и лечащему и «три раза плюнуть, сплюнуть» [Савельев, 2022, с. 291].

При ожоге три раза читали наговор над обожжённым местом, иногда покрытым «мазивом» или травой, и затем три же раза плюют на больное место. «Во имя Отца, середа и пятница, между имя четверг, у раба Василия, огонь и пламя в воду. Будьте мои слова крепки и ёмки. Аминь» [Савельев, 2022, с. 292].

От зубной боли читали три дня на утренней и вечерней зорях по разу наговор: «Со́сна, сосна́-ель, я тебя съем, с ветьями, со снетьями, с кореньями, со всем. Аминь» [Савельев, 2022, с. 296].

Против серьёзных болезней, таких как «сучья титька» (нарыв, фурункул под мышкой) или рожа (кожная инфекция), применяли чертёжные наговоры. Например, наговор для лечения рожи состоял из трёх этапов и заключался в том, что сухим безымянным пальцем обводили сук на столе или полу, а затем это повторялось с поражённым участком тела больного. Сам наговор звучал так: «Как у сердца сук сохнет, так бы у раба Ивана костова́ и мозгова́, и жилова́, и мясова́, и сердцева́, и лёхкова́, и печенна́, и кровяна́, и нутрянна́, и реброва́, и суставá, и скретышева́, и спинова́, и ногова́, и перстова́, и ногтова́, и рукова́, и плечева́, локтева и горлова́, и шеева́, и ротова́, и деснова́, и зубова́, и языкова́, и глазова́, и ушова́, и лобова́ рожа сохни. Будьте мои слова крепки и емки, заговорчивее. Зубы – замок, ключ – в окиян-море». На втором этапе изменяли только слова наговора на «Как у сердца сук не расходится». На заключительном этапе читали первоначальный вариант наговора, но теперь палец двигался не сплошной линией, а ставил прерывистые точки. Завершая чтение, на суке точками изображали три креста, трижды касались его и три раза плевали.

Иногда в ритуале задействовали сразу три разных сука. Сеансы проводили утром и вечером; два таких сеанса за день составляли одну «девятку». Чтобы полностью избавиться от рожи, требовалось провести девять таких «девяток». Если же черчение велось на трёх суках на протяжении девяти дней, это называли «тридевять девяток» [Савельев, 2022, с. 310].

Народную медицину в Приангарье в период отсутствия квалифицированной врачебной помощи можно охарактеризовать как смесь магических взглядов на мир и эмпирических знаний о лекарственных свойствах трав. Всё это представляло целостную картину мира ангарского крестьянина в начале XX в.

Глава 6
Русские ангарские говоры

Русский национальный язык часто сравнивают с могучим деревом, корни которого уходят в общеславянскую древность. Его вечнозеленая крона – это литературный язык. Молодые ветви – просторечие, региолекты, профессиональные подъязыки, групповые жаргоны и сленг (общий жаргон)•. Вопреки мнению некоторых ревнителей русского языка, все языковые формы, а не только литературная, важны для национального языка, каждая выполняет свои специфические задачи. В просторечии и социолектах (то есть в жаргонах и сленге) получают прописку и «усыновляются» многие иноязычные слова, например, такие как *треш*, *лайкать* и *хейтер.* Они совсем недавно проникли в наш литературный язык не напрямую из английского, а через посредника – русский молодежный сленг. В нелитературных подсистемах языка живут и активно работают, выполняя свою прямую словообразовательную обязанность, исконные форманты, от которых по каким-то причинам отказывается современный литературный язык. А в жаргонах, к слову, нередко проявляются также искрометный юмор и тонкая наблюдательность их носителей: *душнила*

• Перечислены формы существования русского национального языка, противопоставленные его литературной форме. **Просторечие** – обиходно-сниженная форма национального языка, которая обслуживает речь малообразованных людей; **региолект –** видоизменённая под влиянием литературного языка форма диалекта. Термин предложен А. С. Гердом для обозначения речи жителей средних и малых городов, крупных сел, в которых в значительной мере ощущается влияние местных говоров, и присутствуют следы просторечия; **профессиональные подъязыки** (синонимы: специальные языки, языки для специальных целей) – социально ограниченные формы существования национального языка, которые используются для профессионального общения, передачи и интерпретации специальных знаний, а также для оценки реалий профессиональной сферы; **жаргоны** – социально ограниченные формы национального языка, которые обслуживают речь какой-либо социально замкнутой группы лиц, отличаются от общеупотребительного языка большим количеством слов и выражений, свойственных только данным группам; **сленг** (синоним интержаргон) – общий жаргон большой социальной или возрастной группы, например, молодежный сленг, студенческий сленг.

– занудный человек; *мояшкина* – лучшая подруга; *мамонт* – человек с устаревшими взглядами, который не следит за современными тенденциями и технологиями; *подкрадули* – странная обувь и т.п. В целом они отражают картину мира и ценностные ориентиры своих носителей.

Но вернёмся к образу могучего дерева. Присмотримся к нему внимательнее. Его старые мощные ветви и усохшие маленькие веточки – это многочисленные территориальные диалекты русского языка. Сегодня они почти повсеместно вышли из активного употребления, и лишь немногие пожилые жители отдалённых сел и деревень продолжают их использовать в повседневной речи. Но так было не всегда. Некоторые специалисты считают, что в XIX в. более 75 % русских были носителями того или иного говора, то есть общались на разновидностях единого национального языка, характерных для определенной местности. Именно территориальные диалекты русского языка на протяжении многих веков были основным средством выражения и формирования национального мировидения, народного духа.

Самая защищенная, охраняемая элитарными носителями форма национального языка – литературная. В неё не так просто проникнуть элементам из других подсистем, но это проникновение необходимо, как необходимы озеру впадающие в него реки и ручьи. Наименования с диалектной родословной в составе нормированного языка некоторым образованным людям поначалу могут не нравиться. Например, Л.Н. Толстому не нравилось слово *расчёска*, которое к концу XIX в. стало оттеснять в пассивный запас почтенные литературные слова *гребень* и его словообразовательные варианты *гребёнка*, *гребешок*. Но речевая стихия всё-таки победила, и теперь мало кто помнит, что слово *расчёска* в былые времена использовалось в костромских, ярославских, тамбовских, смоленских и псковских говорах, а также в жаргоне московских нищих. Именно народные говоры в прошлом были главными поставщиками в общенародный язык новых слов. *Косогор, вспашка, пекло, земляника, детвора, нудный, клянчить* – все эти слова родом из русских территориальных диалектов.

Многочисленные территориальные диалекты русского языка объединяются в три наречия (то есть в более крупную единицу диалектного членения национального языка по сравнению с говорами). Известны севернорусское, южнорусское и среднерусское наречия, а также обширная группа сибирских говоров. Последние, как установили исследователи, единого наречия не образуют, поскольку отличаются большим разнообразием. По времени образования русские народные говоры подразделяются на две большие группы, связанные между собою тесными родственными узами: говоры раннего образования (первичные) и говоры позднего образования (вторичные).

Первичные говоры сложились в европейской части страны до XV в.

К ним относятся говоры уже упомянутых выше наречий. Яркими отличительными чертами севернорусского наречия, которое сложилось в древности на базе новгородских и ростово-суздальских диалектов, являются напевность интонации, оканье, использование «г» взрывного, стяжение гласных в формах глаголов и прилагательных (знат, п**о**нимаш, крута **го**рка), цоканье («***О**т **О**п**о**цки три верст**о**цки, да в б**о**ц**о**к **о**дин скац**о**к*»). Узнаваемыми чертами южнорусского наречия, образовавшегося на землях восточнославянских племен радимичей, вятичей, кривичей, полян, северян, являются аканье, использование фрикативного звука [h] на месте «г», замена звука [х] на сочетание хв (*хвартук*), а также отсутствие твердого [т] на конце глаголов 3-го лица мн. ч. (*сидять, брешуть, несуть*). Среднерусские говоры сочетают в себе черты обоих вышеназванных наречий, на них разговаривали жители большей части Московской, Новгородской, Псковской, Владимирской и некоторых других губерний центральной России.

Вторичные говоры – это говоры русского населения Кубани, Среднего Поволжья и Сибири, то есть территорий, которые осваивались русскими в XVI – XVII вв., а также в последующие столетия. Русские первопроходцы привносили на новые земли свою культуру и родные говоры, которые приспосабливались к новым условиям функционирования, изменялись с течением времени, но продолжали сохранять генетическую связь со своей

материнской основой. К началу XX в. на территории Сибири сложилось несколько типов сибирских говоров:

1) **старожильческие** – это говоры потомков первых засельщиков Сибири, которые, как хорошо известно, были выходцами из северо-западной части страны. До сих пор в Енисейской Сибири и в Приангарье широко распространены говорящие об этом факте фамилии: Вологжанин, Новгородцев, Устюжанин, Усольцев, Мезенцев, Колмогоров, Холмогоров и т.п. Старожильческие говоры складывались на протяжении XVII – XVIII столетий на основе севернорусского наречия в условиях языковых контактов с носителями языков коренных малочисленных народов. Старожильческие говоры Сибири всегда испытывали влияние со стороны носителей общенародного литературного языка, а также говоров поздних переселенцев из южных и центральных областей России. Это привело к частичной, а местами и полной утрате оканья уже к середине XX в.;

2) **переселенческие** – говоры потомков переселенцев из южных и центральных губерний, а также говоры столыпинских переселенцев, которые также являлись в основном носителями южнорусского наречия. Распространены на юге Сибири, в некоторых районах Иркутской области, на Дальнем Востоке. Эти говоры представляют собой результат сложного взаимодействия систем исходных диалектов и общенародного русского языка, с которым они находятся в тесном контакте;

3) **новосельческие –** говоры переселенцев нового времени, которые представлены единичными «островами» в коммуникативном пространстве Сибири, они никогда не представляли собою ярко выраженной региональной формы существования русского языка, в настоящее время на территории Енисейской Сибири и в Приангарье не представлены;

4) **семейские говоры** сформировались в XVII в. на разнодиалектной основе на юго-западе России (нынешние Брянская область РФ и Гомельская область Белоруссии). Во второй половине XVIII в. значительное число носителей этих говоров переселились в Забайкалье. На дальнейшую судьбу семейского говора в

Забайкалье повлияли языковые контакты со старожильческими говорами Сибири, а также с бурятским языком;

5) **русские говоры «полярной России»**, например, ныне уже утраченный колымский диалект «походчан», который описал В.Г. Богораз в знаменитом труде «Колымское русское областное наречие» [Богораз, 1898], выделив в качестве его отличительных черт «сладкоязычие» (*зойото, хойосо, Койыма*) и «соканье» (*пассазир взял субу и сапку*).

Самыми распространенными в Сибири являются старожильческие говоры, к которым относятся и говоры сельских жителей Приангарья.

У нас нет записей повседневной речи первых русских засельщиков приангарских земель, однако об основных этапах и особенностях формирования ангарских говоров мы можем судить по некоторым историческим сведениям. Особую значимость для диалектологов имеют данные о местах исхода первопоселенцев, количестве населённых пунктов, а также о числе их жителей.

Начало формирования ангарских говоров было положено в XVII в., когда первые отряды казаков и служилых людей, ведомые жаждой новых земель, проникли в бассейн Ангары.

Пик становления ангарских говоров, как доминирующего средства общения русских жителей Приангарья, пришелся на XVIII и первую половину XIX в. Этому способствовали рост русского населения и строительство новых деревень. Одно- и двудворные поселения обычно получали имена своих основателей: деревня Прокопьевская (основатели – Афанасий и Иван Прокопьевы, первое письменное упоминание об их поселении – 1659 г.); Фроловская (основатель служилый человек Васька Фролов, первое упоминание – 1699 г.); деревня Романовская (основатели Емельян и Андрей Романовы, впервые деревня отмечена в письменном памятнике 1699 г.) и многие другие. В. Н. Шерстобоев, основываясь на анализе исторических документов, представил сведения о составе первых засельщиков Приангарья по месту их выхода: из Устюга сюда пришло 168 человек, из Ваги – 81, из Вычегды – 75, из Соли Вычегодской – 28, из Усолья – 20 человек. Автор отмечает, что в меньшем числе встречаются выходцы из

других частей Северной Руси: Вологды, Галича, Чердыни, Ветлуги, Вятки, Яренска, Соли Камской, Пинеги, Ярославля, Новгорода, Унжи, Колмогор, Мезени, Пежмы, Каргополя, Нижнего Новгорода и из Западной Сибири – Тюмени, Тобольска, Тары, Верхотурья. Не отмечено ни одного человека из мест, лежащих южнее названных северных городов [Шерстобоев, 1947, с. 102].

Неуклонно росло и число русского населения. К середине XIX в. ангарский говор, унаследованный от первых русских поселенцев, уже полностью превратился в главный инструмент повседневной коммуникации.

На формирование словарного состава ангарских говоров, как уже отмечалось, решающее влияние оказало материнское наречие первых поселенцев, основная масса которых рекрутировалась в северо-восточных поморских уездах России. Но в годы строительства Московского тракта языковая ситуация в Сибири изменилась. К освоению новых земель стали активно привлекаться вольнопоселенцы и ссыльные из разных частей Российской Империи. Те ссыльные, которые поступали в ведомство сухопутных сообщений и принимали активное участие в строительстве дорог, по истечении пяти лет получали право заняться крестьянским трудом, становясь полноправными членами общества. И поэтому нет ничего удивительного в том, что сибирский старожильческий говор заимствовал отдельные элементы из речи «рассейских», продолжая оставаться самодостаточной территориально ограниченной формой русского языка.

Одним из первых на русские старожильческие говоры Сибири обратил внимание А.Н. Радищев, который, находясь в ссылке в Илимске (близ Иркутска) в 1790-х годах, писал об особенных «сибирских», как ему казалось, словах и выражениях*: «У илимских жителей есть особые выражения, например,* ***шибко*** *значит «очень»: Он* ***шибко*** *богат, она* ***шибко*** *хороша.* ***Щепетко*** *– «красиво»:* ***Лопатина-то щепетка*** *– «это платье красиво». <…>. В 15 верстах выше Илимска есть быстрое место, порог или* ***шивер****, в таком месте, где Илим течёт между двух гор*». Однако среди слов, поразивших писателя Радищева, нет чистых «сибиризмов». Например, слово *шибко* в значении «очень,

сильно, быстро», которое, действительно, весьма часто в старожильческих говорах Сибири, В.И. Даль в середине XIX в. фиксирует без территориальных помет как общенародное. Есть данные, что это наречие было в активном употреблении в орловских и тверских говорах, его употребляют до сих пор жители Ставрополья, то есть на территориях распространения южнорусского наречия. Слово «щепетко» тоже, очевидно, было общерусским, его словообразовательные варианты в словаре «Живого великорусского языка» В.И. Даля представлены без территориальных помет: «щепетный, щепеткий или щепетливый, щепетливы – «нарядный, щегольский, сшитый ловко, в обтяжку, нащапок; <…> щепет, м. щегольство, убранство, нарядность, украса» [Даль, т. 4, стб. 1998-1499]. А вот слово ***лопатина,*** отмеченное Радищевым в конце XVIII в. в речи жителей Илимска, по своему происхождению точно севернорусское. В Словаре А.О. Подвысоцкого отмечены характерные для говоров Русского Севера слова *лопать, лопостина, лопотина, лопотишка, лопотинка, лопоть, лопотьё* в значении «всякая вообще одеждная рухлядь и носимая одежда». Поговорку «*Купи хоромину крыту, а не лопать шиту*» автор словаря олонецкого наречия сопроводил пометой «повсеместное» [Подвысоцкий, 1885, с. 84]. В.И. Даль слово *лопоть* и его вариант *лопотина* сопровождает территориальными пометами, которые указывают на севернорусский и сибирский ареал его употребления: арх. (архангельское), вят. (вятское), сиб. (сибирское), твер. (тверское), олон. (олонецкое).

Может быть, слово *шивера* является собственно сибирским по своему происхождению? Оно означает «мелководный участок реки глубиной до 1,5-2 м с беспорядочно расположенными в русле подводными и выступающими из воды камнями и быстрым течением». С XIX в. фиксируется в письменных памятниках Енисейской и Байкальской Сибири, а также Камчатки и Колымского края. В.И. Даль фиксирует это слово с пометой «сиб.» (сибирское). В современном Большом толковом словаре русского языка под ред. Кузнецова тоже есть информация о локальном характере данного слова: «*Шивера – в Сибири и на Урале*: каменистый мелководный участок русла реки с быстрым течением». В речи

жителей Приангарья слово *шивера* было в активном употреблении, вероятно, с первых лет освоения этого края. Известны *Горохова, Игренькова, Медвежья, Проспихинская* и некоторые другие шиверы на Ангаре. В Балаганском уезде Иркутской губернии была *шивера Шиверская*, расположенная в одной версте от деревни Шиверской, позднее ставшей селом Шивера. Деревня Шиверская упоминается в документах ЦГАДА (Центрального Госархива Древних Актов) с 1723 г.. Она была расположена на высоком берегу реки Ангары. Недалеко от поселения река имела отличительную особенность – участок с быстрым течением и мелями. Вода бурлила на протяжении двух километров, создавая переливы всех цветов радуги. Среди порогов от Братска до Байкала Шиверский перекат считался наиболее опасным и сложным для судоходства. Пароходы и баржи, плывущие по Ангаре, были вынуждены делать здесь остановку, а местные опытные лоцманы помогали им преодолеть этот участок.

Однако по сведениям диалектологов и историков русского языка, слово *шивера* издревле было известно в говорах Русского Севера (современные Архангельская и Вологодская области), где использовалось в разных значениях: 1) 'отходы от обработки клевера' (шавера); 2) 'сорная трава' (шевера); 3) 'прибрежные деревья и кустарники, стоящие в воде' (шавера); 3) 'непоседа, бойкий человек' (шавера); 4) 'дополнительная веревка с поплавками, привязываемая к неводу' (шивера); 5) 'рябь на воде над каменистой отмелью' (шавера, шевера, шивера); 6) 'каменистая отмель' (шавера). По всей видимости, слово *шивера* вошло в состав сибирских говоров в последних двух значениях из речи поморов – первых засельщиков сибирских земель.

Мы привели этот длинный комментарий на лингвистическое высказывание писателя А.Н. Радищева лишь для того, чтобы показать, из каких пластов национального языка складывался специфический ангарский словарь. Итак, материнская основа ангарских говоров – севернорусское наречие с вкраплениями некоторых лексических южнорусских и среднерусских элементов, заимствований из языков коренных малочисленных народов Сибири.

Встретить лексический эндемик• в русских говорах Сибири, в том числе старожильческих говорах русского населения Приангарья, – большая редкость. В основном это слова, заимствованные из языков аборигенного населения. Например, в русские старожильческие говоры Сибири были заимствованы некоторые слова, обозначающие предметы одежды и снаряжения охотников и рыбаков: *кокольды* – «род охотничьих рукавиц с отверстием со стороны ладони, чтобы не снимать их при стрельбе» (заимствовано из эвенк. *кокопло* – «рукавицы»); *паняга* – «приспособление для переноски тяжестей за спиной в виде дощечки на двух ремнях за плечами» (из эвенк. *панё а* с аналогичным значением). Некоторые из этих слов до сих пор не вышли из употребления, поскольку обозначают предметы, используемые охотниками-промысловиками.

О том, какими были ангарские говоры в XIX в., мы можем судить по высказываниям путешественников, этнографов, местных чиновников, которые по долгу своей службы много общались с местным населением. Например, наблюдения за народной речью сибирских старожилов записал П.А. Словцов, который в 1815 г. был директором народных училищ в Иркутске, а в 1821 г. стал инспектором народных училищ всей Сибири. В «Историческом обозрении Сибири» (1838-1944 гг.) читаем: «*Сибирский говор есть говор устюжский, подражатель новгородского. Сибирь обыскана, добыта, населена, обстроена, образована все устюжанами и их собратией, говорившими тем же наречием. Устюжане дали нам земледельцев, ямщиков, посадских, соорудили нам храмы и колокольни…. Сибирское наречие в произношении буквы О свято держится отдельного букварного выговора, так как бы всегда лежало ударение на нём*» [Словцов, 1828]. Историк и этнограф П.А. Ровинский, который в 1870 г. отправился в Сибирь для изучения «русского типа на далёкой восточной окраине», также отмечает вторичность сибирского говора по отношению к

• **Эндемики** (от др.-греч. endemos — «местный») – лингвистический термин, означающий слово, которое встречается только на ограниченной территории.

материнскому наречию: «*Говоря, что в языке Восточной Сибири вошло кое-что западно- и южно-русское, мы допускаем это влияние в крайне умеренной доле и язык сибиряков считаем вполне представителем севернорусского наречия*». Добравшись до Иркутска, П.А. Ровинский совершил несколько поездок по близлежащим селениям, в которых знакомился с бытом и языком местных жителей. Как типично сибирские он отмечает слова типа: *гольцы* – «высокие, лишенные растительности горы»; *зарянка* – «ветер, дующий на вечерней заре»; *отзаривает* – «тухнет заря»; *хиузит* – «дует очень резкий ветер». В 1873 г. в «Известиях» Сибирского отдела РГО путешественник опубликовал «Замечания об особенностях сибирского наречия и словарь». П.А. Ровинский подметил отличия сибирского говора от общенародного русского языка в ударении, «*будто оно сложилось нарочно с исключительной целью противоречить общепринятому русскому…. То оно наперекор оттягивается на первые слоги: рОстить, по вОде, полОжить, тОрмасить, рУчей, прЕдмет … зАкуска, зАпас*». Автор делится своими наблюдениями над фонетическими особенностями речи сибирских крестьян: «Слабое аканье заметно особенно внизу Ангары, или это вернее назвать ослабленным оканьем… Е и «ять» после шипящих переходят в А: *в щАли (‘в щели’), чАво, нижАе – ‘ниже’ и т.д. «Ять» и Е смешиваются с И: ись, сиверный, хлиб, переихали, симь*; и наоборот: *шалеть, бреться, разлев воды*. Кроме того, «ять» переходит в Я*: сял, белясоватый, добряе.* От смешения Е и «Ять» с И и Я произошли формы: *досях, опеть…*». Фиксирует Ровинский и другие яркие черты сибирских говоров: «Особенное пристрастие сибирское наречие имеет к предлогу ПРИ: *приругать, придрать шубу, примарать платье* и т. д… <…>. Часто слышится прибавка КА ко всем словам, не придающая никакого особенного смысла: *нетука, есть-ка* (есть, имеется), *туда-ка, тако-ка, я-ка, мне-ка, идука, несу-ка*» [Цомакион, 1960, с. 73].

О состоянии русских ангарских говоров в XX в. известно из лингвистических работ. Говоры Приангарья достаточно рано попали в поле зрения выдающихся отечественных языковедов. Ученые не просто занимались фиксацией их отличительных черт, как

это ранее делали просвещенные ссыльные, этнографы, путешественники, но и целенаправленно изучали народную речь. Известный российский лингвист А.М. Селищев, находясь в годы Гражданской войны в Иркутске (1918-1920 гг.), изучал говоры местного населения, определял особенности иноязычных (эвенкийских, бурятских) воздействий на «сибирское наречие». В 1921 г. в Иркутске вышла его книга «Диалектологический очерк Сибири», в которой ученый проанализировал звуковой состав и грамматические формы русских говоров Сибири, в том числе говоров приангарских сёл и деревень. Выводы А.М. Селищева совпадают с наблюдениями этнографов XIX в. о происхождении сибирских говоров. Они, указывает русист, «начали свою жизнь с тем запасом звуков, форм и лексики, какой был свойственен говорам их метрополии в XVI и XVII столетиях» [Селищев, 1921, с. 5]. Характеризуя звуковой состав речи жителей приангарских селений, он отмечает такую особенность, как «смешанное» яканье (на месте орфографического **е** произносится или <’а> (орфографическое Я), или <И>: лЯгла, бЯрут, лЯхко, вЯлела, вИнец, слИзами. Вместо гласного Е, находящегося перед твёрдыми согласным и в конце слова после исконного (с праславянской поры) мягкого согласного, в говорах представлен звук <‘о> (орфографическое ё). Так, в говоре села Кежма Енисейского уезда А.М. Селищев фиксирует такие примеры, как *сёстра, пламё пышот, будём, достанёш, своёму, названьнё, на морё, пётух, дёдушка.* В живой диалектной речи жителей села Богучаны ученый фиксирует такие примеры, как *чёсал*, *чолобитьё.* А.М. Селищев отмечает также факт замены гласного <’а> гласным <е> между мягкими согласными в безударных и ударных слогах. Эту особенность он иллюстрирует примерами из речи жителей села Кежма: *во грезе, горечим слезам смочила, гледят, у утки ейцо откровенилось, петно*. В селе Пановское записаны примеры *еечки, еечик*; в деревне Кежемская Заимка – *еечки, в заимску чесовню* [Селищев, 2021, с. 19].

В первые десятилетия XX в. жители Верхнего Приангарья на месте твердых К и Г использовали их мягкие варианты. А.М. Селищев приводит примеры из говора жителей села Кежма,

деревень Кежемская Заимка и Каменка: *круг пенька, дороженька, постелькю, пашенка, сыночка, кокушечка.* В настоящее время книга А.М. Селищева о русских говорах Сибири находится в открытом доступе Интернета, поэтому любопытный читатель может ознакомиться и с другими отличительными чертами живой речи ангарцев в первые десятилетия XX в.

Ещё одним лингвистическим памятником ангарским говорам первой трети XX в. стали труды выдающегося русиста, уроженца города Иркутска П.Я. Черных, который с 1918 по 1935 гг. работал в Иркутском педагогическом институте, затем – в государственном университете. В годы Гражданской войны он занимался исследованием сибирских говоров, неоднократно выезжал в диалектологические экспедиции. В 1923 г. П.Я. Черных опубликовал работу под названием «Русские диалекты Мамырской волости Тулунского уезда Иркутской губернии», где описал речь людей, проживающих в бассейне Ангары. В 1927 г. на берестянке П.Я. Черных проплыл 250 км по реке Илим (правый приток Ангары), останавливаясь в прибрежных населённых пунктах для беседы с жителями. По результатам этой экспедиции в 1928 г. в «Известиях Восточно-Сибирского государственного русского географического общества (Иркутск: Власть труда, 1928) была опубликована статья под названием «Русские говоры Илимского края», в которой автор проанализировал **фонетические, морфологические, словообразовательные и синтаксические особенности** местных говоров. П.Я.Черных охарактеризовал говоры Илимского края как **«акающие говоры северорусской основы»**, относящиеся к «**средневеликорусскому» типу**. Таким образом, судя по наблюдениям диалектологов первой половины XX в., ангарские говоры в фонетическом отношении не были однородными, подразделялись на окающие*, акающие и с переходным оканьем* [Черных, 1928].

Во второй половине XX в. диалектологи изучали преимущественно фонетические и грамматические особенности ангарских говоров [Белоусова, 1978]. Так, в кандидатской диссертации Л.В. Голузо, посвященной особенностям старожильческого говора Богучанского района Красноярского края, отмечается, что в

фонетическом отношении говор Богучанского района в начале 1970-х годов был похож на русские говоры Туруханского, Енисейского и Казачинского районов Красноярского края, на чунский говор Иркутской области, на русские говоры Илимского края, а также на говоры южной и западной частей Томской области. Отмечали исследователи ангарских говоров и их отличительные интонационные особенности: протяжность гласных, а также нисходяще-восходящую интонацию в конце предложений: «*Сяс чаво не жить, – свобода-а-а-а! Почаво сяс этим молодым не жить? Спят, едят, да всё для себя-а-а! А нам нет – надо было на колхоз отроби-и-ить*» (Кежемский район, село Яркино). На эту интонационную черту (кстати, также сближающую ангарский говор с говорами Русского Севера) обращали внимание и раньше. Справедливости ради отметим, что некоторые знатоки литературных норм интонацию коренных ангарцев воспринимали критично. Так, этнограф и фольклорист Е.А. Авдеева «выговор иркутских жителей» в своё время охарактеризовала как «противный». В 1837 г. в Москве была опубликована её книга под названием «Записки и замечания о Сибири», где есть такой оценочный пассаж о произношении («аксане») иркутских простолюдинов: «*Самый язык и манера выражаться там чисто русские, и, если бы не противная интонация, или аксан, каким отличается выговор иркутских жителей, то у них можно было бы искать истиннаго русскаго языка. Но эти возвышения и понижения голоса, эти грубыя ударения на О чрезвычайно неприятны, особенно тому, кто не привык к ним или отвык от них. Надобно прибавить, что таков выговор только простолюдинов. В разговоре других только отзывается областная грубость аксана*» [Авдеева, 1837, с. 131]. Это типичная реакция некоторых образованных людей, которые любое отклонение от литературных норм воспринимают как порчу русского языка.

Ангарский «аксан» на много десятилетий пережил своих критиков. Он был отличительной чертой ангарских говоров вплоть до 1980-х годов. Причинами относительно хорошей сохранности сибирского старожильческого говора в Приангарье стали отдаленность региона от культурных центров страны,

труднодоступность территорий, на которых исстари использовались ангарские говоры. Сегодня представители среднего поколения ангарцев с ностальгией вспоминают интонации своих родителей, дедушек и бабушек, умело имитируют «аксан», оценивая его как одну из ярких отличительных черт своей региональной идентичности: **«У каждого из нас есть свой, заветный мостик, связывающий с детством. У коренных жителей Кежемского района такой мостик – это неповторимый, певучий ангарский говор: и нежный, и меткий, и емкий, и широкий… Слышишь его – и смеешься, и печалишься. Ведь он такой родной, такой знакомый. Вспоминаешь давно ушедших родных, которые когда-то в детстве в тихий вечер неспешно вели повествования, сплетая в предложения привычную русскую речь и самобытные ангарские слова. <…>** *В чём магия ангарского говора? Конечно же, в его протяжности, неторопливости и интонации. Каждое слово – как звуковой «холм» с гласной «на вершине». И ты взбираешься на эту гласную и неспешно сходишь с нее:* «*Маа-аа-аньтя, да ты као-оо-о, родна? Куды пошла-а-а? На уго-о-ор? Ну поди, поди-и-и*» [Первухина, 2021]. В социальных сетях, в земляческих сообществах и разного рода интернет-группах по интересам размещаются оценочные высказывания о живой разговорной речи русских старожилов Приангарья; их оставляют люди, на которых прервалась межпоколенная передача «аксана» и других особенностей ангарских говоров. Заглавие одного из таких текстов содержит оценочное поэтическое сравнение: «Ангарский говор. Словно ангел прошёл по душе босиком». Автор пишет: «*В ангарском говоре действительно есть особая, завораживающая музыкальность. Это не просто диалект – это целая звуковая картина, где каждое слово превращается в маленькое путешествие. Протяжные гласные создают своеобразный звуковой ландшафт, напоминающий саму природу Приангарья – величественную, неторопливую, основательную. В этих интонациях слышится и ширь сибирских просторов, и неспешный бег реки, и размеренный ритм деревенской жизни. Особенно примечательно, как местные жители "взбираются" на гласные звуки, словно покоряя сибирские сопки. Это не просто*

особенность произношения – это отражение характера: спокойного, вдумчивого, не торопящегося. В такой речи нет места суете, каждое слово взвешено и обдумано. Ангарский говор – это живой памятник культуры, где в каждом звуке, в каждой интонации отражается душа сибиряка, его связь с землёй и традициями предков. И даже простые вопросы превращаются в мелодичный диалог с миром, где каждое слово несёт свой особый смысл и тепло».

В последней трети XX в. повсеместно начался процесс трансформации русских народных говоров в регионолекты – так они приспосабливались к новым условиям функционирования, чтобы не исчезнуть вовсе. В отдаленных районах Приангарья этот процесс протекал медленнее, чем в иных местах, но всё-таки говоры неотвратимо уступали по числу носителей и престижности общенародному языку, строго охраняемому традициями и нормой. Языковая политика в то время, впрочем, как и теперь, не поддерживала ситуацию одновременного существования в обществе двух форм родного языка, применяемых в разных функциональных сферах, когда, например, литературный язык используется в «высоких» небытовых сферах (в науке, образовании, книжно-письменной культуре), а диалект – в повседневном общении и сниженных функциональных стилях речи, бытовой письменности, в «низких» жанрах художественной литературы. Процесс разрушения русских сибирских говоров оказался глобальным и затронул даже речь жителей таких отдаленных сёл, как Яркино Богучанского (ныне Кежемского) района. До этого села люди добирались летом только на вертолёте или на моторной лодке вверх по Чадобцу, а зимой окрестные болота замерзали, и устанавливался зимник – временная дорога по уплотненному тракторами снегу. Грунтовая автомобильная дорога из районного центра до Яркино была проложена только в 2017 г.. Изолированность Яркино тормозила скорость изменения говора, но предотвратить массовый переход молодого поколения яркинцев на литературный язык было уже невозможно. В 1975 г. Л.В. Голузо, побывав в этом селе, описала говор его коренных жителей уже как «переходный»: «Среднему и младшему поколению деревни Яркино

свойственно окающе-акающее произношение. В говоре начался процесс разрушения оканья, но не так интенсивно, как в говоре центральной части Богучанского района. <…> Речь старшего поколения окающая без редукции• и очень протяжная» [Голузо, 1975, с. 19-20].

В 1970-е годы в ангарских поселениях ещё можно было услышать так называемое «шепелявое цоканье», при котором на месте [ч’] и [ц] произносится мягкий свистящий звук, близкий к [с’] или шепелявому [ц”]. Это было характерно также для части севернорусских говоров и некоторых говоров Псковской области: *моксён, заяс у самова пос’ти крылечка, боц”ка, пец”ька, куроц”ка, знац”ит.* Подобные замены исторически фиксировались в новгородских памятниках ещё с XI в. и связываются учёными с иноязычным влиянием (в частности, угро-финских племен). Таким образом, и эта черта ангарских говоров была привнесена из севернорусского наречия первыми засельщиками и поддерживалась на протяжении десятилетий в результате влияния эвенкийского языка. Вплоть до конца 1980-х годов продержался «**У** неслоговой» перед согласными и на конце слова: *сказаУ, родиУся, беУка* и т.п.

В речи пожилых ангарцев, а также некоторых представителей среднего поколения в последней четверти XX в. повсеместно использовались стяженные формы прилагательных, местоимений, порядковых числительных: *охотницка избушка, тако дело, толста и тонка, ихны дети, котора худа, втора в списке* и т.п., а также стяженные формы на конце глаголов: *хватат паУку; ты знаш; мы с имя не играм* и т.п. На месте сочетания «согласный + [j]» в речи сельских жителей Приангарья употреблялся долгий мягкий согласный: *олад’д’и, парун’н’я, волос’с’я, свин’н’и* и т.п., а на месте мягкого звука Ш (на письме передается буквой **щ**) произносится (до сих пор!) долгий твёрдый ШШ: *свяШШык, яШШык* и т.п.

• Редукция – сокращение гласных О, А в безударной позиции, свойственное литературному русскому языку.

Диалектологи Сибирского федерального университета установили, что и сегодня, в первой четверти XXI в., некоторые пожилые жители отдаленных ангарских селений продолжают использовать говор своих предков. В 2018 г. в селе Яркино мы записали рассказ Анатолия Васильевича Рукосуева (1944 г.р.) о встрече с медведем. В этом устном тексте отражено немало фонетических, грамматических, лексических и синтаксических особенностей ангарского говора: «***Мядведя-то*** *я раз* ***видел вид****. Больше не видал. Было нА поле, где* ***летось пшаницу****… Возил* ***товда*** *доярок колхозных, на тракторе возил. Вот* ***недалёко****, полтора кило**м**етра,* ***усясток*** *был, Заимка называлась, вот.* ***Опеть*** *приехали доить коров, у меня* ***сусед*** *был, в кабине-то сидел: «Чё, – говорит, – поедем?». Ну, деваться некуда, поехали.* ***Доярки посадил****… доярки* ***сяли в тялежку****, с бидонами. Приехали на* ***усясток****, я трактор заглушил, бабы разошлись коров доить,* ***но****.* ***Сяс*** *сидим,* ***разговаривам****, в кабине-то,* ***в колёснике-то****.* ***Сяс*** *товарищ-то глядит, вдаль на дорогу-****то****, а там* ***пригон*** *загороженный был, где* ***сино*** *раньше было, из-за него выходит… Он смотрел, смотрел и говорит: «****Гляди-ка, кака-то*** *корова* ***идёт в грязЕ****, а время-****то*** *уж, она б замёрзла уже, уже осень. Я глянул.* ***Кака*** *корова?!* ***Мядведь, Васькя, мядведь,*** *верно! Вот. И он* ***сяс*** *между этим* ***пригоном да станом****, где мы стоим, половина* ***пробяжал, расстояньня*** *этого.* ***Сяс*** *я трактор завёл, в кабину заскочил, бабы в* ***тялежку*** *– шмыг все. Стал разворачиваться, он обратно* ***повярнул****.* ***Боле*** *мы его и не видали»* (Кежемский район, село Яркино, 2018).

Если перечислять отличия современных ангарских говоров от норм русского литературного языка, то получится довольно длинный список:

✓ **Неразличение гласных неверхнего подъёма**: *дЯревня, тялежка, сЯло, бЯрлог(а)*.

✓ **Произношение А после шипящих и Ц на месте предударного Е:** *пшАница, шАптать, работал в цАху*.

✓ **Произношение А вместо Е или Ё:** *вычАсывать, содЯрживать, сЯла и заплакала*.

✓ **Произношение Е на месте А в словах типа** *опЕть, заЕс (заяц), десЕть, землЕника, рЕбина* и т.п.

✓ **Более частотные по сравнению с литературным русским языком примеры перехода Е в О под ударением**: *четвёро, воскрЁсный день, дЁржит, одЁжа, смирЁнай, тЁмнай, хлЁшшет, вЁсну* и многие другие. В ряде случаев <jo> произносится и на месте <e> в безударной позиции: *не ровЁн час*.

✓ **Уканье** (произношение более лабиализованного У вместо О): *жить по-суседству, суседка* (в значении «домовой»). В отдельных словах на месте ударного и неударного <e> также произносится У: *сУрьёзный, качУля*.

✓ **В некоторых словах сохраняется произношение И на месте ударного утраченного в русском языке звука Ѣ (ять).** В словах типа *сИно* (сено), *сИвер* (север) – в говоре села Яркино Кежемского района такое произношение можно услышать даже в речи некоторых представителей среднего поколения.

✓ **Перенос ударения на другие слоги по сравнению с литературными вариантами в следующих словах**: *говОрено, веселО, рУчей, мОрковь, в подолЕ, зАшто*. Перенос ударения в некоторых случаях осложняется лабиализацией ударного гласного: *тёмно, недалёко*.

✓ **Произношение ШН на месте ЧН** в словах типа *празниШНый, позвоноШНик, вечёроШНы песни, кирпиШНая яма, муШНая каша* и т.п.

✓ **Упрощение групп СТ и С’Т’, ЗН, ЗД и З’Д’ в середине и в абсолютном конце слова**: *лисвеница, множесво, крес, влась, горсь, жись, гвось*.

✓ **Явления диалектной ассимиляции• и диссимиляции•, акустической замены звуков, вставки, перестановки звуков**: *пензия, мучисся, ндрав, здря, страм, сродственник, тверёзый, красинькай(-ий)* и др. Только в речи очень пожилых людей встречается диссимиляция в сочетании ВН: *дамно* (давно), *мнуки* (внуки).

✓ **Лексикализованная диссимиляция**: *пролубь, товда, канпанья, анбар*.

✓ **Ассимилятивное смягчение заднеязычных в именах собственных** (в редких случаях в речи пожилых людей): *Анькя, Васькя, Ваньтя, Олькя*.

✓ **Архаичное начальное РО-**, соответствующее начальному РА- в литературном языке в словах типа *робить, ростить*.

✓ **Единичные следы архаичного мягкого цоканья, наличие упрощенных аффрикат**: *реЩька, доЩерь, улиСа, не полуСилось, сяс* (сейчас).

Отметим также некоторые словообразовательные и грамматические особенности ангарских говоров на современном этапе:

1. **Частотность использования слов с непродуктивными в литературном языке суффиксами:** *-ух /-юх* (сеструха, Валюха); -ах /-ях (деваха, Дуняха, Игнаха); *– аг/-яг, -уг/-юг* (умняга, миляга, поселюга, пьянчуга); – *ован /-еван* (Петрован, гулеван); *-ынь* (теплынь, жарынь, мокрынь); *-от* (смехота, мухота).

2. **Уменьшительно-ласкательные формы общеупотребительных слов, называющих родственников** (мама, тётя, бабушка), в старожильческих говорах Приангарья образуются с

• Диалектная ассимиляция (уподобление звуков в диалектах) — явление, при котором звуки одного рода (гласные с гласными, согласные с согласными) уподобляются друг другу в пределах слова или словосочетания. Это происходит под влиянием артикуляции соседних звуков, и звуки в произношении или становятся одинаковыми (полная ассимиляция), или приобретают общие черты (частичная ассимиляция).

• Диалектная диссимиляция (от лат. dissimilatio — «расподобление») — это фонетическое явление, при котором один из двух одинаковых или похожих звуков заменяется другим, менее сходным по артикуляции с тем, который остался без изменений.

помощью суффиксов *-оньк/-аньк*: мАмонька / мамАнька, тётонька, бАбанька / бабАнька, дЕдонька.

3. **Колебания в роде имен существительных**: *злой собак, пустой берлог, высокая кедра, сеяли коноплё* и т.д.

4. **Более широко, нежели в русском литературном языке, представлен разряд собирательных существительных**: *братовья, зятевья, туясьЯ*;

5. **Используется форма звательного падежа в словах-обращениях**: *паря, сына, доча, тёта*.

6. **У существительных женского рода с нулевым окончанием в дательном и предложном падежах в ударном положении используется окончание -Е** вместо **-И** в литературном языке (*в грязЕ, в СибирЕ*).

7. **Существительные м.р. с суффиксами -ушк-, -ишк-, -к- склоняются по типу существительных среднего рода на -О**: *с дедушком, от зайчишка*.

8. **Частотны случаи совпадения форм Д.п. и Тв.п. множественного числа:** *пахали тракторам, жнёшь серпам, рукам работаш*.

9. **Топонимы с суффиксом -ск- склоняются как прилагательные:** *из Красноярскова, в Енисейском, в Иркутском*.

10. **Для прилагательных в именительном падеже в сочетании с существительным м.р. характерно окончание -ОЙ в соответствии с литературным -ЫЙ**: *дом пятистенной, платок белой, парнишко спокойной*.

11. **Есть различия в образовании степеней сравнения прилагательных по сравнению с литературным языком**: *здоровый – здорове – здоровушшый; умный – умне – умнюшшый; красивый – красивше; плохой – хужее (живём всё хужее и хужее); матёрый – матерушшый; проклятый – проклятушшый*.

12. **Наблюдаются большие отличия от литературного языка в системе местоимений**: *почево* («зачем, для чего»), *кого / ко* («что»), *пошто* ревёшь («почему кричишь»), *откуль*, *откэда* («откуда»), *отсуль /отсюль, отсэда* («отсюда»), *тамотки /тамотка* («там»), *оне* («они»), *с имя* («с ними»), *у их всё есь; в ём, евоный* («его»), *ихный* («их»), *нашенский* («наш»), *тая* («та»).

13. **Высокая частотность частиц** *-то (-ту, -от), -ко, -ба, -жа*: *на-ко кваску-от выпей, брусницу-ту жабайте («ешьте»), гляди-ко, ты жа больша, хошь ба пришёл.*

Из наиболее характерных синтаксических особенностей современных ангарских говоров отметим использование предлога ПО в целевом значении: *идти по ягоды, по шишки, по грибы*, а также конструкции, в которых наблюдается рассогласование в числе между подлежащим и сказуемым, например, «*магазин-то чичас не торгуют*».

Но ещё раз подчеркнём, что грамматические и фонетические (севернорусские по происхождению) черты ангарского говора, включая оканье и знаменитый ангарский «аксан», в последние десятилетия XX – начале XXI вв. устойчиво сохранялись только в речи старшего поколения.

Строительство ангарских ГЭС, появление в Приангарье большого числа пришлого населения – носителей общенародного русского языка, масштабные переселения коренных жителей из зон затопления привели к кардинальным переменам в сфере функционирования говоров. Ушли в пассивный запас слова, которые называли предметы старого быта, устарели названия охотничьих приспособлений, если они перестали использоваться: *арямужи*, *борчатка, бояркины валенки, ичиги, натруска* и многие другие. Однако в живой речи ангарцев по-прежнему продолжают активно употребляться диалектные по происхождению слова, которые называют реалии сибирской природы, блюда традиционной ангарской кухни, многие эмоционально-оценочные наименования, которые за многие десятилетия своего бытования перешли из диалектной речи в общенародное просторечие: *куржак* – «иней, изморозь»; *верховка / верхова, низовка / низова* – «виды ветров на Ангаре» (*Верховка сверьхю тянет, с Ангары. Верховка подула, не будет клеву*. Кежем. *Верховка дует – к дожжу. ... Это снегири, а по-ангарски жуланы.* Мотыг.); *икряники* – «оладьи из икры речной рыбы»; *бурдук* – «традиционное блюдо русского населения Сибири, которое представляет собой подсоленный кисель из кислого ржаного или ржано-пшеничного теста. Его употребляют как самостоятельное блюдо или используют как

основу похлёбки с сухариками»; (экспр.) *смастрячить / смастырить / смастачить* – «смастерить, сделать на скорую руку» и многие другие.

На вопрос, по каким особенным словам можно узнать коренного ангарца, кежмари (жители Кежемского района Красноярского края) обычно отвечают: по словам «*жабать*», «*мокчон*» и «*дуплё*».

Примечательна история слова *жабать*. В ангарских говорах оно связано со словами ЖАБА – «голод» (*Куда он денется, придёт – **жаба**-то мотает*) и ЖАБИЦА – «еда, пища» (***Жабица**-то ране проста была*). Значение «голод», в свою очередь, является переносным от ЖАБА, которое в диалектной речи коренных жителей Русского Севера используется в значении «рот», а также «пасть животных». В «Словаре русских народных говоров» слово ЖАБА в интересующем нас значении зафиксировано с пометами «вологодское», «олонецкое», «вятское». В таких выражениях, как «*Что **жабу**-то разинул*»; «*Не раскрывай свою **жабу***» это слово используется с негативной стилистической окраской, является бранным (СРНГ, вып. 9, с. 89). Известно, что в начале XX в. в енисейских говорах уже употреблялся глагол *жабать*, первоначально в значении «есть, жрать (о животных)»: *Жабают животные, а люди едят*. Енис., 1906 – 1907 [Белоусова, 1992, с. 49]. Позднее в говорах Нижнего Приангарья слово *жабать* стало использоваться и применительно к людям как стилистически нейтральное обозначение приёма пищи: ЖАБАТЬ – «Есть, принимать пищу»: *Хлеба-то нет, каво **жабать** будете?* Кежем. ***Жабайте** скорее, а то еда остынет.* Кежем. *Кушать захочут, уташшут чего-нибудь и **жабают**.* Кежем. *Раньше и **жабать-то** нечего было, а все равно работали, и как работали!* Кежем. В некоторых случаях глагол *жабать* употреблялся также и в экспрессивном значении «есть торопливо, с жадностью»: *За столом не **жабай,** ешь потихоньку.* Кежем; *Ну ты, змея, и **жабаш**, жабищу-то разинул.* Кежем.

В говорах Богучанского района Красноярского края слово *жабать* используется также в значении «пить алкоголь сверх

меры»: *Сосед у меня очень любит водку* ***жабать****. Если начнет, то на всю неделю затянет* [Белоусова, 1992, с. 49].

Ещё один лексический маркер ангарских говоров – заимствованное из диалектов эвенкийского языка слово МОКЧОН (фонетический вариант – «моксён»). В Кежемском и Богучанском районах Приангарья используется в двух значениях:

1) «пескарь: ***«Моксёнов*** *в сентябре месяце добывают в садок деревяный. На ним навёртывают дыры, чтоб не задохся, делают берцу и туда надобывают, насыпают туда его, чтоб он там живой был. Когда сделается Ангара, ну холод пойдёт, замёрзнут заберег, ставятся уды. Вырубается черешок и к ней привязывается поводок, ну так величиной сантиметров пятьдесят, уда налимея у нас назывался. И вот его наживляют на хребет этого* ***моксёну*** *и отпускают; он там ходит. Утром идут проверяют: попал налим, значить, он его ест, этого* ***моксёну****; попал – вытащишь, налим хороший, масса хороша. Эта дело шло, идёт осенью, зимой. Кто старается всю зиму ставит, потом когда Ангара начинает тепло, это вода сходит, ездить нельзя уже по ней»* (Записано в деревне Усть-Кова в 1988 г. от Нехорошева Никифора Яковлевича, 1918 г.р.).

2) коллективное прозвище коренных жителей Кежмы и Кежемского района: *«А это вот когда химлесхоз пришёл, когда шестядесятые годы, семидясятые, называли нас* ***мокчонами.*** *А раньше-то нет. Потому что* ***мокчонов*** *этих... Это не историческое, это так… Это уже пришлое, да. Это пришлые так назвали уже, приносные которые уже.*
- То есть сами себя вы не называли так? – спрашивает собиратель.
- Нет. Никогда. Так это только чужаки нас называли, которые приехали к нам, и они называли коренных жителей ***мокчонами.*** *А мы вот между собой мы никогда это слово не произносили, не любили даже это слово «****мокчон****»* (Записано в 2013 г. от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС Казакова Николая Ивановича, 1934 г.р.). Итак, слово «*мокчоны*» в качестве коллективного прозвища, по свидетельству уроженца Кежмы Н.И. Казакова, стало употребляться примерно с 1960-х годов, когда в Приангарье появилось много пришлого народа – вербованных.

Местных жителей, которые знакомую всем рыбку называли необычным для приезжих словом, они тоже в насмешку стали так называть. Такая модель образования коллективных прозвищ была довольно распространена в Приангарье. Например, коренных жителей села Пинчуга Богучанского района приезжие называли «*сёгоды*», потому что те часто использовали это слово в значении «в этом, в нынешнем году». Коллективные прозвища коренных жителей деревни Иркинеево Богучанского района – «*желтопупики*» и «*кривошейцы*» (за пристрастие к ругательствам типа «змея жёлта», «разжелтей», «шея крива»):

*«Нас **желтопупикам** раньше называли.*

- Почему?

***-** А хто их знат! Которых называют ангарцем, ну и ангарцем. Нас называют **кривошейкам, кривошейцем**. Вобще-то. Вот счас примерно деревня, называли **кривошейцам** нас. А ангарцам – не, ангарцам никогда не называли. **Кривошейцы.** То есть прозвища такие: **кривошейцы, желтопупики**. Так немножко шуткой, в шутку»* (Записано в 2015 г. в деревне Иркинеево Богучанского района от Галины Феофановны Скурихиной, 1942 г.р.).

Со временем насмешливая эмоционально-экспессивная окраска таких прозвищ стиралась, и они переходили в разряд нейтральных наименований. Так и случилось с прозвищем «мокчоны», «мокчоные <жители>»: «***Мокчон –** это верховских называли. **Мокчоны.** Самоеды да мокчоны. Тех, кто рыбу сырую ел. Мясо там, струганину. Низовские – это те, кто ниже Богучан живут, их **мокчонами** не назовут. А выше – верховские. Там Кежемский район, верховские по течению. Низова – ветер оттуда дует всегда, с запада, это значит, низово дует. Верхово дует – это когда с востока по течению.*

-А отличаются чем-нибудь, кроме прозвищ, друг от друга верховские и низовские ангарцы? – задает вопрос собиратель.

- Говором маленечко отличаются, а по характеру все одинаковые» (Записано в 2017 г. в поселке Манзя Богучанского района от Ишкабуловой Галины Михайловны, 1951 г.р.);

«Ангарца-кежмаря можно отличить от других сибиряков? – спрашивает собиратель – *Ну как не будут <отличаться > – буду-*

у-ут! Даже по разговору и то поня-ятно, что это ***мокчоный*** *идёт. Вот меня, допустим, можно понять, что я* ***мокчоный****. Я, видишь, протяжно разговариваю. Вы не замечаете? Это ещё хорошо, что я из Яркино выехал давным-давно, а вот как приехал сюды, так здоро-о-ово распевал слова-то. Я вот щас, яркинские прие-е-е-дут, земляки-и-и, я ср-а-аазу пойму, что это яркинской. Вот эта молодежь, я их которых не знаю. Без меня родились, без меня выросли. Но вижу-у-у. Что они там разговаривают между собой. Я: «Вон, но ты, друг, однако, яркински-и-ий! У нас вот Яркино и Ярки там по соседству, 30 килОметров – чё-то да разно! Ярокинские разговаривают и яркинские – уже по-разному. Мне по первости даже стыдно разговаривать-то было, я-то здорово тяну. Речь у меня протяжная был-а-аа. Это щас я привык за сорок лет, за пятьдесят, за шестьдесят, щас я немножко привык с ангарскими-то, ангарские так не разговариваю-ю-ют. Здешние ангарцы разговаривают быстрее. Но и то понять можно, что ангарец. Вот щас, допустим, ангарцы приедут в Красноярск, их сра-а-азу поймёшь, что это с Ангары приехали»*. (Записано в селе Заледеево Кежемского района в 2012 г. от Рукосуева Степана Кондратьевича, 1930 г.р.). Наш информант из села Заледеево, рассуждающий о том, что в говоре каждой деревни «чё-то да разно», абсолютно прав. Ангарские говоры, представляя собою единую языковую систему, всё-таки в разных районах Приангарья имеют некоторые различия, которые касаются не только интонационного рисунка, но и словарного состава. Вот, например, слово ДУПЛЁ, которое весьма типично для бытовой речи кежмарей, неизвестно коренным жителям Мотыгинского района, расположенного в низовьях Ангары. Богучанцы его слышали от своих соседей-кежмарей, но тоже не используют. Но к уникальным лексическим единицам говора «верховских», вопреки распространенному мнению, слово ДУПЛЁ тоже не относится. Известно, что оно широко распространено в речи сельских жителей Русского Севера. В нижегородских говорах обозначает «бочонок, кадка, бадья, миска и т.п., выдолбленные или сделанные из дуплистого обрубка дерева»; в архангелогородских и онежских – известно в значении «небольшая корзина из коры,

бересты, кузов» [СРНГ, 1972, с. 258]. Вероятно, слово *дуплё* в своих исходных диалектных значениях в Верхнее Приангарье принесли поморы – первооткрыватели этих земель. На местной почве у слова *дуплё* появилось переносное значение «погреб, ледник для хранения припасов». Запасы рыбы, ягод, грибов хранились в дуплях (корзинах), а также в деревянной и берестяной посуде, которые опускались в специально оборудованные ледники – глубокие ямы, в которые накладывали лёд, чтобы приготовить л**е**дник для хранения продуктов в тёплое время года. Место, где крестьяне хранили *дуплё*, тоже стало так называться. В языке этот процесс называется метонимией, то есть появлением у слова переносного значения в результате смежности понятий. В настоящее время в говорах кежемского района *дуплём* называют глубокий погреб-л**е**дник.

Какие же ещё слова и выражения выделяют ангарцев среди других сибиряков? В речи коренных жителей Приангарья и сегодня продолжают использоваться многие диалектные эмоционально-оценочные слова и выражения. «Если приятен ангарцу собеседник, – пишет журналист Е. Первухина, – то получит высшую похвалу: «*Тяа-аа-тя!* ***Христы тебе в рот, меду-сахару полкуля!****» А если не угодишь или разозлишь? Получай: «****Лешак бы тя взял! Урод ходишь****!» [Первухина, 2021].

В некоторых семьях детей ласково называют «*челядятами*», «*христовыми*», «*молёными*», то есть вымоленными у Бога, «*комками моими*», «*порош**и**нами*», «*кишками*» и «*печёнками маминым (бабиным)*»:

«У нас дедка, помню, был, дедушка Кондраха был у нас, если, я меньше была, мама уйдут, ему накажут. Заходит тут, а в школу же …. дни были, морозы стоят за 50, стукацца:

- Чаво, дома?

Я с кровати говорю: «Дома».

*- Шпи, **молёна**, шпи, **молёна**, сегодни выходной.*

- Чаво?

- Тряску-у-уча на улицы-то стоит, ня в школу-у-у.

Всё: я спать. Мама с папой придёт: «А ты чё не в школе?».

- Дедушка приходил, сказал, тряскуча.

Он наврёт, чтобы я спала: «Мне жалко её будить, пусть спит».

- Тряскуча на улицы, гыт, стоит, спи ***молёна.***

- А «молёна» – это лаковое обращение? – интересуется собиратель.

*- Ласковое слово! «****Ох, ты моя молёна****» – это значит «ты моя хорошая», что-то вот такое.*

- А как ещё ласково обращались к внукам? Называли их «печень моя»? – спрашивает собиратель.

*- ****Кишки ты мои, да бабины печёнки****, да всяко-то: «****Ах ты, бабины печёнки, кишки бабины****»* (Записано в 2018 г. в селе Яркино Кежемского района от Алексиной (в девичестве Колпаковой) Любови Анатольевны, 1957 г.р.).

В подобных обращениях проявляются два кода традиционной культуры – теологический (тео – греч. theos (θεός), что означает «Бог»; переводе с греческого *тео* означает «божественный» или «богоподобный») и соматический (от греческого **sōma (sōmatos) – «тело»)**. Любопытна народная этимология подобных наименований:

«В ваших краях используется по отношению к детям слово «печёнка»? **–** спрашивает собиратель.

- О, это обязательно! «***Кишки» там, «печёнка» там. «Печёнка моя!***»*. Это слово было в обиходе. Печёнка, щас я вас угошшу печенью, кстати, сохатиной. Печёнка – она считалась деликатес, видать, я так понимаю. И сладко, и деликатесно. Так? Ну, деликатес – часто сладко. Значит, таким именем и назовут:* ***печёнка.*** *Я думаю так. Или может как, от чего не знаю конкретно, так просто у меня как бы свои фантазии в голове.* ***«Кишки мои». Ну, кишки мои****. Казалось бы, чё кишки мои? «****Ох ты кишки мои!****»*. *Так, ну, вроде всё, что есть у меня, дороже нет у меня: кишки выташшы – всё, человек пропал! Вроде так понимаю, что дороже кишок ничё нет в человеке, как правило, думали, наверное****.*** *Много-то кишок было!?*» (Записано в 2018 г. в селе Яркино Кежемского района от Колпакова Ефима Анатольевича, 1961 г.р.). Только в Северном Приангарье к маленьким детям их бабушки или мамы могут обратиться как к «порошинам»:

«*Ох, ты моя родна, тебя кто изобИдел, кто расклевИл мою порошшИну? Крошка моя наревелась, засклЫктывала. Счас пойдём с бабой, сбОрем их всех, оне у нас ишо поплЯшут!*» (Этим примером поделилась Альбина Мамаева (Панова), уроженка ныне не существующей деревни Дворец Кежемского района [Мамаева, Пальгуева, Хомайко, 2017]. В академическом Словаре русских народных говоров слово *порошина* зафиксировано в нескольких значениях: 1) «маленькая частичка пороха» (отмечено с пометой *тверское*); 2) «крупинка, крошка» (с пометой *смоленское*); 3) «соринка, пылинка» (с пометами *казанское*, *калужское*, *пермское*, *владимирское*, *тверское*. В ангарских говорах данное слово употребляется в метафорическом смысле по отношению к маленькому ребенку.

Сохраняются в ангарских говорах, преимущественно в кругу семейного общения, также слова и выражения, обозначающие порицание, недовольство, беззлобное ворчание. Некоторые из таких слов отражают мифологический код традиционной (народной) культуры. Нередко в порицающих контекстах, а также в специфических ругательствах ангарцев используются выражения со словами *лешак* (то есть леший) и «змея» (часто в сочетании с прилагательным «желтая»):

«- Вы ругали своих детей? – спрашивает собиратель.

- *Всяко было. Ну ругань была, **"жёлта"** ругались.*

- ***Змея жёлта***, да? – уточняет собиратель.

- *Да, и так было, и кто как обзовёт. Вот раньше у нас бабушка там вон была, бабушка Марья, она вот ругалась всё **"жёлта в рот, жёлта в рот, вы кого сделали, вы кого натворили, жёлта в рот, жёлта в рот"**. Вот так вот она ругалась. Ещё вот как вот ругались? А-а-а, как же... человека обзывали, еще могли сказать "паравишный": **Ох ты, паравишная, ох ты, паравишный**. Вот так вот.*

- Это что ребёнок должен был сделать, чтобы его «паравишным» обозвали? – спрашивает собиратель.

- *Что-то натворить. А дедушка на нас ругался: «**Лешаковы-то вы дети... от лешака, от самого**». Это хулиганишки. О-о-о! **От самого лешака**. Так вот ругалися. Вот так он ругался,*

честно слово. А старухи матом не ругались, а вот такими какими-то изречениями (Записано в 2013 г. от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС Казакова Николая Ивановича, 1934 г.р.).

«***Жалуница»*** *у нас баба Зина употребляла.* ***Жалунец****… Она считала, что, ну это считалось, как что-то оскорбительное. Ругательство. «****Разжелтей!»*** *– она говорила. –* ***Разжелтей!*** *Всё время употребляла это слово: «****Ох, ты бы разжелтел!****». То есть, это что-то оскорбительное было. Я не знаю самого значения слова, но мне не хотелось бы, чтоб она это мне говорила.* ***«Жёлта в нос»*** *она ещё говорила: «****Тебе жёлта в нос!****». Это ругательство! Больше никак… Она как таковых матерных слов никогда не использовала. Это очень редко. В основном она вот этими: «****разжелтей****», «****паравич бы тебя взял****». Ну в основном вот эти вот слова*» (Записано в 2017 г. в деревне Иркинеево Богучанского района от Кайль (в девичестве Скурихиной) Елены Николаевны, 1972 г. р.);

«*Ты* ***змея жёлта! Разжелтей!*** *Ой,* ***жЕлта в рот****, тебе ково опеть втемЯшшилось? ОбопнУтца не успела, да в зАпятки. Тебя кто суды силком-то ташшИл? Хоть переночуй в тепле*; «*Конешно, нонче мОлодежь-ту не шибко послОвна, ково скажешь? А как умом раскинешь – мы-то шибко ли бАшше были? Помнишь Анатолля-то? Рос вить, мамы родимы, какэсь* ***от лешака отрывок.*** *Дня не было, штоб ково-нибудь не напАкостил. То огорОдишко у какой старушонки раззорИт, то у ково полЕнницу по всёй деревне раскатАт, то девок голых в бане на угОре подопрёт...»* [примеры Альбины Мамаевой (Пановой)]; «*Я тоже думаю – приставлЯютца, а мне некаво стыдитца, говор ваш шибко глянетца – буду учитца. Эвот пора высаживать огурцы на грядку, вымахали долгУшши, а я, паря, наготОво обленилася. Всё бы сидела с вами… Вы чё, дефки, одичали ли каво ли? Нетука вас****, какой лешак задрал****, куды девАлися*?» [пример Нины Рощиной (Федоринской)]; «*Вот и всё, весь день в избе пропелЕговалась****, поведи лешак упрАву!*** *Поясница-то худо дЮжит, сяло маленькя отдохнуть к телевизяру, да наткнулася на вышивку. Ишо осенЕсь начала, спервА хОдко дело пошло. Остался один уголок*

– *никак время выбрать не могла, так и провалялась бедна всю зиму. А уж как за вышивку сядешь, дак ишо бАшше компютора, сидела до полночи ковырялась. Так до писанИны дело и не дошло*» [Мамаева, Пальгуева, Хомайко, 2017].

В конце XX – начале XXI вв. певучие, изобилующие образными и эмоционально-оценочными наименованиями ангарские говоры практически перестали быть средством повседневного общения людей среднего возраста и молодежи, они больше не передаются по наследству. Носители ангарского с сожалением отмечают этот факт. Например, в селе Яркино в 2018 г. нами был записан такой монолог:

– *Нет, мы щас говорим наполовину по-ангарски. Я даже сыну говорю, он многи слова не понимат.*

– А какие он слова не понимает? – интересуется собиратель.

– *На наш век, на нашем поколеньнне пройдёт ангарский говор. Это уже поколеньнне – всё, ноль. Оне ангарского говора не понимают вобшэ.*

– Вот мы и хотим его остатки записать сейчас, – говорит собиратель.

– *Потому что ево, я даже сам начинаю… я щас чем старей стаю, тем мне охота вспомнить все слова, охота на них говорить, а не охота вот это говорить. Шас я в таком положеньнне вобше, дума. Вот поймите, истена в чём, приежжают ко мне, я начинаю гОвОрить, и чтоб я на яркинском буду, они меня не поймут. И я начинаю маленько по-яркински, маленько по-ихнему и потихонькю, потихонькю я свой говор оставляю, понимаете? А если на своём говорить, они ничего не поймут вобшэ.*

– А мне надо, чтобы вы говорили по-яркински! – просит собиратель.

– *Дак по-яркински щаз я даже вот дома, но зачасту с Ниной, когда мы вдвоём как-то, я слова боле говорю наши.*

– А какие слова ваши дети не понимают? – уточняет собиратель.

– *Да, например, названия у саней.* ***Копыл****, там,* ***отводина****, там или чё-та. Я говорю: «Ты* ***копыла*** *подтяни». Он смотрит на меня, мы в дороге. А* ***копы****л, он что, у этих саней* ***копыл****.*

Современны сани забуранны, считай, конски сани, я грю: «Ты за ***копыл*** *верёвку-то цепляй». Он понять не может. Я вобшэ так человек такой, я не люблю повторять сто раз, да тем боле на охоте. А он понять не может и не знат, кого делать-то: «Кого?» Я говорю: «За* ***копыл*** *подцепи верёвку-то, неужто сообразить не можешь?» Он грит: «Да я не знаю вобшэ, что за* ***копыл»****. Я ему давай объяснять да заругался, а потом думаю, а чё я на него ругаюсь, он на самом деле его не знат, он* ***откуль*** *будет знать, он его ни разу не запрягал коня вобше, и эта молодёжь она кОней не запрягала совсем. Мы ещё сколь, мы последние, я-то трёх, однако, или четырёх кОней износил и в сани запрягал. Так всё и ни этот не расскажешь, этот быт надо долго, его надо формировать, его надо* ***потихонькю*** *собирать, чтоб что-то собрать, а так ево не собрать, считай два чаю попили и всё – собрали, всё не соберёшь* (Записано в 2018 г. в селе Яркино Кежемского района от Колпакова Ефима Анатольевича, 1961 г.р.).

Угасание ангарских говоров как живой коммуникативной системы обострило научный и общественный интерес к этому феномену. Большая работа была проделана по их научной фиксации и отражению в толковых диалектных словарях. Созданный в конце XX в. «Словарь русских говоров северных районов Красноярского края», подготовленный диалектологами Красноярского государственного педагогического университета под ред. Г.Г. Белоусовой (Красноярск, 1992), даёт представление о лексическом составе ангарских говоров в конце XX в. Значительная часть ангарских диалектных текстов была включена в иллюстративную часть многотомного «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири», созданного уже в новом тысячелетии известным российским лексикографом Г.В. Афанасьевой-Медведевой. Автору словаря удалось зафиксировать не только лексикон старой Сибири, но и получить уникальные сведения о повседневной жизни, работе и духовной культуре ангарцев. Известны также два любительских диалектных словаря, которые написаны жителями Приангарья – учителем из села Кежма Красноярского края А.Ф. Карнауховым и инженером из села Чуна Иркутской области Н.З. Рукосуевым [Афанасьева-Медведева, 2007-2025;

Карнаухов, 2003; Рукосуев, 2012] – оба автора позиционируют родные говоры как бесценное нематериальное культурное наследие своей малой родины.

С 2012 г. в Сибирском федеральном университете регулярно проходят выездные практики и диалектологические экспедиции в Северное (Нижнее) Приангарье. Русисты СФУ обследовали десятки сел и деревень Кежемского, Богучанского и Мотыгинского районов, составили «Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья»•, который позволяет не только прочитать, но и услышать живую речь старожилов этого уникального региона. Собранные материалы говорят нам о том, что современные ангарские говоры на наших глазах трасформируются в ангарский регионект.

У ангарских говоров и их прямого наследника ангарского регионекта есть одна общая задача: отражение, сбережение и трансляция будущим поколениям ценностей традиционной лингвокультуры русских старожилов Сибири. В этом можно убедиться, рассмотрев, например, ангарские устные тексты о такой безусловной ценности как малая родина. Она не столько познаётся сибиряками-ангарцами, сколько эмоционально переживается, воспринимается душевно и эстетически: «*Я не могу это объяснить… я не могла насмотреться на реку, на небо, на всё. Этой голубизны неба я всё равно нигде не увижу. Вот оно голубое, но оно не такое, даже синева не такая… А запах, запах… вот едешь на реке, этот запах-то… налетит ветерок с острова – аж медовым пахнёт-то откуда-то с реки. Река тоже… вода пахнет по-своему, как будто сыростью такой, какой-то свежестью пахнет… И вот едешь, оно перемежается-то оттуда-то это, вот запах. Это, не знаю, я не знаю, как это описать, как сказать это, это чувствовать нужно* (Записано в 2013 г. в городе Кодинске от переселенки из зоны затопления Богучанской ГЭС Туровой Тамары Валентиновны, 1959 г.р.).

• Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья (https://angara.sfu-kras.ru)

В устных ангарских текстах представления о малой родине чаще всего строятся вокруг двух ключевых образов: родины как родного дома, в котором уютно и безопасно, и родины как земного рая, идеального, благословенного места. В селе Яркино, что в Кежемском районе, живет человек, чьи слова рисуют картину поистине уникального места. Он описывает деревню, где жизнь течет без привычной суеты и тяжелого труда. Здесь, по его словам, достаточно лишь "чуть-чуть шевелиться", чтобы иметь все необходимое. Это место он называет "раем на земле", где можно вставать, когда захочется, идти куда угодно, говорить что угодно, спать сколько угодно и даже уехать, куда душа пожелает. Он с удивлением отмечает, что такой жизни деревня не знала никогда с момента своего основания:

«*Такой деревни вы не увидите нигде боле, потому что здесь можно жить, вообще ничё не делая.* ***Это рай на земле****. Это можно чуть-чуть шевелиться, и у тебя будет всё! Понимаете? Я зачасту говорю: да эдак мы не жили. И эдак, как щас, деревня не живала никогды вообще со времён её обоснованья, так? Ничё можно не делать, когды хочешь можно вставать, куды хочешь можешь идти, чё хочешь можешь говорить, сколь хочешь можешь спать, куды хочешь можешь съехать – короче, всё, что твоя душоночка желат, всё тебе! Благодать! У всех, вы видите проходите: тут машина, там машина, там трактор, тут трактор – все на кнопках уже живём. Все!*» (Записано в 2018 г. в селе Яркино Кежемского района от Колпакова Ефима Анатольевича, 1961 г.р.). Эта картина благоденствия, где нет нужды в изнурительном труде, где царит свобода, перекликается с представлениями о земном рае, которые имеют корни в традиционных лингвокультурных представлениях коренных жителей Приангарья, сформированных под влиянием христианских идеалов.

В высказываниях ангарцев о малой родине часто звучат слова, которые призывают к активным действиям и заботе о своей земле. Люди подчеркивают важность бережного отношения к своему месту, стремятся вдохновить других на то, чтобы сделать родной край лучше и сильнее. В таких высказываниях часто отражаются глубокие социальные и культурные ценности:

«Малая родина есть малая родина, каждому ведь она мила, а вот жители, они разные. Одни хапают, хапают, хапают и остаётся всё. Вот они, дома есть, где всё украшено, всё сделано, а человека нету. <…>. Мы думаем, что мы всесильные и будем долго жить. Нет, не будем, если мы так к себе относимся. ***Родина – это моё село родное. И его надо беречь, доглядывать за порядком****.* ***Беречь всё должны, потому что мы должны сделать так, чтобы нашей родиной гордились, только гордились.*** *Только говорили: «Вот, посмотрите, как они работают, как живут. Вот так вот»* (Записано в 2018 г. в поселке Манзя Богучанского района от Соседовой Ларисы Алексеевны, 1946 г.р.).

Записанные нами устные диалектные и регионолектные тексты говорят о том, что родина для ангарца – не просто территория, точка на карте, это нечто гораздо более глубокое и значимое. Это место, где сформированы первые представления о добре и зле, о справедливости и любви, где находятся отчий дом и своя семья. Малая родина – центр мироздания, исходная точка нравственной оседлости, которое порождает ощущение счастья:

– Вы считаете себя патриотом? – спрашивает собиратель.

- *А что это за слово такое, патриот? Я не знаю такое слово*.

- Человек, который любит свою родину, – уточняет собиратель.

- *Как я не буду любить родину? Я тут родилась и выросла тут. Для меня это что СЧАСТЬЕ – ЗЕМЛЯ ЭТА! Как я не буду любить её?!* (Записано в 2017 г. в селе Богучаны от Шабановой Анны Александровны, 1931 г.р.).

На малой родине человек учится любить, прощать, сострадать, жертвовать; здесь сталкивается с первыми моральными дилеммами и учится принимать решения, руководствуясь совестью, а верующий человек – ещё и религиозным чувством. Для ангарцев, впрочем, как и для многих других сибиряков, чувство родины связано не только с местом своего детства, но и с огромной страной, воспринимаемой как общее пространство близких по языку и культуре людей, пространством «своих». Гармоничная привязанность одновременно к малой родине и к большой России помогает каждому человеку осознавать свою глубокую связь с

Отечеством, формирует внутренний стержень, который составляет основу «сибирского характера». Приведем несколько высказываний коренных ангарцев, у которых этот внутренний стержень, безусловно, есть: «***Мать-Россия*** *есть и есть* ***моё Паново****. Для меня одинаково, да.* ***Паново – центр.*** *Я всегда гордился, тем, кто приезжал, я говорил: «Это наш Пановоград». Я гордился, Пановоград я называл всегда*» (Записано в 2018 г. в городе Кодинске от переселенца из зоны затопления Богучанской ГЭС Карнаухова Николая Михайловича, 1952 г.р.).

- Вы различаете понятия малая и большая родина? – спрашивает собиратель.

- *Ну, я как-то на этот вопрос особо не задумывался. Но для меня* ***Яркино – это всё, что есть на Земле. И родина, и государство. Для меня нету разницы. Родина – она родина, её любить, её нады ценить, её нады уважать.*** (Записано в 2018 г. в селе Яркино Кежемского района от Колпакова Ефима Анатольевича, 1961 г.р.). По мнению нашего собеседника, именно Родина и вера формируют нравственный компас, направляя человека по пути истинному. Христианство, с его акцентом на любовь к ближнему, милосердие, справедливость и смирение, находит свое естественное воплощение в служении своей Родине, в необходимости её защищать. Архетипические представления ангарцев о земле-матери, родине-матери, унаследованные от предков, передают ощущение сыновьей зависимости от родины и сыновьей же ответственности за неё: *«Я вот тоже часто задаю себе вопрос, если война… Победим мы сейчас? … Хоть говорят, раньше Сталин там столько людей уничтожил, но люди шли в бой, даже зэки с зоны шли, воры в законе шли, хотя они могли сидеть в зоне и ничего не делать, воры в законе, но они шли за свою родину, как говорится, есть родина – земля родная. Её надо отстаивать, эту землю.* ***Мама – земля.*** *Вот они из-за этого и шли. Даже обиженные крестьяне раскулаченные. Да. Как говорится, окромя власти советской есть земля родная. Вот так вот. У нас ведь героев много и было, и есть, и будет много героев в России. Но, хоть говорят, вот деревенские ребята, но я знаю: наши все пойдут. Я вот так, я уверен. И я как бы сына своего всегда*

настраиваю, что земля родная есть – за неё надо воевать. Придётся – пойдёшь! Я даже, вот я вам не вру, даже погибнуть за неё готов. Вот я вам честно, руку на сердце ложу, так я говорил сыну, которому щас вот 9 лет, я ему лично сам говорил: «Умри, но не опозорь» (Записано в 2018 г. в селе Яркино Кежемского района от Петра Рукосуева, 1973 г.р.).

Строительство ангарских ГЭС приговорило сотни деревень и сёл, расположенных в пойме красавицы-реки, к затоплению. Добровольно-принудительное расселение носителей ангарских говоров началось в середине XX в. и завершилось только в 2013 г. Писатель Сергей Кузнечихин в предисловии к книге Альбины Мамаевой «Встречи с прошлым» (2019) с горечью отмечает, что вместе с исчезновением деревень «уникальный ангарский говор, рассеянный по новым землям, разбавляется и выветривается, теряя свою неповторимую особенность».

Понимая ценность родных говоров, многие ангарцы составляют рукописные словари, по памяти воспроизводят диалоги, которые слышали от своих земляков – носителей говора, пишут рассказы на диалекте, записывают и издают рецепты ангарской кухни. Это поистине народное движение за возрождение говора, попытка включить его в книжно-письменную сферу во имя его спасения и увековечения [Мамаева, 2019; Карнаухова, 2020; Мамаева, Хомайко, Пальгуева, 2022; Гололобова, 2024].

Эти издания демонстрируют живое стремление сохранить уникальное нематериальное культурное наследие региона, продлить жизненный цикл ангарских говоров, вернуть диалектам их значимость в современном мире.

Подведём итоги.

Русские ангарские говоры – это региональная разновидность старожильческих говоров Сибири, сформировавшаяся в XVII – XIX в.х на основе материнских севернорусских говоров. Основной этап образования ангарских говоров как особых коммуникативных подсистем пришёлся на XVIII в. – первую половину XIX в. На протяжении трех столетий своего существования ангарские говоры изменялись, приспосабливаясь к новым условиям функционирования. Эти изменения происходили медленно в силу

отдаленности и изолированности территории бытования говоров. Ангарский говор и сегодня кое-где можно услышать, насладиться его певучестью и образностью. Но утверждать о том, что в современном говоре можно обнаружить реликтовые образцы «русского языка XVII в.», нет исторических и лингвистических оснований. Значительная часть бытовой и промысловой лексики старожильческих ангарских говоров имеет аналоги в северном наречии русского языка. Кроме того, словарный состав русских ангарских говоров отражает языковые контакты русского населения Приангарья с языками коренных народов Сибири, прежде всего – эвенков и бурят. В новых условиях функционирования ангарские говоры трансформируются в ангарский регионолект. И ангарские говоры, и их потомок – сибирский ангарский регионолект – это важнейшие инструменты передачи традиций и ценностей. Они несут в себе отголоски прошлого, отражая быт, верования и самобытность ангарцев. Через них оживают истории предков, раскрываются особенности их мышления и восприятия мира, формируя уникальный культурный код, который связывает воедино прошлое, настоящее и будущее.

Изучение русских ангарских говоров, формирование к ним бережного и уважительного отношения является важнейшей научной, социокультурной и педагогической задачей. Старожильческие ангарские говоры – это не просто лингвистическое явление, это живая история, отражение многовекового процесса освоения огромной территории выходцами из Русского Севера и других уголков России. Их изучение и сохранение – задача исключительной важности для понимания культурного и исторического наследия страны и языкового богатства нашего народа. Ангарские говоры – ценнейший источник не только для реконструкции языковой картины прошлого, для изучения истории русского языка в целом, но и богатейший ресурс для изучения мировидения сибиряков – наших современников. Мы обязаны сделать все возможное, чтобы сохранить это бесценное наследие для будущих поколений.

Глава 7
Фольклор

7.1. Сказка «Иван Кобыльников сын»

В 1904 г. этнограф А.А. Макаренко записал сказку, которая произвела на него впечатление. Её рассказал известный на Ангаре «посказитель» Ефим Максимович Кокорин по прозвищу Чима, живший в селе Кежма. Мотив сказки известен во всех местах расселения русских, но здесь, на Ангаре, она успела обрасти самобытными деталями. Поэтому А.А. Макаренко оставил нам текст сказки «в дословной передаче» с сохранением диалектных особенностей [Макаренко, 1914, с. 351-386]. Приведём её полностью.

Пошло дело от старика и старухи.

Как в одном месте жил старик со старухой и дожил до такой тюки, что нет ни хлеба, ни муки. Осталась одна только кобыла. Вот старуха стала говорить старику:

- Убьём кобылу…

- А на чём мы дро́вец привезём?

- Принесём, Бог дас.

На том и положили – убить кобылу.

Межу тем летят тут во́роны. А дворишко был худенькой, вот как бы и наш, небом крыт, звёздами горожен.

Первый ворон и говорит:

- Крр! Тибя, кобыла, хозяин бить хочет.

Сере́дней ворон говорит:

- Кобыла, говорит, если ум есь – убегай!

За́дней ворон говорит:

- Не мешкай; тибе идут бить. Выскочи изо двора, беги куда глаза глядят.

Кобыла не долго думала, выскакивала изо двора, бежит во тёмны леса.

Бежала, бежала по лесу и нашла на поляну. Поела на этой на полянке и пошла дале.

Видит – ла́баз (висячая могила). На том лабазу́ тунгус слабажо́н, помершой. Кобыла этто взяла тунгуса с лабазу́ и коленко погрызла, право. Погрызла коленко и берёжа стала.

Ходила, сколь время, сколько ей надо, и родила сына. И дала ему имё – Иван-Кобыльников. И дала ему благословленьё.

- Вот што, дитя! Доспей лук и стрелку. Ходи поляни́чай, и к ночи ставь стрелку в землю. Я буду знать, што ты живой; а не будет стоять стрелка, я буду ходить искать твои коски.

Распрощался с кобылой.

Доспел лук и стрелку и стал поляни́чать, свою голову питать. Ходил, ходил, нашол на полянку. Видит – на полянке стоит пень, круг пенькя ходит человек. Нашол на этова на человека и говорит:

- Бог помочь, доброй мо́лодец!

- Спасибо тибе.

- Чево ты ищешь?

- А я, – говорит, – стрелку потерял.

Огленулся Иван-Кобыльников, стрелка тут, подле нево стоит в земле.

- Как тибя звать? – спрашиват Иван человека.

- Иван-Сонцов сын.

Иван-Кобыльников и говорит:

- Пускай миня в товаришши.

- А я, – говорит, – рад товаришшу. Будь ты бо́льшей брат, Иван-Кобыльников сын, а я ме́ньшой.

Пошли поляни́чать. Поляни́чали, поляни́чали, опе́ть на полянку нашли. На этой на полянке пень, а круг этова пенькя человек ходит.

И таким же по́боротом, как и перво́й раз, говорит:

- Бог помочь, доброй мо́лодец!

- Спасибо на добром слове.

- Ково ты ищешь, доброй мо́лодец?

- А я, – говорит, – стре́лку потерял.

Иван-Кобыльников сын посмотрел, посмотрел вкруг…

- Вот, – говорит, – стре́лка.

- Как тибя зовут, доброй мо́лодец?

- Я, – говорит, – Иван-Месяцов сын.

- Пойдёшь с нами, – говорит, – в товаришши?

- А я рад товаришшам.

Иван-Месяцов сын и говорит:

- Ну, Иван-Кобыльников сын, будь ты бо́льшей брат, Иван-Сонцов – брат середней, а я ме́ньшой – Месяцов сын.

Остановились они тут жить. Доспели юрту сибе, притулье на этой на полянке.

Потом стали бить всяку птицу и всякова зверя, перо и шерс(т)ь в кучу копили. К ноче́ стрелки становили всё. И по́утру стрелки их – вышиты (изукрашены).

Иван-Кобыльников сын встал и говорит:

- Што же, братцы, у нас, у юрты неблагополучьё есь! Кто-то над нам изгаля́тца.

И говорит он ме́ньшому брату:

- Ну, Иван-Месяцов сын, ты эту ночь становись на каравул и смотри, хто к юрте ходит.

Пришла ночь. Иван-Месяцов сын стал на каравул; а те в юрту ля́гли на спокой. Сидел-сидел, досидел до полночи, и спать захотел. Никово не видал. В полночь в шерсь заполз и крепко заснул, и не видал ничево.

По́утру встаёт бо́льшей брат, видит, стрелки опеть вышиты.

- Што же, брат, Иван-Месяцов сын, видал ково-нибудь в эту ночь?

- Не видал никово.

- Не есь ты каравульщик, Иван-Месяцов сын! Ну-ко сере́дней брат, Иван-Сонцов сын, становись ты в каравул на эту ночь.

Стрелки опеть поставили го́лы.

Стал не каравул Иван-Сонцов сын. Сидел, сидел – никово не видал. Залез в перо, ево пригрело, Иван-Сонцов сын заснул крепко и никово не видал.

По́утру встают братья. Иван-Кобыльников сын смотрит стрелки. А стрелки ешшо тово лучше вышиты всяким цвета́м.

- Што, брат, Иван-Сонцов сын, видал ково-нибудь в эту ночь?

- Никово не видал.

- Не есь ты, брат, каравульщик, Иван-Сонцов сын. Подошла третья ночь.

- Ну, вы, братья, не есь каравульщики. Заходите в юрту, ложитесь спать, покаравулю эту ночь я. Докуль будут над нам смеятца?!

Сидел, сидел, близь полночи уж подошло, Иван-Кобыльников сын залез в шесь. Слышит – шум. Прилетают три колпицы.

Ударились о́ земь – доспелись кра́сным де́вицам. И подкосились всяка ко своёй стрелке и доспели хохотаньё:

- То, говорит, моёва милова стрела; и та говорит – моёва милова; и третья говорит – моёва милова!

И потом Иван-Кобыльников сын и тайным образом подкралса под их ко́жухи и крылья, и склал в карман. – До ста́вальной поры всё вышивали и хохотали. Меж тем дошло время, когды лететь.

Соскочили и побежали ко своим ко́жухам и крыльям.

Хватились – на том месте нету.

- Ах, – говорят русским язы́ком, – сестри́цы родимыя, спропали мы! Нас суда рок носил!

- Хто, говорит, здесь хрешшоной? – Марфида-царевна спрашиват. – Ежели старше нас – будь отец наш; ежели младче нас – будь брат наш; ежели ровня наша – будь обру́чник мой.

Иван-Кобыльников отвечает в шерсть:

- Да верно ли твоё слово будёт?

- Царско слово три раз не говоритца, раз только говоритца. Он выходит из шерсти.

Ну, он сколь красив, а она красивше ево ешшо. Он ей заглянись так любезно, а она ему заглянись и пушше тово. Тожно́ сошлись рука в руку, перстня́м золотым переменились и потом поцеловались. И сказал Иван-Кобыльников сын:

- Люби ты миня и я тибя!

И она ответила:

- А хто у тебя товаришши? У миня сёстры есь. Потом он своих братовьёв стал будить:

- Эх, братья, со́нны тете́ри, вставайте! Они стали, вышли из юрты.

- Ну вот, вы каравульщики, не могли скаравулить, хто к нам ходил. Почему я скаравулил сибе обру́чницу и вам товаришшов.

И тем же по́боротом и братья взяли своих жон и обручились. И стали в этой же юрте поживать все шесь человек. Переночуют ночь, а на утро оставляют жон домовни́чать, сами уходят поляни́чать.

Вдруг стал Иван-Кобыльников сын замечать над своим ба́бам, наипаче над своёй: стала блёкнуть, сохнуть. И стал он говорить братовьям:

- Што жа, братья, стало быть к нашим жонам кто-нибудь ходит, о́ли оне стали печалитца.

На другой раз заметил, у них под юрту норы вырыты. Не понадеялса на братовьёв, послал их поляни́чать:

- Ступайте, – говорит, – с сиводнишни́ва дни поляни́чать, а я останусь каравулить.

Братья ушли в самы по́лдни. Иван-Кобыльников сын остался на каравуле.

Выпалзыват огненой змей в юрту и принялса груди сосать у жон. Тем он их и крушил и сушил. Натянул он свой тугой лук, наложил калену́ стрелу́ и прямо ево в грудь ударил. Он покатился с ево обру́чницы, с жоны прямо в нору. Только ответил русским язы́ком:

- Ну, Иван-Кобыльников сын, жди ты миня через три дни с огненной тучей.

Собрались братья. Иван-Кобыльников сын говорит:

– Ну, братья, давайте в трои сутки стрелы доспевать. Нашол я супостата. Только я убить вовсе не убил, а только ранил. Вот через трои сутки обвешшалса он прибыть с огненной тучей.

И в трои сутки они делали луки да стрелы. На последни сутки делали, делали… Иван-кобыльников сын и говорит:

- Ну, Иван-Месяцов сын, поди-ко, посмотри, подвигатца ли где туча.

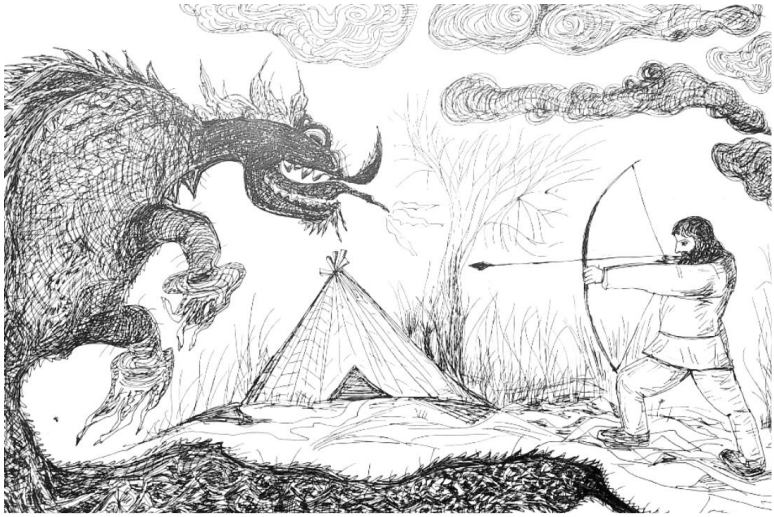
Иван-Месяцов сын вышол и говорит:

- Ох! Братья, подыматца от земли туча чёрна.

Не через долгое времё посылат Иван-Кобыльников сын, Ивана-Сонцова сына. Вышел Иван-Сонцов сын и отвечат:

- Ох! Братья, туча огроматная идёт, близко и близко подходит.

Не через долгое время выходит Иван-Кобыльников сын – туча по над головой.

И давай оне битца и давай битца. Бились, бились – треть тучи убили. И Ивана-Месяцова сына убили. Три трети осталось. Бились, бились – половину тучи убили и Ивана-Сонцова сына убили. А половина тучи осталась, войска «не́чистов-дьяволько́в». Билса, билса Иван-Кобыльников сын, треть тучи побил, и его побили. Забрала ихних жон и увела – энта треть оста́льная.

Кобыла по лесу гуляла-ходила. Хватилась свово сына и побежала стрелку искать. Прибежала в это войско с головы, стрелку доискалась. Стрелка обронёна.

- Дожно быть, неживой мой сын!.. И давай ходить по головам. Ходила, ходила – нашла ево голову с туловишшем. Взя́ла ево лязнула, обвернулась, задом лягнула – он сросся; другой раз лизнула, задом обвернулась, лягнула – он вздрогнул; третей раз лизнула, задом обвернулась – лягнула: он и на ноги встал.

- Ох! Мамаша, – говорит, – я долго спал. Оживи, – говорит, – моя родительница, моих товаришшов, Ивана-Сонцова сына и Ивана-Месяцова сына.

Разыскала их головы, Ивана-Сонцова сына и Ивана-Месяцова сына, совсем с туловишшам. Тем же по́боротом, как ево оживляла, так и их оживила. И говорит сын матере:

- Ну, мамаша, а где же наши жоны?

- Я не знаю.

И говорит он своим братовьям:

- Ну, братья, стало быть не́христь увела. И мать сыну наказала:

- Опе́ть жа эдак стрелку станови, и я буду знать. Сама убежала в широку долину.

- Ну, братовья, – говорит Иван-Кобыльников сын, – станемте ноньче трои сутки зверьё бить да ремень шить.

И били трои сутки зверьё и сшили ремень в трои сутки.

- Ну, братовья, – говорит Иван-Кобыльников сын, – спускайте миня на ремне в эту нору, а не достанет ремня – свои кушаки наставляйте. Через двенадцать суток, если за ремень не подёрну, от норы отходите, куда глаза гледят.

Спускали, спускали, и остановилась колыбеля́, и только один кушак надвязали.

Вышол там Иван-Кобыльников сын из колыбе́ли и пошол по тропинке. Шол он близко ли, далеко ли по этой по тропинке и увидал озери́ну. Кругом её обошол, эту озери́ну. Видит – три зе́ншины идут. Запал он в чепыжник. Поравнялись с ним эти зе́ншины, а он как раз стрелку через дорогу простре́лил. А эти зе́ншины шли на озери́ну с вёдрам по воду, и первая из них была ево жона. И как эта стрелка проле́тила, она удро́гнулась и скрикнула: «Ох!»

Сёстры у ней спрашивают:

- Што ты, сестра́, удро́гнулась?

- А мышонок пробежал… Имя́ не сказала.

Зачерпнула воды и стала замешкиватца.

Сёстры и говорят:

Што ты, сестри́ца, стала отставать?

- А так, – говорит, – мне до-ветру́ охота… Идите. Я приду. Ушли сёстры свиду, она молвит русским язы́ком:

- Што, мой обручник здесь?

Он отвечает:

- Здеся.

Она рада, доспелась. Занялись оне разговорам. Стал Кобыльников сын выспрашивать:

- Што, змей лежит али чево делат?

- Лежит, – говорит, – в колыбе́ли, раненной.

- Как к ему подойтить, – говорит, – посичас оли́ погодя?

- Ты приходи, – говорит, – в самы полдни и примечай, как колыбе́ль станет утулятца, и он разоспитца.

Иван-Кобыльников сын подошол – колыбе́ль ешшо кача́тца; стало по́лдни – колыбе́ль стала утулятца. Змей разоспался. Подошол он к колыбели, наперво прищимил – придал жисть змею короткую. Энту треть тут всеё погубил после тово.

И пошол, стал своих жон забирать. И чево ему надо из запасу – забрал. Забрал чево ему надобно и повёз своих жон к норе.

Привязал Иван-Кобыльников сын имущество к ремню. Подёрнул – братья и поташшили. Спустили ремень, он привязал Ивана-Месяцова жону́. Подёрнул – они поташшили. Ремень спустили опе́ть. Привязал он Ивана-Сонцова сына жону. Подёрнул – они поташшили. Ремень опе́ть спустили. С жоной со своёй у них спор сошолся. У ней серцо чуяло… Она спорит:

- Давай тибя привяжим… А он спорит:

- Давай тибя привяжим; ты, – говорит, – тут испужа́сся.

Иван-Кобыльников сын переспорил-таки. Привязал её. Подёрнул. Оне поташшили. Ремень спустили опе́ть. Привязался сам. Подёрнул, до верху стали дотаскивать, взяли ремень обсекли, он упал и убился. Забрали ево жону и повели от норы.

Стали у ево жоне приступать, приступ делать. Она не сдаётца. Оне стали её карать. Где корьёвишшо, юрто́вишшо сдёрнут, на неё складут – она та́шшит, своим слеза́м умыватца. Стала сохнуть, блёкнуть. Высохла, как былинка, насилу ноги носят.

Кобыла хватилась свово сына. Прибежала к ево стрелке – стрелка упала. Давай она бегать кругом норы. Бегала, бегала – уходу нету (следа нет). Разворочала она юрту, видит – нора.

Понюхала в нору – в норе. Давай спускатца в нору. Спустилась в нору, увидала ево, мёртвова. Таким же по́боротом, как она раньше оживляла ево, оживила. Вскочил Иван-Кобыльников сын, отрехнулся.

- Ах, мамаша, – говорит, – долго я спал!

- Да, – говорит, – кобы́ть не моя голова, ты бы вовсе не встал.

- Што, мамаша, как мы попадём на верхней хвост? Она ему отвечала:

- Дитя! В трои сутки зверьё бей, трои сутки сумы шей, да в сумы в куски руби, да мясо клади.

Наклал Иван-Кобыльников сын две сумы в трои сутки полныя и перевесил через мать-кобылу. И она говорит:

- Дитя! Садись и ты на миня. Я, – говорит, – поползу, огленусь, ты, – говорит, – по куску подавай мне – буду подыматца.

Как оглянитца, он подавал и подавал по куску.

У нево запасу не хватило. Она огленулась, а ему подать и не́чево… От правой ноги своёй палец отрезал, подал. Второй раз огленулась – ему подать не́чево. Он от правой ноги своёй икру отрезал, подал. Третей раз она огленулась – ему подать не́чево. От правого уха своёва отрезал, подал.

Выползли на ве́рхней свет. Слез Иван-Кобыльников сын с матери своёй кобылы.

- Ах, дитя, – говорит, – я пристала! Што ты, – говорит, – напоследе слаткой мне хрящ подал?

- Ухо, – говорит.

Выхаркнула – прилизала.

- Второй раз чево мне слатко подал?

- Икру от правой ноги своёй.

Выхаркнула – прилизала.

- Ково ты в первой раз твёрдо подал?

- Палец, – говорит, – от правой ноги своёй.

Выхаркнула – прилизала.

Тожно́ Иван-Кобыльников сын ей в ноги пал, в право копыто.

- Прошшай, – говорит, – родима мать, навеки, должно, нам не видатца!

Она и говорит:

- Куда ты девасся, сыночек?

- Я, мамаша, – говорит, – своих братовьёв догонять стану да свою жону.

Распростился и побежал. Мать осталась.

Бежал, бежал… Где прибежит на огни́ще – нет, на другое – нет.

На третье ночёвишшо прибежал: они только ушли перед ним.

Завидел впереде зе́ншину. Зе́ншина везла на себе ношу, прямо тунгуску нарту, и на нарте шесты с юрты складены – оне карают её. Везёт она сибе одна; тех не видать; идёт, слеза́м умыватца. Иван-Кобыльников сын давай с нарты шестики сбрасывать. Она не слышит. Сбросал все шестики – она и учуствовала, што на её плечах лёхко стало. Остановилась, оглянулась и увидала доброва мо́лодца. Во слезах не могла признать.

- Ах ты, доброй мо́лодец! Так мне край приходит, а ты слёз прибавил, горя.

Он тожно́ её остановил:

- Што жа, Марфида-царевна, эка стала, не можешь признать свово обру́чника?

У ней тожно серцо воскипело, слёзы свои подтерла, тожно́ признала.

- Ах, ты, мой возлюбленой обру́чник, так мне край пришёл, вишь, как миня карают!

Бросил Иван-Кобыльников сын всю эту нарту, посадил жону́ сибе на плечи и давай нагонять братьев. Стал до них добегать… Они стали огонь добывать на ночёвишшо. Сосе́рдил своё серцо, как добежал, так обех прищимил – жисть коротку придал.

Тожно́ из кармана вынул кожухи и крылушки, повыдернул пёрышки. Из шести крылов тожно́ поделал сибе крылушки. Потом оне надели на сибя ко́жухи, возвились все четверо и поле́тили на Сиёнски горы, на шелко́вы тра́вы. Потом тут с ней обвенчался. И эти её сестрицы стали её при́слуги. И стал он жисть здеся кончать, и скаски – конец.

Ефим Максимович Кокорин («Чима»), с. Кежма

Иллюстрации для сказки нарисованы сотрудником АЭМ «Ангарская деревня им О. Леонова» П.Н. Овраменко.

7.2. Традиция старожильческих протяжных песен

Протяжные песни Кежемского района Красноярского края составляют основу жанровой системы местной песенной культуры и выделяются единством музыкального стиля среди жанрового многообразия музыкального фольклора этой сибирской традиции. Обладая высокохудожественным музыкально-поэтическим содержанием, эти песни на протяжении нескольких веков были любимы сибиряками. Ни один праздник, ни одно застолье не обходилось без них.

К изучению этого яркого явления обращались многие собиратели фольклора, начиная с XIX в. (В.С. Арефьев, А.А. Макаренко), исследователи XX в. (Л.А. Мухамедшина, Н.А. Новосёлова). Результаты их исследовательской и собирательской работы были опубликованы. Изданные материалы представляют большой интерес, как с научной, так и с практической точки зрения. В последнее время, наряду с изучением традиционного фольклора развивается движение по практическому его

Фольклорный ансамбль «Живая ста́рина» на фестивале День ангарской культуры в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2023 г.

освоению, в целях сохранения и передачи народной традиции, как песенной, так и собственно певческой, исполнительской.

Фольклорный ансамбль «Живая ста́рина»[1] (г. Красноярск) под руководством И. Н. Горева с 1998 г. занимается полевой и исследовательской деятельностью, направленной на изучение и трансляцию русской традиционной культуры Красноярского края. Знакомство с традицией ансамбль осуществляет в фольклорно-этнографических экспедициях.

С точки зрения особенностей музыкального стиля, ангарская протяжная песня, как изначально развивавшаяся в русле мужской песенной культуры, так и получившая в процессе своего формирования яркие черты собственно сибирской старожильческой традиции, обладает следующими стилевыми особенностями, выделенными крупнейшим исследователем сибирской песни А. М. Мехнецовым:

«1) выделенный зачин (как правило, декламационного характера);

2) подчёркнутые цезуры на границах мелодических построений внутри строфы, имеющие смысл композиционного приёма, который организует музыкальное движение (фиксированная остановка, часто вызывающая словообрыв с последующим активным хоровым подхватом), «ферматность», ненормативная по метрике протяжённость отдельных тонов (долгие длительности);

3) устойчивые интонационные формы каданса (формульные кадансы), подготавливающие строго согласованный выход голосов на конечный опорный тон» [Мехнецов, 2000].

По нашим наблюдениям, к таким особенностям относятся также следующие черты стиля, проявляющиеся в сфере непосредственно исполнительской:

4) низкие тональности, где рабочими нотами являются – ми, ре малой октавы;

5) длинные распевы слогов с характерным подчёркнутым тактированием рук.

Исполнительницы-женщины часто говорили во время записи: «с мушшынами-та легче петь, песня башшэ (лучше, красивей) идёт!». Судя по музыкально-стилевым особенностям и

[1] https://zhivayastarina.ru

предпочтению певцов, петь смешанным либо мужским составом, можно говорить о том, что эта традиция некогда была частью мужской (воинской) культуры. На протяжении XX в., благодаря событиям которого исполнителей-мужчин стало значительно меньше, как в целом в России, так и в частности, в Сибири, чисто мужская исполнительская школа ныне почти утрачена. Но, благодаря певицам-женщинам, усвоившим мужские приемы распева, сибирская протяжная песня сохранилась до наших дней и, наряду с мужскими, получила новые сюжеты, связанные с женской тематикой.

Среди характерных местных приемов распева в протяжной песне, необходимо отметить и особый приём «качания» звука. Прием состоит в том, что исполнитель начинает «раскачивать» интонацию внутри полутонов, на хорошем дыхании, помогая при этом себе животом (то напрягая, то расслабляя его). Это возможно только тогда, когда поёшь в низкой тесситуре. Более старинные песни так и исполнялись («Старинну песню качать на́ды, а по-советски-то всяк дурак проорёт!»). Интересно и то, что, «раскачивая» песню, можно удлинить и распев её слогов, соответственно удлинив весь напев куплета. Напев удлиняли, добавляя в пение гласные звуки, и вставляя в него различные частицы, междометия, наречия и огласовки «да», «ох(ы)», «ой(е)», «вот», «то», «бы», «ведь», «толькё», «нонче». Причём гласные звуки в распевах пелись как чистыми, так и вместе с согласным звуком «г», например, «га-га», «го-го».

«Качали» песни не по всей Ангаре. Это чисто локальное проявление исполнительской традиции сел Заимка, Алёшкино, Недокура. Согласно нашим полевым наблюдениям, более старые исполнители больше «качали» песню, а более молодые, по выражению певиц, «скручивали» её, то есть укорачивали. Такое пение обладает мощной энергетикой. Сами ангарцы рассказывают, что в старину, когда в избах пели, гасли «семилинейные» керосиновые лампы.

Есть у жителей этих сёл и своя музыкальная терминология. Говорят: не «петь песню», а «рявéть песню». Запев называют «зачи́ном» или «начи́ном»; петь верхний подголосок – «выводи́ть», «выноси́ть»; сокращать песню, укорачивать мелодию куплета по горизонтали, во времени – «скручивать», ошибаться –

значит «кружа́ть»; орать, петь фальшиво – «петь на отдо́р»; нижний голос – это основа, и называется он «мотивом».

Исследователь музыкального стиля ангарской протяжной песни Л. А. Мухамедшина определяет ведущие признаки ее фактуры: «функциональное двухголосие, которое характерно как для старинной, так и для поздней лирической песни. Исполнители чётко разделяют функции внутри многоголосия. Основной является нижняя партия – ансамблевая, верхняя – всегда вспомогательная. Нижняя партия складывается из «зачина», переходящего в пучок структурно однородных мелодических линий, развивающихся по принципу вариантной гетерофонии» [Мухамедшина, 1991, с. 146-155]. Эта партия исполняется большей частью певцов. При наложении верхней партии (это, как правило, один человек) на нижние голоса возникает развитая подголосочная полифония. Причём, исполнители в разных куплетах не повторяют мелодическую линию, а варьируют её, исходя из особенностей ритмо-ладовой структуры данной местности. «Оба вида подголоска проявляют себя в каденциях различно. В традиционных песнях верхний подголосок завершается унисонным сочетанием с основной партией – “в один звук сводим”. Унисонные “узлы” характерны и в завершении отдельных построений. Второй вид подголоска в каденционных точках отмечен октавирующим звуком» [там же]. В большинстве случаев первый вид, с унисонным сочетанием, характерен для более старинных песен, а второй вид, с октавирующим звуком, для более поздних.

В отношении лада кежемских протяжных песен можно сказать, что ни одна нотная запись не может передать всю палитру завышений и занижений ступеней, поэтому нотация представляет скорее схему движения голосов в общей песенной фактуре. Но всё же, если говорить о ладовой окраске протяжных песен сел Заимка, Алёшкино, Недокуры, то можно отметить такую особенность: в диатоническом ладу с малотерцовой третьей ступенью ("миноре") повышается шестая и понижается вторая ступени, в ладу с большетерцовой третьей ступенью ("мажоре") – повышается четвёртая и понижается седьмая ступень. Встречаются переменные лады с одновременно повышенной и пониженной третьей ступенью (так называемая третья "мерцающая" ступень).

Хотелось бы отдельно сказать о сюжетах исторических песен. Песня «Распрощался я с чистыми полями» повествует о событиях Кавказской войны 1817-1864 гг.

Распрощался я с чистыми полями

Распращался я с чистыми палями, да са весёлай са сваёй.

Пращай, любушка, эх, пращай, мая сударка, да знать та, уеду, эх, знать та уеду я ли, да ат вас.

Знать, уеду я, больше не…, ох, не приеду на пагибельный Кафказ.

Как на том(ы) жа пагибел(и)ьнам(ы), да Кафказе,

Да два, два чер(ы)кеза, два ли то чер(ы)кезика ане жывут.

Как адин(ы) то чер(ы)кезик(ы) он жа ба размахнул(ы)ся,

Да снёс(ы) то галоф(ы)ку, снёс(ы) то галофку са крутых плечей.

Ох, ты катис(и)ь-ка, катис(и)ь-ка, катись, мая галоф(ы)ка,

Да(я) знат(и)ь то па праваму, знат(и)ь то па праваму бы, да плечу.

Ох, ты катись-ка, катис(и)ь-ка, ты слеза гаряча, эх, да ты па беламу лицу.

***

Распрощался я с чистыми полями, со весёлой со своей.

Прощай, любушка, прощай, моя сударка, знать, уеду я от вас.

Знать, уеду я, больше не приеду на погибельный Кавказ.

Как на том на погибельном Кавказе два черкезика живут.

Как один черкезик размахнулся, снёс головку со крутых плечей.

Ты катись-ка, катись-ка, моя головка, ты по правому плечу.

Ты катись-ка, катись-ка, слеза горяча, ты по белому лицу.

«Не вейтеся, чайки, над морем» – это песня о событиях Первой мировой войны 1914-1918 гг., когда в 1914 г. в Восточной Пруссии 2-я русская армия под командованием генерала А. В. Самсонова была окружена и почти полностью попала в плен; второе событие, которому была посвящена эта песня, – гражданская война 1917-1922 гг., о борьбе казачьего атамана Г. Семёнова с красными партизанами в Забайкалье.

Не вейтеся, чайки, над морем

Не вейтеся, чайки, над морём,
Вам(ы) нег(ы)де, бядняжэч(и)кам(ы), сесть. 2р.
Слетайте в Сибирь – край далёкий,
Снесите пячал(и)ьную весть. 2р.
Стаим мы в лесах за Баикалам,
Наш(ы) по(ё)л(ы)к а(я)кружон(ы) был(ы) да врагом. 2р.
Патроны у нас на исходе,
Снаряды уш выш(ы)ли да давно. 2р.
Нам(ы) помащи ждать ниаткуда,
Пагиб(ы)нуть нам здес(и)ь су.., ой(е), суждено. 2р.

***

Не вейтеся, чайки, над морем,
Вам негде, бедняжечкам, сесть.
Слетайте в Сибирь – край далёкий,
Снесите печальную весть.
Стоим мы в лесах за Байкалом,
Наш полк окружён был врагом,
Патроны у нас на исходе,
Снаряды уж вышли давно.
Нам помощи ждать ниоткуда,
Погибнуть нам здесь суждено.

В традиции ангарских сел сохранились глубокая вера и старинные благочестивые обычаи. В особо засушливые годы женщины надевали старинные одежды, шли на Ангару, исполняя «божественные» песни (по всей видимости, молитвы либо духовные стихи), заходили в воду, купая в реке иконы, а на следующий день шёл дождь.

К числу местных обычаев относилось также исполнение во время похоронного и поминального обрядов приуроченных к ним протяжных песен. Скорее всего, в давние времена исполнялись обрядовые песни либо духовные стихи, но со временем они заместились «новыми». Не каждая протяжная песня могла исполняться на похоронах. В ней должно было говориться о разлуке, расставании, горе и несчастии. Сами ангарцы объясняют это тем, что это пение заставляет человека плакать: «Поплакать

обязательно на́ды. Нельзя держать горе внутри. Как поплачешь, так и легче сразу станет».

Похоронные песни пелись на третий день в доме умершего, когда прощались с ним. Для их исполнения с утра приглашались знатоки старинной песни. Могли петь и родственники покойного. Пели как мужчины, так и женщины, но не громко, дабы не потревожить «сон» усопшего. Траурная процессия («шли на́ бор за гробом») сопровождалась пением (гроб несли на руках). На кладбище, когда прощались с покойным, и когда опускали гроб в могилу и засыпали его землей, также звучали похоронные песни. Придя с кладбища на поминки («на горячее»), петь уже было не принято. Но на годовщину смерти и в последующие годы, когда выпадали дни памяти по умершему, обязательно пели.

Эти же песни могли исполняться и на праздниках, и в застольях. В выпущенном мною сборнике «Протяжные песни Кежемского района» [Горев, 2017] этот материал представлен образцами различных внутри жанровых групп. Это лирические песни, романсы, рекрутские и исторические песни. Ранее похоронные песни различались по половозрастному принципу. Например, «Расцветали душистые розы» пелась только мужчине, «Глубокая могилка» – девушке, «Помирал комсомол» – молодому парню. Но со временем обычай изменился, и похоронные песни в обряде могли исполняться любые, без специального приурочения.

Расцветали душистые розы

Расцветали душыстые розы(е)
В том(ы) саду, г(ы)де па.., ой, паёт(ы) са.., ох(ы), са.., ой(е), салавей. 2р.
Толька ты лиш, мая дарагая,
Всё сидиш(ы) у пастели ма.., ой(е), маей. 2р.
Распустила ты русыя косы
Над(ы) маёй(ю) ба.., бал(и)ьною га.., ой(е), га.., ой, галавой. 2р.
Распустила ты белыя руч(и)ки
На маёй(ю) на.., набалев(ы)шэй, гру.., ой(е), на груди. 2р.
А теперь ты бальной и бессил(е)ьнай(е),
Нет на.., на сер(ы)цэ бы.., ой, былова, ой(е), а.., ой(е), аг(ы)ня. 2р.

И настанет сумра́чная ут(ы)ра,

Дож(ы)дичек будет(ы) слегка ма.., ох(ы), ма.., ой(е), матраси́ть. 2р.

Ты услышыш пратяжная пения –

Эта(я) будут(ы) ме.., эх, меня ли ха.., ох(ы), ха.., ой(е), харанить. 2р.

Из друзей маих луччих и вер(ы)ных(ы),

Знат(и)ь, ник(ы)то не при.., не придёт(ы) пра.., ох(ы), пра.., ой(е), праважать. 2р.

Толька ты лиш, мая дарагая,

Будеш(ы) слёз(ы)на на.., над(ы) гробам(ы) ры.., ой(е), рыдать. 2р.

И паследний ты рас пацалуеш(ы)(е),

Каг(ы)да(я) крыш(ы)кай(е) на.., ох, накроют(ы) ме.., ох, меня. 2р.

***

Расцветали душистые розы в том саду, где поёт соловей.

Только ты лишь, моя дорогая, всё сидишь у постели моей,

Распустила ты русые косы над моею больной головой,

Распустила ты белые ручки на моей наболевшей груди.

А теперь ты больной и бессильный, нет на сердце былого огня.

И настанет сумрачное утро, дождичек будет слегка матрасить.

Ты услышишь протяжное пение – это будут меня хоронить.

Из друзей моих лучших и верных, знать, никто не придёт провожать.

Только ты лишь, моя дорогая, будешь слёзно над гробом рыдать.

И последний ты раз поцелуешь, когда крышкой накроют меня.

Глубокая могилка

Глубокая, ох(ы), да ли магил(ы)ка, ох, ана(я) ли траво…(о)ю, да бы за(я).., ой, да веть, за.., ой, зарасла,

Нещасная, ох(ы)(е), да ли, дефчон(ы)ка(я), ана ли с любо…(о)ви, да бы па.., ох, бы па.., ой, памерла.

Все пташки, да ки(е).., ой, да ки.., кинарейки, ани так жа…(а)лаб(ы)на пташки, ани, да пают.

Ани нам(ы) то с табой, дружочек(ы) милай(е), да ли разлу…(у)ку, да бы при.., ой, вет(и)ь, при.., ой, придают.

Ой, разлука, ты, ох, мая ли разлука, ох, ана(я) ли чужа…(а)я, да ли, ста.., ой, да бы, ста.., ой, старана,

Никто нас не разлучит – ни сонце, ни луна.

Толькя нас с табой разлучит лиш мать-сыра земля.

Ой, пашто́ нам(ы) с та(я)бой бы(и) ра.., ой, разлуча(я)ца(я), ох(ы), да ли пашто́ то в раз(ы)лу.., ой, в раз(ы)луке жыть?

Лучшэ нам(ы) то с табой бы, да па.., ой, павен(и)чаца(я), ох, да и друк дру…(у)(ю)га, да ли, па.., ой, бы вет(и)ь па.., ой, палюбить.

***

Глубокая могилка травою заросла,
Несчастная девчонка с любови померла.
Все пташки-канарейки так жалобно поют.
Они нам с тобой, дружочек милый, разлуку придают.
Разлука, ты моя разлука, чужая сторона,
Никто нас не разлучит – ни солнце, ни луна.
Только нас с тобой разлучит лишь мать-сыра земля.
Почто нам с тобой разлучаться, почто в разлуке жить?
Лучше нам с тобой повенчаться и друг друга полюбить.

Помирал комсомол

Памирал(ы) ка…, ай, камсамол(ы), да ли, па.., ой, памирал(ы) ма.., ой, ма.., ой, маладой.

Памирал(ы), и он сказал(ы), да: «Вы, ой, вы абейте мой(е) гроп,

Вы абейте, эх, мой гроб(ы), да ли, чо.., ой, чорнай лен(ы)тай(е) кругом.

Вы нясите, эх, меня, да ли, ми.., ой, мима саду та(я)во,

Мима са(я)ду, эх, таво, ой, да ли, ми.., ой, мима дому её.

Мима дома, эх, её, ой, да ли, не, ой, не аткроет(ы) ли акно,

Не аткроет(ы), эх, акно, ой, да ли , не.., ой, не праводит(ы) ли ана меня».

«Я бы рада бы аткрыть, да ли, ма.., ой, мать акно за.., ой, заперла».

«Уш, ты, мат(и)ь, ма..., ой(е), мая мать, да ли, пу.., ой, пусти в сад(ы) па.., ой, пагулять».

«Я бы рада, эх, пустить, да ли, на, ой, на магил(ы)ку, ты, уйдёш.

На магил(ы)ку, ты, уйдёш, да ли, бо.., ой, большэ к нам(ы) не.., ой, не, ой, не придёш».

***

Помирал комсомол, помирал молодой,
Помирал и сказал: «Вы обейте мой гроб,
Вы обейте мой гроб чёрной лентой кругом.
Вы несите меня мимо саду того,
Мимо саду того, мимо дому её.
Мимо дому её, не откроет окно,
Не откроет окно, не проводит меня».
«Я бы рада открыть, мать окно заперла».
«Уж, ты, мать, моя мать, пусти в сад погулять».
«Я бы рада пустить, на могилку уйдёшь.
На могилку уйдёшь, больше к нам не придёшь».

В городе Красноярске ангарцы приглашают на похороны проводить покойного в последний путь фольклорный ансамбль «Живая ста́рина», так как знатоки старинных песен уходят, а память о том, что надо соблюсти обычай, осталась.

Исходя из многолетнего исследовательского опыта, было выявлено, что самая старинная традиция пения бытовала в сёлах Заимка, Алёшкино, Недокура (наиболее богато распетые и протяженные напевы и редкие литературные сюжеты), ввиду удалённости этих деревень. Сёла Заимка и Алёшкино располагались на одном из самых крупных ангарских островов (длиной 20 км) – острове Тургенев, село Недокура на левом берегу Ангары, напротив самого острова. Наиболее архаичное пение было в селе Заимка (больше всего «качали» и «тянули» песню). Поэтому экспедиционная работа велась в основном с жителями этих сёл и только с двумя ансамблями.

Жители этих сёл имели свои общие прозвища («прозвишша»). Например, село Заимка – «позява́лы», прозванные так за самую певучую речь и пение на Ангаре, Недокура – «горбачи́», Алёшкино – «колючи ежи». Но прозвища были не только коллективными, но носили и индивидуальный характер. Они были персональными и родовыми («Платоновских» – родовое, потому что в «родове́» когда-то был дед Платон, «Симу́ля», «Симу́лиха» – персональное прозвище, потому как раньше кто-то из

родственников уклонялся от службы в армии, а потом оно «прилипло» и к потомкам). Могло быть у человека сразу два прозвища – родовое и персональное. Стабильная осёдлость старожильческого населения обусловила ещё одну особенность – большое количество близких и дальних родственников, имеющих одинаковые фамилии. Для каждого села характерны несколько основных фамилий, составлявших в своё время до 90 % всех жителей: село Заимка – Заборцевы, Брюхановы, Пановы; село Недокура – Быковы, Ивановы; село Алёшкино – Сизых, Пановы, Качины, Столбиковы.

Жители сёл Алёшкино и Недокуры признавали, что в Заимке самое распевное и старинное пение, и в общих гулянках всегда пристраивались к ним в исполнении протяжных песен.

В дополнение к статье «Протяжные песни Кежемского района», хочется сказать ещё о некоторых песенных жанрах, которые бытовали у русских старожилов на Ангаре, в частности, об эпосе.

В советское время в Красноярском Приангарье от старожилов не было записано ни одного духовного стиха. Но в начале XX в. такие записи были сделаны (буквально два-три сюжета). Савельев А.А. в Приангарье записал два духовных стиха: «На дворе день вечерается» (о переходе грешных душ через огненную реку) – четыре варианта, «Как жиды Христа маяли» – четыре варианта. Вот один из них (к сожалению, ни нотации, ни аудиозаписи не были осуществлены). Записано Савельевым А.А. от Аграфены Тихоновны Безруких (10.11.1911, Енисейская губ., Пинчугская вол., д. Ярки). Расшифровка рукописного текста: Горев И.Н.

На дворе день вечерается (духовный стих)

На дворе день вечерается,
Жив человек разнемогается,
Язык во устах не воротится.
Выходили два андела, глаголали:
- Встань же ты, человече, по утру рано,
Зайди на Сиёнскую гору,
Посмотри, человече, вниз по земле,
Чем же земля изукрашена,
Чем она изнаполнена.
Изукрашена красным солнышком,

Изнаполнена Божею милостью.
Протекла тут река огненная.
Через огненну реку идут праведны души.
Во руках у них книги ангельски,
Говорят они слова божественны.
Они просят, они молят от желания – сердца:
- Батюшко Кузьма Домьян со апостолами,
Михайло-Архангел со Гавриилом,
Перенеситё нас через огненну реку,
Ко пресветлому раю,
Ко Адаму, ко Авраму,
Да ко самому Христу, к Царю Небёсному.
Он отвечат:
- Посидите вы, души грешнаи,
Посидите за огненной рекой, окаяннаи.
Тут под вами земля расступнется,
Где руки, где ноги, где буйна голова.
(Вишь, как у нас хоронят на кладбище, руки и ноги бывают разбросаны.)
Жили вы, души грешнаи, на вольном свету,
Не знали середу-пятницу,
Не почитали трехупевнава воскресеньица,
Не бывали во церкви соборной,
Не слыхали звону колокольнава,
Четья-пенья церковнава,
Не маливались Восподу Богу от желания – сердца,
Не клали Восподу Богу по сту поклонов.
Будьте же вы, душой грешнаи,
Будьте, окаянаи, проклятаи,
Жили вы, души грешнаи, на вольном свету.
Посидитё, души грешнаи, на муки во аду.
(Вишь, они души эти думали, што они в рай пойдут, думали, што они праведнаи; а там лучше знают, што они грешнаи).

На Ангаре, в своё время, бытовал ещё и такой один из эпических жанров как былина.

В 1983 г. от Павла Кондратьевича Соседова, 69 лет, в поселке Манзя Богучанского района была записана былина «Добрыня и Алёша». Запись: Н. Новосёлова, П. Калиниченко, Л. Шпак.

Его фиксация очень важна, поскольку благодаря ей подтверждается традиционное бытование версии, ещё не осложнённой вставками и дополнениями и, следовательно, более ранней в эволюционном плане, чем контаминированные тексты былины о Добрыне и Алёше.

Добрыня и Алёша (былина)

Эй у нашего у князя, у боярина,
Эх, у солнышка, да у Владимира,
Была тихая беседа, был весёлой пир.
Уж как все-то на пиру да пьяны-веселы,
Пьяны-веселы сидят да потешаются,
С молодыми женами забавляются.
Вот один-то Добрыня невесёл сидит,
Невесёлой-от Добрынюша, не радосён,
Говорил-то он своёй да молодой жане
Свет по именю Настасья Никулишна:
-Эх ты жди меня, Настасьюшка, три года,
Через три года не буду – жди-ко шесть годов,
Через шесть годов не буду – жди-ко девять лет,
Через девять лет не буду – жди двенадцать лет.
За двенадцать лет не буду – куды хошь пойди,
Куды хошь пойди, да хоть замуж уйди
За моёго-то за недруга Алёшеньку,
За Алёшеньку да за Поповича.
Проходило Добрынюшке три года,
Проходило Добрынюшке шесть годов,
Проходило хорошему и девять лет,
Проходило распрекрасному двенадцать лет.
Вот его-то ли жена чичас замуж пошла
За его-то ли за недруга Алёшеньку,
За Алёшеньку да за Поповича.
Вот тут едет Добрыня не дорогою,
Заезжает Добрыня не воротами,
Уж он скачет через стены белы каменны.
Не встречает его да молода жана,
А встречает его да родна матушка.
Говорила ему родима матушка:

- Вот твоя-то ли жена чичас замуж пошла
За твоёго ли за недруга Алёшеньку.
Говорил он своёй родимой матушке:
- Ох и дай-ко ли мне да золоты ключи,
Вот схожу-то ли я да в золоту казну
И возьму-то ли я да звончаты гусли,
И схожу-то ли я к Алёшеньке на свадебку,
Посмотрю я на Алёшину на свадебку.
- Не пропустят тебе, молодца, на свадебку,
Там придворщички да люди строгия,
Приворотнички да наученыя.
- Я придворщичкам дам по денюжке,
Приворотничкам дам по копеечке:
Вот одна будёт копейка во пятьсот рублей,
А друга будет копеечка во тысячу...
-Э, пришёл к вам игрок, невелик скоморох!
Посадили игрока да ко дверям в уголок.
Вот всем чарочки да всем относятся,
До меня, до молодца, да не доносятся.
Вот увидела меня да молода жена,
Наливала графин-чару полтора ведра,
Подавала эту чару одиной рукой:
- Выпивай-ко эту чару одиным духом!
Вот допьёшь до дна да увидашь добра,
А на дне-то там лежит да золота гривна.

В 1998 г. от Киприяна Михайловича Соседова, 58 лет, (однофамильца Соседова Павла Кондратьевича), в поселке Манзя Богучанского района была записана эта же былина, но совершенно с другим напевом. Запись: И. Горев, Е. Горева.

Добрыня и Алёша (былина)

Как, говорит, у нашего у князя у Владимира
Была тихая беседа, был весёлый пир,
Все сидели на пиру пьяны, веселы,
Пьяны, веселы сидели, потешалися,
С молодыми они жёнам(ы) забавлялися.
Лишь один(ы) был Добрыня не весёл сидит,

Не весёлый был Доб(ы)рынюшка, не радошен,
Говорил он своёй молодой жене:
-Ох ты ж(ы)ди меня, Настасьюшка, т(ы)ри года.
Через три года не буду – ж(ы)ди-то шесть годов.
Через шесть я лет не буду – ж(ы)ди двенадцать лет.
Через двенадцат(и) лет не буду – куды хошь пойди,
Куда хошь пойди, хот(и) в замуж уйди,
Хоть за моего за недруга Алёшеньку,
За Алёшеньку да Поповича.
Вот проходит Добрынюшке т(ы)ри года,
Вот прошло Добрынюшке шесть годов,
Вот проходит Доб(ы)рынюшке двенадцать лет.
Вот едет Доб(ы)рыня не дорогою,
Заезжает Добрыня не воротами,
Уж он скачет через стену белокаменну,
А придворнички-подворотнички
Не хотят его пустить на свадебку.
Он говорит: – Придворничкам(ы) дал по денюжке,
Подворотничкам(ы) – по копеечке.
Были, говорит, которые копеечки в пятьсот рублей,
А которые копеечки во тысяцю.
Пропустили молодца,
Он заходит и говорит:
-Я пришёл к вам(ы) игрок(ы), не велик(ы) скоморок.
Пропустили игрока ко дверям в уголок.
Увидала его да молода жена,
Под(ы)носила ему чару в полтора ведра
(Она же узнала его):
- Бери, говорит, Добрыня, единой рукой,
Выпивай-ка ты, Добрыня, едином духом,
Выпивай до дна, дак увидашь добра,
А на дне-то, говорит, лежит-то золота гривна
(Она ему кольцо обручальное положила).

В XIX-XX вв. в Енисейской губернии (на Нижней Ангаре и в самом городе Енисейске) в разные годы российскими и советскими исследователями было записано несколько вариантов исполнения былины «Илья Муромец на Соколе-корабле» в святочном обряде обхода дворов. Былина исполнялась группами певцов

на Рождество в качестве величальной песни хозяевам того или иного дома, который ими посещался. Певцы носили с собой «звезду». На ней был изображён корабль со змеем в носовой части. На корме – Илья Муромец, Добрыня и Алёша Попович. Эти эпические образцы позволяют проследить на протяжении более столетия бытование в виде «виноградья» былины «Илья Муромец на Соколе-корабле».

В 1998 и 2001 гг. в городе Красноярске нами был записан отрывок из этой былины, к сожалению, не сохранивший упоминание об Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алёше Поповиче. Запись была осуществлена И.Горевым от Екатерины Яковлевны Брюхановой, 1915 г.р., Заборцевой Татьяны Ларионовны, 1922 г.р., уроженок села Заимка Кежемского района. Расшифровка Г. Мехнецова.

Он исполнялся в свадебном обряде, когда выносился «курник» свадебным поездом к столу, за которым сидели гости и жених с невестой. В старинном варианте обряда стол ставился буквой «Г», в более позднем буквой «П». Свадебный поезд состоял из «дружки», за которым шли в строгом порядке «тысяцкий», «первый боярин», «второй боярин», «третий боярин»… На голове «дружка» нёс пирог («курник»), с воткнутыми в него тремя кораблями (деревянные палочки с бумажными парусами). Затем наступала продажа кусочков этого пирога гостям, где «дружка» произносил слова «сначала гостя подчевати», поднося каждый кусочек на вилочке покупающему. Бумажные деньги, вырученные от продажи «курника», складывались рядом с чашкой, наполненной квасом, которая стояла на части стола, где сидели жених с невестой. Железные же монеты кидались в чашку с квасом. «Дружка» был опоясан тканым поясом, а по бокам у него висели бутылки на двух полотенцах, завязанных крестом через плечи, с одного бока с «красным вином», а с другого – с «белым вином».

«По морю было по моречку…» ("Сокол-корабль")

а) Запись произведена в г. Красноярске 17 июня 2002 г.

По марю была па мо(ho)реч(е)ку да ле бы(йэ-ho-ho) ...

Э-(в)ох(ы), да бы... (в)ох(ы) было-то мо... морю си(е)нему, Э-я-э-ян(ы)ско(в)ова

Ах, да по(х)... по Хвалын(ы)скаму.

А-эй, да ту... туд(э) плыли-то три-то кара... (а)б(ы)лич(и)ка,
Да пе(h)о... э-эх(ы) да пе... (в)ох(ы), пер(ы)вай-от, ох, напе-
рёд он(ы) всех бежал.

Эй, да во... уж как вторай-от(ы) кара... (а)б(ы)личёг(ы) да
вэть
Ка(э)ho... э-эх(ы) да ка... (в)ох(ы) как(ы)-то сакол, он со-
кол(ы) да летел.

Как сэкол летел,
А-эй, да во... уж как третей-от(ы) кара... (а)б(ы)личёг(ы)
Да ис(ы)кал, э-(в)ох(ы) да и... (в)ох, ис(ы)кал он
прис(ы)та(hа)лев(ы)шицо.

Э-эх(ы), да пре... престалишница крутова бе... (э-е)реш(и)ку
да
На(е-ё^{я}), э-(в)ох(ы) да на, (в)ох(ы), на жал(ы)тые-то пески
(в)он(ы) бы пристал
Э-я-о, ох(ы), да на... на жалты пески пристал

А-эй, да [о]на... [о]на павадилась крас(ы)ная де... (э-
е)вуш(и)ка
Да на(э-hо), э-(в)ох(ы) да на, ох(ы), на(й)... на караб(ы)ли-
чёк(ы) да хадить.
Э-я-о-о-hо, ох(ы), да во(х), во иг(ы)ры(я) и^{е}грать

б) Запись произведена в г. Красноярске 30 октября 1998 г.

По марю было па мо(hо)реч(е)ку да бы(йэ-hэ)...
Э-х(ы), да бы... (в)ой(и) было-то мо... морю па Хвалынскаму.

А-эй, да ту... туд(ы) плыли три кара... (а)б(ы)лич(е)ка,
Да плы(е-я), о-ох(ы) да (в)ой(и), (в)уж как(ы) пер(ы)...
Первэй-от у мня кара... (э-я-а)б(ы)ли(е)чё... (о)к,
Да ли на(й)... напярёт(ы) бе(я)жи[т].

Напярёд(ы) бяжи[т],

А-эй, да во(х)... уж как вторай-от(ы) кара... (а)б(ы)личёг(ы) да ли
Ка(э)я... э-ох(ы) да ка(й)... как(ы)-то сакол, он сакол(ы) да ляти[т].

Как сакол ляти[т],
А-эй, да во... уж как третей-от(ы) кара... (а)б(ы)личёг(ы)
Да ис(ы)кал, эх(ы), да и... ой(и), ис(ы)кал он, он же нонче пристали... (э-я-э-я)вши(о)во... ох(ы), да искал(ы) приставившицо.

А-эх(ы), да при... приставившица крутова бе... (э-е)реш(и)ку,
Да в(ы) на(е-ёя), э-ох(ы) да на(й)... на жал(ы)тые-то пески он(ы) бы пристал.

А-эй, да [о]на... [о]на павадилась крас(ы)ная де(hо)... ай, как крас(ы)ная деву(о)...
Ох, да на(й)... на карабличёк хадить,
А-эй, да во(х), во иг(ы)ры-то с мущинами играть.

Заключение

По итогам этнографического обзора можно сделать вывод, что на берегах Ангары сложилась самобытная культура русских старожилов. Но, ввиду разных природных зон Ангары, а вместе с этим разных и ресурсной базы, и транспортной доступности, население реки можно подразделить на несколько отдельных групп.

Наиболее самобытна культура ангарцев, живших в таежной зоне на отрезке Ангары от севера Усть-Удинского до Богучанского района. Земледелие и животноводство, ввиду более сурового климата и разрозненности плодородных участков земли, носило тут более рискованный характер, а охотничий и рыболовный промысел, благодаря богатству тайги и обилию рыбы (особенно осетровыми видами), имел сравнительно больший компонент. Несмотря на плохие условия для льноводства, местные ангарцы всё же вплоть до модернизации середины XX в. занимались выращиванием этой культуры. Затрудненная транспортная доступность способствовала задержке тут многих архаичных элементов культуры, и даже формированию таких уникальных явлений, как пение на похоронах, специфическое протяжное пение. Именно

Витьё веревок на фестивале День ангарской культуры в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2025 г.

поэтому исследователи больше внимания оказывали данному отрезку Ангары.

Население Верхней Ангары от Боханского района до юга Усть-Удинского из-за лесостепных пространств не имело развитой охотничьей культуры. Рыболовство также имело меньший компонент культуры из-за отсутствия тут осетровых. Зато местные старожилы имели более развитое земледелие, частично занимались валянием шерсти и пчеловодством. Но при этом не выращивали лён. Ввиду соседства с бурятами, тут сохранились некоторые редкие заимствования в виде названий продуктов. Транспортной труднодоступности здесь почти не наблюдалось. Напротив, по левому берегу близко приближается Московский тракт, а по правому – проходит Александровский тракт, что не могло не отразиться в культурном влиянии.

Ткачество на кроснах на фестивале День ангарской культуры в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2025 г.

Старожилы южнее Боханского района, жившие до истока Ангары, как и в Мотыгинском районе в самом нижнем течении реки, относятся к разным периферийм ангарского мира, где начинают превалировать элементы городской культуры, в том числе из-за близости к Иркутску иЕнисейску.

Самосознание у ангарцев как отдельной группы русских появилось в процессе их переселения из зон затопления целым каскадом ГЭС во второй половине XX – начале XXI вв.

Относительно архаичная культура столкнулась с резкой модернизацией, что не могло не отразиться на осознании некоторых своих культурных отличий. В какой-то мере самосознанию способствовала и рефлексия писателя Валентина Григорьевича Распутина в его знаменитых произведениях об утрате культурных и природных богатств Ангары [Распутин, 1976]. В процессе великих строек на Ангару прибывает масса новосёлов, которые дают местным старожилам коллективные прозвища – «бурундуки», «мокчены», «сёгоды», что только способствовало складыванию ангарцев как этнолокальной группы.

Игра в бабки на фестивале День ангарской культуры в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2025 г.

Именно из-за контраста, при котором, ввиду модернизации Приангарья резко исчезает самобытная культура в Иркутской области, создаётся два архитектурно-этнографических музея, и производятся неоднократные попытки сделать подобные музеи в других городах. А тема этнографии ангарцев по сей день притягивает внимание исследователей.

В связи с тем, что нынешние потомки ангарцев встроились в современный городской уклад жизни, в котором почти не осталось места для традиционной культуры, в данный момент происходит окончательное исчезновение ангарцев как отдельной группы русских.

Как реакция на этот процесс общество, в лице старожилов, деятелей науки, фольклористов, сотрудников музея, возрождает

и адаптирует к современности ушедшие традиции ангарцев. Воссоздаётся костюм, праздничная обрядность, песенная и хореографическая традиция, в музеях демонстрируются старинные технологии, диалектные особенности возвращаются через издание рассказов и выступлений на сцене.

Своего рода центром возрождения ангарской культуры стал Архитектурно-этнографический музей «Ангарская деревня им. О. Леонова», где созданы все необходимые условия для комплексного изучения, сохранения и популяризации местной традиции.

Косьба литовкой на фестивале День ангарской культуры в АЭМ «Ангарская деревня им. О. Леонова». 2025 г.

В этом заключается миссия музея на ближайшие десятилетия.

Сам факт существования такой этнолокальной группы как ангарцы укрепляет позиции российской государственности в Сибири. Ведь эта группа сложилась именно на Ангаре и неразрывна с ней. Русских первопроходцев в XVII в. можно было назвать пришельцами, но ангарцев уже невозможно считать таковыми, это уже коренные жители.

В современном изменчивом мире, когда хочется ощущать твердую почву под ногами, для русского населения Приангарья мы предлагаем стать продолжателями ангарской традиции. В этом состоит колорит современного населения региона как неотъемлемой части огромного русского мира.

Список литературы

Авдеева Е.А. Записки и замечания о Сибири: с прил. стар. рус. песен. – М.: тип. Н. Степанова, 1837. – 156 с.

Агапитова М.Л. Такелаж традиционных лодок на Ангаре // Музеи в культурном пространстве молодых индустриальных городов. – Братск; Иркутск: «Репроцентр +», 2025. – С. 94-99.

Александров А.А. 103 песни села Рыбного Енисейской губернии // Ангарский сборник. Книга 2: Материалы по этнографии и истории Приангарья. – Красноярск: б. и., 2023. – С. 86-163.

Андюсев Б.Е. На Сибири мы сибиряки. Книга научно-популярных очерков. – Красноярск: РАСТР, 2023. – 352 с.

Арефьев В.С. В низовьях Ангары // Сибирский сборник. – Иркутск, 1900. – Вып. 1. – С. 1-36.

Арефьев В.С. В низовьях Ангары // Сибирский сборник. – Иркутск, 1901. – Вып. 1. – С. 88-117.

Арефьев В.С. Материалы по этнографии Енисейской губернии: свадьба в Ангарской деревне // Известия ВСОИРГО. – 1902. – Т. 32. – № 1-2.

Арефьев В.С. В низовьях Ангары // Ангарский побыт. Книга I: этнографические материалы по этнографии, культуре, быту Приангарья конца XIX – начала XX века. – Красноярск: б. и., 2021. – С. 128-173.

Арефьев В.С. Наговоры // Ангарский побыт. Книга II: этнографические материалы по этнографии, культуре, быту Приангарья конца XIX – начала XX века. – Красноярск: б. и., 2022. – С. 320-332.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2007а. – Т. 1. – 576 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2007б. – Т. 2. – 560 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2008а. – Т. 3. – 544 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2008б. – Т. 4. – 544 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2010а. – Т. 5. – 544 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2010б. – Т. 6. – 544 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2011а. – Т. 7. – 544 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2011б. – Т. 8. – 536 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2012а. – Т. 9. – 528 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2012б. – Т. 10. – 496 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2013а. – Т. 11. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2013б. – Т.12. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2014а. – Т. 13. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2014б. – Т. 14. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2014в. – Т. 15. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2014г. – Т.16. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2015. – Т. 17. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2016. – Т. 18. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2017. – Т. 19. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2018. – Т. 20. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2019. – Т. 21. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2020а. – Т. 22. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2020б. – Т. 23. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2021а. – Т. 24. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2021б. – Т. 25. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2022. – Т. 26. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2023а. – Т. 27. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2023б. – Т. 28. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2024а. – Т. 29. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2024б. – Т. 30. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2025а. – Т. 31. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск, 2025б. – Т. 32. – 480 с.

Афанасьева-Медведева Г.В. Медведь в русской традиционной культуре Восточной Сибири. – Иркутск, 2018. – 692 с.

Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. – М.: Гос. изд-во по строительству и архитектуре, 1953. – 279 с.

Балановская Е. В. Русский генофонд на Русской равнине. – М.: ЛУЧ, 2007. – 412 с.

Барадулин В.А. Народная роспись по дереву. Уральская народная живопись по дереву, бересте и металлу. – Свердловск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1982. – 111 с.

Белков П.Л. Этнос и мифология: элементарные структуры этнографии. – СПб: Наука, 2009. – 281 с.

Белоусов М.Ю. Строительный приклад в доме 1925 года из деревни Анчирикова // Музеи в культурном пространстве молодых индустриальных городов. – Братск; Иркутск: «Репроцентр +», 2023. – С. 40-44.

Белоусов М.Ю., Глушенко М.А. Брюшина и пузырь для окон: экспериментальный взгляд // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России. Т.1. – Братск; Омск: Изд. дом «Наука», 2024. – С. 271-277.

Белоусова Г.Г. Фонетическая система старожильческого говора северо-восточной части Кежемского района Красноярского края (с элементами инструментального анализа): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – Томск, 1978. – 23 с.

Белоусова Г.Г. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1992. – 344 с.

Бережнова М.Л. Загадка челдонов. История формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири. – М.: Форум, 2012. – 277 с.

Близнецы парового века. Падун и завершение истории. – Стройка века. Карымский М. Через Ангарские пороги с караваном чаёв. – 1892 г. – URL.: https://stroikaveka.org/istoriya/bliznecy-parovogo-veka-padun-i-zavershenie-istorii.html (дата обращения 27.03.2026).

Богораз В.Г. Колымское русское областное наречие. – СПб: б. и., 1898. – 346 с.

Борейко Д.В. Самоловы русских старожилов среднего Приангарья // Музеи в культурном пространстве молодых индустриальных городов. – Братск; Иркутск: «Репроцентр +», 2023. – С. 45-50.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 436 с.

Бромлей Ю.В. Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. – 1988. – № 7. – С. 16-28.

Бунак В.В. Золотарева И.М. Русские старожилы Сибири. Ист.-антропол. очерк. – М.: Наука, 1973. – 189 с.

Бунак В.В. Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным – М.: Наука, 1965. – 415 с.

Буянов А.Б. Медицинская помощь населению Приангарского края Енисейской губернии // Ангарский побыт. Книга II: этнографические материалы по этнографии, культуре, быту

Приангарья конца XIX – начала XX века. – Красноярск: б. и., 2022. – С. 248-253.

Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Часть 1. Приангарье. – Новосибирск: Наука, 1971. – 198 с.

Бычков О.В. Охотничий промысел русского населения таежного Прибайкалья во второй половине XVII – XX веке // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». – 2003. – Вып. 2. – 117 с.

Вагнер Г.К. Деревянное зодчество русских старожилов в Среднем Приангарье // Советская этнография. – 1956. – № 3. – С. 52-68.

Витковский Н.И. Дневник поездки по Ангаре 1882 г. // Ангарский сборник. Книга 3: Материалы по этнографии и истории Приангарья. – Красноярск, 2025. – С. 127-240.

Власова И.В. Русские: этнокультурная идентичность. – М.: Изд-во ин-та этнол. и антр., 2013. – 319 с.

Воробьёв Н.И. Население Причунского края // Ангарский сборник. Книга 2: Материалы по этнографии и истории Приангарья. – Красноярск: б. и., 2023. – С. 431-488.

Воротников И.И. Братский острог Иркутской губернии, Нижнеудинского уезда. Летопись (1633-1902 гг.) // Иркутские ведомости. – 1902а. – 18 окт. – № 232. – С. 2-3.

Воротников И.И. Братский острог Иркутской губернии, Нижнеудинского уезда. Летопись (1633-1902 гг.) // Иркутские ведомости. – 1902б. – 31 окт. – № 242. – С. 2-3.

Воротников И.И. Братский острог Иркутской губернии, Нижнеудинского уезда. Летопись (1633-1902 гг.) // Иркутские ведомости. – 1902в. – 7 ноября – № 248. – С. 2-3.

Глушенко М.А., Глухих Е.И. Материалы экспедиции студентов НИСИ в зону затопления Братского водохранилища в 1956 г. // Баландинские чтения. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2014. – С. 131-137.

Глушенко М.А. Архаические элементы русских жилищ Восточной Сибири в иллюстрациях исследователей первой половины XX века // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». – 2016. – Вып. 8. – С. 165-170.

Глушенко М.А., Яровой Б.П. Перспективы использования развалин водяных мельниц в качестве источника по культуре русских // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России – Омск: Изд. дом «Наука», 2017. – С. 374-380.

Глушенко М.А. Деревянные накладные замки XVII-XX веков // Музеи в культурном пространстве молодых индустриальных городов. – Братск: Полиграф, 2021а. – С. 56-60.

Глушенко М.А. Дома «на два брата» в затопленном селе Московское // Музеи в культурном пространстве молодых индустриальных городов. – Братск: Полиграф, 2021б. – С. 60-62.

Глушенко М.А. Технология изготовления «дранья» в Приангарье // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». – 2022. – Вып. 12. – С. 119-128.

Глушенко М.А., Федоров Р.Ю., Жарников З.Ю., Мыглан В.С. Архитектура крестьян-переселенцев первой четверти XX в. в Среднем Приангарье по данным комплексного историко-дендрохронологического анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2022. – № 4 (59). – С. 200-208.

Глушенко М.А. Асимметрия в расположении окон на избах Приангарья // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». – 2024. – Вып. 13. – С. 169-179.

Глушенко М.А., Дроздова Т.М. Опыт строительства и эксплуатации традиционных глинобитных печей в Архитектурно-этнографическом музее «Ангарская деревня имени О. Леонова» // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России. Том 1. – Братск; Омск: Изд. дом «Наука», 2024. – С. 288-293.

Глушенко М.А. Плотницкие технологии Приангарья в конце XIX – первой половине XX века по устным сведениям старожилов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2025а. – № 1 (68). – С. 165-172.

Глушенко М.А., Федоров Р.Ю. Этнокультурные и адаптационные аспекты трансформации народной архитектуры поздних переселенцев Среднего Приангарья (первая четверть XX в.) //

Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2025. – № 3 (70). – С. 198-205.

Глушенко М.А. Деревянный крюк из деревни Анчирикова // Музеи в культурном пространстве молодых индустриальных городов. – Братск; Иркутск: «Репроцентр +», 2025б. – С. 86-88.

Глушенко М.А., Жарников З.Ю., Дзюба В.В., Мыглан В.С. Датировка церкви Михаила Архангела из деревни Нижнекарелино // Аношинские чтения. – Омск: Наука, 2025. – С. 169-176.

Гололобова В. Простой и мудрый ангарский говор: сборник рассказов на местном говоре и рецептов ангарской кухни. – Кодинск: «Советское Приангарье», 2024. – 68 с.

Голузо Л.В. Некоторые фонетические наблюдения над говором с. Яркино Богучанского района Красноярского края: сборник статей // Материалы по фонетике и истории сибирских говоров. – Красноярск: Изд-во Краснояр. пед. ин-та, 1975. – С. 18-22.

Горев И.Н. Протяжные песни Кежемского района. Методическое пособие в помощь молодёжным фольклорным ансамблям. – Красноярск: ИП Феньков С.С., 2017. – 119 с.

Горелов В.А. Структура и численный состав семьи // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. I: Приангарье. – Новосибирск, 1971. – С. 96-105.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли // Ленинградский государственный университет. – Л.: Изд-во Ленин. гос. ун-та, 1989. – 495 с.

Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. – СПб., Москва: СЗКЭО, Кристалл, АСТ, 2002. – 571 с.

Горшков Е.О. Повседневная кухня русских старожилов Приангарья в середине XX века // Культура русских в археологических исследованиях. Том 1. – Братск; Омск: Изд. дом «Наука», 2024. – С. 234-241.

Горшков Е.О. Повседневная кухня русских старожилов Богучанского и Боханского районов в середине XX века // Музеи в культурном пространстве молодых индустриальных городов. – Братск; Иркутск: «Репроцентр +», 2025. – С. 88-94.

Гущина С.Ф. Материалы по народной кулинарии (Русское население Тункинского края) // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1928. – Вып. 7. – 156 с.

Дяткин Е.О. Обработка шерсти и волокнистых материалов // Ангарский побыт. Книга II: этнографические материалы по этнографии, культуре, быту Приангарья конца XIX – начала XX века. – Красноярск: б. и., 2022. – С. 189-191.

Егоров А.Г. Промысел красной рыбы на р. Ангаре. – Иркутск: Иркут. обл. изд-во ОГИЗ, 1943. – 39 с.

Ендовицкий А.С. Традиционные лодки ангарских старожилов во второй половине XX века // Культура русских в археологических исследованиях. – Братск; Омск: Изд. дом «Наука», 2024. – Т.2. – С. 135-141.

Ендовицкий А.С. Региональная идентичность русского старожильческого населения Приангарья // Музеи в культурном пространстве молодых индустриальных городов. – Братск; Иркутск: «Репроцентр +», 2025. – 152 с.

Ермолаев А.П. Отчёт о поездке в Приангарский край. Материалы к изучению быта и хозяйственной деятельности населения Пинчугской и Кежемской волостей Енисейского уезда. Рукопись. 1911. // Архив Красноярского краевого краеведческого музея (АКККМ). О/ф № 7886ПИр209.

Ермолаев А. П. Краткий предварительный отчёт по поездке в Приангарский край в январе-апреле 1911 г. // Ангарский сборник: этнографические материалы по культуре, быту Приангарья начала XX века из фондов Красноярского краевого краеведческого музея. – Красноярск: б. и., 2020. – С. 9-57.

Ермолаев А.П. Краткий предварительный отчёт по поездке в Приангарский край // Ангарский сборник: этнографические материалы по культуре, быту Приангарья начала XX века из фондов Красноярского краевого краеведческого музея. – Красноярск: б. и., 2020. – С. 58-202.

Ермолаев А.П. Отчёт о поездке в Приангарский край // Ангарский сборник: этнографические материалы по культуре, быту Приангарья начала XX века из фондов Красноярского краевого краеведческого музея. – Красноярск: б. и., 2020. – С. 58-183.

Карнаухов А.Ф. Краткий словарь кежемского говора (Кежемского Приангарья). – Кодинск: Бизнеспрессинформ, 2003. – 108 с.

Карнаухова Л.Л. Ангарская кухня. – Красноярск: Амальгама, 2020. – 14 с.

Карпинец А.Ю., Просеков А.Ю. Зерновое производство в России и Кузбассе в период конца XIX – начала XX в.: сравнительный анализ по информационным материалам урожайной статистики // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 64. – С. 18-32.

Ковалёв А.Я. Ангарский каскад. – М.: Стройиздат, 1975. – 256 с.

Кульшанова А.А. Понятие «этнос» в теоретико-методологических исследованиях // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 8. – Мінск: БДУ, 2013. – С. 184-192.

Курилов В.Н. Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия: диссертация канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 219 с.

Лебедева Н.И. Хозяйственный быт Приангарья (XIX – начало XX в.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 78-96.

Лебединский Б.И. Из наблюдений над крестьянским зодчеством Иркутского округа. Деревня Грановщина // Сибирская живая старина. – Иркутск: Власть труда, 1929. – Вып. 8. – С. 109-118.

Леонов Г.А., Леонова Т.Г. Народная культура Илимского края: по архивным материалам рубежа 1920-1930 гг. – Омск: Амфора, 2009. – 456 с.

Лыхин Ю.П. Ленское жилище в XVII-XIX вв. // Известия архитектурно-этнографического музея «Тальцы». – Вып. 7. – 2015. – С. 173-187.

Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Особенности заселения Нижнего Приангарья и севернорусские традиции в строительном деле русских старожилов-ангарцев // Вестник Новосибирского университета. – 2013. – Т. 12. – Вып. 3. – С. 214-223.

Майничева А. Ю. Особенности заселения Нижнего Приангарья и севернорусские традиции в строительном деле русских старожилов-ангарцев // Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начало XXI века). – Новосибирск: Изд-во ин-та арх. и этног., 2014. – С. 202-223.

Макаренко А.А. Промысел красной рыбы на Ангаре // СПб: Товарищество художественной печати, 1902. – 56 с.

Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении // СПб: Государственная типография, 1913. – 292 с.

Макаренко А.А. Две сказки русского населения Енисейской губернии // Живая старина. – Петроград: Типография Императорской Академии Наук, 1914. – С. 351-386.

Маковецкий И.В. Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII-XX вв.) // Быт и искусство населения Восточной Сибири. Ч. 1: Приангарье. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 106-143.

Мамаева А.Р., Пальгуева В.М., Хомайко Г. Живи, Дворец. – Красноярск: б. и., 2017. – 106 с.

Мамаева А.Р. Встречи с прошлым: ангарские рассказы. – Красноярск: Литера-принт, 2019. – 190 с.

Маслова Г.С. Русский народный костюм (XIX-XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 1: Приангарье. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 144-190.

Медведева Г.В. Охота на медведя в Сибири. Структура и семантика ритуала // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 5 (30). – С. 361-365.

Мехнецов А.М. Песни русских старожилов Западной Сибири // Народные песни Томского Приобья. Вып. 1. – М.: Родник, 2000. – 256 с.

Мужниэк Я.Я. Заговоры немедицинские и медицинские // Ангарский сборник: этнографические материалы по культуре, быту Приангарья начала XX века из фондов Красноярского краевого краеведческого музея. – Красноярск: б. и., 2020. – С. 644-652.

Мукомольный промысел (на основе устных рассказов русских старожилов Байкальской Сибири, опубликованных в

многотомном «Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири» (тома 1-23)). – URL: https://sibfolk.ru/?p=2236 (дата обращения: 19.03.2026)

Мухамедшина Л.А. Традиция протяжных песен на Ангаре // Фольклор: песенное наследие. – М.: Наука, 1991. – С. 146-155.

Нефедьева А.К., Тихонов В.В. Московский тракт. – Иркутск: Оттиск, 2023. – 223 с.

Новосёлова Н.А. Не кукушечка кукует: русские народные песни Приангарья. – Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 1989. – 120 с.

Новосёлова Н.А. Локальное проявление песенной традиции в Приангарье // Художественная культура Красноярья. – Красноярск, 1992. – С. 47-62.

Новосёлова Н.А. Песни старой Кежмы: фольклорные экспедиционные материалы. – Красноярск: ГЦНТ, 2015. – 233 с.

Новоселова Н.А. Мифологическая проза славянского населения Красноярского края. Т. 2: Рассказы о духах природы, нечистой силе, кладах, предсказаниях. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2017. – 244 с.

Опасные Ангарские пороги. – URL.: https://www.plotina.net/angarskie-porogi/ (дата обращения 28.03.2026).

Оперативная информация по надоям и реализации молока на 02/03/2026 – URL: https://mcx.gov.ru/moloko/index.php (дата обращения: 04.03.2026).

Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. Гражданское зодчество. – М.: Искусство, 1983. – 289 с.

Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Земля Иркутская, деревянная… – М.: Ополо, 2004. – 535 с.

Павлов А.А. Братский острог в XVII в. (из истории трех крепостей) // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». – 2015. – Вып. 6. – С. 29-35.

Первухина Е. Праздник Ангарского пирога // Советское Приангарье. – 2021. – 24 сентября – URL: https://pozdraver.com/prazdnik-angarskogo-piroga/ (дата обращения: 20.10.2025)

Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1885. – 198 с.

Подскочина Е.Ю. Полевой дневник экспедиции в Кежемский, Богучанский, Тайшетский и Чунский районы в 1985 г. // БГОМ. Ф. 38. Оп. 1.

Распопина А.А. Сибирские транспортные коммуникации во второй половине XIX века: геополитическая экономия // Историко-экономические исследования. – Иркутск: Изд-во Байкал. гос. ут-та, 2022. – С. 356-388.

Распутин В. Прощание с Матёрой // Наш современник. – 1976. – № 10. – С. 3-71.

Распутин В. Прощание с Матёрой // Наш современник. – 1976. – № 11. – С. 17-64.

Розенбаум С.П., Арефьев В.С. Свадьба в ангарской деревне: материалы по этнографии Енисейской губернии. – Иркутск: Типография П.И. Макушина, 1900. – 39 с.

Рукосуев Н.З. Краткий словарь речи старожилов Приангарья. – Иркутск, 2014. – 372 с.

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1991. – 498 с.

Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья: конец XIX-XX вв. – Л.: Наука, 1967. – 280 с.

Сабурова Л.М. Русское население Приангарья // Быт и искусство населения Восточной Сибири. Ч. 1: Приангарье. Новосибирск: Наука, 1971. – С. 28-71.

Сабурова Л.М. Одежда русского населения Сибири // Из культурного наследия народов России. – Л.: Наука, 1972. – С. 99-139.

Савельев А.А. Техника в деревне Яркиной на Чадобце, Пинчугской волости // Ангарский сборник: этнографические материалы по культуре, быту Приангарья начала XX века из фондов Красноярского краевого краеведческого музея. – Красноярск: б. и., 2020. – С. 359-364.

Савельев А.А. Ангарский побыт // Ангарский побыт. Книга I: этнографические материалы по этнографии, культуре, быту

Приангарья конца XIX – начала XX века. – Красноярск: б. и., 2021. – С. 243-262.

Савельев А.А. Приметы, собранные в Пинчугской волости Приангарского края // Ангарский побыт. Книга I: этнографические материалы по этнографии, культуре, быту Приангарья конца XIX – начала XX века. – Красноярск: б. и., 2021. – С. 262-276.

Савельев А.А. Праздники в деревне Яркиной // Ангарский побыт. Книга I: этнографические материалы по этнографии, культуре, быту Приангарья конца XIX – начала XX века. – Красноярск: б. и., 2021. – С. 285-306.

Савельев А.А. Приметы // Ангарский побыт. Книга II: этнографические материалы по этнографии, культуре, быту Приангарья конца XIX – начала XX века. – Красноярск: б. и., 2022. – С. 166-171.

Савельев А.А. Сведения об охоте и звероловстве деревни Яркиной Пинчугской волости на Ангаре // Ангарский побыт. Книга II: этнографические материалы по этнографии, культуре, быту Приангарья конца XIX – начала XX века. – Красноярск: б. и., 2022. – С. 205-209.

Савельев А.А. Пища населения Приангарья // Ангарский побыт. Книга II: этнографические материалы по этнографии, культуре, быту Приангарья конца XIX – начала XX века. – Красноярск: б. и., 2022. – С. 172-178.

Савельев А.А. Техника Приангарья. Промыслы и орудия производства // Ангарский побыт. Книга II: этнографические материалы по этнографии, культуре, быту Приангарья конца XIX – начала XX века. – Красноярск: б. и., 2022. – С. 17 -186.

Савельев А.А. Божественские наговоры в Приангарском крае // Ангарский побыт. Книга II: этнографические материалы по этнографии, культуре, быту Приангарья конца XIX – начала XX века. – Красноярск: б. и., 2022. – С. 253-319.

Семенов Ю.И. Торопиться с заупокойной молитвой по этносу вряд ли стоит (об основных идеях книги В. А. Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии») // Философия и общество. – 2006. – № 2 (43). – С. 94-106.

Сергеев П. Роль лешего в жизни среднеангарских крестьян // Ангарский сборник: этнографические материалы по культуре, быту Приангарья начала XX века из фондов Красноярского краевого краеведческого музея. – Красноярск: б. и., 2020. – С. 733 - 756.

Скорняков Н.В. Приангарский край в этнографическом отношении // Ангарский побыт. Книга I: этнографические материалы по этнографии, культуре, быту Приангарья конца XIX – начала XX века. – Красноярск: б. и., 2021. – С. 25-77.

Словцов П.А. Письма из Сибири 1826 года. – М.: Типография С. Селивановского, 1828. – 112 с.

Смирнов Е.С. Структура и содержание макроконцепта «ангарцы» (на материале устных рассказов жителей Северного Приангарья) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 2-2 (80). – С. 371-374.

Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1921. – 297 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер-ерепениться. – Л.: Наука, 1972. – 369 с.

Согомонян А.С. Исследования проблем этничности в рамках конструктивистского подхода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2023. – Вып. 1. – С. 113-119.

Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. – 1882. – Т. X. – Вып. 1. – С. 30-193.

Тагызов А. Ю. Развитие сельского хозяйства Приангарья в XVII – середине XIX века // Научные исследования студентов в решении актуальных проблем АПК. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. аграрного ун-та, 2023. – С. 390-394.

Тишков В.А. Реквием по этносу: исследование по социально-культурной антропологии. – Москва: Наука, 2003. – 542 с.

Традиционная одежда русских старожилов и коренных народов Прибайкалья: этнографическая реконструкция: метод. пособие-каталог. – Иркутск: Аспринт, 2025. – 108 с.

Фёдоров Р.Ю., Глушенко М.А. Особенности этнокультурной идентичности у крестьян-переселенцев Братского района Иркутской области // Музей в культурном пространстве молодых индустриальных городов. – Братск: Полиграф, 2019. – С. 78-81.

Фёдоров Н.С. Дополнительный отчёт о поездке на Ангару // Ангарский сборник. Книга 2: Материалы по этнографии и истории Приангарья. – Красноярск: б.и., 2023. – С. 53-60.

Фельде О.В. Ангарский нарратив как объект исследования // Вестник ТГПУ. – 2014. – № 10. – С. 189-191.

Фурсова Е.Ф. Народное художественное творчество крестьян Западной Сибири: северорусские и уральские традиции в орнаментации прялок // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 3 (51). – С. 104-108.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири (конец XIX – первая треть XX века). – Новосибирск: Изд-во ин-та археол. и этног., 2015. – 296 с.

Фурсова Е.Ф. Виды теплой одежды русских старожилов Сибири в конце XIX – начале XX века // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – № 1. – С. 137-146.

Фурсова Е.Ф. Презентативные функции традиционной одежды: к вопросу об этнокультурной идентичности русско-сибирских «чалдонов» // Сибирские исторические исследования. – 2023. – № 3. – С. 57-76.

Фурсова Е.Ф. Кафтаны и зипуны у русских Сибири в XVII – начале XX века: к проблеме классификации и эволюции // Культура русских в археологических исследованиях. Т.1. – Братск, Омск: Наука, 2024. – С. 208-216.

Царев В.В., Царев В.И. Описания крестьянских домов Нижнего Приангарья исследователями в XIX – начале XX века // Баландинские чтения. Т. X. Ч. 2. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2015. – С. 64-70.

Царёв В.В. Особенности формирования сети русских селений Нижнего Приангарья в XVII-XIX веках // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2016. – № 6 (59). – С. 44-55.

Целищева С. В. Технология ткачества сеток из конского волоса // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России. Том 1. – Братск; Омск: Изд. дом «Наука», 2024. – С. 316-321.

Цомакион Н.А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. – Красноярск: б. и., 1960. – 322 с.

Чеканинский И.А. Свадебный материал Ангарского района // Ангарская свадьба в начале XX века. – Красноярск: б. и., 2022. – С. 41-60.

Черных П.Я. Русские говоры Илимского края // Известия Восточно-Сибирского Государственного Русского Географического общества. Т. LIII. – Иркутск: Власть труда, 1928. – 147 с.

Шенников А.А. О русских крестьянских усадьбах XVI века. Известия этнографического общества, отделение этнографии. Вып. 2. – Л.: б. и., – 1966. – 25 с.

Шенников А.А. История строительной культуры русских крестьян (Европейская Россия, XI – начало XX вв.). – СПб: Продюсерский центр «Культура и коммуникация», 2004. – 152 с.

Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. I. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века – Иркутск: ОГИЗ, 1949. – 597 с.

Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX века. Крестьянская одежда русского населения Сибири. – М: Наука, 1981. – 270 с.

Яковлев А.Я. Ангарский каскад. – М.: Стройиздат, 1975. – 327 с.

Balanovsky, O., Rootsi, S., Pshenichnov, A., Kivisild, T., Churnosov, M., Evseeva, I. et al. (2008). Two Sources of the Russian Patrilineal Heritage in Their Eurasian Context / American Journal of Human Genetics. – Vol. 82. – P. 236-250.

Научный Архив Института этнологии и антропологии Российской академии наук (**НА ИЭА РАН**). Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 1240, 1242, 1243, 1245, 1247, 1253, 1262.

Научный архив Музея антропологии и этнографии Российской академии наук (**НА МАЭ РАН**). Ф. 37. Оп. 2. Ед. хр. 426-429, 473.

Сведения об авторах

Агапитова Марина Львовна. Младший научный сотрудник Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары.

angder38@yandex.ru

Белоусов Михаил Юрьевич. Старший научный сотрудник Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары.

angder38@yandex.ru

Глушенко Максим Александрович. Кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий Архитектурно-этнографическим музеем «Ангарская деревня им. О. Леонова» Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары.

gromov_1@mail.ru

Горев Игорь Николаевич. Руководитель фольклорного ансамбля «Живая ста́рина»

igor_gorev@list.ru

Горшков Егор Олегович. Старший научный сотрудник Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары.

angder38@yandex.ru

Ендовицкий Александр Сергеевич. Научный сотрудник Мемориального комплекса В.П. Астафьева Красноярского краевого краеведческого музея.

endovitsky.alex@yandex.ru

Овраменко Полина Наумовна. Младший научный сотрудник Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары.

angder38@yandex.ru

Фельде Ольга Викторовна. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета.

feldeo@list.ru

Целищева Софья Вячеславовна. Старший научный сотрудник Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары.

angder38@yandex.ru

Оглавление

Дорогие читатели! 3

Введение 11

Глава 1. Ангарцы как этнокультурная общность 22

1.1. Общая характеристика русских старожилов Ангары 22

1.2. Ангарцы с точки зрения этнологии и теории этноса 35

Глава 2. Материальная культура 43

2.1. Особенности архитектуры 43

2.2. Строительный технологии 112

2.3. Крестьянская роспись 148

2.4. Одежда 171

2.5. Ткачество 216

2.6. Кухня 234

2.7. Водный транспорт 253

2.8. Гужевой транспорт 276

2.9. Смолокурение 287

2.10. Витьё верёвок 291

2.11. Выделка кожи и меха 296

2.12. Хозяйственная утварь 301

Глава 3. Сельское хозяйство и промысловая деятельность 308

3.1. Земледелие 308

3.2. Огородничество 322

3.3. Животноводство 325

3.4. Рыболовство 337

3.5. Охота 363
Глава 4. Духовная культура 394
4.1. Праздничный календарь 394
4.2. Обряды и суеверия 418
Глава 5. Семья и семейный быт 437
5.1. Ангарская свадьба 437
5.2. Семья и воспитание 447
5.3. Народные игры 464
5.4. Народно-бытовая медицина 475
Глава 6. Русские ангарские говоры 483
Глава 7. Фольклор 520
7.1. Сказка «Иван Кобыльников сын» 520
7.2. Традиция старожильческих протяжных песен 533
Заключение 551
Список литературы 555
Сведения об авторах 572

МБУК «БРАТСКИЙ ГОРОДСКОЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ АНГАРЫ»

АНГАРЦЫ

Отпечатано в ООО «Репроцентр +» с готовых оригинал-макетов.
Формат 64х90/16. Бумага мелованная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано: ООО «Репроцентр +»,
г. Иркутск, ул. Сергеева, 3/1,
Тел. 54-09-40. E-mail: 540940a1@mail.ru

Карта-схема р. Ангары с обозначением упоминаемых географических объектов